

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МИРЭА – РОССИЙСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

САУДАХАНОВ Марат Вильданович

**ЧЕЛОВЕК В СОЦИАЛЬНОМ И
ЭКОНОМИЧЕСКОМ СТРОЕ РОССИИ:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор,
Борис Сафарович ЭБЗЕЕВ

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	46
1.1. Основы конституционного строя России: понятие, нормативное содержание, гарантии стабильности.....	46
1.2. Системные характеристики экономической составляющей конституционного строя России.....	78
1.3. Виды собственности в России: природа и социальное назначение.....	109
1.4. Эволюция права частной собственности: сравнительное исследование.....	134
1.5. Частная собственность в экономической основе конституционного строя России: доктрина Конституционного Суда.....	158
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	175
2.1. Конституционная модель социального государства в России: доктринальное содержание и трансформация принципа (на основе реформы 2020 г.)	175
2.2. Социальное государство в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: выявление содержания и вектор развития.....	194
2.3. Индивидуальные и коллективные начала социального государства.....	210
2.4. Экономические, социальные и культурные права и свободы человека и гражданина и социальное государство.....	243
2.5. Российская Федерация – социальное правовое государство: взаимодействие принципов.....	276
ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА.....	304
3.1. Возникновение и развитие социально-экономических прав	

человека и гражданина в разных государствах.....	304
3.2. Понятие, природа и классификация социально-экономических, социальных и культурных прав и свобод человека и гражданина	322
3.3. Конституционное право частной собственности в системе экономических, социальных и культурных прав.....	354
3.4. Конституционно-правовые механизмы защиты права собственности в условиях формирующейся технократической модели государственности: вызовы и стратегические императивы для Российской Федерации	380
ГЛАВА 4. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	
4.1. Конституционные обязанности человека и гражданина в сфере экономики как система.....	427
4.2. Вопросы совершенствования системы и структуры налогообложения в условиях конституционного реформирования российского законодательства.....	446
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	459
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	465
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1	525
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2	547

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена, прежде всего отсутствием комплексных научных разработок и исследований о положении человека в социально-экономическом строе России, а также конституционным закреплением в 2020 году обновлённой модели социального государства и солидарных отношений человека, общества и государства, основанных на синтезе норм права, нравственности и религии.

Конституционная реформа 2020 года, отличающаяся значительным объемом изменений, оказывает преобразующее воздействие на траекторию модернизации социально-экономической системы. Актуальной исследовательской задачей становится анализ ценностно-нормативного восприятия обновленной модели социального государства, определения в ней конструктивной роли индивида, а также проблем эффективного конституционного закрепления данных принципов в условиях актуализации внешних и внутренних рисков. Это обуславливает необходимость комплексного изучения и разработки научно обоснованных мер, нацеленных на создание эффективных правовых и институциональных механизмов для достижения устойчивого развития национальной экономики, повышения уровня жизни граждан, укрепления экономического суверенитета и обеспечения конкурентоспособности страны.

Особую значимость в данном контексте приобретает включенная в текст Основного Закона статья 75.1. Ее предписания определяют в качестве конституционного императива формирование институциональных основ долгосрочного экономического прогресса и социального благополучия, а также построение отношений публичного доверия в триаде «государство – общество – человек». Реализация данной установки сопряжена с обеспечением баланса конституционных прав и обязанностей индивида, совершенствованием механизмов социального партнерства и укреплением вертикально-горизонтальной

солидарности в экономической, политической и социальной сферах общественной жизни¹.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года, акцентируя фундаментальную роль личного участия человека в экономической, социальной и производственной жизни страны, обозначил ключевые векторы государственной политики. Была подчеркнута необходимость дальнейшей институционализации специализированных отраслевых центров компетенций, функцией которых является систематизация и последующая диссеминация наиболее эффективных моделей ресурсосберегающего и экологически ответственного производства в социальной и экономической сферах.

В качестве стратегической цели установлено, что к 2030 году проектами, направленными на оптимизацию производственных процессов и рост производительности труда, должно быть охвачено не менее 40% средних и крупных предприятий базовых и сырьевых отраслей, а также все учреждения социального сектора. Данная инициатива была охарактеризована как масштабная и комплексная задача, имеющая критическое значение для национального развития².

Одним из факторов, свидетельствующих об актуальности избранной темы, является активная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, который за весь период своей деятельности рассмотрел более 3420 дел, касавшихся тех или иных спорных вопросов, связанных с деятельностью социального государства. Причем интенсивность обращений по данному вопросу в Конституционный Суд РФ не ослабла и после 2020 года. Только за неполный 2025 год Суд рассмотрел по данному вопросу 122 дела³. При этом, как отмечает председатель Конституционного Суда России В.Д. Зорькин, тенденцией

¹ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; 2020. № 11. Ст. 1416.

² <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

³ Подсчитано по: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.11.2025).

последних лет является всё возрастающее качество и сложность подобных обращений, что обуславливает более интенсивную работу Суда.⁴

Такое количество обращений в российский Конституционный Суд вызвано не только сложностью и масштабами рассматриваемого вопроса, но и отсутствием комплексного подхода к законодательному регулированию в указанной сфере. Это противоречит принципу социальной солидарности государства, общества и человека, закреплённому в Конституции в 2020 году. Кроме того, интенсивность изменения законодательства создаёт неопределённость в правоприменительной деятельности, что, с одной стороны, затрудняет практику, но с другой – стимулирует научный интерес к данной проблематике. Например, принятый в 2001 г. Федеральный закон № 166-ФЗ "О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации" за 24 года своего действия 51 раз подвергался изменениям, т.е. чаще чем 2 раза в год⁵.

Деятельность социального государства, его признаки являются также объектом активного научного осмысления теоретиками права, учеными конституционного права и других отраслевых юридических наук.

Вместе с тем, динамично изменяющиеся общественные отношения в стране и в мире (в т.ч. в условиях цифровизации, информатизации, повсеместного внедрения систем искусственного интеллекта и др.), их правовое регулирование, существенное изменение архитектуры миропорядка, появление новых подобных правовых явлений настоятельно требуют не только доктринального осмысления, но и концептуальной выработки общих подходов и определения тенденций развития современной российской государственности, институтов гражданского общества и человека.

Выступая на заседании Государственного Совета 25 декабря 2025 года, Президент России В.В. Путин указал⁶, что до 2040 года произойдет прорывное развитие технологий в сфере искусственного интеллекта, которое по своим

⁴ URL:<https://www.kommersant.ru/doc/8340701> (дата обращения: 14.01.2026)

⁵ СЗ РФ. 2001. N 51. Ст. 4831. (дата обращения: 10.09.2025).

⁶ URL:<http://www.kremlin.ru/events/state-council/78860> (дата обращения: 25.12.2025).

масштабам превзойдет достижения, связанные с освоением космического пространства. Глава государства также отметил, что такие технологии вытеснят человека из множества сфер деятельности, в т.ч. числе творческих и интеллектуальных. В этой связи особенно актуальной становится необходимость выработки опережающих действенных конституционно-правовых, институциональных и социально-экономических механизмов, направленных на обеспечение незыблемости правового статуса человека, на защиту человека от технократической и технологической редукции, на недопущение функционального замещения человека в тех сферах бытийности, где искусственная его подмена принесет вред общественным интересам, а значит и государству. В противном случае человек рискует потерять свое центральное, интегративное место в государственно-общественном устройстве России и принять на себя роль инструментального средства для достижения системных целей, основанных на принципах эффективности и оптимизации процессов, что в свою очередь, нарушит один из фундаментальных принципов отечественного конституционализма, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Здесь также уместно обратиться к актуальным статистическим данным, согласно которым в 2025 году 24,6% от всех обращений в Конституционный Суд были посвящены конституционному статусу личности, что подтверждает злободневность вопросов, рассмотренных в рамках настоящего исследования⁷.

Следовательно, обозначенные выше факторы, оказывающие формирующее воздействие на правовые отношения в рамках рассматриваемой проблематики, объективно свидетельствуют о её высокой научно-практической актуальности в области конституционно-правового регулирования.

Институциональная конструкция «социальный и экономический строй России», обладающая аксиологическим статусом в системе ценностей отечественного конституционализма, в контексте её последовательной

⁷ URL:<https://www.kommersant.ru/doc/8340701> (дата обращения: 14.01.2026)

нормативной имплементации, не может быть реализована вне субъектно-деятельностного участия человека. Её эффективное воплощение детерминировано необходимостью постоянного совершенствования системы гарантий и судебной защиты основных социально-экономических прав граждан, а также дальнейшей эволюции института экономической свободы личности в правовом поле Российской Федерации.

Степень научной разработанности темы исследования. Учитывая полисемантическую и междисциплинарную многогранность конструкции «социальный и экономический строй России», обладающей статусом фундаментальной социальной ценности, в рамках настоящего исследования проведен анализ теоретических подходов к данному феномену. Исследованы концептуальные позиции, сформулированные в философской, социологической и правовой доктрине, в их историко-правовой ретроспективе. Особое внимание уделено корреляции данного правового и социального феномена с категорией экономической свободы человека, а также её ключевыми структурными элементами – свободой предпринимательства, свободой труда и правом частной собственности, как они концептуализированы в доктринальном наследии отечественной научной мысли. В данном аспекте диссертант обращался к трудам следующих отечественных мыслителей прошлого: Н.Н. Алексеева, И.А. Ильина, М.Н. Каткова, В.И. Ленина, П.И. Новгородцева, Б.Н. Чичерина а также зарубежных мыслителей и ученых: Аристотеля, Г. Бермана, Т. Гоббса, Э. Дюркгейма, Л. Дюги, И. Канта, Дж. Локка, Платона.

Методологической основой концепции настоящего исследования послужили научные труды ведущих представителей современной российской доктрины конституционного права: С.А. Авакьяна, А.С. Автономова, К.В. Арановского, С.Н. Бабурина, М.В. Баглая, Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, В.Д. Зорькина, А.А. Клишаса, Е.И. Козловой, В.В. Комаровой, Г.Н. Комковой, И.А. Кравеца, О.Е. Кутафина, С.В. Нарутто, А.М. Осавелюка, А.Н.

Савенкова, Т.Я. Хабриевой, Н.М. Чепурновой, В.Е. Чиркина, Б.С. Эбзеева и других.

В рамках диссертационного исследования использованы работы М.В. Баглая, А.В. Безрукова, Н.С. Бондаря, Т.А. Васильевой, Н.В. Витрука, В.Д. Зорькина, С.В. Калашникова, А.А. Клишаса, О.Е. Кутафина, Е.А. Лукашевой, Н.И. Матузова, В.С. Нерсисянца, Е.М. Примакова, Н.М. Чепурновой, В.Е. Чиркина, Л.Т. Чихладзе, Л.М. Энтина и др.

Различные аспекты конституционно-правового регулирования прав и свобод личности в Российской Федерации рассмотрены в диссертационных исследованиях М.Ю. Авдеева, В.Н. Благодарной, М.А. Грачевой, С.А. Коняева, В.Я. Марченко, Д.З. Поливановой, Н.С. Полторацкой, С.В. Солгалова.

Концептуальное осмысление ключевых дефиниций данного исследования детерминировано необходимостью опоры на базовые теоретические конструкции, выработанные в рамках общей теории государства и права. В качестве теоретической основы диссертационного исследования использованы труды дореволюционных ученых Б. Н. Чичерина, Г. Ф. Шершеневича, высказывания В. И. Ленина иностранных исследователей Р. Алекси, Т. Ансай, Г. Гроция, Ф. Дессемонтета, Д. Истона, Дж. Олдера, Г. Радбруха, Д. Хелда. А также советских и современных теоретиков права и государства: В.М. Баранова, С.А. Белоусова, А.М. Васильева, Н.А. Власенко, А.А. Воротникова, В.В. Ершова, А.И. Клименко, В.В. Лазарева, В.П. Малахова, А.В. Малько, Г.В. Мальцева, Н.И. Матузова, М.С. Строговича, Н.Н. Черногора, К.В. Шундикова и других.

Методологическую основу нормативно-правового анализа этой категории в аспекте её аксиологической значимости для российского конституционализма составили теоретико-правовые концепты, разработанные в отечественной юридической доктрине: И.А. Алебастровой, Г.Н. Андреевой, А.А. Джагаряна, В.О. Лучиным, Т.М. Пряхиной, А.Н. Савенкова, А.А. Саурина, Н.Е. Таевой, И.А. Умновой, Г.Н. Чеботарева, В.И. Червонюка.

Выявление специфических характеристик рассматриваемой проблемы в рамках оценки эффективности конституционно-правовой политики, направленной на гарантирование экономической свободы личности, обусловлено применением методологии, разработанной в научных трудах: П.А. Астафичева, Е.С. Аничкина, В.А. Виноградова, В.В. Еремяна, А.С. Кршеля, И.В. Левакина, А.В. Малько, Н.И. Матузова, М.А. Мартюшова.

Исследование специфических аспектов конституционализации указанного строя и связанной с ним экономической свободы личности опирается на межотраслевой методологический подход. Методологический фундамент данного этапа исследования обеспечили доктринальные положения ключевых отраслевых юридических наук: административного, гражданского, информационного, предпринимательского, трудового и финансового права, разработанные в трудах отечественных правоведов, таких как: А.Б. Зеленцов, Н.Н. Ковалева, А.Н. Козырин, А.В. Колесников, В.М. Коншаков, В.А. Лаптев, Е.В. Муратова, Л.А. Новоселова, О.В. Новосельцев, К.А. Писенко, Е.В. Покачалова, М.М. Прошунин, М.А. Рожкова, А.Ю. Соколов, В.П. Уманская, Е.Е. Фролова, Л.Т. Чихладзе, О.А. Ястребов и другие.

Анализ степени научной разработанности проблематики позволяет констатировать, что роль человека в социальном и экономическом строе России как самостоятельный объект исследования не получила в доктрине конституционного права системного освещения. Проблемное поле современной научной доктрины концентрируется преимущественно на осмыслении конституционной модели экономического строя, феномена «конституционной экономики», системы экономических прав и гарантий, а также на анализе отдельных компонентов экономической свободы – права на предпринимательскую деятельность, принципа свободы предпринимательства и института собственности.

Однако в современной правовой науке остается дискуссионным и недостаточно исследованным вопрос о социально-экономическом строе как

интегративной конституционной ценности, что предполагает комплексный анализ роли человека в его формировании, а также проблем его конституционно-правовой институционализации и нормативного обеспечения. Недостаточная научная проработка данного комплекса вопросов детерминирует теоретическую и практическую актуальность, а также научную новизну настоящего исследования, направленного на заполнение данной лакуны.

В контексте рассмотрения экономической основы в качестве структурной подсистемы более широкого нормативного комплекса – основ конституционного строя Российской Федерации, необходимо сослаться на позицию ведущих отечественных специалистов в области конституционного права Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина⁸. В их трактовке совокупность рассматриваемых институтов составляет первооснову правопорядка, где «основы конституционного строя» интерпретируются как структурные основы государства и его ключевые принципы, обуславливающие правовую сущность Российской Федерации как конституционного государства⁹.

При этом в рамках отечественной конституционно-правовой доктрины сохраняется недостаточная теоретическая разработанность ряда ключевых аспектов. В особенности актуальной является разработка специального теоретико-правового инструментария, позволяющего осуществить комплексный анализ проблем взаимодействия экономических основ и основ конституционного строя России. Необходимость системного решения этой научной проблемы предопределила научный замысел диссертации, сформировав её целевой ориентир и конкретные исследовательские задачи.

1. Цели и задачи исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является разработка концепции конституционно-правового механизма развития социальной солидарности в социальном и экономическом строе России, где центральное место занимает человек, т.е. механизма, нацеленного на достижение гармонии и оптимального баланса между

⁸ См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. 5-е изд. перераб. и доп. – М., 2015. С. 146–149.

⁹ Там же. С. 99.

коллективными и индивидуальными началами социального государства, между интересами человека и общества, гражданина и государства.

Для реализации указанной цели в рамках исследования были определены и последовательно решены следующие научные задачи:

- разработка конституционно-правовой теории основ экономического и социального строя России и выработка направлений оптимизации их правового регулирования в контексте конституционных преобразований 2020 года;

- выявление конституционно-правовой сущности, содержания и юридической природы основ социально-экономического строя, исследование исторических этапов, институциональных механизмов, детерминант и перспективных векторов их развития.

- формирование системы теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на обогащение доктрины конституционного права и оптимизацию действующего российского законодательства.

- концептуализация понятия основ социального и экономического строя, дефинирование его нормативного содержания и разработка системы гарантий их стабильности в рамках основ конституционного строя России.

- разработка многоуровневой системы правовых, институциональных и социально-экономических механизмов и гарантий, направленных на защиту человека от технократической редукции во всех сферах отношений, где применяется искусственный интеллект, и существует угроза подобной редукции;

- выявление системных характеристик социально-экономической составляющей конституционного строя России;

- определение природы и социального назначения видов собственности в России и зарубежных государствах;

- выявление содержания и вектора развития социального государства в решениях Конституционного Суда РФ; исследование его доктрины о роли частной собственности в экономической основе конституционного строя России;

- выявление содержания социального государства в Конституции России, а также демонстрация развития принципа социального государства конституционной реформой 2020 г.;

- проведение нормативно-функционального анализа конституционных прав в социально-экономической и культурной сферах и установление характера диалектики между индивидуальным и коллективным измерениями в рамках реализации модели социального государства;

- выявление механизмов и правовой природы взаимодействия, взаимодополнения и конкуренции между принципами правового и социального государства в конституционном строе России;

- систематизация и теоретическое осмысление исторических и доктринальных особенностей генезиса социально-экономических прав в сравнительно-правовой перспективе;

- доктринальное осмысление правовой природы и формирование методологии сравнительно-правовой типологизации группы социально-экономических, социальных и культурных прав и свобод человека;

- выявление особенностей генезиса и трансформации конституционного права частной собственности в его взаимосвязи с эволюцией экономических, социальных и культурных прав;

- формулирование прогностических оценок и выявление проблем правоприменительной практики в сфере реализации конституционных обязанностей, возникающих из экономических отношений;

- характеристика конституционных обязанностей человека и гражданина в экономической сфере как целостного нормативного комплекса, направленного на укрепление социальной солидарности;

- разработка научно обоснованных предложений по оптимизации системы и структуры налогообложения в контексте конституционной модернизации российского законодательства;

Объектом исследования является комплекс общественных отношений, опосредующих конституционно-правовое закрепление и развитие социальной солидарности в контексте эволюции социального и экономического строя РФ.

Предмет исследования составляют теоретико-правовые концепции социального и экономического строя как конституционной ценности; аксиологические и нормативные характеристики его компонентов (принципов, базовых экономических прав); корреспондирующий массив конституционно-правовых норм, обеспечивающих их реализацию и защиту.

Теоретическую основу исследования образует комплекс доктринальных источников – фундаментальных и прикладных научных трудов (монографий, диссертационных исследований, статей) российских и зарубежных правоведов в сферах конституционного права, философии права, истории государства и права, а также цивилистики, административного, налогового и международного публичного права.

Нормативно-правовая база исследования включает иерархию нормативных источников различной юридической силы. К ним относятся: Конституция России; федеральные конституционные и федеральные законы; подзаконные нормативные правовые акты; правовые позиции Конституционного Суда РФ; ратифицированные Российской Федерацией международные договоры; а также основные законы и ключевые нормативные акты зарубежных государств, регламентирующие экономический порядок и сопряженные с ним правоотношения.

В качестве **эмпирической основы** использованы: судебные акты Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ (в том числе обзоры практики), акты иных судов, официальные документы и статистические данные государственных органов, материалы международных организаций, публикации в средствах массовой информации, программные документы (послания Президента РФ), а также данные негосударственных институтов и зарубежные аналитические публикации.

Методология исследования, определяемая его целью и задачами, основана на сочетании универсальных принципов научного познания и специальных методов изучения социально-правовых явлений. В работе применён многоуровневый методологический комплекс:

1. Общенаучные методы. Диалектический метод позволил исследовать социальный и экономический строй как развивающийся феномен, выявить его внутренние противоречия, структурно-функциональные связи, качественные трансформации и преемственность правового регулирования. Посредством анализа, синтеза, индукции, дедукции и абстрагирования были выявлены сущностные характеристики социально-экономических прав как конституционной ценности, изучены формы их воплощения в элементах строя и основные этапы конституционализации.

2. В качестве частнонаучной методологической основы были применены исторический, социологический и статистический методы, которые обеспечили верификацию теоретических построений эмпирическим материалом. Данные методы были задействованы для анализа действенности государственного регулирования в экономико-правовой области, изучения количественных индикаторов экономического развития и динамики предпринимательской активности, а также для интерпретации позиций Российской Федерации в международных сравнительно-правовых исследованиях, таких как индекс экономической свободы.

3. Специально-юридические методы.

- Историко-правовой метод был применён с целью ретроспективного изучения становления и развития института экономических прав в конституционном праве России.

- Сравнительно-правовой метод был использован в целях сопоставления соответствующих институтов и практик в зарубежных государствах.

- Формально-юридический метод послужил основой для детального анализа нормативных текстов, разработки авторских дефиниций и классификаций,

определения уровней и стадий конституционализации экономических прав человека как системного явления.

Научная новизна диссертационного исследования. Исследование обладает новизной в силу обращения к ранее не становившейся предметом комплексного конституционно-правового анализа проблематике: месту и роли человека, а также многоаспектным формам их проявления в структурных элементах социального и экономического строя Российской Федерации. Результатом комплексного исследования, интегрирующего доктринальные, нормативно-правовые и фактические данные, является решение актуальной и крупной научной проблемы, что составляет весомый вклад в модернизацию отечественной конституционно-правовой доктрины применительно к обновленному конституционному порядку.

Впервые разработана и обоснована концепция социального и экономического строя как целостной конституционной ценности, структурным элементом которой выступает экономическая свобода личности. Концепция сформирована на основе:

- проведения междисциплинарного историко-философского и экономико-правового анализа генезиса исследуемой категории;
- выявления имманентных закономерностей её правогенеза и юридической трансформации;
- определения её положения в иерархии и аксиологической системе отечественного конституционализма;
- установления соотношения, взаимовлияния и субординации с принципом свободы экономической деятельности и иными экономическими основами конституционного строя.

Диссертантом предложен ряд новых и уточненных дефиниций: «социальный и экономический строй», «свобода экономической деятельности как конституционная ценность», «конституционализация экономических прав и

свобод», «конституционно-правовая политика в сфере обеспечения социальной солидарности и развития экономической свободы личности» и др.

Осуществлена детализация структуры и аксиологическая дифференциация содержания смежных конституционных ценностей. Разработана и формализована система их сущностных (качественных) и содержательных (нормативных) признаков. Построена и обоснована оригинальная теоретическая модель процесса конституционализации ценности «социальный и экономический строй», в рамках которой проанализированы ее генезис, стадии и формы эволюции, а также выявлены проблемные аспекты, системные закономерности и современные тенденции формирования соответствующей конституционно-правовой политики.

Результатом исследования стали новые теоретические положения, а также система конкретных практических выводов и рекомендаций, нацеленных на совершенствование действующего российского законодательства и определение стратегических векторов его развития в контексте правополитического проектирования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обоснован вывод о том, что после включения по инициативе Президента РФ В.В. Путина в 2020 году поправки в Конституцию России не только значительно расширился особый правовой статус человека, но и в самом Основном Законе страны существенно изменилась его главная задача, которая состоит в синтезе и оптимальном сочетании социальной солидарности и балансе сил государства и свободного гражданского общества с одной стороны, и свободы человека – с другой стороны.

В рамках указанных конституционных новелл, в центре урегулированных ими социальных отношений в указанных сферах, и одновременно связующим звеном, а также активным участником (субъектом) находится человек, выступающий в разных диалектически взаимосвязанных ипостасях: активного участника и связующего звена в отношениях с государством, институтами публичной власти, другими индивидами, членами трудовых коллективов,

различных политических, социально-экономических, социально-культурных и других институтов гражданского общества, которые по-разному, в разных объемах и в разных формах проявляют себя в каждой из указанных сфер.

Гармонизация указанных социальных отношений, обладающих разнородным правовым режимом, обуславливает необходимость разработки доктринально обоснованных решений, правовых и институциональных механизмов. Их эффективная имплементация в условиях современных вызовов невозможна без учета системного и осмысленного внедрения инструментов цифровизации, искусственного интеллекта (далее – ИИ) и иных алгоритмизированных алгоритмов.

В результате исследования доказано, что рассматриваемая новаторская конституционно-правовая конструкция, получившая в 2020 году закрепление в Конституции Российской Федерации, представляет собой динамичную и развивающуюся систему. Её нормативное бытие реализуется через многоуровневую и взаимосвязанную архитектуру, включающую: генетическое ядро в виде фундаментальных конституционных принципов (социального государства, признания и равной защиты различных форм собственности, единства экономического пространства, свободы конкуренции); конкретизирующий уровень принципов и норм отраслевого законодательства; имплементационный уровень правоприменительной практики, обеспечивающий её операционализацию и дальнейшую эволюцию.

2. Обосновано, что закрепленные в главе 1 Основного Закона России фундаментальные принципы (правовое государство, социальное государство, человек как высшая ценность и др.) обладают структурно-текстуальной асимметрией. Эта асимметрия выражается в трех ключевых аспектах:

I. *Разный уровень нормативной определенности*: Принципы закреплены с различной степенью конкретизации. Одни даны как декларативно-ценностные установки без детального раскрытия (напр., ст. 2), другие — как нормы-задачи с обозначенным содержанием (напр., ст. 7);

II. *Разная архитектура расположения*: Содержательное наполнение принципа и его название может быть локализовано в одной статье (ст. 7) или рассредоточено по нескольким статьям Конституции, формируя сложные системные связи (ст. 5 и ст. ст. 71–73);

III. *Динамический характер содержания*: Смысл принципов развивается не только через судебное толкование, но и через прямые текстуальные дополнения Основного Закона (поправки 2020 г., ст. 67.1 дополняет ст. 2), что создает «многослойность» их правового понимания.

Данная асимметрия не является техническим недочетом, а отражает дифференцированную природу самих принципов – от верховных аксиологем до институциональных основ. При этом она порождает серьезную проблему правовой определенности и создает вызов для единообразного правоприменения и законодательной конкретизации.

Следовательно, для эффективной реализации конституционных ценностей в модели «социальное государство – общество – человек» необходим не унифицированный, а *дифференцированный правовой механизм*, концепция которого должна включать:

- научно-доктринальное обеспечение, разрабатывающее критерии и методы интерпретации для каждого типа принципов в зависимости от формы их закрепления;
- ключевую роль конституционного правосудия. Конституционный Суд РФ выступает центральным элементом этого механизма, восполняя посредством толкования недостающую нормативную определенность, особенно для лаконичных или рассредоточенных принципов, и обеспечивая их системное единство;
- многоуровневую систему правового воздействия, где текущее законодательство, подзаконные акты и правоприменительная практика согласуются с конституционными принципами через призму их официального

истолкования, избегая как произвольного расширения, так и необоснованного сужения.

Этот механизм должен компенсировать изначальную структурную и текстуальную асимметрию в закреплении этих принципов, обеспечивая их действенность и единство в рамках модели социальной солидарности.

3. Со способом конституционного формулирования конституционных основ тесно связана категория «неизменяемость принципа», которая не является абсолютной и носит диалектический (развивающийся) характер. Эта категория предполагает не абсолютную статику, а динамическое равновесие между двумя взаимосвязанными состояниями:

Статическая (формальная) неизменность – относится к ядерной сути (названию, сердцевине) принципа (например, «социальное государство», «высшая ценность прав человека»). Указанная основа обеспечивает устойчивость и непрерывность конституционного строя, выступая в качестве его ценностно-нормативного ядра, которое служит неизменным ориентиром для законодателя, правоприменителя и, в особенности, для Конституционного Суда России при осуществлении функций судебного конституционного контроля и толкования.

Динамическая (содержательная) изменяемость – относится к конкретному нормативному наполнению и операциональному содержанию принципа. Оно закономерно эволюционирует под влиянием социально-экономических запросов, технологических вызовов (цифровизация, ИИ) и новых этико-правовых концепций. Данная способность к содержательной эволюции позволяет конституционным принципам сохранять нормативную значимость, генерируя обновленные правовые позиции и регулятивные решения при неизменности их буквального текста.

Аргументировано, что в конституционных принципах изначально заложено диалектическое единство стабильности и развития. Чем значительнее социально-экономические преобразования, тем активнее происходит содержательное обновление принципов, а их динамично развивающееся

содержание постепенно «подтягивается» к уровню их обобщающего названия, реализуя в нем заложенную программу развития.

Данная теоретическая модель позволяет объяснить эволюционное толкование Конституционным Судом РФ неизменяемых принципов. Она обосновывает необходимость такого правоприменения и законотворчества, которое, строго соблюдая формальный каркас основ конституционного строя, обеспечивает их содержательную актуализацию в ответ на вызовы современности. Это ключ к обеспечению живой, а не догматической силы Конституции в условиях стремительной трансформации общественных отношений.

4. Обосновано, что конституционное закрепление принципов, составляющих экономическую основу конституционного строя, не совпадает с их социальной значимостью и последовательностью их реализации. Поскольку любая система предполагает устойчивые иерархические связи между элементами, то методологически обоснованным является рассмотрение принципов, закреплённых в статье 8 Конституции РФ, не в порядке их текстуального изложения, а в последовательности, отражающей их функциональную значимость и логику имплементации.

Первичными объектами конституционно-правового анализа должны выступать принципы частной собственности, равенства и равной защиты всех её форм. Их системообразующий статус определяется способностью служить конституционным базисом для организации экономического производства, обеспечения свободы конкуренции и поддержания целостности экономического пространства.

Таким образом, действенность и значимость таких институтов, как свобода конкуренции и единство экономического пространства, носят производный характер и бесполезны без реализации и гарантированности принципов права частной собственности, равенства и равной защиты различных её форм.

5. Показан фазовый переход к новой этапу исторического развития, выраженному в переходе от классической демократической модели устройства государства и общества в сторону технократической (технодемократической) парадигмы. Её системообразующими признаками выступают: а) концентрация властных прерогатив в экспертно-профессиональных группах; б) экспоненциальный рост влияния передовых технологий и систем искусственного интеллекта, чья эффективность потенцирует функциональное замещение человека и, как следствие, редукцию его традиционного правового статуса.

Эволюция самобытной российской цивилизационной парадигмы, основанной на триединой формуле «демократия – верховенство права – права человека», в направлении технодемократической модели сопряжена с рядом конституционно-правовых угроз, включая институциональную деградацию демократических процедур, размывание антропоцентрического смыслового ядра права и утрату собственностью её базового ценностного и критериального значения.

Данный вызов требует не адаптивного, а проактивного (опережающего) конституционного и институционального реагирования. В этом контексте приобретает экзистенциальную важность определение: конституционных принципов организации технодемократического государства; правовых механизмов гарантирования прав человека в новых условиях; функциональной роли принципа социальной солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ) в формирующейся парадигме.

Обоснована необходимость законодательного закрепления принципа «технодемократии», под которым следует понимать, что *«окончательные решения, затрагивающие права и свободы человека и гражданина, не могут приниматься исключительно на основе автоматизированной обработки данных и должны выноситься уполномоченным должностным лицом, несущим персональную ответственность за их законность»*.

Содержание данного принципа может быть раскрыто через следующие императивы:

I. *Принцип «человека в цикле»*: Любое окончательное, обязывающее решение государственного или муниципального органа, ведущее к ограничению, обременению или лишению права собственности (изъятие, обременение сервитутом, отказ в разрешении на строительство, приостановление деятельности), должно выноситься уполномоченным физическим лицом. При этом ИИ в различных своих проявлениях может выполнять вспомогательные функции: готовить аналитическую справку, предлагать варианты решений, оценивать риски, моделировать последствия, но не может выносить окончательный властный вердикт.

II. *Принцип «максимальной объяснимости и оспариваемости»*: Любое решение, подготовленное и вынесенное с использованием технологий ИИ или иных автоматизированных алгоритмов, должно сопровождаться не техническим отчетом, а понятным для среднеобразованного человека мотивированным заключением. В этом заключении должны быть указаны основные факторы, повлиявшие на решение, их «вес» и логическая связь. Это прямо вытекает из конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), так как без понимания мотивов решения его невозможно оспорить.

III. *Принцип персональной ответственности должностного лица*: Должностное лицо, подписавшее решение, основанное на рекомендации, вынесенной с помощью алгоритмов ИИ, несет за него полную дисциплинарную, административную и уголовную ответственность. Оно не вправе ссылаться на «ошибку алгоритма» как на обстоятельство, полностью освобождающее от ответственности. Это сохранит или вернет в систему управления личную ответственность, которая размывается в технократических моделях.

6. Аргументировано, что право частной собственности является центральным элементом всей системы конституционно-правового статуса личности. В целях укрепления незыблемых основ данного права обоснована

необходимость конституционной модернизации понятия «имущество» через закрепление «гибридной природы» собственности, соединяющей его вещную и цифровую составляющие, где цифровая модель объекта и генерируемые им данные признаются производными от права собственности на материальный актив, а их использование третьими лицами, включая государство, требует санкции собственника.

В частности, предлагается на конституционном уровне развить положения ст. 35 Основного Закона Российской Федерации следующей нормой: *«Право частной собственности включает в себя право на данные, генерируемые объектом собственности, и на его цифровое отображение в государственных и иных информационных системах. Использование этих данных против воли собственника допускается только на основании судебного решения или в прямо предусмотренных федеральным законом случаях при условии равноценного возмещения».*

7. Разработана многоуровневая система опережающих правовых, институциональных и социально-экономических¹⁰ механизмов и гарантий, направленных на защиту человека от технократической редукции во всех сферах отношений, где применяется ИИ, и существует угроза подобной редукции. Данная система включает в себя:

1. Конституционно-правовые механизмы

- 1.1 Концепция «правового щита» человека от произвола искусственного интеллекта: фундаментальные права и свободы человека формируют непреодолимый нормативный барьер, обладающий абсолютным приоритетом перед любым решением, выработанным системой искусственного интеллекта, вне зависимости от декларируемой целесообразности, эффективности или объективности такого решения.

Структурное содержание концепции «правового щита» основывается на следующих фундаментальных принципах:

¹⁰ Социально-экономические механизмы подробнее представлены в положении №14, выносимом на защиту.

а) Приоритет человека перед ИИ и иными автоматизированными алгоритмами;

б) Запрет на делегирование властных полномочий ИИ и иным автоматизированным алгоритмам;

в) Презумпция недоверия к ИИ и иным автоматизированным алгоритмам.

Тем самым утверждается приоритет человеческого волеизъявления в цифровую, технократизирующуюся эпоху.

1.2 Право на апелляцию к человеку: Оно гарантирует, что любое значимое решение, принятое ИИ, может быть обжаловано перед независимой человеческой комиссией или судом.

1.3 Право на объяснение человеком: Оно предполагает, что человек имеет право получить понятное, нетехническое объяснение любого автоматизированного решения, затрагивающего его права и интересы.

1.4 Синтез права на цифровое забвение и права на цифровое достоинство: Суть данного механизма состоит в праве человека быть «забытым» в цифровом измерении, в праве на удаление информации о себе, поскольку в контексте растущей технократизации государственные и частные алгоритмы, основанные на исторических данных, формируют непрерывную и самовоспроизводящуюся прогнозную модель личности, это создает систему «цифровой предопределенности». В такой системе прошлые действия и обстоятельства человека детерминируют его будущие возможности – будь то доступ к финансовым услугам (через кредитный скоринг) или социальный капитал (через оценку репутации), – тем самым фундаментально ограничивая конституционный принцип личностного развития и возможность социально-правовой реабилитации. Право на цифровое достоинство, обеспеченное инструментом забвения, становится правовым и этическим корректором для систем ИИ. Оно требует от них не просто обработки данных, а учета динамической природы человеческой личности.

1.5 Запрет дискриминационных систем социального рейтинга: Суть механизма состоит в том, что дискриминационный социальный рейтинг осуществляет неправомерную редукцию правового статуса личности к набору алгоритмически определяемых параметров. Лицо перестает быть субъектом права, обладающим комплексом прав и свобод, и превращается в объект управления, чья ценность определяется цифровым показателем. Данный процесс дискредитирует краеугольный принцип конституционной аксиологии, согласно которому человек и его права обладают верховенством, тем самым подвергая ревизии сами основы правопорядка.

2. Институциональные механизмы.

Институт Омбудсмана по этике ИИ и алгоритмов. Омбудсмен должен взять на себя роль медиатора в трехстороннем конфликте «человек ↔ алгоритм ↔ организация (государственная или частная)», стать своеобразным переводчиком между миром человеческих ценностей, миром формальной логики кода и миром корпоративных или государственных интересов. Его задача – не просто установить нарушение, а восстановить нарушенный диалог и найти решение, которое учитывало бы интересы всех трех сторон.

Ключевые функции омбудсмана:

- а) *Преодоление «эпистемического барьера»;*
- б) *Право на приостановление алгоритма как «право на первую помощь»;*
- в) *Коллективные иски в защиту неопределенного круга лиц.*

Учреждение института омбудсмана произведет положительный социально-политический эффект, выраженный в следующих двух аспектах:

- 1) Восстановление публичного доверия;
- 2) Формирование «живого права» через прецеденты.

8. Обосновано, что основы экономической системы, являясь неотъемлемым компонентом основ конституционного строя Российской Федерации, обладают выраженной спецификой. Их отличия от иных составных частей конституционного строя характеризуются не только уникальным

предметом правового регулирования и особыми механизмами реализации, но и специфической сферой конституционно-правового воздействия. Ключевой особенностью данной сферы является существенная роль институтов гражданского общества, которые выступают активным участником в процессе её нормативного оформления и функционирования.

Участие институтов гражданского общества в указанной сфере проявляется, прежде всего, в обеспечении неуклонного соблюдения норм права и существенном расширении сфер социального регулирования посредством дополнения их нормами нравственности, содержащимися в корпоративных источниках. А инициативное использование активными членами институтов гражданского общества передовых технологий, достижений цифровизации, ИИ принципиально повышают эффективность экономической деятельности и достижения мирового уровня в различных сферах отечественного производства.

Во-первых, в данной сфере по-особому видна центральная роль человека и гражданина как производителя указанных материальных благ и ценностей, которые затем используются и в основах государственности, политической, духовно-культурной системах, и в удовлетворении потребностей самого человека.

Во-вторых, принципы, формирующие основы экономической системы в структуре конституционного строя Российской Федерации, обладают аксиологическим и нормативным приоритетом. Этот примат распространяется как на иные положения самой Конституции РФ (регулирующие правовой статус и содержание различных форм собственности, субъективные права в социально-экономической сфере), так и на их последующую конкретизацию в отраслевом законодательстве.

В-третьих, взаимодействие между данными принципами строится не по модели прямой иерархии, а на основе иных системных связей. Ключевым из таких оснований является логическое соотношение первичности и производности. Действие этого критерия неоднозначно: он проявляется как во внутренних

взаимосвязях экономико-конституционных принципов, так и в их отношениях с принципами иных сфер правового регулирования.

Другими критериями, определяющими место и роль принципов, являются сфера их регулятивного воздействия, территориальный масштаб действия и иные признаки (отраслевая, институциональная, пространственная принадлежность и т.д.).

В-четвёртых, указанные критерии, в совокупности со свойствами, присущими каждому принципу – универсальностью нормативного содержания и императивной обязательностью для всей системы права, – формируют необходимые предпосылки для обеспечения в данной сфере режима правовой определённости, законности и внутренней непротиворечивости правового регулирования.

9. Телеологическое толкование конституционных норм, включенных в Основной Закон России в 2020 году, позволило обосновать, что конституционная поправка нацелена не только на преемственность тысячелетней истории нашего государства и верность традициям наших предков, но и на существенное развитие социальной солидарности разных слоев общества, уровней публичной власти и в перспективе должна привести к дальнейшему повышению уровня благосостояния населения.

Указанное нововведение в Конституции создало нормативную основу для поступательного формирования развитого гражданского общества в России, а также для становления этики ответственного и добросовестного социального действия граждан, индивидуальных предпринимателей и их объединений, что коррелирует с социальными практиками, присущими Российской империи в недавнем историческом прошлом.

Конституционная поправка 2020 года осуществила значительную детализацию содержания принципа социального государства, выразившуюся в трёх ключевых направлениях модернизации распределения полномочий:

1) Расширение компетенции Российской Федерации: новая редакция пункта «е» статьи 71 Конституции РФ; а также расширение компетенции субъектов РФ в рамках их совместного ведения с Российской Федерацией (пункты «ж» и «ж.1» статьи 72)¹¹;

2) Закрепление новой редакцией ст. 75 Основного Закона системы конституционных и государственных гарантий в социально-экономической сфере;

3) Установление новой статьей 75.1 Конституции РФ конституционной обязанности государства по созданию в стране системы условий, гарантирующих устойчивую поддержку институтов гражданского общества и гражданина.

10. Проведенное сопоставление формулировки и нормативного наполнения принципа социального государства (ст. 7 Конституции РФ) с конституционными поправками 2020 года позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, название принципа сохранило свою статичность. Вместе с тем, произошла его содержательная конкретизация, основанная на интеграции духовно-нравственных ориентиров в процесс правового регулирования в рамках светской модели государства.

Во-вторых, содержание принципа, в силу присущей фундаментальным началам свойства нормативной устойчивости, не претерпело кардинальной трансформации. Конституционные новеллы осуществили его адаптацию и операционализацию применительно к актуальным общественным и государственным потребностям, тем самым расширив доктринальное понимание и инструментарий его реализации. Одновременно, в силу его закрепления в первой главе Конституции и общей формы изложения, данное содержание обладает повышенной нормативной «долговечностью» по сравнению с конкретными поправками и выступает в качестве юридического предела для любых последующих конституционных модификаций.

¹¹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

В-третьих, наименование и содержание конституционного принципа образуют диалектическое единство двух его неотъемлемых свойств. Название выполняет функцию статичного идентификатора, обеспечивая длительную неизменность обозначения принципа, что гарантирует стабильность и преемственность в регулировании соответствующих общественных отношений. Содержание представляет собой динамическую компоненту, которая, сохраняя общую стабильность сущностного ядра, позволяет принципу эволюционировать и адаптировать правовое регулирование к вновь возникающим социальным запросам и правоотношениям.

11. Обоснован вывод о том, что, во-первых, в течение многовекового периода существования нашего государства в нём в течение многих столетий жизнь, законодательство и правоприменение не только строились на нормах светского права, но и широко применялись в широком смысле слова канонические положения, т.е. основывались на священных источниках, церковном праве.

Кроме того, показано, что широкое распространение и практическое применение получили нормы нравственности, содержащиеся в нормативных источниках институтов гражданского общества, которые существенно разнообразили, обогащали и повышали эффективность социального регулирования.

Во-вторых, нормативное положение ч. 4 ст. 67.1 Основного Закона России создало правовую основу для формирования Российским государством, в рамках его социальной функции, системы условий, направленных на обеспечение комплексного развития детей. Данное развитие охватывает духовную, нравственную, интеллектуальную и физическую составляющие, а также включает целенаправленное воспитание патриотизма, гражданской ответственности и уважительного отношения к старшему поколению.

Это означает не только устойчивый курс на практическое применение многовекового опыта, накопленного нашими предками в области религии,

нравственности, правового регулирования, но и правильное применение многовековых традиций в современных условиях, а также выработку новых перспективных тенденций в данной сфере. Некоторые теоретические выводы и практические рекомендации по совершенствованию теории конституционного права и развитию законодательства сформулированы в данной диссертации.

В-третьих, что наиболее существенно, стратегическая ориентация политики Российского государства на обеспечение комплексного духовно-нравственного и интеллектуального развития детей, инкультурацию ценностей патриотизма, гражданственности и почитания старших, создаёт не только необходимые предпосылки для дальнейшего совершенствования и развития духовно-нравственно-правового регулирования в новых условиях, но и выработки принципиально новых концепций в данной сфере, их законодательного оформления и новаторского практического воплощения, поскольку реализация данного курса немыслима без связи поколений, без взаимодействия религиозных и других общественных объединений, без широкого сотрудничества институтов гражданского общества и институтов публичной власти, в т.ч. на основе использования систем ИИ, информатизации, цифровизации и т.д.

12. Обоснован авторский подход к периодизации эволюции регулирования правового статуса человека в социально-экономической сфере, которая может быть разделена на три качественно различных этапа, каждый из которых характеризуется уникальным соотношением индивидуального и коллективного начал, а также природой нормативных систем.

I. Этап недифференцированного коллективизма. На данном этапе (охватывающем первобытнообщинный и раннеклассовые формации) индивид не обладал самостоятельным правовым статусом, будучи неотъемлемой частью коллектива (семьи, рода, общины). Социальное регулирование осуществлялось преимущественно через синкретичные нормы-обычаи, тесно переплетенные с религиозными предписаниями и нормами морали. Источники права (судебники, своды) являлись, по сути, их кодификацией. В развитии этапа прослеживается

переход от политеистических верований к монотеизму (с VI в. до н.э.), что имело ключевое значение. Монотеистические религии (иудаизм, христианство, ислам) заложили концептуальные основы универсальной этики и социальной солидарности, повлиявшие впоследствии на идеологию социального государства.

II. *Этап секулярного индивидуализма.* Его начало связано с эпохой буржуазных революций, когда право институционально отделилось от религии и морали. Ключевой чертой стало юридическое выделение автономного индивида как носителя абстрактных прав и свобод (формальное равноправие, свобода договора). Это создало основу для рыночной экономики, но одновременно привело к атомизации общества, росту индивидуализма и эрозии традиционных ценностных регуляторов. Коллективные начала проявлялись преимущественно в форме корпоративных объединений по профессиональному признаку (профсоюзы, ассоциации предпринимателей), вырабатывавших отраслевые нормы.

III. *Этап институционализированной солидарности.* Данный этап представляет собой диалектический синтез предыдущих. Происходит возврат к ценностям коллективизма и социальной ответственности, но на новой, институциональной основе. На внутригосударственном уровне автономные субъекты (граждане, профессиональные группы) консолидируются в структуры гражданского общества, которые вступают в системный диалог с публичной властью. На международном уровне государства, отражая эту волю, создают систему многостороннего регулирования (международные организации, договоры), в том числе для решения глобальных вызовов (цифровизация, ИИ, устойчивое развитие). Важной тенденцией является ценностный ренессанс – обращение к традиционным религиозно-нравственным основаниям для обеспечения культурной преемственности и социальной интеграции.

Актуальность для Российской Федерации находит свое концентрированное выражение в конституционной норме (ст. 75.1), закрепляющей цели обеспечения сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства и социальной солидарности. Это отражает общемировую тенденцию перехода от

модели «минимального государства» к модели социального государства нового типа, ответственного за создание условий для устойчивого развития и достойной жизни в условиях технологической трансформации.

Таким образом, эволюция движется от нерасчлененного коллективизма через атомизированный индивидуализм к новой, сознательно конструируемой модели, где права личности гарантируются и реализуются через развитые институты социальной кооперации и солидарности на национальном и глобальном уровнях.

13. Аргументировано, что генезис социального государства представляет собой диалектический ответ на имманентные ограничения классической модели правового государства либерального типа.

Правовое государство, основанное на формальном равенстве, негативных свободах и невмешательстве государства в социально-экономические отношения, закономерно порождает проблемы социального неравенства и атомизации общества. Социальное государство, принимающее на себя публичные обязательства позитивного характера, направленные на гарантирование достойного уровня жизни населения, предоставление социальных гарантий и реализацию принципа справедливости, объективно вступает в напряжение с принципами формального правового равенства и абсолютной автономии индивида. Это не техническое различие, а конституционно-ценностный дуализм, закрепленный в главе 1 Конституции РФ. Их синтез не является механическим сложением, а требует постоянного ценностно-правового балансирования.

Преодоление указанного диалектического противоречия в российском конституционном праве видится в активном внедрении и легитимации нравственно-этических начал (принципов справедливости, добросовестности, солидарности) в правоприменительную практику. Именно эта функция в значительной степени возложена на Конституционный Суд РФ. Его правовые позиции, наполняющие формальные нормы морально-этическим содержанием (например, в вопросах пропорциональности, запрета злоупотребления правом, баланса частных и публичных интересов), выступают инструментом

гармонизации между формализмом правового государства и социальными императивами.

Современное развитие данного синтеза в России получило мощный импульс с принятием поправок 2020 года к Конституции РФ. Введение статьи 75.1 и укрепление статуса социальных принципов (ч. 2 ст. 7) не просто дополняют, а качественно преобразуют изначальный каркас правового государства. Это свидетельствует о движении к самобытной модели, где правовое и социальное начала не отрицают, а взаимно обогащают друг друга через призму конституционных ценностей, включая исторически сложившуюся государственность и нравственные ориентиры.

Социальное государство не отменяет правовое, а находится с ним в состоянии продуктивного конституционного напряжения. Задача современной российской правовой системы – не выбирать между этими принципами, а находить оптимальный баланс через судебное конституционно-нравственное истолкование. Внедрение нравственных начал в право, в особенности через прецеденты Конституционного Суда, является тем самым «социальным клеем», который позволяет совместить индивидуальную свободу правового государства с коллективной ответственностью государства социального, избегая крайностей как либерального формализма, так и социалистического патернализма. Конституционные поправки 2020 года закрепили этот синтетический курс как магистральный путь развития российской государственности.

14. Обосновано, что социальное государство представляет собой не патерналистский институт, ответственный исключительно за дистрибуцию благ, а субъект публичной власти, выполняющий координирующую и обеспечивающую функцию. В свою очередь, человек и гражданин выступают не в роли пассивного реципиента, а как наделённый правосубъектностью участник (актор) социально-экономических процессов.

Социальная гармония в экономической сфере достигается не через односторонние действия государства, а посредством солидарного партнёрства

трёх ключевых акторов: государства, институтов гражданского общества и человека. Максимальная реализация данного потенциала возможна только через их системное сотрудничество и конструктивное взаимодействие.

Для практической реализации указанной модели предлагается внедрение следующих социально-экономических механизмов, которые, на наш взгляд, позволят не только защитить человека от технократического государства и сопутствующей ему технократической редукции, но и обеспечить фундамент для проактивного и эффективного участия человека в жизни государства и общества:

I. *Право на непрерывное образование* должно быть закреплено как позитивная обязанность государства, выступая правовым контримперативом технократической логики и обеспечивая человека инструментами адаптации в условиях структурной неопределенности постиндустриального рынка труда, тем самым защищая его достоинство от сиюминутной рыночной оценки и превращая его из пассивного объекта изменений в активного субъекта своей жизненной траектории.

Содержание данного права может быть выражено посредством следующих элементов:

А) Право на бесплатное переобучение или повышение квалификации за счет государственного бюджета с установленной периодичностью (например, раз в 5-7 лет), включая право бесплатно получать услуги по карьерному ориентированию, психометрическому тестированию и тьюторскому сопровождению для формирования персональной образовательной стратегии;

Б) Создание системы персональных образовательных счетов, на которые государство зачисляет условную сумму (баллы, «образовательный капитал»), которую гражданин может потратить в течение установленного периода на любые образовательные программы, аккредитованные государством;

В) Закрепление обязанности работодателя предоставлять оплачиваемые образовательные отпуска для реализации права на непрерывное образование, включая право на продолжительный (например, годовой) оплачиваемый отпуск

для фундаментального переобучения или реализации образовательного проекта с последующей защитой по месту работы.

II. *Закон о квотировании «человеческих» профессий*, сущностно связанный с межличностным взаимодействием, является правомерным, необходимым и соразмерным ограничением, вводимым государством в целях защиты областей бытийности человека, основанных на коммуникативном действии (доверие, эмпатия, диалог), от их технократической эрозии. Этот правовой инструмент гарантирует производство фундаментальных общественных благ (социальное доверие, психическое здоровье населения, трансляция культурных кодов), которые в силу своей природы не поддаются адекватной капитализации и рыночной оценке.

15. Обоснован вывод, что наиболее тесно, масштабно и гармонично индивидуальные и коллективные начала социального государства и социального партнерства проявились в нормативных правовых актах институтов гражданского общества.

Во-первых, потому что в них получили закрепление помимо соответствующих норм права нормы, регулирующие духовно-нравственные отношения, что не только вызвало рост социальной активности граждан, но и существенно расширило и гармонизировало сферу социального регулирования и повысило личную заинтересованность и добросовестность в их реализации членов соответствующих добровольных общественных объединений.

Во-вторых, институт корпоративных нормативных правовых актов выступил действенным средством преемственной передачи социально значимых традиций и обычаев. Через механизмы системного взаимодействия с институтами публичной власти данные локальные нормы были транслированы на уровень общегосударственного значения и получили своё высшее выражение в форме конституционных принципов. Речь идет о нормативном комплексе принципов, закрепленных в статьях 75 и 75.1 Конституции Российской Федерации в результате реформы 2020 года, который включает: всеобщность, справедливость,

солидарность поколений, баланс конституционных прав и обязанностей, социальное партнерство, а также солидарность в экономической, политической и социальной сферах. Тем самым социальному государству был придан подлинно социальный характер.

16. Сравнительный анализ позволяет утверждать, что по сравнению с зарубежными социальными государствами в отечественном конституционном праве ещё недостаточно ясно закреплена социальная функция частной собственности. В гражданском праве данная функция (только в отношении недвижимости) опосредованно признаётся – в частности, в статье 209 Гражданского кодекса РФ право собственности на недвижимость и природные ресурсы ограничивается императивом не наносить ущерба окружающей среде и не нарушать права иных лиц, что можно рассматривать как зачаток её социального измерения.

Однако на уровне конституционно-правового регулирования чёткое позитивное закрепление социальной функции частной собственности как обязанности собственника не сформировалось. Это подтверждается лингвистическим анализом текста конституционных поправок 2020 года: термин «социальный» используется в них 15 раз, и во всех случаях – исключительно в контексте описания характера государства и компетенции его органов, но не применительно к праву собственности или статусу собственника. Таким образом, на высшем нормативном уровне социальная нагрузка возлагается на государство, а не на частного правообладателя, что свидетельствует о непроработанности данного института в конституционной доктрине.

На основании вышеизложенного, предложено:

1. Включить в Конституцию Российской Федерации следующие положения:

«1. Право на частную собственность и на наследование гарантировано.

2. Социальная функция этих прав ограничивает их содержание в соответствии с законами.

3. Принудительное отчуждение имущества у собственника допускается только в исключительных случаях, прямо установленных федеральным законом, при обязательном совокупном соблюдении следующих условий:

а) направленность такого отчуждения на защиту конституционно значимых публичных интересов, то есть интересов, обладающих высшей социальной и государственной ценностью;

б) отчуждение осуществляется на основании судебного решения или в ином установленном законом порядке, обеспечивающем права собственника;

в) собственнику гарантируется своевременная, полная и справедливая компенсация стоимости отчуждаемого имущества и всех причиненных убытков».

2. Дополнить ст. 209 Гражданского кодекса РФ пунктами 5 и 6 следующего содержания:

«5. Социальная функция права частной собственности ограничивает его содержание в соответствии с настоящим Кодексом и законами.

6. Принудительное отчуждение имущества у собственника допускается только в исключительных случаях, прямо установленных федеральным законом, при обязательном совокупном соблюдении следующих условий:

а) направленность такого отчуждения на защиту конституционно значимых публичных интересов, то есть интересов, обладающих высшей социальной и государственной ценностью;

б) отчуждение осуществляется на основании судебного решения или в ином установленном законом порядке, обеспечивающем права собственника;

в) собственнику гарантируется своевременная, полная и справедливая компенсация стоимости отчуждаемого имущества и всех причиненных убытков».

Конституционное закрепление предложенных нормативных положений создаст правовые основания для значительного расширения области социально-правового регулирования. Это позволит обеспечить системную согласованность (гармонизацию) между конституционными нормами, текущим законодательством и сложившейся правоприменительной доктриной. Речь идёт о приведении их в

соответствие с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, которые в отличие от действующих формулировок Основного Закона и отраслевых актов, содержат более прогрессивное и широкое толкование социальной функции собственности, тем самым формируя доктринальный базис для перспективного развития законодательства в данной сфере.

17. Проведенный анализ конституционных поправок, действующего законодательства и правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о формировании в современной России необходимой нормативной основы для построения консолидированной модели взаимодействия человека, институтов гражданского общества и государства. Данная консолидация приобретает ключевое значение в контексте актуальной интерпретации конституционного принципа социального государства.

Такое взаимодействие объективно обусловлено наличием взаимной заинтересованности его участников. Юридическое лицо (работодатель и налогоплательщик), физическое лицо (производитель благ и налогоплательщик) объединены объективной экономической и правовой заинтересованностью в продуктивном труде и добросовестном исполнении конституционной обязанности по уплате установленных налогов. Государство, в свою очередь, как субъект, устанавливающий налоги и осуществляющий легитимное правовое регулирование, заинтересовано в создании устойчивого конституционного правопорядка, обеспечивающего правовую определённость и режим стабильности, необходимые для реализации указанной социальной консолидации.

18. В рамках исследования установлено, что правовые позиции Конституционного Суда РФ о конституционной обязанности по уплате налогов, в сочетании с соответствующими поправками в Основной Закон, сформировали развернутую систему теоретических концепций и императивных правовых установлений. Эта система ориентирована не только на безусловное соблюдение данной фискальной обязанности, но и на гарантирование защиты прав самого налогоплательщика. В своей системной взаимосвязи данные правовые инструменты

гарантируют реализацию фундаментальных положений конституционной доктрины, включая принцип уважения к труду, сбалансированность правового статуса гражданина, социальное партнёрство, а также идеи солидарности в экономике, политике и общественных отношениях.

Кроме того, как продемонстрировано в работе, указанные правовые источники заложили широкую нормативную основу для дальнейшего развития конституционных положений о социальном государстве и их конкретизации в текущем законодательстве. Наиболее значимым итогом является формирование правового фундамента для консолидации триединой модели взаимодействия «человек – гражданское общество – социальное государство».

19. Обоснована потребность в развитии и системной гармонизации правового регулирования, предполагающей детализацию локальных нормативных актов (уставов и иных внутренних документов) общественных объединений, действующих в социально-экономической и культурной областях, а также субъектов предпринимательской деятельности. Требуется конкретизировать положения их уставов и внутренних актов и привести регулирование ими соответствующих корпоративных и предпринимательских отношений в соответствие с государственным законодательством.

Гармонизация положений предпринимательского законодательства и корпоративных норм, содержащихся в источниках права институтов гражданского общества, основанная в т.ч. на применении высоких технологий, достижений цифровизации и искусственного интеллекта не только расширит масштабы социальной солидарности и сотрудничества между заинтересованными субъектами, но и обеспечит мировое лидерство России на международной арене.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в потенциале укрепления системы конституционных гарантий посредством формирования политики и практики в области государственного управления и конституционализации законодательства о социальном и экономическом строе. Выводы диссертации будут способствовать

развитию демократических и подотчетных населению систем управления, могут быть использованы для разработки более эффективных форм участия граждан в управлении делами государства.

Выводы и предложения диссертанта вносят весомый вклад в существующий объем знаний, теоретические и практические аспекты конституционно-правового регулирования отношений в указанной сфере и повышение эффективности их реализации. Сформулированные в диссертации положения углубят научные знания в обозначенной сфере и помогут избежать ошибочной реализации решений и действий органов публичной власти.

Полученные результаты имеют важное теоретическое значение для проведения новых научных исследований в области конституционного права, философии права, социологии права.

Результаты данного исследования обладают значительным прикладным потенциалом и могут быть использованы: в нормотворческом процессе при разработке и совершенствовании законодательства; в деятельности органов государственного управления при реализации ими властных полномочий; в правоприменительной практике судов и иных юрисдикционных органов; в образовательном процессе при преподавании конституционного и муниципального права, а также смежных юридических дисциплин; в системе дополнительного профессионального образования для повышения квалификации государственных и муниципальных служащих.

Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается тем, что оно проведено с использованием апробированных методов научного познания, опубликованных трудов ведущих отечественных и зарубежных ученых в области теории права и конституционного права, Конституции Российской Федерации, других нормативных правовых актов и правоприменительной практики, достижений российской и зарубежной юридической науки.

Содержание диссертации и основные положения, выносимые на защиту, рассматривались на кафедре государственно-правовых дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «МИРЭА – Российский технологический университет». Результаты исследования также обсуждались в ходе более чем 30 международных и всероссийских научных конференций, форумов, семинаров и «круглых столов», отражены в 90 научных трудах, в том числе 69 публикациях в изданиях из перечня ВАК.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация подготовлена, обсуждена, рецензирована и одобрена на кафедре государственно-правовых дисциплин Института технологий управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «МИРЭА – Российский технологический университет». Результаты проведенного исследования апробированы и внедрялись на протяжении всего периода подготовки комплексного исследования. Это способствовало своевременной корректировке избранного пути научного поиска, обеспечивало фактологическую достоверность и полноту познания предмета изучения.

Ключевые теоретические положения и практические предложения, разработанные в рамках диссертационного исследования, прошли публичную апробацию и были представлены научному сообществу:

- в ходе выступлений на международных и всероссийских научных мероприятиях, включая: «Политика и право в социально-экономической системе общества» (Москва, МИЭПП, 2013); «Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации» (Москва, РУДН, 2018); «Роль конституции Российской Федерации в условиях многополярного мира» (Москва, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2018); «Обеспечение экономической безопасности России в современных условиях» (Москва, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2018); «Проблемы информатизации общества, права и государства в контексте глобализации и региональной интеграции» (Москва, МГИМО (У),

2019); «Миграционные процессы в современном мире» (Москва, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2019); «Конституционное право Российской Федерации в контексте развития мирового конституционализма» (Москва, МГОУ, 2019); Проблемы правопонимания: история и современность» (Москва, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2019); «Государственно-церковные отношения: теория и практика» (Москва, МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2020); «Защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (Москва, УП РФ, 2020); «Право и хозяйство в исторической перспективе: рациональные и иррациональные начала взаимодействия» (Москва, МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2020); «История юридической науки: трансформация идей и образов» (Москва, МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2020); «Правовая культура и правовая идеология Российского общества» (Москва, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2020); «Конституционная реформа – достижения, проблемы и перспективы» (Москва, УЦ КонсультантПлюс, 2021); «Развитие правовых систем России и зарубежных стран: проблемы теории и практики» (Москва, РТУ МИРЭА, 2021); «Актуальные проблемы защиты субъективных прав в современных условиях» (Москва, УП РФ, 2021); «Спортивное право и спортивное законодательство: современное состояние, перспективы развития» (Москва, ИЗиСП при Правительстве РФ, 2021); «Роль права в обеспечении благополучия человека» (Москва, МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2021); «Конституционная реформа 2020 г. и развитие российского теории права и государства» (Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, 2021); «Инвалид в обществе XXI века» (Москва, МГГЭУ, 2021); «Конституция: воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства» (Иркутск, ВСИ МВД РФ, 2021); «Развитие правовых систем России и зарубежных стран: проблемы теории и практики» (Москва, РТУ МИРЭА, 2022); «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях» (Иркутск, ВСИ МВД РФ, 2022); «Цифровые технологии и право» (Казань, КИУ им. В.Г. Тимирязова, 2022); «Конституционные права и свободы человека как высшая ценность государства и общества» (Москва, МосУ МВД РФ

им. В.Я. Кикотя, 2022); «Развитие правовых систем России и зарубежных стран: проблемы теории и практики» (Москва, РТУ МИРЭА, 2023); «Актуальные вопросы теории и истории государства и права» (Иркутск, ВСИ МВД РФ, 2023); «Права и обязанности личности: в поисках гражданского согласия» (Москва, АУ МВД России, 2023); «Конституция: воплощение ценностей верховенства права» (Иркутск, ВСИ МВД РФ, 2023); «Правовой вектор конституционного развития России (к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации)» (Москва, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2023); «Развитие правовых систем России и зарубежных стран: проблемы теории и практики» (Москва, РТУ МИРЭА, 2024); «Актуальные проблемы конституционного права» (Екатеринбург, УрЮИ МВД России, 2024); «Национальная и государственная идеология: историко-правовые контуры» (Москва, МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2024); Конституционная идентичность российской государственности: состояние и перспективы» (Москва, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024), «Развитие правовых систем России и зарубежных стран: проблемы теории и практики» (Москва, РТУ МИРЭА, 2025); «Обеспечение экономической безопасности России в современных условиях» (Москва, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025); «Актуальные вопросы социальной политики современного российского государства» (Москва, Академия труда и социальных отношений, 2025); «Конституционные идеи в развитии российской государственности» (Москва, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025); «Проблемы и перспективы цифровой трансформации общества» (Москва, Институт социальных наук, 2025); «Память и право» (Москва, МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025).

- в ходе проведения лекционных и практических занятий по дисциплинам «Конституционное право», «Конституционное право зарубежных стран», «Муниципальное право», «Права человека», а также в разработке и преподавании для обучающихся магистратуры авторского курса «Конституционные основы экономического строя Российской Федерации» на кафедре государственно-

правовых дисциплин Института технологий управления ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет».

- в ряде научных публикаций автора. Общий объем публикационной деятельности включает 90 научных работ, а именно: 3 монографии, в т.ч. 2 авторские; 2 учебных пособия; 69 работ в изданиях, входящих в Перечень ВАК при Минобрнауки Российской Федерации, 1 работа в издании, индексируемом в базе SCOPUS; 14 работ в сборниках по итогам конференций; 1 работа в иных изданиях.

- в практической деятельности Международной коллегии адвокатов города Москвы «Закон и Право» и Международного неправительственного общественного фонда «Дом детей-сирот».

Совокупный объем опубликованных по теме диссертации научных работ, соответствующих требованиям, предъявляемым к докторским исследованиям, составляет 102,1 печатных листа.

Структура диссертационного исследования. Структура и объем работы определены предметом и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих в себя 16 параграфов, заключения, библиографии и двух приложений.

ГЛАВА 1. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

1.1. Основы конституционного строя России: понятие, нормативное содержание, гарантии стабильности

Проведённый анализ показывает, что понятие «основы конституционного строя» в отечественных конституциях впервые появилось в действующей российской Конституции, которая была принята 12 декабря и вступила в силу 25 декабря 1993 г. Им посвящена глава 1 Конституции. Хотя в предшествующих ей советских конституциях глава 1 также посвящалась закреплению некоторых элементов основ общественного строя.

Например, Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин указывают, что отдельные положения первого и второго разделов Конституции РСФСР 1918 года закрепляли основы конституционного строя республики. Данные нормы институционализировали ключевые принципы, в числе которых называют верховенство власти трудящихся, а также исключительную и неделимую компетенцию представительных органов — Советов¹². Указанный тезис, однако, представляется дискуссионным. Фактическая структура данного акта свидетельствует, что его первый раздел, озаглавленный «Декларация прав

¹² Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 100.

трудящегося и эксплуатируемого народа» (ст. 1–8), был посвящен иным целям, а второй – «Общие положения Конституции РСФСР» (ст. 9–23)¹³.

Эволюция конституционного закрепления данного института в советский период носила фрагментарный характер. Так, в Конституции СССР 1924 года соответствующий раздел (глава 1) определял предметы ведения высших органов власти Союза ССР¹⁴. Конституция СССР 1936 года, хотя и ввела главу «Общественное устройство», ограничивалась фиксацией лишь части основ государственного строя¹⁵. Существенная модернизация была предпринята в Конституции СССР 1977 года, где глава 1 получила наименование «Политическая система». Однако и в данной редакции её содержание не обеспечивало комплексного конституционно-правового регулирования основ общественного и государственного устройства¹⁶.

Принципиальное отличие действующей Конституции Российской Федерации заключается в том, что она впервые в отечественной истории содержит целостную, системную и сугубо правовую концепцию основ конституционного строя. В её рамках на демократических принципах получают всестороннее закрепление фундамент правового статуса личности, основы государственности, а также базовые элементы политической, экономической и социально-духовной систем общества.

Для сравнения можем привести положения ст. 2 Конституции СССР 1977 г. и ст. 3 Конституции Российской Федерации 1993 г., закрепляющих один и тот же принцип – принцип народовластия. Так, в силу ст. 2 Конституции СССР 1977 г. народ является единственным сувереном и источником государственной власти. Институциональным механизмом реализации народовластия выступают Советы народных депутатов, образующие системообразующее основание политической организации общества. Все иные государственные институты находятся в отношении административной и функциональной субординации к Советам,

¹³ URL://<https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/>

¹⁴ URL://https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/

¹⁵ URL://https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/

¹⁶ URL://https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/

обладая перед ними полной подотчетностью и подконтрольностью¹⁷. Поскольку народ формально был необходим один раз в пять лет (чтобы из предложенного единственного кандидата проголосовать за одного депутата) для избрания депутатов указанных Советов, то известно кому принадлежала власть.

Согласно ст. 3 Основного Закона России 1993 года, базовые принципы организации публичной власти в России формулируются принципиально иным образом:

- В качестве первоначального и высшего источника власти, наделённого исключительной легитимирующей функцией, выступает многонациональный народ Российской Федерации.
- Конституционный механизм осуществления народовластия структурно включает как непосредственные формы демократии, так и опосредованное представительство через систему органов государственной власти и местного самоуправления.
- Верховными императивными формами прямого волеизъявления, непосредственно детерминирующими легитимность власти, выступают общенациональный или местный референдум, а также свободные выборы, проводимые на основе всеобщего, равного и тайного голосования.
- Установлен абсолютный запрет на незаконную узурпацию или присвоение властных полномочий. Любые действия, направленные на захват власти или противозаконное присвоение властных функций, квалифицируются как правонарушение, влекущее уголовную ответственность.¹⁸

Согласно доктринальной позиции, признанной в отечественном конституционном праве, положения главы 1 Конституции Российской Федерации, закрепляющие основы конституционного строя, образуют систему норм-принципов, обладающих специфическими юридическими свойствами. Ключевым и общепризнанным свойством данной группы норм является их верховенство в правовой системе. Это качество, нашедшее нормативное воплощение в ч. 1 ст. 15

¹⁷ Там же.

¹⁸ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

и ч. 2 ст. 16 отечественного Основного Закона, детерминирует их *высшую юридическую силу*, прямое действие и подчиненность им всего текущего законодательства, а также обуславливает особый, усложненный порядок их пересмотра, гарантирующий стабильность основ правопорядка¹⁹.

Среди других важнейших отличительных свойств конституционных принципов исследователи справедливо отмечают универсальность их содержания²⁰. В доктринальной интерпретации, предложенной Б.С. Эбзеевым, основы конституционного строя представляют собой фундаментальные принципы, определяющие устройство не только государства, но и общества в целом. Эти принципы детерминируют базовые устои всех ключевых сфер общественной жизни: экономической, политической, социальной, а также духовно-культурной.

В правоприменительной практике Конституционного Суда Российской Федерации данная категория выполняет многогранную нормообразующую функцию. Она служит для обозначения комплекса взаимосвязанных правовых феноменов, содержание которых раскрывается в зависимости от целей конкретного судебного акта. К числу таких целей относятся: формирование правопорядка, задающего вектор и требования для всей системы правового регулирования; установление обязанностей и пределов дискреционных полномочий для законодателя и правоприменителей; выработка руководящих начал для юридического толкования.

Таким образом, в правовых позициях Конституционного Суда подчеркивается системообразующее и всеобъемлющее значение принципов конституционного строя, которое носит универсальный характер и не связано ограничениями ни по кругу субъектов, ни по отраслям регулируемых общественных отношений²¹.

¹⁹ См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 99–101.

²⁰ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма – Инфра-М, 2011. С. 666; *Общая теория права и государства* / Под ред. В.В. Лазарева. М., 2002. С. 273.

²¹ Эбзеев Б.С. Конституционное право России. Учебник. С. 199–200.

В современной отечественной конституционно-правовой литературе встречаются своеобразные толкования универсальности содержания принципов как их отличительных свойств. Исследуя конституционный принцип равной защиты всех форм собственности, М.В. Бородач приходит к выводу об относительном, а не абсолютном характере данного положения. Ученый указывает, что действующее российское законодательство содержит значительное число ситуаций, в которых в целях достижения конституционно-правового баланса между публичными и частными интересами, права частных собственников могут быть ограничены в пользу публичного интереса, и наоборот. Следовательно, норма, закрепленная в части 2 статьи 8 Конституции РФ, не может быть истолкована как безусловная и действует исключительно в системной взаимосвязи с иными конституционными предписаниями²².

В качестве иллюстрации данного тезиса автор приводит конкретные нормы материального и процессуального права. Во-первых, он ссылается на статью 123.22 Гражданского кодекса РФ, которая устанавливает особый режим ответственности казенного учреждения. Такое учреждение отвечает по обязательствам лишь находящимися в его распоряжении денежными средствами, а при их недостаточности субсидиарную ответственность несет собственник имущества (публично-правовое образование). Это создает юрисдикционный иммунитет для имущества, закрепленного за учреждением на праве оперативного управления, и исключает возможность инициирования в отношении него процедуры банкротства.

Во-вторых, в подтверждение приводятся положения ст. 446 ГПК РФ, закрепляющей каталог имущества гражданина-должника, в отношении которого (имущества – *прим. автора*) не может быть применена такая мера как взыскание. Подобным имуществом являются предметы первой необходимости, вещи индивидуального пользования (за исключением предметов роскоши), а также

²² Бородач М.В. Конституционный принцип признания и защиты равным образом всех форм собственности как базисная ценность конституционной экономики // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / М.: ЛУМ, 2019. С. 177–178.

минимально необходимые продукты питания и денежные средства в размере прожиточного минимума. Данные ограничения взыскания в интересах частного лица также свидетельствуют о том, что принцип равной защиты собственности действует в контексте иных конституционных ценностей, в данном случае – обеспечения социальных гарантий.

Но дело в том, что как раз в анализируемом данным автором принципе равной защиты всех форм собственности нет ни двойных стандартов, ни противоречий. Просто автор привел неудачные примеры, которые создают видимость противоречий. А на самом деле они подтверждают равную защиту указанных им форм собственности. Поскольку в первом примере имущество, находящееся в оперативном управлении банкрота, ему не принадлежит, а во втором примере наложение взыскания на предметы обычной домашней обстановки и обихода и т.д. гражданина-должника лишало бы его средств к существованию.

Ключевая роль, которую занимают принципы в формировании и нормативном закреплении основ конституционного строя, а также его структурных элементов, закономерно делает их объектом пристального научного анализа в трудах ведущих специалистов по конституционному праву²³.

Предметная область настоящего исследования ограничена не всей системой принципов основ конституционного строя, а избранным кругом конституционных начал, которые образуют непосредственную концептуальную основу для решения задач диссертации. Приоритетное внимание уделяется, в первую очередь, фундаментальному принципу, провозглашающему человека, его права и свободы высшей ценностью; принципам гражданства, имеющим определяющее значение в контексте земельных отношений, поскольку право частной собственности на землю, согласно ст. 36 Конституции РФ, признается исключительно за

²³ См., например: *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). – М.: Норма, 2013; *Захаров А.Л., Захарова К.С., Ревина С.Н.* Принципы права. – Самара: Офорт, 2010; *Ляхова А.И.* Принципы процессуального права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2011; *Черниченко С.В.* Права человека, императивные нормы и базовые принципы международного права = Human rights, peremptory norms and basic principles of international law: Human rights, peremptory norms and basic principles of international law: записки юриста-международника. – М.: РАН ИПП, 2021.

гражданами и их объединениями; принципам, конституирующим основы социально-экономической системы России (ст. 2, 6, 7–9 Конституции РФ)²⁴.

При этом в методологическом ключе представляется целесообразным учитывать выработанную в общей теории права позицию, согласно которой правовые принципы, в отличие от норм, детализирующих регулирование в конкретный исторический период, характеризуются повышенной стабильностью и сохраняют свою сущность на протяжении длительных временных интервалов²⁵. Данная точка зрения находит поддержку среди ряда авторитетных представителей как теории права (В.Н. Жуков, В.Н. Корнев, Г.И. Муромцев, А.И. Экимов)²⁶, так и отраслевых юридических наук²⁷.

Тем не менее среди ученых нет единого мнения относительно степени устойчивости и неизменности действия конституционных принципов. Одним из аргументов указанного многообразия мнений по этому вопросу является, например, сам факт относительной недолговечности самих конституций и закрепляемых ими принципов. Так, в бывшем Советском Союзе с 1918 по 1993 г. сменилось четыре Конституции. То есть средняя продолжительность действия Конституции составляла менее 20 лет. Поэтому многие специалисты в области конституционного права отмечают динамизм стабильности конституционных принципов²⁸.

Вместе с тем, в контексте конституционных поправок 2020 года, представленных Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию, позиция В.Д. Зорькина заключается в том, что основы конституционного строя и правового статуса личности, выступая в качестве фундаментальных и

²⁴ URL://URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

²⁵ См.: *Бабаев В.К.* Теория современного советского права. Н. Новгород, 1991. С. 24.

²⁶ См.: *Кроткова Н.В.* Теоретико-правовая наука на современном этапе: Круглый стол «Обсуждение книги «Общая теория государства и права: Академический курс: В 3 т. / 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013» // Государство и право. 2014. № 4. С. 5–30.

²⁷ Например: *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Указ. соч. С. 99; *Общая теория государства и права. Т. 2.* С. 97, 102, 142–170, 415–506.

²⁸ См., например: *Бондарь Н.С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2021. № 6. 2020. С. 20–34; *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России. С. 200–201.

стабилизирующих элементов публично-правового порядка, остаются неизменными и не затрагиваются предлагаемыми модификациями²⁹.

Указанное обстоятельство требует специального исследования. Как определения самого понятия неизменности принципов, так и содержания того, что же на самом деле и как изменяется. Поскольку если акцентировать внимание только на названии принципов, включенных в главу 1 Конституции РФ, а также положениях ч. 1 ст. 135 Конституции РФ, закрепивших невозможность пересмотра Федеральным Собранием положений глав 1, 2 и 9 Основного Закона, то формально В.Д. Зорькин прав: фундаментальные опоры публичного правопорядка поправкой в Конституцию РФ 2020 г. не подверглись модификации. О том, осталось ли неизменным содержание отдельных принципов, закрепленных в главе 1 Конституции, подробнее остановимся ниже.

В рамках дискуссии о природе конституционных принципов Н.С. Бондарь аргументирует позицию, согласно которой данные принципы, несмотря на свой фундаментальный характер, не являются абсолютно статичными. Ученый акцентирует, что динамика развития даже основополагающих конституционных положений не должна вести к эрозии их нормативного ядра или отрицанию их исходной сущности. Таким образом, категория «вечности» в конституционно-правовом контексте не эквивалентна «неизменности», что находит подтверждение в сравнительной практике конституционализма.

С его точки зрения, фундаментальные конституционные ценности могут рассматриваться как «вечные» и неизменные лишь условно — до тех пор, пока они сохраняют свою социально-политическую актуальность в конкретную историческую эпоху, а также формально-юридическое и этическое воздействие на реальные общественные отношения. Они не должны превращаться в архаичный пережиток, но обязаны оставаться значимыми для новых поколений. Однако эта устойчивая значимость не предполагает их метафизической неподвижности: подобные явления подвержены внутренней эволюции или трансформации,

²⁹ Зорькин В.Д. Providentia, или О праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2021. № 6. 2020. С. 8.

стимулируемой, в частности, внешними факторами, среди которых определяющую роль часто играют факторы политического характера. Иными словами, их содержание может развиваться при сохранении конституирующей основы³⁰.

Вместе с тем в дальнейших рассуждениях о двух подходах к законодательному изменению соответствующих вопросов (предметному и структурному), связанных с изменением принципов в Конституции, указанный автор допускает некоторое противоречие своей в целом верной концепции³¹.

В целом если обобщить его мысль, то указанный автор речь ведет о диалектическом единстве формы (названия принципов) и содержания (материального предмета принципов). В контексте диалектического метода, являющегося предметом философского познания, противоречие возникает не как абстрактный конфликт между категориями содержания и формы как таковыми, а как конкретное несоответствие между устаревшей формой и нарождающимся новым содержанием. Последнее объективно стремится к адекватному собственному характеру нормативно-институционального выражения.

В ходе эволюционного процесса форма, обладая известной консервативностью, закономерно отстает от динамичного развития содержательного начала. Это отставание приводит к ситуации, когда прежняя форма перестает соответствовать обновленному содержанию. В результате возникает переходное состояние, при котором новое содержание вынужденно воплощается в старые формальные рамки, что и порождает актуальное противоречие между ними³².

Другими словами, Н.С. Бондарь пишет не о противоречии между формой (названием) принципов и их содержанием вообще, а между их формой и отдельными фрагментами содержания. Иллюстрацией указанного диалектического соотношения может служить принцип, установленный ст. 2

³⁰ Бондарь Н.С. Указ. соч. С. 22.

³¹ Подробнее см.: Там же. С. 24–26.

³² URL://<https://fil.wikireading.ru/13273>

российского Основного Закона. Данное предписание возводит человека, его права и свободы в ранг высшей ценности, формируя тем самым ценностно-нормативный фундамент всего конституционного строя. Из этого положения вытекает императивная обязанность государства, заключающаяся в необходимости их безусловного признания, соблюдения и обеспечения защиты. Эта обязанность составляет фундаментальную цель и оправдание деятельности всех публично-властных институтов, которые не вправе произвольно ограничивать данные права и свободы, за исключением строго установленных Конституцией случаев, направленных на защиту иных конституционно охраняемых ценностей.

Прежде всего, возникает вопрос: каково содержание указанной формы, т.е. что означает название данного принципа? Если толковать его буквально, то получается бессмыслица. Отдельный человек как элемент государственно-организованного общества не может быть поставлен выше целостной системы государства, которое, в соответствии со своей конституционной природой, обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Однако, если брать во внимание то, что названный принцип закреплен в первой главе Основного Закона (а значит является конституционным), которая имеет высшую юридическую силу и прямое действие, и положения которой не могут быть изменены путем внесения в нее поправок, то все становится на свои места.

Указанная позиция не противоречит предписанию ч. 3 ст. 55 Основного Закона России, устанавливающему основания для возможного ограничения прав и свобод федеральным законом. Такое ограничение признаётся легитимным исключительно для достижения строго определённых конституционных целей, включая защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и государственной безопасности. При этом мера ограничения должна быть объективно необходимой и строго соразмерной заявленной цели.

Вопреки возможному поверхностному впечатлению, сама возможность установления таких ограничений не отменяет и не умаляет конституционного императива, провозглашающего права и свободы человека высшей ценностью. Поскольку рассматриваемая норма Конституции касается не только отдельно взятого человека, но и сообщества людей, которые не только не могут существовать без общения друг с другом, но и без опоры на нравственность, заботы друг о друге и т.д., то данная конституционная норма закрепляет несколько многочисленных, но взаимосвязанных фрагментов, составляющих в целом содержание указанного принципа.

Другими словами, мы расцениваем словосочетание «высшая ценность» в названии данного конституционного принципа, касающегося человека и его прав, как синоним понятия «конституционная ценность».

Принцип, провозглашающий человека высшей ценностью, непосредственно касается и отдельно взятого одного человека, и великого множества различных людей, выступающих с разными интересами и в разных качествах, которые и могут юридически «соединиться» понятием «основы конституционного строя». Более того, для их соединения и реализации столь различных интересов должны быть созданы соответствующие социальные структуры. С нашей точки зрения, государство и негосударственные институты, интегрируемые в понятие гражданского общества, в полной мере соответствуют этой характеристике, что и обуславливает имманентную противоречивость последнего как социального феномена.

Как обоснованно указывает Л.Ю. Грудцына, гражданское общество формирует особую сферу, где доминирует частный интерес и осуществляется взаимодействие множественных субъектов, чьи интересы и деятельность могут как совпадать, так и находиться в конфликте. Важнейшей функцией такого общества является стимулирование социальной и экономической активности индивидов, формирования у них осознания собственных прав, интересов и уникальности. Этот процесс, в свою очередь, генерирует личностную

конкуренцию и соперничество, выступающие ключевыми движущими силами прогресса гражданского общества³³.

Существование как отдельной личности, так и общества в целом имманентно детерминировано такими конституционно защищаемыми категориями, как нравственность, здоровье, права и законные интересы, а также императивами обороны и государственной безопасности. Следовательно, конституционная ценность человека находит своё практическое выражение именно в обеспечении данных основ, а сам человек выполняет роль сквозной аксиологической доминанты, пронизывающей все составные элементы основ конституционного строя. Само государство и институты гражданского общества, также являясь конституционными ценностями, будучи обусловлены различными факторами, реализуют различные функциональные предназначения в рамках единого нормативного каркаса.

Конституционная реформа 2020 года не модифицировала формулировки и не привела к возникновению нормативных коллизий между наименованиями и содержанием принципов, составляющих основы конституционного строя, как они определены в доктринальных подходах, например, у Н.С. Бондаря. Так, к примеру, сохранили свою исходную форму и логическую взаимосвязь фундаментальные принципы, закрепленные во 2-й и 7-й статьях Основного Закона.

Содержание ч. 2 ст. 67.1 отечественной Конституции, закрепляющей положение о сохранении исторической памяти, идеалов и государственного единства, унаследованных от предков, не привело к изменению нормативной сущности или терминологического оформления принципа, провозглашенного в ст. 2 указанного документа. Эта конституционная новелла не привела к возникновению правовых коллизий между формальным наименованием принципа и его сущностным наполнением, сохранив их телеологическое единство. Введение норм о культурно-исторической преемственности дополняет

³³ Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 3.

аксиологический фундамент конституционного строя, не отменяя и не ограничивая приоритет прав личности, что подтверждает системное единство и непротиворечивость базовых конституционных положений. Поскольку фактически память предков и их идеалы никогда полностью не исчезали в нашем обществе. Просто в Конституции формально появился еще один юридический фрагмент и соответствующий аспект указанного принципа, который гармонично вписался в уже закрепленное в Основном законе его содержание.

Более точной и близкой к нашей научной позиции представляется точка зрения, сформулированная сторонником «изменяемости» принципов Б.С. Эбзеевым. В доктринальном осмыслении стабильности и незыблемости основ конституционного строя Российской Федерации он подчеркивает дуальную природу данных принципов, сочетающих в себе устойчивость и динамическое развитие. Их стабильность детерминирована функцией гарантирования неизменности высших конституционных целей и независимостью от конъюнктурных политико-идеологических колебаний.

Динамизм же этих основ обусловлен тем, что любая конституция по своей сути является идеальной моделью организации общества в политико-правовой, социально-экономической и духовной сферах, которая в определенной степени опережает существующую социальную реальность. Следовательно, конституционные принципы выступают не только как действующие правовые реалии, но и как нормативная программа поступательного развития, реализуемая в ходе их имплементации в общественную практику³⁴.

Развивая эту мысль, Б.С. Эбзеев указывает, что основы конституционного строя выполняют ключевую системообразующую роль для Конституции и всей правовой системы, обеспечивая их внутреннее единство и целостность. Составляющие эти основы принципы представляют собой первичную и аксиоматическую норму, выполняющую роль связующего звена между надпозитивным и позитивным правом. Именно в соответствии с этой нормой

³⁴ См.: Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 200.

происходит имманентное развитие самой Конституции, которое может выражаться в трансформации ее содержательного наполнения без внесения формальных текстуальных поправок³⁵.

Мы разделяем справедливое замечание указанного автора, что основы конституционного строя являются одновременно стабильностью и динамизмом, в которых проявляется диалектика конституционного развития Российской Федерации, и способны опережать правовую действительность. Поскольку в его видении в содержании принципов конституционного строя сочетаются одновременно не только стабильность и динамизм, отражающие реалии правовой жизни, но одновременно и определенная программа ее развития, соединяющая надпозитивное и позитивное право.

При таком видении сущности основ конституционного строя получается своеобразное развитие содержания принципов, коль скоро в них одновременно сочетаются реалии правовой жизни и определенная программа ее развития, надпозитивное и позитивное право. Другими словами, подобные принципы в своем развитии не содержат противоречия между формой и содержанием. То есть такое развитие, по существу, сводится к формальному (юридическому) уточнению и реальному наполнению содержания принципов.

Единственным недостатком указанной трактовки основ конституционного строя является то, что автор не приводит дефиницию категории «надпозитивное право».

Согласно дефиниции, предложенной Д.В. Яковлевым, надпозитивное право понимается как совокупность фундаментальных нормативных установлений, которые получают формальное признание со стороны государств-участников международных договоров. Данные установления рассматриваются в качестве базовых принципов и стандартов, определяющих направление и содержание внутренней правовой политики этих государств в сфере защиты прав человека. Ключевым аспектом данного понятия является наличие международного

³⁵ Там же. С. 201.

механизма контроля за имплементацией указанных предписаний, осуществляемого специализированными юрисдикционными органами³⁶.

По нашему мнению, указанное утверждение автора является неудачным. Во-первых, потому, что оно имеет прямое отношение к международному публичному праву, а не к конституционному праву. Во-вторых, такая позиция находится в противоречии с системообразующей нормой ч. 1 ст. 15 российской Конституции. Указанная статья устанавливает верховенство Основного Закона в национальной правовой системе, закрепляя, что она обладает высшей юридической силой, является актом прямого действия и подлежит применению на всей территории государства. Это обуславливает необходимость конституционной конгруэнтности всего национального нормативного массива, что служит гарантией целостности, иерархичности и логической согласованности правового пространства.

Согласно позиции Е.А. Осавелюк, категория надпозитивного права определяется как феномен, тесно сопряженный с правом, но при этом занимающий трансцендентное по отношению к нему положение, что позволяет ему возвышаться над позитивным правопорядком. Данный тезис аргументируется тем, что право не способно возвыситься над самим собой. В рамках Конституции России, как полагает автор, элементами, претендующими на статус надпозитивного права, выступают нормы нравственности и религии.

Нормативно-этические принципы имплицитно присутствуют в преамбуле Основного закона, акцентирующей ценности, унаследованные от предков: любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость. Прямые ссылки на нравственность содержатся в ряде статей Конституции, включая ч. 1 ст. 23, ч. 2 ст. 34, ч. 3 ст. 39, ч. 3 ст. 55, ч. 4 ст. 67.1, ч. 4 и 6 ст. 75, ст. 75.1.

В тексте Конституции обнаруживается десять нормативных отсылок к религиозной составляющей как к источнику правовых оснований. Центральное положение среди них занимает статья 14, закрепляющая фундаментальный

³⁶ Яковлев Д.В. Надпозитивное право и законодательство Российской Федерации: общетеоретические проблемы согласования: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Белгород, 2008. С. 8.

принцип светскости государства. Согласно данному принципу, ни одно вероисповедание не может устанавливаться в качестве государственного или обладающего обязательной силой. Религиозные объединения функционируют в рамках отделённости от государства, и им гарантируется равный формально-юридический статус³⁷.

От себя добавим, что позиция указанного автора по надпозитивному праву гармонирует с высказанной нами ранее позицией о содержании фундаментального принципа, провозглашающего высшей ценностью человека, а также его права и свободы. Кроме того, справедливость и полнота содержания сформулированной нами правовой позиции по данному вопросу, характеризующей понятие надпозитивности, с особой яркостью объективно проявилась после включения в Конституцию России ч. 2 ст. 67.1 в 2020 г.

Следует отметить еще один важнейший аспект динамичного содержания принципов права, который хотя и не имеет непосредственного отношения к основам конституционного строя Российской Федерации, то есть к первой главе российского Основного Закона, но имеет прямое отношение к самим конституционным принципам, а также к принципам, содержащимся в российских законах.

Приоритетного рассмотрения требуют новые конституционные принципы организации публичной власти, включённые в Основной Закон в 2020 году, и не имевшие ранее в нем закрепления. Одной из таких новелл является установленное ч. 3 ст. 132 положение о включении органов местного самоуправления в единую с органами государственной власти систему публичной власти в России. Согласно указанному принципу данные органы осуществляют координированное взаимодействие, целью которого является оптимизация и повышение эффективности решения задач публичного управления в интересах населения, проживающего на соответствующей территории³⁸.

³⁷ *Осавелюк Е.А.* Проблема регулирования и реализации полномочий Президента РФ, парламента и Правительства РФ в области национальной безопасности России: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. С. 12.

³⁸ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; 2020. № 11. Ст. 1416.

Второй вид принципов, свидетельствующий об определенном динамизме указанного вида норм права, вызванных новейшей мировой тенденцией развития инновационных технологий, цифровизации и т.д. и необходимостью принятия новых федеральных законов для законодательного регулирования указанных процессов. Мы имеем в виду принципы, закладывающие правовую основу регулирования отношений в указанной сфере. Одним из них является принцип свободы информации. В этой связи мы согласны с утверждением А.В. Коновалова о том, что в последнее время приобретает особую значимость в условиях полномасштабного развития новых технологий, регулирование которых распадается на различные взаимосвязанные сегменты. Именно принципы права выступают фундаментом концептуальности и системности законодательства³⁹.

Подобные законодательные принципы, закладывающие правовую основу в новейшей сфере инновационных отношений и их развитие, приобретают особую значимость не только в связи с новизной технологических инноваций, но главным образом, с неоднозначными социальными последствиями их применения. В научной доктрине обоснованно обращается внимание на сопутствующие деструктивные явления, выражающиеся в абсолютизации свободы и отсутствия ограничений при получении и эксплуатации информации. Подобная практика может приводить к использованию информационных ресурсов в ущерб личности, подрыву общественного порядка и созданию препятствий для устойчивого развития социума⁴⁰.

Еще одна составная часть основ конституционного строя Российской Федерации, требующая юридического анализа, которая имеет прямое отношение к заявленной теме нашего исследования, касается принципа социального государства, закреплённого в ст. 7 Конституции РФ. Противоречие между доктринальными и конституционными постулатами о стабильности правовых

³⁹ Коновалов А. В. Принципы права : монография – М.: Норма, 2023. С. 7.

⁴⁰ Концепция информационного кодекса Российской Федерации / И. Л. Бачило и др. – М.: Канон-плюс, 2014. С. 88. См. также: *Смирнов Е. Н.* Глобальные цифровые платформы как фактор трансформации мировых рынков // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 1; *Данилин И. В.* Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? // Вестник МГИМО Университета. 2020. – Т. 13, № 1; *Габов А. В.* Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4.

принципов, с одной стороны, и содержательными новациями конституционных поправок 2020 года, с другой, обусловило потребность в комплексном исследовании данной проблемы в рамках настоящей диссертации. Проведенный сравнительный анализ одного из таких принципов (светского государства) и указанных новелл позволил сформулировать следующие выводы.

Как установлено, понятие неизменности (стабильности) конституционного принципа в тексте Основного закона может получать закрепление двумя способами: посредством фиксации как его наименования, так и содержательного наполнения либо исключительно через его наименование. Большинство принципов, содержащихся в главе 1 Конституции РФ (народовластие, федерализм, социальное государство, разделение властей и др.), закреплены комбинированно – через обозначение их сущности и раскрытие основного содержания.

Отдельные же принципы, такие как республиканская форма правления или положение о человеке как высшей ценности (ст. 1 и 2 Конституции РФ), представлены в аксиоматической форме, лишь через свое название⁴¹.

Можно предположить, что стабильность наименования принципа и стабильность его содержания не тождественны. Это различие обусловлено тем, что содержание принципа формулируется в Конституции в наиболее общей, рамочной форме, создавая фундамент конституционного строя, тогда как его конкретизация осуществляется нормами последующих глав Конституции и текущего федерального законодательства⁴².

Наименование принципа обладает большей степенью абстракции, нежели его наполнение. Из теории права и правоприменительной практики известно, что чем более общий характер имеет нормативная формулировка, тем выше ее потенциал к длительному сохранению без изменений.

⁴¹ См.: СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴² Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 199. См. также: Заметина Т.В. Конституционно-правовая политика в сфере обеспечения социально-экономического развития России // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Т.В. Заметиной. Саратов, 2022. Вып. 21. С. 31–33.

Таким образом, оценивать степень стабильности правового принципа возможно в тех случаях, когда в тексте конституции или закона эксплицитно сформулированы его название и/или содержание. Показательным в данном контексте является положение ст. 7 Основного Закона, закрепляющее принцип социального государства и, вместе с тем, раскрывающее цели его политики, а также устанавливает ключевые направления деятельности по обеспечению достойной жизни, охране труда и здоровья, поддержке семьи и социально уязвимых категорий граждан⁴³.

Конституционная поправка 2020 года осуществила значительную детализацию содержания принципа социального государства (статья 7 Конституции РФ), выразившуюся в трёх ключевых направлениях модернизации распределения полномочий:

1) Расширение компетенции Российской Федерации: новая редакция пункта «е» статьи 71 Конституции РФ закрепила исключительное право федерального центра на установление основ государственной экономической, социальной, культурной политики, развития науки, техники и технологий и др., а также установление единых стандартов правового регулирования в сферах здравоохранения, воспитания и образования.

А также расширение компетенции субъектов федерации: согласно, п. «ж» и п. «ж.1» ст.72 к ней относятся: вопросы совместной координации в области здравоохранения, предоставления медицинской помощи, воспитания ответственного отношения здоровью, защиты семейных ценностей (в особенности как союза мужчины и женщины), совершенствования институтов, связанных с воспитанием детей в семье;

2) закрепления новой редакцией ст. 75 Основного Закона системы конституционных и государственных гарантий в социально-экономической сфере, в том числе: фиксацию минимального размера оплаты труда на уровне, не опускающемся ниже величины прожиточного минимума трудоспособного

⁴³ URL://URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

населения в общегосударственном масштабе; организацию системы пенсионного обеспечения, базирующейся на аксиологических основах всеобщности, справедливости и солидарности поколений, с законодательно гарантированной процедурой ежегодной индексации пенсионных выплат; функционирование института обязательного социального страхования, предоставление социальной поддержки на основании проверки нуждаемости (адресности), а также регулярную корректировку (индексацию) размеров социальных пособий и иных законодательно установленных денежных выплат⁴⁴;

3) установления новой статьей 75.1 Конституции РФ конституционной обязанности государства по созданию в стране системы условий, гарантирующих устойчивую поддержку институтов гражданского общества, индивида и гражданина. Эта поддержка реализуется через обеспечение их конструктивного взаимодействия друг с другом и с социальным государством. Центральными составляющими таких условий выступают: обеспечение стабильного развития экономики и роста уровня жизни граждан; построение отношений публичного доверия между институтами государства и обществом; признание ценности человеческого достоинства и труда; достижение баланса правового статуса личности (соотношения её прав и обязанностей); развитие института социального партнёрства; усиление принципов солидарности в экономической, политической и социальной сферах общественной жизни⁴⁵.

Проведенное сопоставление формулировки и нормативного наполнения принципа социального государства (ст. 7 Конституции РФ) с конституционными поправками 2020 года позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, номинальное обозначение (название) принципа сохранило свою статичность. Вместе с тем, произошла его содержательная конкретизация, основанная на интеграции духовно-нравственных ориентиров в процесс правового регулирования в рамках светской модели государства.

⁴⁴ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/4db010c9950baa1d07371f4a0ab352d5a0027d20/

⁴⁵ URL:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/844d980197f23461acb5a6699db6e34227150003/

Во-вторых, содержание принципа, в силу присущей фундаментальным началам свойства нормативной устойчивости, не претерпело кардинальной трансформации. Конституционные новеллы осуществили его адаптацию и операционализацию применительно к актуальным общественным и государственным потребностям, тем самым расширив доктринальное понимание и инструментарий его реализации. Одновременно, в силу его закрепления в первой главе Конституции и общей формы изложения, данное содержание обладает повышенной нормативной «долговечностью» по сравнению с конкретными поправками и выступает в качестве юридического предела для любых последующих конституционных модификаций.

В-третьих, наименование и содержание конституционного принципа образуют диалектическое единство двух его неотъемлемых свойств. Название выполняет функцию статичного идентификатора, обеспечивая длительную неизменность обозначения принципа, что гарантирует стабильность и преемственность в регулировании соответствующих общественных отношений. Нормативное наполнение принципа представляет собой его динамическое измерение. Сохраняя устойчивость своей догматической основы, оно обеспечивает возможность правогенеза и имплементации правовых норм в ответ на формирующиеся общественные потребности и нарождающиеся виды правоотношений.

То есть дополнять содержание принципа новыми аспектами правовой реальности и тем самым делать содержание принципа более полным и приближать его к тому состоянию, о котором пишет Б.С. Эбзеев, указывая, что принципы являются одновременно и определенной программой развития, зафиксированной в Конституции РФ, реалий правовой жизни.

В случаях, когда конституционный текст содержит исключительно наименование принципа без детализации его нормативного содержания, любые последующие модификации приобретают скрытый, латентный характер. Подобный способ фиксации, на наш взгляд, создает ситуацию, при которой

конституционные новеллы не обязательно адекватно отражают тот смысловой объем, который вкладывали в данный принцип разработчики Конституции в процессе ее создания.

Еще одним структурным элементом основ конституционного строя, релевантным теме настоящего исследования, выступают экономические основы. Их сущность состоит в создании конституционно-правового каркаса для экономической системы государства, который формирует необходимые предпосылки для материального обеспечения индивида и общества. Эта системообразующая роль объясняет постоянное внимание юридической науки к их изучению⁴⁶.

С этой точки зрения показательна доктринальная оценка О.Е. Кутафина, отвергавшего прямую корреляцию между конституционным закреплением социально-экономических основ и тоталитаризмом. Учёный подчёркивал, что такая фиксация, прежде всего, демонстрирует конституционную значимость соответствующих отношений, которые закономерно попадают в сферу нормативного воздействия конституционного права⁴⁷.

Наряду с этим в российской конституционно-правовой доктрине до настоящего времени отсутствуют фундаментальные исследования, специально посвященные системному анализу проблематики понятия и структурной организации экономических основ конституционного строя. Данный теоретический дефицит и обусловил научную потребность в комплексном изучении указанного вопроса, предопределив целеполагание и конкретные исследовательские задачи настоящей диссертации.

При этом в подходах к научному осмыслению и конституционно-правовому регулированию данной сферы можно выделить две характерные особенности. Первая касается самого предмета регулирования – экономической основы как

⁴⁶ См.: Конституционное право России: Учебник для студентов вузов / Под науч. ред. В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. 10-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 137–139; Осаветлюк А.М., Тутханян Г.А. О роли правовых основ в деятельности социального государства в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 34–37.

⁴⁷ См.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. С. 28.

компонента конституционного строя. Конституция РФ, действующее отечественное законодательство, а также доминирующая часть научной доктрины акцентируют внимание на регулировании и исследовании проблем, связанных с гарантированием единства экономического пространства, обеспечением свободы перемещения товаров, услуг и капиталов в его пределах.

Яркой иллюстрацией данного подхода служит статья 8 российского Основного Закона, которая нормативно закрепляет фундаментальные основы экономического порядка. В первой части названной нормы в качестве первоочередных гарантий устанавливаются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности. Вторая часть закрепляет равное признание и равную защиту в России частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, допускаемых законом⁴⁸.

Данная конституционная модель получает своё развитие и конкретизацию в отраслевом законодательстве. Так, статья 1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в действующей редакции) воспроизводит и детализирует эти установления. Целями указанного Федерального закона, в прямой преемственности с Конституцией, гарантирование целостности экономического пространства, обеспечение свободного движения товаров, услуг и финансовых средств, защита свободы предпринимательской деятельности, поддержка конкурентной среды, а также формирование правовых условий для эффективного функционирования товарных рынков на территории России⁴⁹.

Конкретизация содержания конституционного принципа указанного единства, порядок его реализации были установлены Указом Президента РСФСР «О едином экономическом пространстве РСФСР» от 12 декабря 1991 г. (в ред. от 21 октября 2002 г.)⁵⁰. Этим Указом устанавливалось, что акты государственных

⁴⁸ URL:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/c07038c724cae52fe849aad193a0eac08bda5f93/

⁴⁹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/

⁵⁰ См.: *Ведомости* СНД и ВС РСФСР. 1991. № 51. Ст. 1830.

органов и решения должностных лиц, содержащие противоправные ограничения для оборота товаров, работ и услуг на территории России, подлежали аннулированию как не соответствующие закону.

Защита добросовестной конкуренции, ориентированной на интересы потребителей, обеспечивается нормами российского гражданского законодательства, а также специальными антимонопольными законами. В рамках данных нормативных положений вводится правовой запрет для органов власти и иных лиц на осуществление действий, влекущих за собой сдерживание добросовестной конкуренции или формирование дискриминационных правил для участников рыночных отношений.

Такая же последовательность рассмотрения указанного института наблюдается в большинстве научных публикаций, учебников и других авторских работ⁵¹.

Правда, встречаются и счастливые исключения. Как отмечает Б.С. Эбзеев, свободная рыночная экономика представляет собой ключевую экономическую предпосылку конституционного строя. Ее конституционно закрепленными элементами выступают институты собственности, предпринимательской деятельности и труда⁵².

В развитие этой позиции в доктринальной литературе справедливо указывается, что экономическую основу конституционного строя Российской Федерации формирует социальное рыночное хозяйство, находящееся в процессе институционализации. В рамках данной модели производство и распределение благ осуществляются преимущественно через рыночные механизмы, участниками которых являются частные хозяйствующие субъекты, взаимодействующие в конкурентной среде. При этом базовым, первичным элементом всей экономической системы признаются правоотношения собственности⁵³.

⁵¹ См., например: Слабунов Л.А. Конституционное регулирование основ экономической системы Российской Федерации // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2007. № 12 (90). С. 22–26.

⁵² Эбзеев Б. С. Конституционное право России. С. 244.

⁵³ Конституционное право России: Учебник для студентов вузов / С. 103.

Вторым элементом экономической системы государства, которое является как бы естественным продолжением принципов равенства и равной защиты всех форм собственности, является *производство материальных благ*. Фундаментом данной системы выступает производительный труд человека. Поскольку ни одно общество не может устойчиво существовать без создания материальных и духовных благ, оно объективно заинтересовано в формировании правовых и экономических условий, максимизирующих эффективность трудовой деятельности. Независимо от формы собственности предприятия, всем работникам законодательно гарантируются справедливые условия трудовых отношений, включая процедуры найма и увольнения, а также принципы вознаграждения за труд. Равноправным и защищаемым государством элементом хозяйственной системы является свобода предпринимательской деятельности⁵⁴.

Действительно, как нам представляется, несколько преждевременно объявлять о свободе экономического пространства и свободе конкуренции, если «запаздывают» закрепление права частной собственности, провозглашение равенства всех форм собственности и материальное производство, основанное на рыночных отношениях.

Применительно к институту частной собственности – центральному компоненту экономической основы – наблюдается редукционистский подход: значительная часть современных исследований рассматривает данный институт изолированно, без должного учёта его взаимодействия и взаимовлияния с системообразующими принципами конституционного строя. Данный феномен выступает экономической и мировоззренческой основой для реализации личностной автономии, действенным катализатором повышения эффективности индивидуальной экономической активности, а также ключевым фактором, обеспечивающим устойчивый экономический рост и общественную динамику. Он лежит в основе развития демократических институтов, формирования достойного уровня материального обеспечения граждан и является необходимым условием

⁵⁴ Там же. С. 104.

для удовлетворения широкого спектра человеческих потребностей. Кроме того, он создает фундамент для прогресса научного знания и обогащения духовно-культурной сферы общества⁵⁵.

Адекватное правовое осмысление экономической основы конституционного строя и корреспондирующих ей экономических прав и обязанностей требует нового методологического подхода. Его суть заключается в аксиологическом и функциональном переосмыслении структурных элементов экономической системы, а также в обязательном исследовании экономических прав через призму их генетической и системной связи с конституционной экономической основой.

Научная дискуссия в данной области затрагивает вопрос о соотношении понятий «основы конституционного строя» и «конституционные принципы». Ряд авторов настаивает на их разграничении, трактуя «основы» как родовую, более широкую категорию, содержанием которой выступают сбалансированные подсистемы (экономические, политические, социальные и иные), сформированные из имманентно взаимосвязанных конституционных принципов⁵⁶.

Однако господствующей в конституционалистике остаётся позиция, отождествляющая основы конституционного строя непосредственно с системой основополагающих принципов, закреплённых в Конституции. Так, Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин интерпретируют их как фундаментальные начала государства, ключевые принципы, обеспечивающие Российской Федерации характер конституционного государства⁵⁷. Наряду с этим в науке существует иная точка зрения, согласно которой основы конституционного строя представляют собой не просто совокупность, а именно системное единство принципов⁵⁸.

Сравнительный анализ указанных подходов с нормативным содержанием Конституции России приводит к выводу, что наименование и содержание ее

⁵⁵ Бухонова Л.Р. Конституционно-правовое регулирование частной собственности в современном мире. Тенденции и перспективы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 3.

⁵⁶ Курилов А.Е. Экономические основы конституционного строя Российской Федерации (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 8.

⁵⁷ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. С. 99–100.

⁵⁸ Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д. Конституционное право России. С. 139–140.

главы 1 «Основы конституционного строя» демонстрируют, что в ней нашла свое закрепление именно система принципов. Так, очевидно, что в Основном Законе и в господствующей научной доктрине точке зрения отсутствует терминологическое или содержательное различие между понятиями «основы конституционного строя» и «конституционные принципы»; они рассматриваются как семантически и юридически тождественные.

Тезис о том, что дефиниция «основы конституционного строя» обладает существенно более широким объёмом, является дискуссионным и отражает определённую терминологическую неточность. Действительно, выделяемые группы принципов формируют содержание ключевых подсистем (экономической, политической, социальной, духовно-нравственной и правовой) в рамках единой системы основ конституционного строя. Однако методологическая слабость этой позиции состоит в том, что сами эти подсистемы суть не что иное, как систематизированные совокупности принципов соответствующей сферы регулирования, что делает их противопоставление необоснованным.

Что касается системной организации экономической основы конституционного строя, то, учитывая, что любая система предполагает иерархические связи элементов, представляется методологически верным анализировать принципы ст. 8 отечественной Конституции не в порядке их буквального изложения, а с точки зрения их функциональной значимости и системной роли. Первостепенное значение в рамках конституционно-правового исследования имеют принципы, образующие аксиологический и нормативный фундамент: неприкосновенность частной собственности, равенство субъектов экономической деятельности и равная защита всех форм собственности. Именно эти начала создают необходимые предпосылки для организации экономического производства, обеспечения реальной свободы конкуренции и поддержания целостности экономического пространства страны.

Отсюда логически следует, что практическая реализация и эффективность таких институтов, как свобода конкуренции и единство экономического

пространства, имеют производный характер и напрямую зависят от первичного обеспечения и гарантированности принципов частной собственности, равенства и равной правовой защиты.

Экономическую основу как составную часть основ конституционного строя Российской Федерации мы предлагаем рассматривать в двух взаимосвязанных плоскостях: как части и целого, а также как две взаимодействующие и взаимосвязанные системы норм права.

Проблематика основ конституционного строя Российской Федерации является традиционным и разработанным направлением в трудах ведущих отечественных специалистов по конституционному праву⁵⁹.

Тем не менее, в современной научной доктрине до сих пор отсутствуют комплексные исследования, специально посвященные актуальным вопросам взаимодействия и взаимовлияния экономических основ и системы основ конституционного строя в целом. Именно этот научный пробел обусловил постановку цели и задач настоящего диссертационного исследования.

Рассматривая экономическую основу в качестве органической и неотъемлемой части единой системы основ конституционного строя, следует опираться на выработанные в науке подходы. Так, видные ученые Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин определяли основы конституционного строя как императивные начала, конституирующие устои государства⁶⁰. С их точки зрения, эти начала представляют собой систему норм, призванных гарантировать Российской Федерации качество конституционного государства, что подчеркивает их нормативный, а не только декларативный характер, и их роль в обеспечении целостности конституционного правопорядка⁶¹.

Согласно позиции Б.С. Эбзеева, основы конституционного строя представляют собой особый класс нормативных предписаний — систему норм-

⁵⁹ См.: *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России. С. 244–260; *Невинский В.В.* Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // *Lex Russica*. 2018. № 11 (144). С. 106–121; *Лебедев В.А.* Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // *Lex Russica*. 2017. № 1 (122). С. 130–139.

⁶⁰ См.: *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России. С. 146–149.

⁶¹ Там же. С. 99.

принципов, которые выражают сущностное содержание Конституции и обладают сквозным действием, пронизывая всю ее архитектуру⁶².

Вместе с тем, в существующих научных публикациях отсутствует комплексный анализ диалектической взаимосвязи между экономической основой как элементом системы и основами конституционного строя как целым. Недостаточно изучены особенности содержательного взаимодействия этих двух сопряженных систем норм в рамках конституционного права.

Как следует из приведенного анализа, экономическая основа входит в структуру основ конституционного строя Российской Федерации в качестве одного из её компонентов. Помимо неё, в данный комплекс включаются основы государственности, духовно-культурные основы, основы правового статуса личности и иные элементы.

Объединяющим началом для этих категорий — части и целого, а также для системы норм в целом — является то, что как основы конституционного строя в совокупности, так и каждая из его выделенных составных частей, по своей сути, являются системами принципов. Каждая из них обладает специфическим качеством, отличающим её от общей системы норм конституционного права. Это отличие заключается в иерархии юридической силы: в системе норм права безусловный приоритет принадлежит принципам по отношению к иным нормативным предписаниям. Данный тезис, в частности, отражен в трудах по общей теории права, где подчеркивается, что принципы как особый вид норм всегда обладают высшей юридической силой. Практическим следствием этого является то, что в случае коллизии между предписанием принципа и положением иной нормы права, применению подлежит именно норма-принцип⁶³.

При этом система конституционных принципов не обладает внутренней субординацией, то есть между отдельными принципами отсутствует явно выраженная иерархия. Все принципы, содержащиеся в 1-й главе Основного

⁶² Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 197.

⁶³ См.: *Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов* / Под общ. ред. акад. РАН В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2002. С. 261–262.

Закона и наследшие продолжение и развитие как в остальном тексте Конституции, так и в специализированном законодательстве, имеют одинаковое нормативное достоинство. Они должны реализовываться в системном единстве, при котором осуществление одного принципа не должно приводить к нарушению или умалению другого⁶⁴.

В этой связи Б.С. Эбзеев, характеризуя основы конституционного строя, указывает на их балансирующую функцию. Равновесие в конституционном правопорядке воплощается в принципах демократии, социального правового государства, разделения властей, сочетания индивидуальных прав и публичного интереса, экономической свободы и модели социального рыночного хозяйства. Именно такой тщательно выверенный баланс, по его мнению, фиксируемый Конституцией, обеспечивает легитимность государственной власти и одновременно служит гарантией против поглощения гражданского общества государственными структурами и ущемления свободы⁶⁵.

Наиболее распространенным в мировой практике, включая Российскую Федерацию, механизмом достижения этого баланса является деятельность органов конституционного контроля. Конституционный Суд Российской Федерации, разрешая споры, осуществляет согласование конституционных принципов, вырабатывая критерии их соразмерного применения, поскольку все они равноценны и не находятся в отношениях субординации⁶⁶.

Задача достижения баланса между конституционными принципами, обладающими равной ценностью, облегчается благодаря возможности их классификации в зависимости от места в системе права, степени значимости, пространства и сферы регулятивного воздействия. Наиболее высокий статус и максимально широкую область действия имеют *общие принципы* Конституции, которые распространяются на всю правовую систему. К ним относятся

⁶⁴ См. подробнее: *Осавелюк Е.А.* Проблема соотношения принципов территориальной целостности и права народов и наций на самоопределение // *Россия: вопросы эффективного развития: Науч. тр. ИМПЭ им. А.С. Грибоедова*. Вып. 2010. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2010. С. 93.

⁶⁵ *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России. С. 196–197.

⁶⁶ *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013. С. 269.

верховенство Конституции, народовластие, законность, справедливость, демократизм, равенство и другие, закрепленные в преамбуле, а также в статьях 1, 3, 15 и др. Основного закона.

Следующую категорию образуют *межотраслевые принципы*, которые отражают сущностные черты нескольких смежных отраслей права. В качестве иллюстрации могут служить принципы, закреплённые в ст. 8 и ст. 19 равенство всех перед законом и судом, равенство и равная защита всех форм собственности.

Количественно преобладают *отраслевые принципы*, отражающие специфику отдельных правовых отраслей, в первую очередь — систему принципов конституционного права как базовой отрасли национальной правовой системы. Однако, будучи наиболее многочисленными, они обладают и наиболее ограниченной сферой правового регулирования по сравнению с предыдущими видами.

Таким образом, в процессе правовой гармонизации коллидирующих принципов основ конституционного строя Конституционный Суд Российской Федерации в каждом конкретном деле обязан установить какому виду основ относится спорное правоотношение, и выбирать соответствующую группу принципов (межотраслевых, отраслевых и т.д.) для обоснованного разрешения юридического вопроса.

Нормативным ядром экономической основы конституционного строя выступает система взаимосвязанных принципов, к которым относятся: равенство и равная правовая защита всех форм собственности; отношение к земле и иным природным ресурсам как основе жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующих территориях, предполагающее их использование и охрану; единство экономического пространства; обеспечение свободного обращения товаров, услуг и финансовых средств; поддержка конкуренции; гарантирование свободы экономической деятельности.

На наш взгляд, состояние, уровень институционализации и демократическая легитимность реализации именно этих принципов в их совокупности определяют

характер и эффективность функционирования остальных элементов конституционного строя – основ государственности, правового статуса личности, духовно-культурной системы и иных.

Результаты компаративного анализа положений первой главы Конституции и поправок, принятых в 2020 году, дают основание для следующих выводов:

- Принципы, составляющие содержание названной главы, характеризуются различным нормативным оформлением в тексте Основного Закона. Например, принцип, провозглашающий человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), закреплён в аксиоматической форме — лишь через наименование. В то же время принцип социального государства (ст. 7 Конституции РФ) содержит как нормативное обозначение, так и раскрытие своего базового содержания.

- Нормативное наполнение принципов также структурировано по-разному. Содержание некоторых принципов раскрывается непосредственно в той же статье, где сформулировано их название (как в ст. 7). Содержание других принципов, например, принципа разграничения предметов ведения между органами власти федерального уровня и уровня её субъектов (ст. 5), детализируется в иных статьях Конституции (ст. 71–73). Третья группа принципов (как, например, принципы, отражённые в ст. 2 и ст. 67.1) получает развитие как в исходных статьях, так и в положениях конституционных поправок.

- Фиксация в тексте Конституции исключительно наименования принципа без раскрытия его содержания создаёт потенциал для неоднозначной интерпретации. Это затрудняет адекватное отражение первоначального замысла разработчиков Основного закона в последующих конституционных новеллах и текущем законодательстве, поскольку смысловая нагрузка, вложенная в принцип изначально, может оставаться латентной.

- Категория «неизменяемость принципа» носит относительный характер и обладает дуальной природой, включающей статичное и динамичное состояния. Статический аспект связан с номинальной формулой принципа, что обеспечивает

долговременную стабильность его ядра и преемственность правового регулирования. Динамический аспект относится к содержательному наполнению принципа, которое может эволюционировать в определенных границах под влиянием социально-политических запросов, сохраняя при этом свою сущностную основу. Накопление таких содержательных модификаций ведет к постепенному смысловому сближению между названием принципа и его нормативным содержанием, подтверждая его роль одновременно как отражения правовых реалий и программы их развития.

1.2. Системные характеристики экономической составляющей конституционного строя России

Как демонстрирует проведённый анализ, экономическую основу конституционного строя России в её системном выражении можно интерпретировать в двух взаимозависимых проекциях. С одной стороны, она представляет собой иерархизированную систему норм-принципов, образующих нормативный фундамент для правового регулирования экономических отношений. С другой стороны, она функционирует как система детерминации, где данные принципы в их совокупности определяют сущность и содержание иных правовых предписаний в социально-экономической сфере.

Ядро этой системы составляют принципы, закреплённые в статьях 7, 8 и 9 Основного Закона России: социальный характер Российского государства; плюрализм и равная защита различных форм собственности, обеспечение свободы экономических отношений, гарантии целостности экономического пространства и поощрение конкурентной среды; равноправие различных форм собственности на земельные и иные природные ресурсы и их сбалансированное использование и охрана как материальная основа жизнедеятельности народов.

Формируя правовые основы организации национальной экономики и создания условий для достойного существования граждан, указанные принципы

занимают центральное место в системе конституционного права, что обуславливает устойчивый научный интерес к их исследованию⁶⁷.

Как справедливо отмечал О.Е. Кутафин, хотя прогнозирование конкретных траекторий экономического развития России сопряжено со значительными сложностями, сам факт конституционной фиксации экономических и социальных основ, а также основ общественного строя, однозначно свидетельствует о детерминированной роли, которую государство отводит данным вопросам. Соответственно, складывающиеся в этой сфере общественные отношения закономерно входят в предмет конституционно-правового регулирования⁶⁸.

Несмотря на императивное закрепление соответствующих принципов в тексте Конституции РФ и наличие значительного массива научных публикаций, в доктрине конституционного права сохраняется методологический диссонанс относительно определения их функциональной роли и места в системе регулирования экономических отношений. Так, часть исследователей, следуя буквальному толкованию ч. 2 ст. 8 Основного Закона, детерминируют методологический фокус на принципах признания и равной правовой защиты всех форм собственности⁶⁹. Другие авторы преимущественно сосредотачиваются на аспектах многообразия и равенства всех форм собственности⁷⁰.

При этом в современной науке конституционного права наблюдается дефицит комплексных монографических исследований, специально посвященных системно-теоретическому анализу актуальных проблем экономических основ конституционного строя. Именно потребность в преодолении данного научного пробела определила цель и задачи настоящей работы.

⁶⁷ См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. С. 146—149; Осавельюк А.М. Конституционно-правовое регулирование права частной собственности (духовно-нравственный аспект). С. 137—141; Осавельюк А.М., Тутханын Г.А. О роли правовых основ в деятельности социального государства в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 34—37.

⁶⁸ См.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. С. 28.

⁶⁹ См., например: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. 10-е изд., изм. и доп. М.: Норма – Инфра-М, 2013. С. 160.

⁷⁰ См., например: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. С. 70.

Проведенный анализ существующих подходов позволяет констатировать, что часть исследователей концентрируется на формальных аспектах признания и защиты, оставляя вне поля зрения сущностную природу охраняемого объекта — собственности. Другие, верно выделяя онтологическое значение форм собственности, не уделяют достаточного внимания механизмам их признания и защиты. При этом обе обозначенные научные позиции не содержат должного акцента на первичности и системообразующем характере принципов многообразия и равенства всех форм собственности, что свидетельствует о редукционистском характере существующих исследований.

Мы поддерживаем точку зрения М.В. Баглая, который подчеркивает, что основной акцент Конституции РФ смещен не столько на формальное закрепление принципов рыночной экономики, сколько на обеспечение их реальной и безусловной действенности на всей территории сложноорганизованного федеративного государства⁷¹.

Подобный приоритет логически вытекает из самой структуры конституционных норм. Часть 1 ст. 8 российской Конституции в качестве основополагающей конституционной гарантии устанавливает поддержание целостности национального рынка, гарантии свободного движения товаров, услуг и финансов, содействие развитию конкуренции и охрану свободы экономической деятельности. Лишь затем ч. 2 той же статьи провозглашает признание и равную защиту различных форм собственности⁷².

Исходя из изложенного выше, мы обоснованно считаем, что, если не будет конституционного закрепления многообразия и равенства всех форм собственности, которые в условиях рыночной экономики должны конкурировать и развиваться, то не понадобятся и принципы, закрепленные в ч. 1 ст. 8 Основного Закона.

Иногда некоторыми авторами высказываются и еще более экзотические мнения. К примеру, В.Д. Мазаев полагает, что существенным отрицательным

⁷¹ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. С. 157.

⁷² URL:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/c07038c724cae52fe849aad193a0eac08bda5f93/

вектором и результатом в современном правовом регулировании является: 1) ставка на доминирование частноправовых подходов в регламентации отношений собственности; 2) дефицит детального конституционно-правового регулирования статуса и функций общественных (публичных) форм собственности в экономической системе; 3) недостаточное осмысление тесной взаимосвязи между государственной и муниципальной собственностью, с одной стороны, и реальным народовластием как экономической основой публично-правовых образований — с другой⁷³.

Исходя из указанных проблем, целью настоящего исследования является комплексный системный анализ принципов экономической основы конституционного строя Российской Федерации. Такой анализ предполагает рассмотрение не только их внутреннего содержания, но и диалектического взаимодействия между ними. Актуальность данной задачи дополнительно подтверждается правоприменительной практикой Конституционного Суда РФ, который множество раз проводил последовательный анализ принципа равенства форм собственности в качестве сквозного элемента, исследуя его проявления в межотраслевом правовом регулировании и в системе отношений между субъектами публичного и частного права⁷⁴.

Согласно конституционно-правовой доктрине, система принципов обладает спецификой по сравнению с общей системой норм права, заключающейся в отсутствии между ними явно выраженных иерархических отношений⁷⁵.

Данные критерии проявляются в двух аспектах. Во-первых, они определяют сферу действия и регулятивный потенциал самих принципов. Во-вторых, они

⁷³ Мазаев В.Д. Конституционные основы публичной собственности в Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 3.

⁷⁴ См., например: *Постановление* от 2 июля 2020 г. № 32-П // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356399/; *Постановление* от 12 мая 2011 г. № 7-П // URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101356/>; *Определение* от 12 мая 2006 г. № 167-О // URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12048589/>

⁷⁵ См.: Гаджиев Г. А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. М., 2013. С. 269; Осавелюк Е. А. Конституционно-правовые основы статусных полномочий высших органов государственной власти: Монография / Отв. ред. Б.С. Эбзеев. М.: Проспект, 2021. С. 28–37; Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 551.

раскрывают характер их взаимосвязи с принципами, лежащими в основе правового регулирования иных областей общественных отношений.

Первый аспект, в частности, находит отражение в существовании отношений первичности одних принципов по отношению к другим. Так, принципы многообразия и равенства всех форм собственности обладают признаком первичности при сопоставлении с принципами признания и равной защиты таковых.

Более того, принципы многообразия и равенства форм собственности первичны и в отношении принципов, закрепленных в ч.1 ст.8 Основного Закона: поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности и единства экономического пространства⁷⁶.

При этом характер производности у рассматриваемых групп принципов не является идентичным. Принципы признания и равной защиты собственности представляют собой не что иное как логическое и нормативное продолжение принципов многообразия и равенства. В то время как принципы свободы конкуренции, предпринимательства и единства экономического пространства носят инструментальный, обеспечительный характер и непосредственно направлены на создание конституционных условий для функционирования рыночной экономики.

Вторым критерием, раскрывающим системность принципов экономической основы, выступает характер их взаимодействия с принципами иных подсистем основ конституционного строя. Яркой иллюстрацией является связь между принципами многообразия и равенства всех форм собственности и принципами социального государства.

В соответствии со ст. 7 отечественной Конституции, Россия определяется как социальное государство. Целью его политики является создание условий, гарантирующих достойный уровень жизни и всестороннее развитие личности. Нормативная конкретизация данного принципа включает следующие элементы:

⁷⁶ См.: Саудаханов М.В. Позиции Конституционного Суда РФ о роли частной собственности в экономической основе конституционного строя России // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 44–47.

обеспечение охраны труда и здоровья населения; установление законодательно гарантированного МРОТ; реализация государственной демографической и семейной политики, включая поддержку институтов материнства, отцовства и детства, а также помощь инвалидам и гражданам пожилого возраста; развитие институтов и инфраструктуры социального обслуживания; формирование и функционирование системы пенсионного обеспечения, социальных пособий и иных гарантий социальной защиты.

Отсюда следует, что реализация принципов социального государства носит производный, обеспечительный характер. Их практическое осуществление напрямую детерминировано эффективностью функционирования принципов многообразия и равенства собственности, которые создают необходимые экономические и материальные предпосылки для проведения социальной политики.

Особый подход к пониманию экономической основы конституционного строя предложен В.Д. Мазаевым, чья концепция выводит анализ в иную концептуальную плоскость. Его позиция не только выходит за рамки традиционного толкования конституционных положений, но и не связана с предметом правового регулирования в данной области.

Учёный обосновывает позицию об относительной автономии права публичной собственности как субинститута конституционного права, что вытекает из специфики опосредуемых им отношений. Согласно его структурно-иерархической модели, основы конституционного строя представляют собой подотрасль, в рамках которой нормы об экономических основах образуют отдельный институт, а право публичной собственности – субинститут в его составе.

По определению Мазаева, данный субинститут есть система конституционных норм, регулирующих отношения, субъектами которых являются многонациональный народ России, коренные народы и местные сообщества, а объектом – публичное благо. Цель регулирования – реализация

публичного интереса, достигаемая как через деятельность органов публичной власти, так и путём прямого волеизъявления граждан⁷⁷.

Трудно согласиться с подобной трактовкой статуса публичной собственности. Во-первых, потому, что подотрасль в соответствии с устоявшимися положениями теории государства и права должна представлять собой обособленную сферу отношений отрасли права со своим предметом и особыми субъектами правоотношений. Но если составные части основ конституционного строя, которые закреплены в главе 1 Конституции РФ, конкретизируются не только в других главах Конституции, но и в отраслевом законодательстве, то они никак не могут претендовать на подобную уникальность.

Во-вторых, указанный подход данного автора к публичной собственности не соответствует не только положениям, зафиксированным в Конституции РФ, но и в отраслевом законодательстве.

В-третьих, указанные конституционно-правовые отношения не могут эффективно функционировать без достаточно развитых институтов гражданского общества⁷⁸.

И, наконец, в-четвертых, – самое главное, с подобным подходом указанного автора можно было бы подумать, как соглашаться, если бы Конституция России была бы отраслевым источником права Российской Федерации, но она таковым никак не является.

Принимая во внимание, что к субъектам гражданского общества в доктринальной литературе принято относить добровольные объединения, союзы, ассоциации, движения, фонды, институты местного самоуправления и общественные организации, можно отчасти согласиться с тезисом об их образовании по инициативе граждан для защиты своих прав и интересов вне

⁷⁷ Мазеев В.Д. Конституционные основы публичной собственности в Российской Федерации. С. 11.

⁷⁸ См.: Чернявский А.Г., Грудцына Л.Ю., Пашенцев Д.А. Государство. Гражданское общество. Право: Монография / М.: Инфра-М, 2017.

прямой зависимости от государственной воли. Однако их деятельность осуществляется в рамках общего конституционно-правового поля⁷⁹.

При этом важно сделать существенное уточнение: до начала непосредственной деятельности по защите прав и интересов такие субъекты должны пройти этап консолидации, в ходе которого происходит осознание своих **собственных** прав и общих целей, а уже затем их последующая формализация в учредительных документах, например, в уставах.

Наиболее релевантным для нашего исследования, хотя и не исчерпывающим, представляется определение гражданского общества, предложенное в учебнике «Конституционное право России» под редакцией Б.С. Эбзеева и А.С. Прудникова. Согласно ему, гражданское общество в современной трактовке представляет собой необходимый и рациональный способ организации совместной жизни людей, базирующийся на принципах разума и свободы. Это общество, характеризующееся развитой системой экономических, политических, правовых и культурных отношений между его членами. Данные отношения не опосредованы государством, сохраняют по отношению к нему самостоятельность, но при этом осуществляют с ним постоянное взаимодействие⁸⁰.

В академической литературе существует множественность трактовок и дефиниций категории гражданского общества. Исходя из содержания указанного понятия, сформулировавших их авторов можно условно разделить на несколько групп. В основе определений понятия гражданского общества, которые даны авторами первой группы, лежит институциональный подход. Согласно одной из доктринальных позиций, гражданское общество трактуется как совокупность социальных образований и отношений, лежащих вне сферы непосредственного политико-властного регулирования. К нему относят взаимодействия в экономической, социальной, культурной и бытовой сферах. В этом понимании

⁷⁹ Калашиников С.В. Конституционные основы формирования гражданского общества в России: Дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 35.

⁸⁰ См.: Конституционное право России: Учебник для студентов вузов / М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 105.

гражданское общество предстаёт как пространство реализации экономических, социальных, культурных, а также личных прав и свобод индивида⁸¹.

В русле кантовской философско-правовой традиции Е.С. Строев указывает на то, что политическая эффективность и ответственность государства детерминированы наличием зрелой сети общественных связей, концептуализируемой как гражданское общество. В прагматике государственного управления гражданское общество интерпретируется как комплекс негосударственных институтов и правовых отношений, генерируемых свободной и добровольной деятельностью индивидов и их коллективных объединений. Эта система служит инструментом для удовлетворения как индивидуальных, так и коллективных потребностей и интересов⁸².

Особая ценность определений понятия «гражданское общество», основанных на институциональном подходе, заключается в возможности более точно показать диалектическую взаимосвязь и взаимодействие гражданского общества и государства посредством соответствующих социальных структур, раскрыть механизм такого взаимодействия, особенно в решении и регулировании социально-экономических вопросов.

В основе определения указанного понятия, предложенного другими учеными, лежит содержательный подход. Согласно позиции В.А. Туманова, В.Е. Чиркина, Ю.А. Юдина и др., гражданское общество определяется как сфера социально-экономических, культурных и духовных отношений, которые противопоставляются отношениям властно-политического характера, составляющим систему государственной власти⁸³.

Г.И. Иванец, И.В. Калинин, В.И. Червонюк связывают содержательное наполнение данной категории с достижением обществом высокой степени зрелости. Согласно этой точке зрения, гражданское общество есть система

⁸¹ Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М.: Бек, 1998. С. 99.

⁸² Строев Е.С. Выступление на Общественном форуме, организованном независимой ассоциацией «Гражданское общество» и Национальным фондом «Общественное признание». Цит. по: Грудцына Л.Ю. Государство и гражданское общество / Под ред. С. М. Петрова. М., 2010. С. 5.

⁸³ Конституция Российской Федерации: Энцикл. словарь / В.А. Туманов, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия: Юрист, 1997. С. 60.

негосударственных институтов, возникающая на конкретной стадии общественного развития и опосредующая всю совокупность социально-политических, рыночных, семейных и культурных взаимодействий посредством собственных нормативных систем. Эта институциональная среда обеспечивает условия для удовлетворения разнообразных интересов и потребностей, а также для участия в управленческих процессах на различных уровнях⁸⁴.

Таким образом, подлинным гражданским обществом может считаться лишь то, которое достигло достаточно высокого уровня развития. Его отличительными чертами являются: обширная сфера публичных отношений с активным участием массовых движений, политических партий и общественных объединений, формируемых по интересам и убеждениям; а также деятельность, направленная на демократизацию государственной власти через её делегирование органам самоуправления и обеспечение диалога между большинством и меньшинством на основе согласования позиций государственных и общественных институтов.

Необходимо отметить, что среди ученых не всегда встречаются достаточно выверенные оценки состояния развитого гражданского общества.

Согласно одной из доктринальных позиций, развитое гражданское общество характеризуется такой степенью автономности от государства, которая служит гарантией безопасности личности от потенциальных злоупотреблений, связанных с недобросовестным осуществлением публичной власти. В этой концепции индивид выступает прежде всего как носитель универсальных прав человека, а уже затем — как гражданин конкретного государства. Соответственно, миссия гражданского общества видится в защите естественных прав человека, в то время как с государством коррелируют позитивные права гражданина. Сложившееся гражданское общество в данном понимании не допускает государственного насилия и функционирует в пространстве свободно формируемых гражданских

⁸⁴ Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. Конституционное право России: Энцикл. словарь. М., 2002. С. 68.

интересов, где основой взаимодействия выступает личность, вступающая в отношения с другими индивидами⁸⁵.

Нам представляется, что связь между личностью, гражданским обществом и государством носит более сложный, системный и неразрывный характер, предполагающий тесную взаимозависимость.

Во-первых, риск злоупотреблений не может быть локализован исключительно в сфере государственной деятельности. Он имманентно присущ и другим сегментам социальной системы, проявляясь в недобросовестном осуществлении полномочий представителями институтов самого гражданского общества, а также в противоправных действиях отдельных индивидов.

Во-вторых, в настоящее время, когда в большинстве современных государств основным субъектом правотворчества является именно государство, трудно утверждать, что каждый член гражданского общества является, прежде всего, субъектом права, а только уж потом гражданином государства.

В-третьих, именно поэтому трудно утверждать, что гражданское общество защищает права именно *человека*, а государство – права *гражданина*. Самым наглядным примером этому могут служить, прежде всего, Конституция РФ и отечественное законодательство.

Статья 52 Основного Закона гарантирует государственную защиту прав тем лицам, которые пострадали от преступных деяний и злоупотреблений властными полномочиями. В соответствии с данной нормой государство берет на себя обязанность обеспечить таким лицам реальную возможность судебной защиты, а также возмещение причиненного им материального, физического или морального вреда. Если бы позиция указанных авторов хотя бы в какой-то степени соответствовала действительности, после слова «потерпевших» непременно стоял бы термин «граждан», но его нет.

В ещё большей степени ошибочность указанной позиции демонстрирует норма статьи 53 Конституции, которая провозглашает безусловное право каждого

⁸⁵ См., например: *Конституционное право России: Учебник для студентов вузов* / Под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. 5-е изд., перераб. и доп. С. 106.

на компенсацию государством вреда, нанесенного неправомерными действиями или бездействием органов публичной власти либо их должностных лиц⁸⁶.

Тезис о том, что гражданское общество защищает исключительно права человека, а не права гражданина, также не выдерживает критики. Приведем в пример ст. 2 ФЗ от 12 января 1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», которая под профессиональным союзом понимает добровольное общественное объединение граждан, созданное на основе общих производственных или профессиональных интересов для реализации функций представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов, что прямо относится к сфере правового статуса гражданина.

Нормативное регулирование правового статуса профессиональных союзов в Российской Федерации основывается на принципе их равноправия. Правосубъектность в данной сфере возникает у физических лиц по достижении возраста 14 лет при условии осуществления ими трудовой или профессиональной деятельности. Указанные лица наделяются правомочиями по свободному созданию профсоюзов для защиты своих интересов, вступлению в них, участию в профсоюзной деятельности, а также выходу из состава этих объединений.

Реализация этих прав осуществляется на основе императивного принципа свободы, не требующего какого-либо предварительного разрешения. Законодатель предоставляет соответствующее правомочие и российским гражданам, постоянно пребывающим за рубежом, сохраняющим право состоять в профессиональных союзах, действующих на территории России.

Правом, совпадающим по объёму, обладают также иностранные граждане и апатриды, на законных основаниях проживающие в РФ, за изъятиями, прямо предусмотренными федеральным законодательством или международными договорами России⁸⁷. Думаем, что комментарии в данном случае никакие не требуются, более того – излишни.

⁸⁶ URL:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/d1c26d2d50ec18bc17c161c789b8b4476e6963d5/

⁸⁷ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/

И, в-четвертых, сформировавшееся гражданское общество не только не терпит насилия со стороны государства и существует в рамках свободы гражданских интересов, но и насилия, идущего от отдельных лиц либо структур гражданского общества.

Фундаментальной основой гражданского общества в его современном понимании является человек, чьи социальные практики включают взаимодействие не только в межличностной сфере, но и с совокупностью институтов гражданского общества, а равно с публично-властными институтами государства.

Современный индивид, как правило, одновременно включен в несколько социальных систем: является членом семьи, участником профессиональных или иных общественных объединений (молодежных, культурных, политических), а также осуществляет трудовую деятельность в структурах государственного, муниципального или частного сектора.

Вместе с тем, с определенной долей согласия можно принять точку зрения данного автора о том, что многие институты гражданского общества, в отличие от государства, строят свою внутреннюю деятельность не исключительно на нормах позитивного права. Значительную регулятивную роль играют иные виды социальных норм — нормы нравственности, морали и корпоративной этики, которые закрепляются в их внутренних документах (уставах, кодексах, положениях).

Ярким примером такого саморегулирования служит Кодекс профессиональной этики адвоката. Его преамбула прямо указывает, что он принимается для поддержания профессиональной чести и осознания нравственной ответственности перед обществом, а его существование признается невозможным без соблюдения корпоративной дисциплины и этики. Статья 1 Кодекса устанавливает, что он содержит обязательные правила поведения, основанные именно на нравственных критериях и традициях профессии⁸⁸.

⁸⁸ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/

Таким образом, деятельность общественных объединений по разработке корпоративных норм, а также их участие в нормотворческом процессе органов публичной власти, имеет выраженную направленность на личность, её достоинство, профессиональную честь и неформальные социальные связи, дополняя формально-юридическое регулирование⁸⁹.

Следует особо подчеркнуть, что подобные положения нравственного порядка, формулируемые в официальных документах современных общественных объединений как структурных составных частях гражданского общества, гармонично сочетаются и сохраняют преемственность с мыслями, господствовавшими в умах и действиях наших предков.

Как отмечал в своих трудах Г.Ф. Шершеневич, обязанность в социально-правовом контексте представляет собой, прежде всего, субъективное осознание индивидом связанности собственной воли. Она предполагает, что лицо добровольно ограничивает возможность реализации своих непосредственных интересов, даже если они фактически достижимы, руководствуясь необходимостью учета и соблюдения интересов и прав других субъектов. Таким образом, обязанность имплицитно содержит элемент самоограничения, вытекающий из потребности согласования индивидуальных и коллективных интересов в рамках правового общежития⁹⁰. И это еще одно непреложное свидетельство своевременности и актуальности конституционной новеллы новой ст. 67.1, включенной в Основной закон Российской Федерации в 2020 г.

Попытку «объединить» структурный и содержательный подход к определению понятия «гражданское общество» предпринял в своем диссертационном исследовании В.С. Грачев, который считает, что с позиций конституционно-правовой доктрины гражданское общество представляет собой не просто совокупность негосударственных институтов, но, прежде всего, качественную характеристику уровня развития социума. Его сущность

⁸⁹ См. подробнее: *Авакьян С.А.* Общественный фактор в законотворчестве: некоторые проблемы и предложения // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3. С. 8–12; *Он же.* Размышления конституционалиста: Избр. ст. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 406–414.

⁹⁰ *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1912. С. 619–620.

заключается не в создании автономных структур, противопоставляемых государству, а в наделении существующих общественных субъектов такими атрибутивными свойствами, которые обеспечивают их способность к активному и конструктивному воздействию на формирование и реализацию государственной политики⁹¹.

Следует особо подчеркнуть, что в последние десятилетия в Российской Федерации наметилась устойчивая тенденция, которая во все большей степени замечается и анализируется в отечественной литературе последних лет. Все больше и все чаще известные ученые не только указывают на то, что гражданское общество обладает неким особым качественным потенциалом, но даже отмечают соответствующие отличительные признаки качественной характеристики: гражданское общество должно быть нравственно и духовно здоровым⁹².

Данный подход связывает становление гражданского общества с ростом правосознания и социальной субъектности индивидов, формируемых главным образом прогрессивными институтами самого этого общества. В такой парадигме гражданское общество предстает как смысловое и деятельностное ядро социума, его наиболее развитый и активный сегмент⁹³.

Содержательное качество гражданского общества имеет глубокую аксиологическую основу. Как отмечают Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин, гражданское общество представляет собой систему автономных от государства институтов и отношений, создающих условия для реализации частных и коллективных интересов в социальной, культурной и духовной сферах. Оно отождествляется со сферой частных интересов, в рамках которой осуществляется большая часть прав и свобод. Однако это не совокупность изолированных

⁹¹ Грачев В.С. Институты гражданского общества и их роль в обеспечении конституционно-правовых отношений в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 11.

⁹² См.: Авакьян С. А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М., 1996. С. 16.

⁹³ Авакьян С.А. Конституционное право России: Учеб. курс: Учеб. пособие: В 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма – Инфра-М, 2010. С. 500–501.

индивидов, а целостная взаимосвязанная система, объединенная общим стремлением к совместной жизнедеятельности разнородных социальных сил⁹⁴.

Нравственный фундамент гражданского общества подчеркивает и Н.С. Бондарь, определяя его как объективно сложившийся порядок общественных отношений, базирующийся на признанных обществом требованиях справедливости, достигнутой меры свободы и недопустимости произвола⁹⁵.

Права человека, выражающие частный интерес, исторически носили протестный характер против угнетения и социальной несправедливости. Их генезис прослеживается в первых антирабовладельческих законах и борьбе за свободомыслие и веротерпимость, что отражает изначальную дихотомию между личностью и властью⁹⁶.

Частные интересы индивида, объективированные в его правах и свободах, представляют собой многомерное явление. Во-первых, это нормативно-правовая конструкция, фиксирующая юридический статус личности в её взаимоотношениях с государством и выступающая инструментом защиты от государственного произвола. Во-вторых, они формируют особую философско-мировоззренческую парадигму, основанную на принципах гуманизма. В-третьих, это комплекс гуманистических ценностей, служащих фундаментом для общественных отношений, а также система социального регулирования, интегрирующая морально-этические нормы и правовые предписания.

Значимой тенденцией эволюции современного гражданского общества в России и других развитых странах в условиях глобализации выступает интенсивная цифровизация. Широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий способствует существенной оптимизации общественных отношений и повышению эффективности взаимодействия между

⁹⁴ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 2008. С. 59.

⁹⁵ См.: Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении: Учеб. пособие. М., 2004. С. 27–29.

⁹⁶ Ларин А.М. Защита прав человека в современном мире. М., 2004. С. 29.

различными субъектами социального поля⁹⁷. Нормативной базой, регламентирующей применение информационных технологий, является ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в действующей редакции)⁹⁸. Об интенсивности процесса, связанного с развитием и применением информационных технологий, свидетельствует, например, тот факт, что после вступления в силу указанный Закон изменялся более 80 раз.

Своеобразным развитием и одновременно расширением регулирования применения современных средств и технологий в указанной сфере является Постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций»⁹⁹. К ним, например, относятся технологии искусственного интеллекта, больших данных, робототехники и сенсорики, виртуальной и дополненной реальности, технологии промышленного интернета и др.¹⁰⁰

Таким образом, представляется обоснованной позиция, согласно которой существование и деятельность как отдельной личности, так и любого субъекта гражданского общества, детерминированы не столько их автономией, сколько степенью эффективной интеграции в социальные процессы. Их сущность формируется преимущественно через систему общественных отношений, в которые они вовлечены. Следовательно, фундаментом гражданского общества должен являться не принцип обособленности его субъектов, а фактор, обеспечивающий их устойчивую взаимосвязь, согласованность действий и целеполагание, направленное на удовлетворение взаимозависимых общественных и индивидуальных интересов. Указанный фактор системной интеграции зачастую

⁹⁷ См. подробнее: *Советов Б. Я., Цехановский В. В.* Информационные технологии. – 7-е изд. – М.: Юрайт, 2021; *Хлебникова А. А.* Информационные технологии. – М.: КНОРУС, 2022.

⁹⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31, ст. 3448.

⁹⁹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020 г. – № 44, ст. 7003.

¹⁰⁰ Подробнее см., например: *Вишневский К. О. и др.* Цифровые технологии в российской экономике. – М.: НИУ ВШЭ, 2021; *Машевская О. В.* Цифровые технологии как основа цифровой трансформации современного общества // Вестник Полесского гос. ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2020. – № 1.

игнорируется при концептуализации моделей гражданского общества и оценке его социальной роли¹⁰¹.

Наглядным подтверждением справедливости данного подхода служит пример этико-правового регулирования судейской деятельности. Так, российский Кодекс судейской этики устанавливает для судьи обязанность руководствоваться в своей профессиональной деятельности наряду с Конституцией и законодательством также и общепризнанными нормами нравственности (ст. 1), что подчеркивает значимость неформальных социальных регуляторов и ценностной консолидации для эффективного функционирования публичного института.

Таким образом, конституционно-правовой механизм обеспечения баланса между частными, общественными и государственными интересами в рамках гражданского общества представляет собой комплексную систему, объединяющую социальные нормы, институты и правоотношения. По концепции В.Н. Влазнева, данная система включает следующие структурные элементы:

- 1) первичные самоуправляющиеся общности, сформированные на добровольной основе (семья, кооперативы, ассоциации, хозяйственные корпорации, общественные, профессиональные, творческие, спортивные, этнические и конфессиональные объединения);
- 2) совокупность неполитических (негосударственных) отношений – экономических, социальных, духовных, нравственных и иных;
- 3) сферу частной жизни и производственной деятельности индивидов, включающую их обычаи, традиции и моральные устои;
- 4) область самоуправления свободных индивидов и их организаций, защищенную законодательством от прямого вмешательства государственной власти и политики;
- 5) признание фундаментальной роли демократии, верховенства права, а также уважения прав человека и гражданских свобод¹⁰².

¹⁰¹ Халиулин В.Е. Согласование интересов субъектов права как предпосылка формирования гражданского общества в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 4.

На основе изложенного можно заключить, что практическая реализация концепции гражданского общества заключается в формировании институционального и технологического механизма взаимодействия (включая применение информационных технологий и искусственного интеллекта) между его субъектами. Их интересы опосредуются соответствующими правовыми институтами, что в конечном итоге обеспечивает сбалансированную защиту частных, общественных и государственных интересов в рамках единого социально-правового пространства.

Указанный баланс может быть достигнут в правовом поле посредством комплексного применения разнообразных методов регулирования взаимодействия субъектов гражданского общества и государства. Лишь сбалансированная система отношений между всеми участниками гражданского общества, основанная на сочетании различных видов социальных норм, обладает необходимой эффективностью и выступает гарантом общественной стабильности.

Более того, как уже было продемонстрировано, гражданское общество представляет собой структурно сложную систему субъектов и отношений, где как сами субъекты и связи между ними, так и регулирующие их социальные нормы (прежде всего нравственность и право) отличаются устойчивостью, иерархичностью и сложными механизмами координации.

Следует подчеркнуть, что часть этих отношений строится на принципах внутреннего саморегулирования, вырабатываемых институтами гражданского общества, тогда как другая часть требует установления регулятивных правил извне, т.е. со стороны государства.

Подобный дуализм источников регулятивных правил, по нашему мнению, в наибольшей степени способен обеспечить сбалансированность учёта различных интересов: как внутри гражданского общества, так и между его субъектами, с одной стороны, и государством и его институтами – с другой, причём на всех уровнях публичной власти – федеральном, региональном и муниципальном.

¹⁰² См.: *Влазнев В.Н.* Гражданское общество и правовое государство в современной России. С. 65.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие предварительные выводы.

Во-первых, экономическая основа как элемент системы основ конституционного строя Российской Федерации обладает не только предметной уникальностью, но и специфическим режимом конституционно-правового регулирования. Особенность этого режима заключается в активном участии институтов гражданского общества, которые обеспечивают имплементацию и поддержание не только правовых, но и нравственных стандартов в хозяйственной сфере. Причем данное участие проявляется как в процессе нормативного упорядочения, так и в непосредственной реализации отношений, связанных с производством, распределением и потреблением материальных благ.

В данной сфере по-особому видна центральная роль человека и гражданина как производителя указанных материальных ценностей, которые затем используются и в основах государственности, и в основах политической, духовно-культурной системы и в удовлетворении потребностей самого человека. Особую эффективность, масштабы и качество отношений в указанной сфере проявились благодаря широкому применению информационных технологий, искусственного интеллекта и др. о чем подробно будет показано в параграфе 3.4. данной диссертации.

Во-вторых, принципы экономической основы конституционного строя обладают нормативным приматом, имея высшую юридическую силу не только в отношении отраслевого законодательства, но и в иерархии конституционных норм. Данное верховенство распространяется как на положения, определяющие правовой режим и содержание различных форм собственности, так и на нормы, определяющие субъективные права личности в социально-экономической сфере (например, право частной собственности, в том числе на землю, право на труд, предпринимательскую деятельность, жилище), которые конкретизированы в последующих статьях Основного закона (ст. 34, 35, 36, 37, 40).

Иллюстрацией данного тезиса служат, в частности, положения статей 35, 36 и 37 Конституции РФ. Статья 35 гарантирует охрану права частной собственности, свободу владения, пользования и распоряжения имуществом, устанавливает судебный порядок лишения собственности и гарантии возмещения при принудительном отчуждении, а также гарантирует право наследования. Статья 36 закрепляет право граждан и их объединений на частную собственность на землю, свободное осуществление правомочий собственника в экологических и правовых границах, оговаривая, что условия пользования определяются федеральным законом. Статья 37 провозглашает свободу труда, запрещает принудительный труд, гарантирует право на труд в безопасных условиях, на справедливое вознаграждение, на защиту от безработицы, на разрешение трудовых споров и право на отдых с установленными законом гарантиями.

Следует отметить еще одну особенность содержания указанных и других статей Конституции РФ, раскрывающих соответствующие аспекты экономических прав, которые в совокупности образуют экономическую систему Российской Федерации, и наполняющих ее реальным содержанием. Это социальная направленность и социальная функция указанных прав, которые направлены на обеспечение человеку благоприятных условий и комфортного существования.

Конституционные нормы, регулирующие отношения собственности, в особенности на природные ресурсы, сочетают в себе экономическое содержание с выраженной социальной и экологической направленностью. Так, например, ст. 9 Основного Закона определяет особый правовой режим земель и иных природных ресурсов, устанавливая их использование и охрану в качестве фундаментального условия жизнедеятельности народов, что подчеркивает их особый публично-правовой статус.

Социальный аспект проявляется и в гарантиях защиты собственности. Часть 3 статьи 35 Конституции РФ, допуская принудительное отчуждение имущества для государственных нужд, связывает эту возможность исключительно с

судебным решением и обязанностью государства обеспечить предварительное и равноценное возмещение, устанавливая тем самым баланс между публичными интересами и защитой частного права.

Аналогичный баланс закреплён в части 2 статьи 36 Конституции РФ, которая, гарантируя собственнику свободное владение, пользование и распоряжение землей и природными ресурсами, прямо оговаривает экологическое и правовое ограничение: реализация указанных прав должна осуществляться в правомерных пределах, исключающих причинение вреда экологической безопасности, а также умаление или нарушение охраняемых законом интересов других субъектов.

Конституционные положения получают свою детализацию в отраслевом законодательстве. В ст. 209 ГК РФ детализируется содержание субъективного права собственности, которое включает в себя классическую триаду правомочий (владение, пользование, распоряжение), а также возможность совершать в отношении принадлежащего имущества любые дозволенные действия при условии соблюдения закона и прав третьих лиц. Одновременно данная норма инкорпорирует конституционный экологический императив, распространяя его требования на отношения, связанные с землёй и другими природными ресурсами¹⁰³.

Статья 15 Земельного кодекса РФ детализирует правовые основы права частной собственности на землю. В соответствии с ней, земельные участки, обрётённые на легитимных основаниях, признаются частной собственностью физических и юридических лиц, гарантируется равенство возможностей для их приобретения, а также определяются ограничения их оборотоспособности. Кроме того, Кодекс устанавливает специальный правовой режим, ограничивающий право собственности иностранных граждан, апатридов и иностранных юридических лиц на земельные участки, расположенные в приграничных территориях и на иных территориях, перечень которых устанавливается законом.

¹⁰³ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

Данные ограничения детерминированы публично-правовыми интересами обеспечения государственной безопасности и суверенитета. Указанная норма также имплементирует конституционный принцип, требующий учета экологических требований при использовании земли и природных ресурсов¹⁰⁴.

Таким образом, иерархическое соподчинение указанных нормативных уровней обеспечивает системную согласованность правового регулирования и способствует надлежащей организации соответствующих правоотношений.

В-третьих, взаимодействие между самими принципами основывается не на отношениях субординации, а на иных критериях, среди которых ключевым выступает соотношение первичности и производности. Критерий «первичность — производность» проявляется дифференцированно как в рамках сферы действия самих принципов, так и в их взаимосвязи с принципами, образующими нормативную основу иных отраслей регулирования.

Другими критериями, определяющими место и роль принципов, являются сфера их регулятивного воздействия, территориальный масштаб действия и иные признаки (отраслевая, институциональная, пространственная принадлежность и т.д.).

В-четвертых, названные критерии, а также имманентные свойства каждого принципа — универсальность содержания и императивная обязательность для иных норм — формируют правовой режим, гарантирующий законность и внутреннюю непротиворечивость регулирования в соответствующей сфере.

В-пятых, особенно значимым как историческим, так и правовым фактором явилось принятие в рамках Хельсинкского Заключительного акта СБСЕ (1975 г.) Декларации принципов, составляющих основу взаимных обязательств государств-участников. В числе этих принципов фигурирует императив уважения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, а также социально-экономические права, — трансформировал весь комплекс прав и свобод в общеобязательный принцип современного

¹⁰⁴ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/

международного права, выведя его за рамки исключительно национального конституционно-правового регулирования.

Согласно данному принципу, государства-участники приняли на себя обязательство гарантировать уважение прав человека и фундаментальных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, для каждого лица без какой-либо дискриминации по признакам расы, пола, языка или религии.

Они обязались содействовать и обеспечивать эффективную реализацию гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и иных прав и свобод, которые имеют своим источником неотъемлемое достоинство человеческой личности и являются необходимым условием её свободного и всестороннего развития.

Государства-участники признают универсальный характер прав и свобод человека, соблюдение которых выступает в качестве ключевого фактора обеспечения мира, справедливости и благополучия. Такое соблюдение рассматривается как необходимое условие для развития дружественных отношений и сотрудничества как между самими участниками, так и в рамках всего международного сообщества¹⁰⁵.

Институт права собственности как механизм реализации экономической основы конституционного строя Российской Федерации. Как уже было отмечено, экономические основы представляют собой ключевой структурный элемент конституционного строя Российской Федерации, что обуславливает устойчивый научный интерес к их изучению. В частности, в конституционно-правовой доктрине утверждается, что экономическую основу образует складывающаяся модель социального рыночного хозяйства. Его отличительной чертой является ориентация на рыночные механизмы организации производства и распределения материальных благ при участии частных хозяйствующих субъектов, взаимодействующих в конкурентной среде¹⁰⁶.

¹⁰⁵ URL://<https://docs.cntd.ru/document/1901862>

¹⁰⁶ *Конституционное право России: Учебник для студентов вузов* / Под науч. ред. В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. 10-е изд., перераб. и доп. С. 137.

При этом в отечественной науке конституционного права наблюдается дефицит комплексных исследований, специально посвященных системному анализу актуальных проблем взаимосвязи экономических основ конституционного строя с экономическими правами человека.

В доктринальной литературе, как отмечает Л.Р. Бухонова, данная взаимосвязь интерпретируется в качестве экономической и мировоззренческой предпосылки личностного самоопределения, действенного стимула повышения результативности индивидуальной хозяйственной деятельности, фактора, детерминирующего экономический рост и общественный прогресс, а также необходимого условия функционирования демократических институтов, обеспечения достойного уровня жизни, удовлетворения многообразных потребностей личности и развития науки, духовной жизни и культуры¹⁰⁷.

Аналогичные позиции в отношении роли частной собственности встречаются и в работах других исследователей. Отсутствие в современной науке системных исследований указанной проблематики предопределило постановку цели и конкретных задач настоящего диссертационного исследования.

Для формирования целостной конституционно-правовой характеристики экономической основы как элемента основ конституционного строя и производных от неё экономических прав и свобод личности требуется методологический пересмотр, предполагающий:

- 1) Перераспределение акцентов при анализе структурных элементов экономической системы и определении понятийного аппарата основ конституционного строя.

- 2) Рассмотрение экономических прав человека и гражданина не изолированно, а в неразрывной системной связи с их нормативным фундаментом – экономической основой конституционного строя.

Ядро экономической основы конституционного строя Российской Федерации образуют, прежде всего, конституционные принципы, закреплённые в

¹⁰⁷ Там же.

статье 8 Основного Закона, а именно: принцип равенства всех форм собственности, а также принцип их равного признания и защиты государством¹⁰⁸.

Данные принципы находят свою конкретизацию в отраслевом законодательстве. В частности, в сфере муниципального права ФЗот 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (ст. 62) устанавливает, что экономический фундамент местного самоуправления формируется за счет совокупности материальных и финансовых ресурсов, к которым относятся: объекты муниципальной собственности, бюджетные средства, а также совокупность имущественных правомочий, реализуемых муниципальными образованиями. Закон также специально оговаривает, что муниципальная собственность признается и защищается государством наравне с иными формами собственности, тем самым имплементируя конституционный принцип равной защиты¹⁰⁹.

Данный принцип, как явствует из его названия, носит универсальный характер, регулируя в равной мере все формы собственности, несмотря на особенности их отраслевого правового режима. Его регулирующая сила распространяется на всю территорию страны и на всех участников правоотношений.

Из всех экономических прав право собственности наиболее адекватно отражает сущность этого принципа. Анализ собственности в контексте принципа равенства её форм обладает значимым методологическим достоинством: он позволяет выявить интегрирующую, системообразующую роль данного института, тогда как изолированное рассмотрение отдельных форм актуализирует в первую очередь их различия и обособленность.

Гражданский кодекс РФ (ст. 213–215) дифференцирует правовой режим собственности в зависимости от субъекта права: универсальный режим для частной собственности граждан и организаций и специальный — для публичной собственности. Статья 213 ГК устанавливает, что в частной собственности может

¹⁰⁸ URL:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/c07038c724cae52fe849aad193a0eac08bda5f93/

¹⁰⁹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

находиться любое имущество, кроме прямо запрещённого законом (изъятых или ограниченных в обороте).

В свою очередь, право государственной и муниципальной собственности регулируется особым образом — на основе конституционных норм и специального законодательства, определяющего её целевое использование в публичных интересах, характеризующийся её целевым назначением. В отличие от универсального характера частной собственности, публичная собственность призвана обеспечивать выполнение функций публично-правовых образований.

Так, согласно ст. 26.11 ФЗ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», имущество, находящееся в собственности субъекта РФ, должно соответствовать целям его публично-правового статуса, а именно:

1) Обеспечивать осуществление как собственных, так и переданных федеральным законом полномочий.

2) Служить материально-технической базой для деятельности органов государственной власти субъекта, включая обеспечение условий труда государственных служащих и персонала подведомственных организаций.

3) Обеспечивать реализацию социально значимых задач, таких как:

- Содержание автомобильных дорог регионального значения.
- Организация предоставления образования, медицинской помощи (включая специализированную и высокотехнологичную), социального обеспечения.
- Содержание объектов культуры (библиотек, музеев, учреждений культуры), архивных фондов, объектов спорта.
- Охрана окружающей среды, включая особо охраняемые природные территории и обеспечение экологического надзора.
- Предотвращение и устранение последствий чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности.

- Содержание объектов транспортной инфраструктуры (аэропортов, речных портов, пассажирского транспорта межмуниципального сообщения).
- Обращение с твёрдыми коммунальными отходами.
- Стимулирование и развитие субъектов малого и среднего бизнеса и социально ориентированных некоммерческих организаций.

Реализация этих задач обеспечивается через создание субъектами РФ соответствующих институциональных форм — государственных унитарных предприятий и учреждений. Уполномоченные органы государственной власти субъекта выполняют функции учредителя: определяют цели деятельности, утверждают уставы, назначают руководителей и осуществляют финансовое обеспечение деятельности казённых учреждений, неся по их обязательствам субсидиарную ответственность за счёт средств регионального бюджета.

Анализ положений данной статьи носит проблемный характер и вызывает ряд вопросов. Во-первых, пункт 2, содержащий номенклатуру имущественных объектов, обеспечивающих реализацию компетенций региональных органов публичной власти, отличается исключительной детализацией и включает подпункты, обозначенные всеми буквами алфавита. Создаётся впечатление, что федеральный законодатель стремился к исчерпывающему описанию всего возможного имущества, включая сферу, традиционно относящуюся к муниципальному уровню.

Возникает методологически значимый вопрос о системной согласованности столь детализированного и расширительного перечня с принципом конституционного разграничения предметов ведения и компетенций между федеральным и региональным уровнями публичной власти (ст. 5 Конституции РФ)¹¹⁰. Также требует доктринального осмысления его соответствие лаконичной модели предметов совместного ведения, определённой в 15 пунктах ст. 72, а также ст. 73, устанавливающей презумпцию полной государственной власти субъектов РФ во всех сферах, не отнесённых к ведению Федерации и

¹¹⁰ URL:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8f4aa3d43fcd8ccf6cfbf4843536a14ae6f758f2/

совместному ведению. Детализированный перечень имущества, по сути, может рассматриваться как форма вмешательства в сферу исключительной компетенции субъектов, что ставит под сомнение практическую реализацию данного конституционного принципа¹¹¹.

Во-вторых, наличие столь пространного и детализированного перечня, соотношение которого с конституционными принципами федерализма требует дополнительного осмысления, делает не вполне ясной необходимость сохранения в пункте 4 анализируемой статьи отсылочной нормы. Указанная норма относит к ведению федерального законодателя установление специального правового режима, определяющего основания возникновения, способы реализации и условия прекращения права собственности субъекта РФ, а также регламентирующего процедуру учёта принадлежащего ему имущества.

Вероятно, именно в силу обозначенных противоречий, после внесения в 2020 году конституционных поправок и последующей гармонизации отраслевого законодательства, ст. 55 нового ФЗ от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» модифицировала прежний подход, установив, что имущество субъекта РФ должно иметь строго целевое назначение: для осуществления его органами власти установленных законом полномочий, для обеспечения их деятельности и для выполнения иных публичных функций.

Норма также закрепляет право субъектов РФ на создание государственных унитарных предприятий и учреждений в порядке, определённом ГК РФ, с возложением учредительских полномочий на их органы государственной власти.

Таким образом, новая редакция заменяет исчерпывающий алфавитный перечень на более общие и принципиальные критерии, что потенциально способствует лучшему согласованию с конституционными основами

¹¹¹ URL://URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

федеративного устройства и расширяет дискреционные полномочия субъектов РФ в управлении своей собственностью¹¹².

Тем не менее, вызывает дискуссию смысловое соотношение пунктов 1 и 2 ст. 55 ФЗ № 414-ФЗ. В первом случае речь идёт об имуществе, непосредственно обеспечивающем реализацию компетенций органов публичной власти субъекта, тогда как во втором – об имуществе, предназначенном для материально-технического обеспечения функционирования органов государственной власти субъекта. Это порождает правомерный вопрос о том, означает ли такая формулировка, что понятие «органы публичной власти» не тождественно понятию «органы государственной власти» в рамках данного закона, либо законодатель допускает возможность обеспечения деятельности органов власти вне связи с конкретными полномочиями, что представляется логически противоречивым.

Кроме того, нормативная обоснованность п. 3 рассматриваемой статьи, легализующего наличие у субъекта РФ «иного имущества» для выполнения задач и публичных функций, представляется неочевидной. Данная норма-декларация создаёт правовую неопределённость и может вести к размыванию границ публичной имущественной сферы. Поскольку осуществление публичных функций и решение задач неразрывно связано с наличием соответствующих полномочий, данная формулировка может рассматриваться как избыточная по отношению к пункту 1, где речь идет именно об имуществе для осуществления полномочий.

Значимым аспектом новой редакции закона является исключение прямого указания на имущество, требуемое для реализации полномочий, предоставленных региональным органам власти иными федеральными законами, что ранее было зафиксировано в пункте 1 статьи 26.11 Федерального закона № 184-ФЗ. Внесённая корректировка порождает правовую неопределённость в отношении статуса имущества, необходимого для исполнения полномочий, предоставленных

¹¹² URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/

иными федеральными законами. Остаётся дискуссионным, охватывается ли оно теперь общей отсылочной нормой п. 1 ст. 55 нового закона («полномочия, осуществляемые в соответствии с настоящим Федеральным законом»), либо его регулирование стало пробельным, что создаёт предпосылки для правоприменительных коллизий.

В соответствии со ст. 63 ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», имущество, которое может находиться в муниципальной собственности, имеет строго целевое назначение. Закон устанавливает следующие его категории:

- 1) для решения вопросов местного значения;
- 2) для реализации отдельных переданных государственных полномочий;
- 3) для материально-технического обеспечения деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления;
- 4) для осуществления иных законодательно закрепленных полномочий;
- 5) для участия в реализации государственных полномочий в рамках взаимодействия с органами государственной власти¹¹³.

Согласно ст. 64 рассматриваемого закона органы МСУ наделены правом самостоятельно реализовывать от имени муниципального образования триаду полномочий собственника: владение, пользование и распоряжение муниципальным имуществом¹¹⁴. Подобным образом, в соответствии со ст. 26.12 ФЗ № 184-ФЗ (п. 1 ст. 55 ФЗ № 414-ФЗ), региональные органы государственной власти осуществляют самостоятельное управление и распоряжение имуществом, принадлежащим соответствующему субъекту на праве собственности. Тем самым законодатель конституирует принцип автономии каждого уровня публичной власти в управлении находящейся в его собственности имущественной массой¹¹⁵.

Таким образом, несмотря на существенные различия в правовом режиме, целевой направленности и субъектном составе частной, муниципальной и

¹¹³ URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/8a82b58429495c53ff493e25cd732b1a11b7b3d1/

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

государственной собственности, их аксиологическое и нормативное единство обеспечивается конституционным принципом их равенства.

Универсальность этого принципа формирует основу для их эволюции через конкуренцию и рост эффективности. При этом он выполняет не только экономическую, но и социально-интеграционную функцию, побуждая собственников к взаимодействию в реализации публичных интересов, как того требует идея социального государства (ст. 7 Конституции).

1.3. Виды собственности в России: природа и социальное назначение

Как видно из предыдущего параграфа, виды собственности в Российской Федерации базируются, прежде всего, на конституционных принципах равенства всех форм собственности и их равной защиты. Более того, ч. 2 ст. 8 Основного Закона императивно закрепляет исчерпывающий перечень признаваемых форм собственности: частная, государственная, муниципальная и иные. Данные положения носят первичный, системообразующий характер. Из этих фундаментальных принципов логически вытекает и получает нормативное обоснование совокупность производных начал, зафиксированных в ч. 1 той же статьи: гарантия единства экономического пространства, обеспечение свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности.

Помимо названной нормы право частной собственности, которое составители указанной статьи Конституции поставили на первое место, закреплено также в ч. 2 ст. 9, ч. 2 ст. 17 и ч. 1 ст. 35 Конституции РФ.

Федеративная форма государственно-территориального устройства Российской Федерации, закреплённая статьёй 5 Конституции РФ и выражающаяся в наличии равноправных субъектов (республик, краёв, областей и т.д.), обуславливает разделение собственности государства на собственность непосредственно федерации и ее субъектов.

Ряд учёных констатирует, что в рамках конституционного строя современной России институт собственности порождает ряд системных противоречий, обнаруживающих себя при анализе соотношения политического и экономического властвования, а также при сопоставлении свободы личности с требованиями публичного интереса¹¹⁶.

По нашему мнению, о подобном противоречии говорить не совсем корректно по многим причинам. Самая главная причина некорректности состоит в том, что отношения собственности и отношения политической и экономической власти, свободы личности и публичных интересов, о которых речь идет в основах конституционного строя, – отношения, возникающие в разных сферах, по разному поводу и между разными субъектами правоотношений. То есть, они несопоставимы и нет надобности искусственно сравнивать их друг с другом и тем самым искусственно создавать видимость противоречий.

Авторы, кроме того, указывают, что выявленное противоречие носит не случайный, а системный характер, поскольку представляет собой конфликт института собственности с другими компонентами основ конституционного строя. Иными словами, это противоречие между самими базовыми принципами, образующими нормативный фундамент каждой из составных частей конституционного строя. По этой причине вместо поиска противоречий необходимо предварительное достижение согласования между указанными принципами. При достижении такого согласования, как мы отмечали уже в первой главе нашей диссертации со ссылкой на правовые позиции Конституционного Суда РФ и аргументы известных ученых, на проверку никаких противоречий не окажется.

И последнее. Как видно из анализа научных позиций указанных авторов, речь на самом деле идет не о противоречии института собственности другим составным частям основ конституционного строя, а о различных субъективных

¹¹⁶ См.: *Бородач М.В.* Конституционно-правовая природа публичной собственности. Тюмень, 2015; *Бухонова Л.Р.* Конституционно-правовое регулирование частной собственности в современном мире. Тенденции и перспективы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016; *Саурин А.А.* Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014 и др..

политических оценках разными авторами собственно института собственности, например, при институционализации права собственности в конституционном праве; определении пределов его реализации; разграничении частных и публичных интересов, политической и экономической власти; правовом регулировании собственности в гражданском обороте и вне гражданского оборота, во многих иных случаях¹¹⁷.

Или, как отмечает в своем диссертационном исследовании Н.В. Тупиков: фундаментальная сущность и системная центральность собственности, а также её многоаспектная укорененность в политической, социально-экономической, идеологической, этико-нормативной и правовой системах, составляют одну из ключевых линий демаркации между современными концепциями капитализма и социализма. Данное обстоятельство находит своё непосредственное отражение и конкретизацию в принципах и нормах, определяющих основы современного конституционного строя, выступая одним из его аксиологических и институциональных оснований¹¹⁸.

Справедливости ради следует признать, что разное политическое отношение к институту частной собственности существует не только в юридической науке, но и в конституциях и отраслевом законодательстве разных современных государств. Причем и то и другое периодически изменяются.

Например, проведенный А.А. Никоноровым и Е.А. Брайцевой анализ конституций и законодательства Франции (Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 г., преамбулы конституций Франции 1946 г. и 1958 г., поправки 23 июля 2008 г.), Китая (1949–2007 гг. – настоящее время) и России (до 1917 г., 1918–1990 гг., 1990 г. – настоящее время) позволяет сделать вывод, что институт частной собственности четко определяется в конституционно-правовых нормах; частная собственность по-разному сосуществовала с иными формами

¹¹⁷ См., например: *Бондарь Н.С.* Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М., 2017. С. 19; *Гошуляк В.В.* Собственность в конституционном измерении. М., 2012. С. 72–73; *Лукьянова Е.* Право собственности и Конституция // *Ведомости*. 2016. 7 июня.

¹¹⁸ *Тупиков Н.В.* Собственность в системе конституционного строя современной России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 3.

собственности; существующие в различные периоды времени политические интересы оказывали существенное влияние на механизм реализации права на частную собственность¹¹⁹.

Позиции авторов, анализирующих правовой статус частной собственности и других видов собственности, условно можно дифференцировать на несколько направлений. *Первую, наиболее многочисленную группу*, составляют авторы, которые, опираясь на положения конституций разных государств, пишут о разных аспектах равенства разных форм собственности, включая и частную собственность.

Акцентируя значение частной собственности граждан для современной государственности, К.В. Арановский указывает на системные последствия её ограничения. Учёный отмечает, что отстранение граждан от собственности приводит к исчезновению в обществе устойчивого спроса на судебную защиту имущественных интересов. В результате юрисдикционная деятельность судов сужается до рассмотрения ограниченной категории гражданских дел, а административное судопроизводство, связанное со спорами граждан и органов публичной власти, практически не развивается. В таких условиях судебные институты закономерно трансформируются в инструмент поддержания государственного порядка и реализации официального политического курса посредством процессуальных средств.

Ещё одним значимым последствием огосударствления собственности, по мнению автора, становится антропологический и правовой эффект: индивид, лишённый собственности, утрачивает личностное понимание её подлинной ценности и значения. Это, в свою очередь, девальвирует сами имущественные отношения, делая их эффективное правовое регулирование и охрану крайне затруднительными¹²⁰.

¹¹⁹ Никонов А.А., Брайцева Е.А. Конституционно-правовое регулирование института частной собственности России и в зарубежных странах // Вестн. экон. безопасности. 2017. № 1. С. 42–46.

¹²⁰ Арановский К.В. Государственное право зарубежных стран: Учеб. пособие. М.: ИД «Форум»: Инфра-М, 2000. С. 63–64.

Параллельно, как отмечается в доктрине конституционного права (учебник под редакцией А.В. Малько), для демократических государств характерно конституционное признание плюрализма форм собственности. Несмотря на существующие национальные и исторические различия, их основные законы прямо закрепляют не только традиционные формы государственной и частной собственности, но и другие её виды: акционерную, муниципальную, кооперативную, а также собственность предприятий с иностранным участием, что отражает комплексный подход к организации экономической системы¹²¹.

Нормативное содержание права частной собственности, закреплённое в Конституции РФ (ст. 35), детализируется в Гражданском кодексе (ст. 209), где оно определяется через триаду правомочий (владение, пользование, распоряжение).

В рамках предоставленной законом автономии воли собственник вправе осуществлять в отношении имущества любые акты и действия, которые, однако, ограничены императивными требованиями: они должны соответствовать нормам законодательства и не посягать на права и законные интересы иных субъектов.

Особый правовой режим установлен для земли и иных природных ресурсов. Свободное усмотрение собственника при осуществлении его правомочий ограничено следующими требованиями: недопустимость причинения вреда экологической безопасности и соблюдение прав и законных интересов иных субъектов. Кроме того, оборотоспособность таких объектов в гражданско-правовом поле напрямую зависит от прямого разрешения, предусмотренного законодательством.

Отдельно гражданское законодательство регулирует институт доверительного управления. Собственнику предоставлено право передать своё имущество доверительному управляющему, при этом право собственности на такое имущество остаётся неизменным. Основным содержанием обязанностей последнего является необходимость реализации своих полномочий строго в

¹²¹ Конституционное право зарубежных стран / О.В. Афанасьева, Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, А.В. Малько. М.: Норма, 2004. С. 101–102.

интересах учредителя управления либо указанного им бенефициара¹²². Особенности социальной функции частной собственности урегулированы положениями раздела II Гражданского кодекса РФ.

Если рассматривать публичные формы собственности, то в соответствии с отраслевым законодательством они формально существенно отличаются от содержания и функционального предназначения частной собственности: у них целевое назначение использования.

Правовые основы имущественной базы субъектов РФ определяет статья 55 ФЗ № 414-ФЗ, согласно которой в собственности субъекта может находиться имущество, необходимое для обеспечения деятельности его органов власти и материально-технического обеспечения государственных служащих, работников госорганов, подведомственных учреждений и предприятий.

Кроме того, данным законом подтверждается право субъектов Российской Федерации на создание организационно-правовых форм для осуществления хозяйственной и социальной деятельности. В соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации субъекты Федерации могут учреждать государственные унитарные предприятия, государственные учреждения и иные организации¹²³.

Статья 63 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ устанавливает исчерпывающий целевой характер муниципальной собственности, определяя её состав по функциональному назначению: имущество для решения вопросов местного значения; имущество для реализации делегированных государственных полномочий; имущество для материально-технического и организационного обеспечения деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления; имущество для осуществления иных установленных законом полномочий, не относящихся к вопросам местного значения; имущество для участия в реализации государственных полномочий в рамках межуровневого взаимодействия¹²⁴.

¹²² URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9bc79ae09d078798e7a4ee4647ac9ea495da9fa0/

¹²³ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/

¹²⁴ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

Вместе с тем если не обращать внимания на формальные внешние отличия универсального содержания права частной собственности и целевого использования публичной собственности, то по выполнению возложенной на них отечественным законодательством социальной функции и в частной, и в публичной формах собственности мы найдем много общего: они, хотя и по-разному, нацелены на выполнение социальной функции. Это четко прописано в содержании уже цитированных ст. 55 ФЗ № 414-ФЗ и ст. 63 ФЗ № 33-ФЗ.

Реализация социальной функции, осуществляемая посредством нормативных правовых актов, регулирующих порядок использования публичной собственности (включая акты органов местного самоуправления), находит своё подтверждение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. В ряде своих постановлений (например, от 16 июля 2008 г. № 9-П¹²⁵, от 31 января 2011 г. № 1-П¹²⁶; от 12 мая 2011 г. № 7-П¹²⁷). Суд указал, что правовое регулирование в сфере благоустройства территорий муниципальных образований (как деятельности, направленной на обеспечение комфортных условий проживания граждан) в случаях, когда оно затрагивает свободу предпринимательства или право собственности на землю, должно соответствовать конституционным требованиям. К таким требованиям относятся справедливость, разумность и соразмерность ограничений, установление ограничений исключительно федеральным законом, запрет обратной силы и недопустимость затрагивания существа конституционных прав (статьи 17, 19, 55 Конституции РФ).

Дальнейшее развитие данная правовая позиция получила в определениях российского Конституционного Суда от 5 декабря 2019 г. (№ 3273-О и 3274-О)¹²⁸. Суд подтвердил, что наделение органов местного самоуправления полномочиями по установлению правил размещения объектов благоустройства (например, нестационарных торговых объектов) само по себе соответствует федеральному

¹²⁵ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78731/

¹²⁶ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_110028/

¹²⁷ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_114084/

¹²⁸ URL://<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05122019-n-3274-o/>

законодательству. Такие полномочия вытекают из вопросов местного значения, связанных с созданием условий для обеспечения населения услугами торговли, бытового обслуживания и общественного питания, и не противоречат конституционной роли местного самоуправления как уровня власти, наиболее близкого к населению и призванного решать локальные вопросы с учётом местных традиций.

Значительным этапом в признании и доктринальном развитии содержания социальной функции публичной собственности стало Постановление КС РФ от 19 апреля 2021 г. № 14-П. Данный акт был принят после вступления в силу конституционных поправок 2020 года, конкретизировавших понятие социального государства и включивших в правовое поле принцип социальной солидарности, что обусловило новый контекст для толкования.

Конституционный Суд РФ, рассматривая указанное дело, пришел к выводу, что п. 2 ст. 209 ГК РФ, п. 7 ст. 10 ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», а также абз. 22 ч. 1 ст. 2, п. 25 ч. 1 ст. 16 и п. 3 ч. 2 ст. 45.1 ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» соответствуют Основному Закону России. Ключевой конституционно-правовой смысл данных норм, по мнению Суда, заключается в следующем: наделяя органы местного самоуправления правом устанавливать в правилах благоустройства положения о размещении нестационарных торговых объектов на придомовых территориях, законодатель не должен полностью исключать для собственников надлежащим образом образованных и учтенных земельных участков возможность принять решение о таком размещении, при условии что оно не нарушает императивных требований федерального законодательства. Тем самым Суд закрепил баланс между публичными интересами в сфере благоустройства и защитой существа права частной собственности¹²⁹.

¹²⁹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382396/

Во вторую группу входят авторы, которые, анализируя равенство всех форм собственности, основной акцент делают на социальной сущности, социальной функции частной собственности. В современной правовой доктрине отмечается устойчивая тенденция эволюции права собственности, выражающаяся в постепенном изменении его содержания. Данный институт все в большей степени воспринимается не только как совокупность исключительных правомочий владельца, но и как носитель определённых социальных обязанностей. Параллельно с этим в правовом регулировании отношений собственности наблюдается усиление значимости целей и задач, связанных с обеспечением общественного развития и социальной справедливости¹³⁰.

В доктринальной литературе отмечается последовательное развитие и конституционное закрепление социально-ориентированных подходов к институту собственности. Как указывают авторы учебника «Конституционное (государственное) право зарубежных стран» под редакцией Б.А. Страшуна, принципы социальной функции собственности, сформулированные в ряде конституций после Первой мировой войны, получили развитие в большинстве современных основных законов. Яркой иллюстрацией служит положение ч. 2 ст. 14 германского Основного Закона 1949 года, закрепляющее обязывающий характер собственности, а также императив, согласно которому она должна служить общественному благу¹³¹.

И.А. Умнова и И.А. Алешкова раскрывают суть данного подхода, отмечая, что социальная функция на конституционно-правовом уровне выражается в определении базовых правовых параметров экономического и социального строя, а также основ гражданского общества, к которым относятся, в частности, признаваемые формы собственности и принципы экономической деятельности¹³².

¹³⁰ Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов. 17-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2013. С. 12.

¹³¹ Конституционное (государственное право) зарубежных стран: Учебник: В 4 т. / Т. 1–2: Часть общая. М.: БЕК, 2000. С. 123.

¹³² Умнова И.А., Алешкова И.А. Конституционное право Российской Федерации: Учебник 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. С. 25.

Третью группу составляют авторы, которые слепо следуют стереотипам, сложившимся в конституционно-правовой литературе в советский период. В их публикациях имеются указания не только на другие, кроме частной, формы собственности, но и весьма своеобразные мнения. Отдельные авторы указывают, что конституционное закрепление преобладающих видов собственности, выступающих одной из ключевых основ организации общества, является практически повсеместной чертой современных зарубежных основных законов¹³³.

Хотя анализ именно большинства конституций зарубежных государств свидетельствует об обратном: в них закрепляется равенство всех форм собственности, а закрепление «господствующих видов собственности» характерно для немногих современных государств – социалистических.

Ряд авторов, некритически воспроизводя сложившийся в советской юридической науке доктринальный стереотип, утверждают, что в конституциях классических государств Европы доминирующей и неприкосновенной формой собственности является частная собственность. Согласно данной позиции, лишение собственности допустимо исключительно в силу общественной необходимости, в установленном законом порядке и при условии полной компенсации¹³⁴.

Однако на этом же основании данные авторы, обращаясь непосредственно к текстам основных законов, демонстрируют непоследовательность собственного подхода. Они отмечают, что конституции тех же государств содержат предписания, прямо ограничивающие или допускающие ограничение права частной собственности. В качестве примера приводится статья 132 Конституции Испании, которая закрепляет исключительную государственную собственность на береговую полосу, пляжи, природные ресурсы экономической зоны и континентальный шельф, а также предусматривает возможность установления законом иных видов объектов, относящихся к государственной собственности. Это положение вступает в очевидное противоречие с первоначальным тезисом о

¹³³ Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / М.: Норма, 2004. С. 51.

¹³⁴ Конституционное право государств Европы: Учеб. пособие / М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 6.

безусловном доминировании и неприкосновенности частной собственности в европейском конституционализме¹³⁵.

Но справедливости ради отметим: положения ст. 132 Конституции Испании, в том числе касающиеся прибрежной полосы, пляжей, природных ресурсов экономической зоны и континентального шельфа, являются не способом ограничения частной собственности, а четким закреплением другой формы собственности: «являются только государственной собственностью».

Или еще один пример обращения к конституции:

Анализ положений Конституции Итальянской Республики позволяет выявить существенные противоречия с тезисом о безусловном «господстве» частной собственности в классических европейских правовых порядках. Систематизируя её нормы, можно выделить следующие принципиальные аспекты:

1) Признаются равными государственная, кооперативная и частная формы собственности, а субъектами права собственности могут быть государство, коллективы и граждане (ст. 42, 45).

2) Частная собственность не носит характера абсолютной; закон определяет обстоятельства её возникновения и пользования, а также границы с целью обеспечения её социальной функции и общей доступности (ст. 42).

3) Частная экономическая инициатива подчинена императивам общественной пользы, безопасности, свободы и достоинства человека (ст. 41).

4) Допускается национализация или возмездное отчуждение в публичных интересах предприятий ключевых отраслей (ст. 43).

5) Установлен специальный режим земельной собственности с возможностью наложения обязательств, установления предельных размеров и поддержки мелких и средних владений (ст. 44).

6) Признаётся и поощряется социально-ориентированная кооперация (ст. 45).

¹³⁵ Там же.

7) Закон предусматривает программирование и координацию публичной и частной экономической деятельности в социальных целях (ст. 41).

8) Закрепляется право трудящихся на участие в управлении предприятиями (ст. 46)¹³⁶.

Таким образом, ни количественный перечень конституционных положений, ни их содержательный анализ, особенно тезис о равноправном сосуществовании различных форм собственности, не подтверждают упрощённый стереотип о доминировании частной собственности. Конституция Италии закрепляет социально-обусловленную, плюралистическую модель, в которой частная собственность сбалансирована публичными интересами, иными формами собственности и социальными гарантиями.

Четвертую группу составляют авторы, которые справедливо разделяют конституции, закрепляющие разные виды собственности, на два вида: демократические и антидемократические (социалистические). В.Е. Чиркин обращает внимание на специфические конституционно-правовые институты, характерные для государств, относимых к модели тоталитарного социализма, в частности КНДР и Кубы. Эти институты, по его оценке, основаны на трёх взаимосвязанных принципах: провозглашении господства социалистической собственности, утверждении советов (или аналогичных представительных органов) в качестве единственных носителей полновластия, а также закреплении руководящей и направляющей роли коммунистической партии в жизни общества и государства¹³⁷.

В.Д. Мазаев подчеркивает, что в действующем тексте Конституции Российской Федерации отсутствует легальное определение общенародной (народной) собственности. Вместо этого публичная собственность в российской правовой системе представлена в формах, соответствующих федеративному устройству государства и принципу разделения уровней публичной власти, а именно: федеральной собственностью, собственностью субъектов РФ и

¹³⁶ Конституционное право государств Европы... С. 6–7.

¹³⁷ Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: Учебник. М., 1997. С. 16.

муниципальной собственностью. Учёный констатирует, что данная собственность организационно разграничена между различными публично-правовыми образованиями, однако совокупно занимает доминирующие позиции в национальной экономике, где её доля, по некоторым оценкам, превышает 60%. Ряд исследователей, как отмечает автор, считают, что с учётом всех каналов государственного влияния, публичный сектор обладает в России исключительно высоким экономическим потенциалом. Данная констатация имплицитно противопоставляется автором модели консолидированной «общенародной» собственности¹³⁸.

В условиях федерации идея единой «общенародной» собственности юридически несостоятельна, так как противоречит базовым конституционным принципам федеративного устройства: разграничению компетенций между уровнями власти, равноправию и самоопределению народов, равноправию субъектов Федерации, а также автономии местного самоуправления (ст. 5, 12 Конституции России). Введение единой общенародной собственности нивелировало бы конституционно установленное вертикальное разделение уровней публичной власти и компетенции.

Во-вторых, сохранение единой общенародной собственности также вступило бы в противоречие с фундаментальными экономическими принципами, установленными статьёй 8 Конституции РФ. К числу таких принципов относятся: равенство и равная правовая защита всех форм собственности; гарантирование целостности экономического пространства; обеспечение свободного обращения товаров, услуг и капитала; поддержка конкурентной среды и свободы экономической деятельности. Монополизация собственности в единой «общенародной» форме подорвала бы конкурентную среду и нарушила бы баланс, предусмотренный экономической конституционной моделью.

Более того, искусственное объединение государственной и муниципальной собственности в единую публичную собственность в экономике, чтобы ее

¹³⁸ *Мазаев В.Д.* Конституционные основы публичной собственности в Российской Федерации. С. 3.

реальная доля составила «свыше 60%», как это предлагает указанный автор, приведет к монополии этого сектора экономики, который, как и любая монополия объективно создает предпосылки для экономической стагнации и структурной деградации¹³⁹. Об этом же свидетельствуют и современные статистические данные, и специальные исследования, на которые ссылается указанный автор в своей научной статье, опубликованной в 2017 г.¹⁴⁰.

Следует, однако, поддержать предложение автора о необходимости повышения уровня системности и правовой определённости в регулировании формирования, управления и распоряжения публичной собственностью. Это предполагает разработку и принятие комплексного федерального закона о статусе публичной собственности, который бы устанавливал: критерии отнесения имущества к государственной и муниципальной собственности; базовые параметры национального достояния; правовой статус, цели и принципы использования и распоряжения указанными объектами; ключевые субъекты, осуществляющие управление, и их полномочия по распоряжению публичным имуществом, и их основные полномочия. Подобная инициатива имманентно вытекает из конституционных основ Российской Федерации как правового и социального государства (ст. 1, 7 Конституции РФ), требующего чёткого и иерархичного нормативного оформления публично-правовых институтов

Хотя Российская Конституция формально не воспроизвела классическую формулу социального государства: «собственность обязывает» (ст. 14 Основного закона ФРГ)¹⁴¹, тем не менее, системный анализ конституционных норм не только показывает несомненную взаимосвязь социальных положений отечественной конституции и отраслевых положений о собственности, но и свидетельствует и придании им более высокого правового статуса, поскольку положения ст. 7 Конституции России – это не просто конституционная норма, а конституционный принцип.

¹³⁹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 100.

¹⁴⁰ Мазаев В.Д. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журн. высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 2.

¹⁴¹ См.: *Избранные конституции зарубежных стран: Учеб. пособие* / М.: ИД Юрайт, 2011.

Следует также согласиться с тем непреложным фактом, что Конституция Российской Федерации закрепляет более широкое содержание собственности с точки зрения гарантий защиты круга субъектов и объектов отношений собственности. Подобный подход проявляется в первую очередь в практике ЕСПЧ, а также решениях Конституционного Суда РФ¹⁴².

В.Д. Мазаев обосновывает выделение в структуре публичной собственности особой категории – национального достояния. С его точки зрения, это самостоятельный элемент, обладающий специфической общественно-политической ролью. В доктринальном истолковании ученого национальное достояние определяется как комплекс уникальных ресурсов и объектов, обладающих нормативно-ценностным статусом и имеющих стратегическую значимость для обеспечения устойчивого воспроизводства и развития многонационального народа России, её отдельных этносов и местных сообществ.

При этом публичную собственность в целом автор трактует как правоотношения властвования (господства) в отношении определённых объектов. Целью этих отношений является удовлетворение публичных интересов общества, государства, населения регионов или муниципалитетов. Реализация этих отношений осуществляется либо непосредственно народом (населением), либо опосредованно – через созданные им публично-правовые образования (государство в целом, субъекты Федерации, муниципальные образования)¹⁴³.

В особую группу можно выделить тех авторов, которые занимаются уникальным видом интеллектуальной собственности, которая интенсивно завоевывает свое «место под солнцем» – искусственным интеллектом¹⁴⁴. В связи с

¹⁴² Европейский суд содержание «права беспрепятственного пользования имуществом» в деле Маркс против Бельгии признал по своей сути гарантией права собственности» (*Решения Европейского суда: Избр. решения*. Т. 1. С. 398. П. 61).

¹⁴³ Мазаев В.Д. Конституционные основы публичной собственности в Российской Федерации. С. 11; *Он же*. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // *Право. Журн. Высш. шк. экономики*. 2017. № 3. С. 19–33.

¹⁴⁴ Например: *Архипов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // *Труды СПИИРАН*. 2017. № 6 (55); *Камалова Г. Г.* Теоретико-правовые аспекты эволюции прав человека в условиях цифровизации и внедрения технологии искусственного интеллекта // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2021. Т. 31. № 4; *Липчанская М. А.* Конституционно-правовые и нравственные основы использования искусственного интеллекта в реализации социальных прав и свобод человека // *Вестник СГЮА*. 2020. № 3 (134); *Шестак В. А.* Современные

достаточно поздним развитием данного вида деятельности, правовое регулирование пока не получило всесторонней регламентации. Тем не менее, ГОСТ Р 43.0.5-2009 устанавливает, что искусственный интеллект – это моделируемая интеллектуальная деятельность мышления человека¹⁴⁵. Кроме того, национальном стандарте РФ ГОСТ Р 59921.1-2022¹⁴⁶ под технологией искусственного интеллекта понимается комплекс технологических решений и методов, направленных на создание систем искусственного интеллекта. Явным недостатком второго варианта термина является его определение через так называемую тавтологию – определяемое понятие.

Таким образом, представляется возможным согласиться с тем, что указанные проблемы и их непостоянство представляют собой основные вызовы и угрозы экономической безопасности Российской Федерации. Так, в Стратегии экономического развития на период до 2030 г. особо отмечаются угрозы экономическому суверенитету, неэффективная защита права собственности, высокий уровень коррупции и значительная доля теневой экономики¹⁴⁷.

Наиболее точным в конституционной доктрине является подход, интерпретирующий ключевые положения о частной собственности как аксиологические, отражающие её действительное значение для экономического строя и статуса индивида. Это позволяет раскрыть разные грани данного института. Особенно ярко такое ценностное восприятие выражено в конституциях, закрепляющих право собственности в качестве основополагающего принципа, положенного в основу организации общества и государства¹⁴⁸. Как правило, он касается социального государства, к числу которых в соответствии с Конституцией относится и Россия.

потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2.

145 Приказ Росстандарта от 15 декабря 2009 г. № 959-ст «Об утверждении национального стандарта». Текст приказа официально опубликован не был.

146 Утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28 июня 2022 г. № 545-ст. Текст приказа официально опубликован не был.

147 См.: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

148 URL://https://pravo.hse.ru/data/2012/05/21/1253500065/Andreeva_GN_2011.pdf

Принято считать, что теоретическое обоснование социальной функции собственности как одной из составных частей основ социального государства связано, прежде всего, с именем Леона Дюги, который обосновывал трансформацию института частной собственности, утверждая, что она утрачивает характер субъективного права индивида и приобретает статус социальной функции, выполнение которой сопряжено с общественными обязанностями¹⁴⁹, с использованием в интересах общего блага¹⁵⁰. Но если мы обратимся к первым конституционным актам, то обнаружим, что нормативную базу для подобных теорий заложили первые конституции.

Историко-правовые документы, заложившие основы современных концепций собственности, устанавливают принцип её охраны и условия допустимого ограничения. Так, в ст. 17 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года праву собственности придан аксиологический статус неприкосновенного и основополагающего права. Его принудительное отчуждение допустимо лишь при наличии установленной и обоснованной публичной потребности, закреплённой законом, при обязательном соблюдении принципа справедливости и условии предварительной компенсации¹⁵¹.

Схожий правовой принцип содержится в 5-й поправке к Конституции США 1787 года, устанавливающей конституционный императив, согласно которому частная собственность не может быть изъята для общественного пользования без предоставления её владельцу справедливого возмещения. Таким образом, в обеих правовых традициях признаётся, что право собственности, будучи гарантированным, может быть ограничено в публичных интересах лишь при условии равноценного возмещения собственнику¹⁵².

Социальная функция собственности получила отражение в конституциях многих современных государств: Мексики (1917), Ирландии (1937), Италии

¹⁴⁹ Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. М., 1919. С. 82.

¹⁵⁰ Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909.

¹⁵¹ Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия: Учеб. пособие. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 134.

¹⁵² URL://<https://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/>

(1947), Японии (1947), Германии (1949), Португалии (1976), Испании (1978) Бразилии (1988), Колумбии (1991), Парагвая (1992), Перу (1993), ЮАР (1996), Эквадора (2008), Боливии (2009) и др.

В отечественной конституционно-правовой доктрине, начиная с советского периода, сохраняется устойчивая тенденция к критическому восприятию не только института частной собственности как такового, но и его социальной функции. Вероятно, этим обусловлена распространённая в научной литературе точка зрения о западном происхождении¹⁵³ и первичном конституционном закреплении идеи социальной обусловленности частной собственности¹⁵⁴.

Однако в дореволюционной правовой традиции отношение к частной собственности и её социальной роли было иным. Помимо широкой практики благотворительности, уже в начале XIX века предпринимались попытки институционализации социальных инициатив, о чём свидетельствует создание в 1802 году в Санкт-Петербурге «Филантропического общества», впоследствии преобразованного в «Императорское Человеколюбивое общество», деятельность которого охватывала различные регионы империи¹⁵⁵.

Большинство современных исследователей, находясь под влиянием советской доктринальной парадигмы, склонны рассматривать социальную функцию как производный и второстепенный элемент, акцентируя в первую очередь принцип неприкосновенности собственности. Так, Г.Х. Чукаева полагает, что государственные ограничения подрывают чувство хозяйского отношения, зависящее от экономической свободы¹⁵⁶.

А.И. Василянская, признавая наличие социальной ответственности собственника как публично-правового бремени, отмечает, что его нормативная

¹⁵³ См.: Дюги Л. Конституционное право. М., 1908. С. 22; Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства.

¹⁵⁴ См.: Бухонова Л.Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62); Мингазова И. В. Право собственности в международном праве. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 29.

¹⁵⁵ Ширяева С.В. Основные тенденции развития частной благотворительности в Российской империи XIX – начала XX в. // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-chastnoy-blagotvoritelnosti-v-rossiyskoy-imperii-xix-nachala-xx-vv>

¹⁵⁶ Чукаева Г.Х. Развитие института права частной собственности и особенности его реализации в российском праве (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 9.

конкретизация в статье 210 ГК РФ не отменяет самой социальной детерминации права собственности, независимой от её прямого конституционного закрепления¹⁵⁷.

Как следует из изложенного, существующие публикации не только не выработали единой теоретической позиции по вопросу о социальной функции частной собственности, но и не предлагают её чёткого определения, не раскрывают масштабов её исторического проявления в дореволюционный период и не определяют её роль в социально-экономической системе.

Необходимо отметить, что позитивная концепция социальной функции частной собственности не являлась маргинальной или ситуативной в правовой культуре России – она сформировалась и получила развитие задолго до конца имперского периода, отражая устойчивый элемент общественно-правовой мысли того времени. И происходило это не только среди какого-то отдельного слоя общества. Оно было свойственно нашим соотечественникам издревле, касалось всех слоев общества и носило массовый характер.

Достаточно обратиться к появившемуся в XI в. «Слову о Законе и Благодати» первого русского митрополита Илариона, который, прославляя Святого Равноапостольного великого князя Киевского Владимира Святославича (ок. 960 – 1015), восклицает: «...кто поведает нам о многих твоих милостынях и щедротах, творимых денно и нощно убогим, сиротам, больным, должникам и всем, просящим о милости».

Подчеркивается цель этой деятельности: «Твои щедроты и милостыни и поныне вспоминаются людьми, но еще выше они перед Богом и ангелом его...». Пересказывая «Повесть временных лет» и другие исторические источники, Н.М. Карамзин представляет нашему взору картину благотворительной деятельности Крестителя Руси Владимира. Князь предстаёт как благотворитель, институционализировавший социальную поддержку в рамках раннегосударственного патернализма. Его деятельность характеризовалась:

¹⁵⁷ *Василянская А.И.* Конституционное право на частную собственность в современной России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10.

- Организацией постоянной помощи нуждающимся непосредственно в княжеской резиденции, где бедные могли получать продовольствие и денежные средства.
- Созданием мобильной системы обеспечения для нетрудоспособных граждан: по его распоряжению по улицам развозились базовые продукты питания (хлеб, мясо, рыба, овощи) и напитки (мёд, квас).
- Введением активного выявления адресатов помощи через специальных доверенных лиц, которые искали нуждающихся и обеспечивали их всем необходимым.

Данная модель представляет собой раннюю форму реализации социальной функции власти, где правитель выступает как гарант базового обеспечения уязвимых групп населения¹⁵⁸.

Эмпирические данные свидетельствуют о значительной географической и институциональной распространённости феномена благотворительности на территории Российской империи, а также о его системной поддержке со стороны государственных институтов и общественных структур. Источники фиксируют плюрализм форм и практик её осуществления¹⁵⁹.

В связи с изложенным, важной исследовательской задачей данной работы является:

- 1) теоретико-правовая концептуализация аксиологической природы и содержания социальной функции частной собственности;
- 2) сравнительный анализ специфики её конституционно-правового закрепления и нормативно-правовой детерминации в Российской Федерации и в

¹⁵⁸ Сорокин А.Ю. Династия Романовых и благотворительность // URL://<https://legiti-mist.ru/sight/history/2013/dinastiya-romanovyix-i-blagotvorite.html>

¹⁵⁹ См., например: Хитров А. А. Награды за благотворительную деятельность в Императорской России (на примере благотворительных ведомств под покровительством дома Романовых) // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/nagrady-za-blagotvoritelnuyu-deyatelnost-v-imperatorskoy-rossii-na-primere-blagotvoritelnyh-vedomstv-pod-pokrovitelstvom-doma>; Северюхин Д. Я. Почетные звания, знаки отличия и награды за благотворительность в старом Петербурге // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/pochetnye-zvaniya-znaki-otlichiya-i-nagrady-za-blagotvoritelnost-v-starom-peterburge>; Хитров А. А. Константин Карлович Грот — организатор благотворительности и призрения в России во второй половине XIX века // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/konstantin-karlovich-grot-organizator-blagotvoritelnosti-i-prizreniya-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xix-veka>

зарубежных правовых порядках, включая аспекты правоприменительной практики и механизмов имплементации.

Как следует из проведённого анализа, основной причиной терминологической и содержательной неопределённости в данной сфере является правовая доктрина советского периода. В тот период, несмотря на формальное признание личной собственности граждан, её статус был второстепенным по отношению к доминирующей государственной (общенародной) собственности. Конституция СССР 1977 года (ч. 3 ст. 13)¹⁶⁰ и ГК РСФСР (ч. 6 ст. 93) устанавливали, что личное имущество не должно использоваться для извлечения нетрудовых доходов или в ущерб общественным интересам, что исключало саму возможность легитимного обсуждения социальной функции полноценной частной собственности¹⁶¹.

В этих условиях, как отмечал С.Л. Франк, социалистический строй, отрицающий частную собственность, фактически сводил правовой статус личности к минимальным пределам¹⁶².

В то же время в зарубежном конституционализме концепция социальной функции частной собственности получила последовательное развитие. Так, в итальянском конституционном праве (ч. 2 ст. 42 Конституции 1947 г.) право частной собственности получает признание и защиту посредством закона. Этот же закон регулирует её модальности (приобретение и пользование) и устанавливает необходимые ограничения, подчиняя всю конструкцию двум императивным целям: реализации социальной функции собственности и обеспечению её всеобщей доступности¹⁶³.

Эта идея была закреплена ещё ранее в Конституции Веймарской республики 1919 года и впоследствии инкорпорирована в Основной закон ФРГ 1949 года. Аналогичные принципы находят отражение и в конституционном

¹⁶⁰ URL://https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/

¹⁶¹ *Ведомости* Верховного Совета РСФСР. 1987. № 9. Ст. 250.

¹⁶² Франк С.Л. Собственность и социализм // URL://https://library.by/portalus/modules/economics/referat_readme.php?subaction=showfull&id=1102483279&archive=1120043562&start_from=&ucat=&

¹⁶³ URL://<http://italia-ru.com/page/konstitutsiya-italyanskoi-respubliki>

регулировании ряда других государств, что подтверждает универсальный характер взаимосвязи права собственности и социальной ответственности¹⁶⁴.

Концепция социальной функции собственности получила широкое конституционное признание в современном мире, будучи закреплённой в основных законах таких государств, как Армения, Беларусь, Бразилия, Италия, Испания, Молдова, Румыния, Словения, Чехия и другие. Её универсальный характер подтверждается также её инкорпорацией в нормы международного публичного права.

В частности, статья 4 Декларации социального прогресса и развития Организации Объединённых Наций 1969 года устанавливает, что достижение социального прогресса и развития невозможно без инклюзивного участия всего социума, основанного на аксиологических императивах социальной справедливости и социального предназначения собственности. Ключевым условием является такое структурирование отношений собственности на землю и средства производства, которое априори элиминирует возможность эксплуатации индивида¹⁶⁵.

Конституционное закрепление права частной собственности демонстрирует спектр подходов, варьирующихся по степени детализации и аксиологической нагрузки.

1) Лаконичные (декларативные) формулировки, типичные для стран со стабильной правовой системой (Испания, Лихтенштейн, Сан-Марино, Швейцария). Они ограничиваются кратким признанием и гарантированием права (например, «собственность гарантируется»). Такая нейтральность сигнализирует об устоявшемся режиме защиты на уровне отраслевого законодательства и позволяет интерпретировать норму широко — и как субъективное право, и как институциональную гарантию.

¹⁶⁴ См.: Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом (всенародным голосованием) Кыргызской Республики 11 апреля 2021 года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru> (дата обращения: 10.01.2025 года).

¹⁶⁵ См.: Декларация социального прогресса и развития от 11.12.1969 г. // СПС «КонсультантПлюс».

2) Детализированные (цивилистические) формулировки, включающие перечисление правомочий собственника (Кипр). Подобная нормативная конкретизация, заимствующая конструкции гражданского права, призвана обеспечить повышенную определённости содержания конституционного права.

3) Ценностно-ориентированные (императивные) формулировки, прямо связывающие собственность с её социальной функцией (Италия, ФРГ). Такой подход характерен для периодов глубоких социально-экономических трансформаций, когда собственность рассматривается как ключевой элемент новой общественной модели.

Общей тенденцией для стран со зрелой социально-рыночной экономикой (Германия, Швейцария и др.) является эволюция от пафосных или детализированных определений к кратким, нейтральным гарантиям. Это свидетельствует об институционализации защиты собственности в текущем законодательстве, снижающей потребность в её усиленной конституционной аксиологизации. Таким образом, лаконичность конституционной формулы часто коррелирует с высокой степенью правовой защищённости данного института в правовом порядке в целом.

Конституция Российской Федерации в статье 35 устанавливает фундаментальные гарантии права собственности. Каждому гарантируется право собственности с правомочиями владения, пользования и распоряжения имуществом индивидуально или совместно. Изъятие имущества возможно только по суду, а принудительное отчуждение для нужд государства – при условии предварительной и равноценной компенсации¹⁶⁶.

Концепция социальной функции частной собственности, предполагающая баланс между автономией собственника и требованиями публичного и частного интереса, имплементируется в гражданском праве. Норма статьи 209 ГК РФ, закрепляя классические правомочия собственника, непосредственно вводит систему ограничений их осуществления. Собственник вправе совершать в

¹⁶⁶ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2b3cdfcf41099657639e96a77b00849cacec38ca/

отношении имущества любые действия, но они не должны противоречить закону и не могут нарушать права и основанные на законе интересы третьих лиц. Особенностью правового режима земли и природных ресурсов является то, что собственник может реализовывать свои правомочия только при условии, что его действия не наносят ущерб экологии и не нарушают права других лиц, что является прямым нормативным выражением социальной и экологической ответственности¹⁶⁷.

В конституционном законодательстве России, в отличие от гражданского права, социальная функция частной собственности не получила столь же эксплицитного и позитивного закрепления. Это подтверждается, в частности, анализом поправок 2020 года к Конституции РФ, в которых термин «социальный» употребляется 15 раз, причём исключительно в контексте характеристик государства и его органов, но не в отношении обязанностей или роли частного собственника¹⁶⁸.

Если же речь идёт о частной собственности и её социальной функции, то, как демонстрирует опыт современных зарубежных конституций (например, Италии, Германии, Испании), в основном законе должны присутствовать нормы, стимулирующие собственников к добровольной реализации этой функции через механизмы правового поощрения или определения рамок социально ответственного поведения.

Подобный подход в российском конституционном праве во многом детерминирован доминирующей доктринальной позицией, представленной, в частности, В.Д. Зорькиным. Учёный связывает социальную функцию не с непосредственными обязанностями собственника, а с деятельностью государства, фактически отождествляя эти понятия. С его точки зрения, из системного толкования статьи 35 Конституции РФ в взаимосвязи со статьями о социальном государстве (ст. 7), основах конституционного строя, а также с положениями статей 9, 17, 34, 36 и 39 вытекает, что право собственности не носит абсолютного

¹⁶⁷ URL:<https://base.garant.ru/10164072/d4b2373e30c94f1987019801a38eeb51/>

¹⁶⁸ Подсчитано по: URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

характера и осуществляется в условиях обременений, вытекающих из его функций в рамках современного социального государства. Таким образом, акцент смещается с субъективной ответственности собственника на объективные ограничения, устанавливаемые государством в публичных интересах¹⁶⁹.

Конституционный Суд Российской Федерации также демонстрирует сдержанный подход в вопросе прямой конституционно-правовой интерпретации социальной функции частной собственности. Показательным в этом отношении является его Постановление от 19 апреля 2021 г. № 14-П о проверке соответствия Основному Закону ряда норм ГК РФ, в т.ч. п. 2 ст. 209, который закрепляет содержание права собственности, подразумевая, в том числе, и его социальную функцию.

Примечательно, что в тексте данного судебного акта, непосредственно касающегося регулирования отношений, в которых реализуется эта функция (в контексте ограничений, связанных с благоустройством территорий и размещением торговых объектов), термин «социальный» ни разу не употребляется. Это демонстрирует, что Суд, даже признавая в своей правовой позиции обременения и пределы права собственности, вытекающие из публичных интересов, избегает использования данной конкретной терминологии, предпочитая оперировать более общими правовыми конструкциями, такими как соблюдение прав и основанных на законе интересов других лиц, требования закона и публичный интерес¹⁷⁰.

Проведённое исследование действующего законодательства, судебной практики и конституционно-правовой доктрины позволяет констатировать, что в современной российской правовой системе социальной функции частной собственности не уделяется должного конституционно-правового внимания, в отличие как от дореволюционной отечественной традиции, так и от конституционной практики многих современных государств.

¹⁶⁹ Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 202.

¹⁷⁰ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382396/

Сложившаяся модель конституционного регулирования делает основной акцент на роли государства, что не соответствует целям конституционных поправок 2020 года в полном объеме. Последние были направлены не только на утверждение исторической преемственности, но и на закрепление принципа социальной солидарности различных групп и поколений в обществе.

Сохранение сложившегося до 2020 года подхода к конституционно-правовому регулированию в данной сфере не создаёт достаточных предпосылок для формирования в России развитого гражданского общества. Оно также не стимулирует ответственное, добровольное и добросовестное социальное поведение частных собственников и их объединений — то, что отличало социальную практику в период Российской империи.

1.4. Эволюция права частной собственности: сравнительное исследование

Право частной собственности возникло еще в период рабовладельческого периода. Известный отечественный историк государства и права О.А. Омельченко справедливо отмечает, что собственность, в рамках цивилистической доктрины, представляет собой многоаспектный и неделимый юридический комплекс, образующий совокупность субъективных правомочий управомоченного лица в отношении определенного объекта (вещи). Подобно иным вещным правам, её содержание формируется из определённого набора правовых возможностей (правомочий), объём которых может варьироваться, но которые в своей взаимосвязи составляют целостное правовое господство над имуществом¹⁷¹.

Как в настоящее время, так и в период рабовладения самое большое значение имело право частной собственности на землю. Например, в развитии римского права с самого начала римской истории земля аккумулировалась в руках патрициев, а плебеи-земледельцы страдали от малоземелья. Борьба между плебеями и патрициями представляла собой главным образом борьбу за землю.

¹⁷¹ Омельченко О.А. Римское право: Учебник. М.: Эксмо, 2006. С. 21.

Существующий издавна институт собственности складывался в Древнем мире постепенно – по мере разложения родоплеменных отношений первобытного общества. Поэтому и термин *dominium* длительный период применялся ко всем случаям господства над вещами, находящимися в домашнем хозяйстве. Он обозначал более широкий круг отношений, чем право собственности, так как сам институт собственности не был четко отделен от владения, прав на чужие вещи и семейных отношений.

По мнению большинства специалистов в области истории государства и права, начиная с III в. н.э. вещи, на которые существовало право, обозначаются термином *proprietas*, применявшимся с конца классического периода только для права собственности как полного и абсолютного правового господства лица над вещью, высшего среди других вещных прав.

Согласно позиции еще одного видного историка права, право частной собственности представляет собой исключительную юридическую возможность субъекта осуществлять полное господство над объектом, реализуя правомочия владения, пользования и распоряжения в соответствии с собственным интересом¹⁷².

Уже в эпоху рабовладения право частной собственности не было абсолютным и неизменно подвергалось определённым ограничениям, обусловленным социально-экономическим и правовым контекстом соответствующего исторического периода. Например, в древнем Риме оно, как одно из проявлений господствующего класса, могло ограничиваться в интересах государства, общества, в пользу сервитутов, залогодержателя и других прав на чужие вещи, в пользу соседей.

В частности, в соответствии с п. 14 кн. II Институций Гая (были написаны в 160–162 гг.) право собственности не было абсолютным. Оно подвергалось ограничениям в интересах соседей, что выражалось в возникновении сервитутов. К ним относились, в частности:

¹⁷² Косарев А.И. Римское право. М.: Юрид. лит., 1986.

- ограничение высоты строения, чтобы не лишать света соседнее владение;
- обязанность не возводить сооружения, затеняющие соседний участок;
- право отвода дождевых и сточных вод через чужой участок;
- право проведения водопровода¹⁷³.

Другим существенным институтом, ограничивающим неопределённость в праве, была приобретательная давность (*usucapio*). Её целью, как отмечалось, было предотвращение длительной неурегулированности статуса вещи. Законодатель исходил из того, что установленные сроки (один или два года) являются достаточными для собственника, чтобы отыскать своё имущество, а по их истечении владение трансформируется в право собственности, обеспечивая стабильность гражданского оборота¹⁷⁴.

Как отмечает В.Г. Графский, общинник в Древней Месопотамии обладал широким комплексом правомочий в отношении своего земельного надела, приближающимся к праву частной собственности. Он мог на возмездной основе отчуждать участок (продавать, менять), обременять его (закладывать), а также передавать по наследству, не требуя для этого санкции правителя или общины. Это способствовало развитию активного имущественного оборота, где купля-продажа стала основным способом перехода права.

Одновременно социально-экономическое расслоение, основанное на таких отношениях, приводило к массовому обеднению части населения. Результатом становились:

- залог земли и иного имущества для получения займа.
- долговая кабала, включающая залог и продажу членов семьи.
- широкое распространение аренды чужой земли и наёмного труда¹⁷⁵.

¹⁷³ *Институции* Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с лат., коммент. / Под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М.: Статут, 2020. С. 75.

¹⁷⁴ Там же. С. 83.

¹⁷⁵ *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 62–63.

В Древней Греции право собственности не носило характера абсолютного и исключительного господства над вещью. Центральное значение придавалось фактическому владению (*possessio*) имуществом, соединённому с правомочием распоряжения. Правовой режим собственности дифференцировался на публично-коллективные формы (государственные, храмовые, общинные земли фил и демов) и частную собственность, которая классифицировалась на «видимую» (земля, рабы, строения) и «невидимую» (движимые ценности: деньги, драгоценности), что имело значение для фискального учёта.

Публичное признание частной собственности осуществлялось через торжественное объявление архонтов при вступлении в должность. Земельные наделы (клеры), распределяемые по жребию, изначально носили условный характер. Важной социально-правовой особенностью была система литургий – публичных повинностей, возлагаемых на состоятельных граждан в зависимости от размера имущества (финансирование празднеств, снаряжение кораблей). Обязательства возникали как из договоров (добровольные), так и из предписаний закона (невольные), что подчёркивает неразрывную связь частного права с публичными интересами¹⁷⁶.

Генезис государственности и права восточных славян, по свидетельству М.А. Исаева, восходит к середине V – концу VI в.¹⁷⁷.

Другой известный историк государства и права России, И.А. Исаев, отдаёт предпочтение теории возникновения государственности и права на указанной территории в IX–XI вв., когда о формировании древнерусской государственности осталось значительное количество более достоверных исторических сведений и памятников права¹⁷⁸.

В частности, он отмечает, что древнейшими письменными источниками русского права выступают тексты договоров Руси с Византией, заключённых в 911, 944 и 971 годах. Данные документы представляют собой синтез правовых

¹⁷⁶ Графский В.Г. Указ. соч. С. 163.

¹⁷⁷ Исаев М.А. История российского государства и права: Учебник. М.: Статут, 2012. С. 13–17.

¹⁷⁸ Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 11–33.

норм византийского и древнерусского происхождения, регулирующих сферы международных отношений, торговли, судопроизводства и уголовных правонарушений. В них содержатся отсылки к так называемому «закону русскому», который, по всей видимости, являлся кодификацией устных обычаев, составлявших основу правового регулирования в Древней Руси.

К области гражданско-правового регулирования в этих договорах относятся, в частности, нормы наследственного права, предусматривающие порядок наследования как по завещанию, так и по закону (для нисходящих и боковых родственников, ст. 13 договора 911 г.), а также нормы, касающиеся института рабовладения. Последние закрепляли взаимные обязательства сторон по розыску и возврату беглых рабов (ст. 12 договора 911 г., ст. 3, 4 договора 945 г.)¹⁷⁹.

После принятия Русью в 988 г. христианства к договорным источникам добавились собственно правовые. Особенно сильным было воздействие византийского *церковного права*, которое включало три вида социальных норм: религиозных, нравственности и правовых. Через Русскую церковь государство приняло два известных византийских кодекса (Свода) церковного права.

В *Своде законов* патриарха Иоанния Схоластика (VI в.) систематизировались церковные правила, установленные вселенскими и поместными Соборами церкви, а также государственные царские законы, касающиеся регулирования жизни церкви и государства.

В конце IX в. наиболее известным стал *Номоканон патриарха Фотия*, в котором параллельно церковным правилам были подобраны статьи и комментарии к ним из Кодекса и Новелл императора Юстиниана.

Таким образом, церковные и гражданские постановления объединялись между собой по сходству содержания в единый источник права. Такие книги получили название *Номоканонов*.

¹⁷⁹ Там же. С. 34–35.

Оба сборника (Свод и Номоканон) на Руси в XI–XII вв. получили название *«Кормчая книга»*.

В период феодализма принципиальных отношений в правовом статусе частной собственности также не произошло.

В современном конституционном праве институт частной собственности занимает центральное место в системе прав человека, будучи одним из первых, получивших закрепление в ранних конституционных документах. Базовый механизм защиты права собственности от произвольного изъятия был сформулирован в конце XVIII века. Норма 5-й поправки к Конституции США прямо связывает возможность экспроприации для общественных нужд с обязательством выплаты справедливого возмещения¹⁸⁰.

Схожая двухкомпонентная гарантия содержится в ст. 17 французской Декларации 1789 года, которая, признавая собственность священным правом, разрешает её отчуждение только на основании закона, устанавливающего общественную необходимость, и при соблюдении условия предварительной справедливой компенсации¹⁸¹.

Более детально этот статус был раскрыт в Конституции Франции 1793 года, которая зафиксировала право собственности как возможность пользоваться и распоряжаться имуществом (ст. 16), свободу хозяйственной деятельности (ст. 17) и, вновь, гарантию от изъятия собственности без согласия владельца, за исключением случаев законодательно установленной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения (ст. 19)¹⁸².

Таким образом, вопреки распространённому в советской доктрине упрощённому представлению о праве частной собственности как об абсолютном и безусловном «священном» праве, его историческое конституционное оформление изначально носило социально обусловленный характер.

¹⁸⁰ URL:// <https://constitutioncenter.org/the-constitution/full-text>

¹⁸¹ URL:// <https://www.elysee.fr/en/french-presidency/the-declaration-of-the-rights-of-man-and-of-the-citizen>

¹⁸² URL:// <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/cnst1793.htm>

Абсолютность этого права была ограничена уже в первых правовых актах тремя ключевыми условиями:

- 1) Возможность принудительного отчуждения в принципе допускалась.
- 2) Такое отчуждение могло производиться исключительно для публичных нужд, а не в интересах частных лиц.
- 3) Процедура принудительного изъятия собственности была обусловлена соблюдением ряда императивных правовых гарантий: наличия легитимного основания, предусмотренного законом; проведения в установленной судебной или иной специальной процессуальной форме; а также обязанности предоставления предварительного и соразмерного возмещения, размер которого, как правило, определялся в судебном порядке.

Правовой статус частной собственности, закрепленный в первых конституциях, принятых в конце XVIII – начале XIX в., как показано выше, принципиально не изменился в современном конституционном праве зарубежных государств. Разница состояла лишь в том, что в конституциях, принятых после Первой мировой войны, к возможности лишения права собственности на указанных условиях прибавилось закрепление за собственностью социальной или общественной функции.

Конституция Веймарской республики 1919 года стала важным этапом в развитии конституционно-правового понимания собственности, закрепив её социальную функцию и допустимость ограничений в публичных интересах. В ней устанавливалось, что право собственности может быть ограничено, а имущество экспроприировано для целей «социальной пользы» или «общего интереса».

Ярким примером реализации данного подхода стали нормы о национализации ключевой инфраструктуры:

- Статья 89 возлагала на империю задачу перевести в государственную собственность и управлять как единой сетью все железные дороги общего пользования. Права федеральных земель на частные железные дороги подлежали передаче империи по её требованию;

- Статья 90 определяла, что с переходом железных дорог к империи к ней переходят и все связанные с ними права, включая право отчуждения; споры о пределах этих прав разрешал Верховный государственный суд;
- Статья 97 устанавливала аналогичный принцип в отношении водных путей сообщения общего значения, которые также подлежали передаче в собственность и под управление империи.

Таким образом, Веймарская конституция не только провозгласила принцип социальной обусловленности собственности, но и предусмотрела конкретные механизмы её реализации через централизованное управление стратегическими отраслями в общегосударственных интересах, предусмотрев при этом судебные гарантии для разрешения возможных споров¹⁸³.

В конституциях периода после Второй мировой войны заметны существенные новеллы права частной собственности посредством ее национализации, обусловленные провозглашением конституциями ряда государств принципа социального государства и усиления регулирующей роли государства в экономике и социальной жизни общества.

В частности, ст. 43 Конституции Итальянской Республики 1947 года устанавливает, что в интересах общественного блага закон вправе изначально резервировать либо осуществить возмездную передачу в собственность государства, публичных учреждений, объединений трудящихся или потребителей определённых предприятий или их категорий. Данные предприятия должны относиться к сфере основных публичных услуг, являться источниками энергии, занимать монопольное положение или представлять существенный общественный интерес¹⁸⁴.

Важным новшеством, характерным для правового регулирования права частной собственности в указанный период является подключение к национальным источникам права источников международного права. Это не только существенно расширяло территориальные пределы правового

¹⁸³ URL://<http://okpravo.ru/free/16-VM.txt>

¹⁸⁴ URL://<https://study.shmat.by/konstitutsiya-italii/>

регулирования, но и делало его единообразным на территории многих государств и создавало международную защиту. В частности, ст. 17 ВДПЧ 1948 года устанавливает основополагающий принцип международного права, гарантирующий каждому лицу субъективное право собственности. Данное право включает возможность индивидуального или коллективного обладания имуществом. Одновременно норма содержит императивный запрет на произвольное лишение лица принадлежащего ему имущества, что подразумевает необходимость установления законных оснований и процедуры для любого принудительного отчуждения¹⁸⁵.

Конституции, принятые за последние несколько десятилетий, еще больше расширили социальную функцию частной собственности. Так, согласно ст. 30 Конституции Республики Македония 1991 г., собственность порождает не только права, но и обязанности, а её функционирование должно быть направлено на реализацию интересов не только отдельного лица, но и в целом всего общества. Изъятие или ограничение права собственности допускается исключительно в случаях, когда этого требует публичный интерес, прямо установленный законом. При этом императивным условием экспроприации или ограничения является предоставление справедливой компенсации, размер которой не может быть ниже рыночной стоимости имущества¹⁸⁶.

Статья 44 Конституции Румынии 2003 года содержит развернутую регламентацию института частной собственности, представляющую значительный доктринальный интерес. Норма устанавливает следующие основные положения:

1) Право собственности и имущественные требования к государству пользуются конституционной защитой, причём их конкретное содержание и ограничения определяются законом.

2) Частная собственность гарантируется и охраняется законом на равных основаниях независимо от личности собственника. Иностранные физические и

¹⁸⁵ URL:<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=24624>

¹⁸⁶ URL:<https://legalns.com/download/books/cons/macedonia.pdf>

юридические лица могут приобретать право собственности на землю исключительно в силу международных обязательств Румынии (включая членство в ЕС) на условиях взаимности и в порядке, который должен быть определен органическим законом. Обеспечивается право правопреемства на имущество.

3) Экспроприация допустима лишь для установленных законом публичных нужд при обязательном условии предварительного предоставления справедливой компенсации.

4) Запрещаются национализация или иные формы принудительного обращения собственности в государственную, основанные на дискриминации владельцев по социальным, этническим, религиозным, политическим или иным подобным критериям.

5) Органы публичной власти вправе устанавливать ограниченные вещные права (например, сервитуты) на подземную часть любого недвижимого имущества для работ общественного интереса с обязанностью возместить собственнику любой причинённый ущерб.

6) Размер компенсации, предусмотренной за экспроприацию или установление сервитута, определяется по соглашению с собственником либо в судебном порядке.

7) Осуществление права собственности сопряжено с обязанностями, включая охрану окружающей среды, соблюдение интересов добрососедства и иных обязательств, возлагаемых законом или обычаем.

8) Имущество, приобретённое законным способом, не подлежит конфискации; законность приобретения презюмируется¹⁸⁷.

Таким образом, конституционная модель Румынии сочетает классические гарантии неприкосновенности собственности с её социальной функцией, детально регулирует условия вмешательства публичной власти и устанавливает специальный режим для иностранных инвестиций в землю.

¹⁸⁷ URL:// https://www.constituteproject.org/constitution/Romania_2003

Очень подробно урегулированы отношения собственности и ее гарантии в ст. 17 и 18 греческой Конституции 1975 г., где, в частности, определяются сроки возмещения в случае экспроприации, принципы земельной собственности и др. Статья 17 Конституции устанавливает следующую систему принципов регулирования права собственности:

1) Принцип защиты и социальной функции: Право собственности находится под охраной государства, однако его осуществление не должно наносить ущерб общественным (всеобщим) интересам.

2) Условия принудительного отчуждения:

- Основание: исключительно общественный интерес, подтверждённый в установленном порядке.

- Процедура: строго в соответствии с законом.

- Компенсация: обязательная предварительная полная компенсация, соответствующей рыночной стоимости имущества. Стоимость определяется на момент судебного слушания о временном размере компенсации либо, при прямом требовании об окончательном определении, – на момент соответствующего судебного заседания.

3) Оценка стоимости: Изменения стоимости имущества после официального опубликования акта об отчуждении не учитываются.

4) Процессуальные гарантии и порядок выплаты компенсации:

- Компенсация устанавливается гражданским судом. Допускается предварительное (временное) определение размера компенсации судом с возможного возложения на получателя обязанности предоставить гарантии.

- До фактической выплаты окончательной или временной компенсации собственник сохраняет все права на имущество; конфискация не допускается.

- Выплата должна быть произведена в обязательном порядке в течение 1,5 лет с момента опубликования решения о временной компенсации или решения об окончательном размере компенсации. Несоблюдение этого срока влечёт автоматическую отмену отчуждения.

- Компенсация освобождается от любых налогов, сборов и удержаний.

5) Возмещение упущенной выгоды: Закон может предусматривать возмещение собственнику доходов, утраченных от отчуждаемой недвижимости в период до выплаты компенсации.

6) Расширенная экспроприация для масштабных проектов: Для работ, имеющих общественное или существенное экономическое значение, закон может разрешить отчуждение участков, превышающих непосредственно необходимые для строительства площади. Такой закон определяет условия такой экспроприации и порядок использования излишков земли в государственных или общественных целях.

7) Сервитуты для публичной инфраструктуры: Закон может допускать безвозмездное размещение подземных сооружений (тоннелей) на необходимой глубине для объектов государственного и общественного значения (сооружаемых государством, органами местного самоуправления, публичными предприятиями и т.д.) при условии, что это не нарушает обычное использование вышележащего земельного участка¹⁸⁸.

Статья 18 Конституции Греческой Республики закрепляет особые правовые режимы для определенных категорий имущества, а также предусматривает исключительные основания для ограничения права собственности в публичных интересах. Норма структурирована следующим образом:

1) Специальный режим стратегических и культурных ресурсов. Правовой статус, включая вопросы собственности и распределения, для недр (рудники, карьеры, минеральные ресурсы), водных ресурсов (проточные и подземные воды), археологических объектов и находок регулируется специальным (особенным) законодательством.

2) Управление водными объектами. Вопросы собственности, эксплуатации и управления крупными озерами и морскими лагунами, а также судьба

¹⁸⁸ URL://<https://rua.gr/law/others/3176-konstitucziya-greczii.html>

территорий, образовавшихся в результате их обмеления, подлежат законодательному регулированию.

3) Реквизиция для экстренных публичных нужд. Особые законы устанавливают порядок реквизиции имущества в двух случаях:

- Для нужд вооруженных сил в период войны или мобилизации.
- Для удовлетворения неотложных социальных потребностей, угрожающих общественному порядку или здоровью населения.

4) Аграрная реформа. В целях повышения эффективности землепользования, консолидации земельных наделов (борьбы с чересполосицей) и реструктуризации мелкого землевладения закон может предусматривать процедуры перераспределения сельскохозяйственных земель.

5) Временные ограничения в исключительных обстоятельствах. Помимо указанных случаев, закон может вводить временные ограничения права пользования имуществом и получения доходов от него в связи с особыми обстоятельствами. Такие меры должны сопровождаться обязательной компенсацией, соразмерной условиям пользования. Их действие прекращается с отпадением вызвавших их причин, а необоснованное продление может быть оспорено в Государственном совете (верховном административном суде).

6) Оборот заброшенных земель. Закон регулирует механизм вовлечения в хозяйственный оборот бесхозных земель в интересах национальной экономики и для обеспечения земель нуждающихся граждан, предусматривая при этом возможность компенсации прежним собственникам, заявившим о своих правах в установленный срок.

7) Принудительное объединение земельных участков (институт «складочного права»). В городской местности в целях обеспечения комплексной и рациональной застройки закон может устанавливать режим принудительного совместного владения смежными земельными участками, если их отдельная застройка не соответствует градостроительным требованиям.

8) Особый иммунитет собственности религиозных институтов. Устанавливается абсолютный запрет на отчуждение сельскохозяйственных угодий, принадлежащих конкретным патриаршим монастырям (Святой Анастасии на Халкидиках, Влатадес в Салониках, Иоанна Богослова на Патмосе), а также имущества зарубежных Патриархатов (Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского) и монастыря Святой Екатерины на Синае, находящегося на территории Греции¹⁸⁹.

Таким образом, статья предусматривает детализированную систему изъятий из общего режима собственности, сочетая социально-экономические цели (аграрная реформа, рациональная застройка) с защитой национального достояния (недра, археологические ценности) и гарантиями для особо значимых религиозных и исторических институтов.

Категория «частная собственность» была институционально закреплена в правовом поле Российской империи в последней трети XVIII века, в эпоху царствования императрицы Екатерины II. Ключевым нормативным актом, ознаменовавшим этот процесс, стал Манифест «О свободе промыслов», который закрепил права частных лиц не только на поверхность земельных участков, но и на разработку полезных ископаемых в их недрах, существенно расширив тем самым содержание субъективных имущественных прав¹⁹⁰. Однако, несмотря на столь раннее позитивно-правовое признание, данная проблематика, имеющая фундаментальное значение, не стала предметом системной конституционно-правовой рефлексии и комплексного научного анализа в отечественной юридической доктрине.

Таким образом, если расширить временные рамки юридического закрепления данного института, то упоминание о частной собственности в законодательстве разных государств можно найти еще в источниках права глубокой древности. Более того, не взирая на то, что правовая основа указанного права в законодательстве разных государств, как мы видели, в целом одинакова,

¹⁸⁹ URL: <https://rua.gr/law/others/3176-konstitucziya-greczii.html>

¹⁹⁰ См.: *Гражданское право: Учебник для вузов* / М., 2001. Ч. 1. С. 58.

но вместе с тем имеются и соответствующие особенности, отражающие региональные, религиозные, национальные, исторические и другие уникальные аспекты.

Несмотря на продолжительную историю бытования института частной собственности в отечественной правовой системе, его нормативно-правовая регламентация и, что существенно, научная рефлексия носят дискретный, несистемный характер. Анализ существующей научной литературы позволяет констатировать её фрагментарный характер в освещении рассматриваемой проблематики¹⁹¹. Отдельные исследования, в частности работа А.М. Осавелюка, предлагают общий анализ генезиса прав и свобод, где право собственности не подвергается автономному и детальному рассмотрению¹⁹². ВВ подходе В.Е. Чиркина эволюция права собственности интегрируется в общую парадигму прав и свобод человека в рамках масштабного историко-теоретического анализа¹⁹³. Исследования Б.С. Эбзеева и А.С. Прудникова ограничиваются формально-юридической трактовкой механизмов судебной и административной защиты, что не формирует комплексной институциональной теории частной собственности в конституционном праве¹⁹⁴.

Проведенный анализ существующих научных изысканий демонстрирует, что институт частной собственности редко становится предметом комплексного конституционно-правового изучения. В этой связи целью настоящей работы является проведение сравнительного анализа эволюции права частной собственности в Российской Федерации и в зарубежных государствах.

Как продемонстрировано выше, историческая имплементация права частной собственности в конституционные тексты и ключевые государственно-правовые акты, начиная с конца XVIII века, характеризовалась двумя

¹⁹¹ См.: Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма – Инфра-М, 2017; Бухонова Л.Р. Конституционно-правовое регулирование частной собственности в современном мире. Тенденции и перспективы: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016 и др.

¹⁹² Осавелюк А.М. Конституционное право зарубежных стран. СПб.: Лань, 2019. С. 61, 65.

¹⁹³ Чиркин В.Е. Право частной собственности: конституционная эволюция // Журн. рос. права. 2015. № 4. С. 25–36

¹⁹⁴ См.: Конституционное право России: Учебник / 5-е изд., перераб. и доп. С. 198–205; Эбзеев Б. С. Конституционное право России: Учебник. С. 393–396.

принципиальными особенностями. Во-первых, оно закреплялось в качестве самостоятельного субъективного права личности, обладающего собственной нормативной автономией, а не в качестве сугубо экономической категории или элемента «экономической основы», что было свойственно советской правовой доктрине. Во-вторых, учитывая его фундаментальную роль как основного источника жизнеобеспечения индивида, конституции устанавливали императивные гарантии против произвольного изъятия. Даже в случаях отчуждения для общественных нужд такое изъятие было допустимо лишь при условии обязательного предварительного и справедливого возмещения, что подчеркивало баланс между публичным интересом и неприкосновенностью ключевого имущественного права.

Для второго этапа эволюции рассматриваемого права характерно формирование тесной системной связи между правом частной собственности и иными экономическими правами, прежде всего правом на труд. Их развитие происходило в диалектическом единстве и взаимном влиянии. Практическим выражением этого процесса стало появление в конце XIX – начале XX веков в ряде развитых стран (Германия, Великобритания, Франция, США) законодательных норм, ограничивающих эксплуатацию наёмного труда собственниками средств производства и устанавливающих пределы концентрации земельной собственности¹⁹⁵. В Российской империи в этот же период были приняты первые акты социально-трудового законодательства, а также осуществлена аграрная реформа П.А. Столыпина.

Данный этап отмечен принципиальным расхождением в конституционно-правовом регулировании статуса частной собственности в различных политических системах. В демократических государствах с рыночной экономикой акцент сместился с установления количественных ограничений на провозглашение её социальной функции. Идея социальной функции собственности получила первое в истории нормативное закрепление на

¹⁹⁵ Чиркин В.Е. Право частной собственности: конституционная эволюция // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-chastnoy-sobstvennosti-konstitutsionnaya-evolyutsiya/viewer>

конституционном уровне в Веймарской конституции 1919 года. В послевоенный период данный принцип был инкорпорирован в конституционные акты ряда демократических государств: Основной закон ФРГ 1949 года (ст. 14), Конституция Греции 1975 года (ст. 17), Конституция Индии 1949 года (ст. 38, 39) и др.

Параллельно в государствах с антидемократическими, тоталитарными режимами проводилась политика насильственной ликвидации или радикального ограничения института частной собственности. В России после событий октября 1917 года последовательными актами – Декретом о земле (1917), Декретом об отмене частной собственности в городах (1918), а затем конституциями РСФСР 1918 г. и СССР 1924, 1936, 1977 гг. – был полностью упразднён многовековой исторический опыт правового развития частной собственности на землю и иное имущество. Указанные социалистические конституции закрепляли её абсолютное осуждение и полный запрет, что являлось практической реализацией центрального тезиса коммунистической доктрины, сформулированного ещё в 1848 году, который может быть сведён к одному программному постулату — необходимости нуллификации института частной собственности¹⁹⁶.

Конституция СССР 1977 года легитимировала триаду форм собственности: государственную, колхозно-кооперативную и личную. В соответствии со ст. 10, базисом экономической системы признавалась социалистическая собственность на средства производства, структурированная в две основные формы — общенародную (государственную) и колхозно-кооперативную, с дополнительным признанием собственности общественных организаций. Государство брало на себя охранительную и стимулирующую функцию в отношении данного имущественного режима, устанавливая норму-запрет на его использование для извлечения нетрудовых доходов¹⁹⁷.

Статья 13 Конституции СССР определяла правовой режим личной собственности граждан, имевший строго производный и ограниченный характер.

¹⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — М., 1976. С. 12.

¹⁹⁷ Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

Её основу составляли доходы, полученные от трудовой деятельности. В круг допустимых объектов входили имущественные активы, удовлетворяющие бытовые и потребительские нужды: предметы обихода, личного пользования, домашнего хозяйства, жилой дом, а также сбережения, накопленные трудом. Государство гарантировало охрану данного вида собственности и права её наследования.

Гражданам предоставлялось производное право пользования земельными участками для ведения вспомогательного сельского хозяйства, а также садоводства, огородничества и индивидуального жилищного строительства в рамках установленных законом процедур. Титульные владельцы и пользователи были обязаны обеспечивать рациональную эксплуатацию земель, получая при этом содействие со стороны государства и колхозов.

Важнейшей характеристикой правового статуса личной собственности являлся установленный запрет на её использование для извлечения нетрудовых доходов или в ущерб общественным интересам, что подчёркивало её сугубо потребительскую и социально-ориентированную природу в рамках социалистической экономической системы¹⁹⁸.

Другой пример отношения к частной собственности можем найти в Конституции КНР 1982 г. с последующими изменениями, которая в отличие от конституций бывшего СССР допускает в ограниченном объеме частную собственность. Статья 10 данной Конституции устанавливает особый правовой режим земельной собственности, основанный на принципе публичного владения. В соответствии с её положениями:

1) Все земли в пределах городской черты находятся исключительно в государственной собственности.

2) Земли в сельской и пригородной местности относятся к коллективной собственности, за исключением тех участков, которые в силу прямого указания закона признаются государственной собственностью. К коллективной

¹⁹⁸ *Ведомости ВС СССР*. 1977. № 41. Ст. 617.

собственности также отнесены земли, занятые жилыми постройками, приусадебные (подсобные) участки и горные наделы.

3) Государство, выступая как суверен, сохраняет право в предусмотренном законом порядке осуществлять реквизицию или иное изъятие земель для общественных нужд, гарантируя при этом выплату компенсации.

4) Установлен абсолютный запрет на любое отчуждение земли организациями или физическими лицами посредством её присвоения, купли-продажи либо иных неправомерных способов, что исключает землю из гражданского оборота. Закон, однако, допускает передачу права пользования землёй в установленных им рамках»¹⁹⁹.

Согласно статье 11 Конституции КНР, индивидуальные и частные хозяйства, образующие необщественный сектор экономики и действующие в пределах, определённых законом, являются существенной составной частью социалистической рыночной системы. Законодательство закрепляет обязанность государства по охране законных прав и интересов указанных субъектов. Параллельно государство реализует комплекс регулирующих функций: стимулирует, поддерживает и направляет развитие необщественного сектора, а также осуществляет мониторинг и контроль за его деятельностью²⁰⁰.

Представляет определенный интерес разный подход к правовому статусу социалистической общественной собственности и частной собственности граждан, установленный положениями ст. 12 и 13 китайской Конституции. Статья 12 Конституции Китайской Народной Республики устанавливает императивный правовой режим социалистической общественной собственности, провозглашая её нерушимость и высшую ценность. На государство возлагается обязанность по её охране. Закон содержит абсолютный запрет для любых организаций и частных лиц на присвоение либо подрыв государственной и коллективной собственности любыми способами²⁰¹.

¹⁹⁹ URL:// <http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/constitution.html>

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

В отличие от социалистической общественной собственности согласно ст. 13 Конституции допускается не частная собственность вообще, а «законная частная собственность граждан». Хотя она также провозглашается неприкосновенной, а «государство, согласно закону, охраняет права граждан на частную собственность и право наследования». Вместе с тем в установленных законом случаях, связанных с реализацией общественных (публичных) нужд, государство наделено правом осуществлять реквизицию или иное возмездное изъятие частного имущества граждан при обязательном условии предоставления компенсации²⁰².

Четвёртый этап эволюции права частной собственности, охватывающий период с середины 1970-х годов по настоящее время, характеризуется углублением процессов её социализации и одновременным обретением ею международно-правового измерения. Важными вехами этого этапа явились принятие Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (далее – Пакт ЭСКП) и Заключительного акта СБСЕ, которые были ратифицированы СССР²⁰³.

На наш взгляд, данный этап является логическим продолжением третьего этапа, и в своей совокупности оба могут быть обозначены как период становления институционализированной солидарности, в рамках которой право собственности гармонизируется с общественными интересами и международными стандартами.

Ст. 1 Прот. №1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует нормативное закрепление права каждого физического и юридического лица на уважение принадлежащего ему имущества. Норма устанавливает, что лишение имущества допустимо исключительно при соблюдении следующих условий: оно должно быть обусловлено общественными (публичными) интересами и осуществляться в порядке, предусмотренном законом и соответствующим общим принципам международного права. Указанные нормы не отменяют императивного права государства на установление легитимного

²⁰² Там же.

²⁰³ Российская Федерация как правопреемник СССР является участником данных договоров.

контроля над использованием собственности исходя из общественных интересов, а равно на применение налогово-фискальных инструментов²⁰⁴.

Хотя нормы статей 8 и 35 Конституции Российской Федерации прямо не формулируют тезис о социальной функции частной собственности²⁰⁵, данный нормативный пробел в известной степени компенсирован правовыми позициями Конституционного Суда РФ и последующим законодательным регулированием, принятым во их исполнение. Как отмечает Н.С. Бондарь, более трети постановлений Конституционного Суда РФ касаются сферы экономики, включая отношения собственности, приватизации и фискального регулирования²⁰⁶.

Наделение права частной собственности конституционно-международным статусом привело к унификации его социальной функции, механизмов реализации и защиты в государствах-участниках соответствующих договоров. Это создало дополнительный уровень международно-правовых гарантий, обусловленный исключительной значимостью данного права для материальной стабильности личности и его системообразующими связями.

Право собственности, будучи фундаментом для реализации целого ряда других конституционных прав (на труд, предпринимательство, жилище и др., ст. 8, 34, 37, 40 Конституции РФ), получает в современных основных законах развернутое нормативное закрепление. Регулирование зачастую выходит за рамки фиксации субъективного права, детализируя объектный и субъектный состав, пределы осуществления, императивные гарантии защиты, тем самым объективируя частную собственность как ключевой институт, определяющий её социальную природу и соотношение с иными формами собственности²⁰⁷.

Конституция Армении в статье 60 устанавливает следующие принципы регулирования права собственности:

²⁰⁴ URL://<https://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/>

²⁰⁵ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

²⁰⁶ Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма — Инфра-М, 2017. С. 115.

²⁰⁷ Бухонова Л.Р. Конституционно-правовое регулирование частной собственности в современном мире. Тенденции и перспективы: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016. С. 7.

- Содержание права: Признаются правомочия владения, пользования и распоряжения законно приобретенным имуществом по усмотрению собственника (п. 1).
- Гарантии: Гарантируется право наследования (п. 2) и охрана интеллектуальной собственности (п. 7).
- Ограничения и изъятие: Право может быть ограничено только законом в защищаемых конституцией интересах (п. 3). Лишение собственности допускается исключительно по суду и в установленных законом случаях (п. 4). Принудительное отчуждение для общественных нужд — исключительная мера, требующая предварительной равноценной компенсации и особой процедуры (п. 5).
- Специальный режим: Право собственности на землю для иностранцев и апатридов, как общее правило, исключено, если иное прямо не предусмотрено законом (п. 6).
- Обязанность: Собственник обязан уплачивать законно установленные налоги и сборы (п. 8)²⁰⁸.

Динамика конституционализации права частной собственности детерминировала не только его детальную нормативную конкретизацию и имплементацию международных гарантий, но и сформировала имплицитные регуляторные ориентиры его дальнейшего развития. Таким образом, накопленный юридико-догматический и правоприменительный опыт выявил устойчивые детерминанты, определяющие перспективные траектории эволюции данного института.

Проведенный анализ позволяет лишь частично согласиться с выделенными Л.Р. Бухоновой трендами, включая интенсификацию социальной функции, предполагаемое ослабление конституционных гарантий, рост корпоративных

²⁰⁸ URL:// <https://www.president.am/ru/constitution-2015>

форм и расширение объектов собственности, включая конституционное признание информации²⁰⁹:

1) В предложенной концепции не в полной мере учтена диалектика усиления социальной функции, которая реализуется не только через её содержательное углубление, но и через экстерриториальное расширение, обеспечиваемое многоуровневой системой международно-правовых гарантий, в разработке которых Россия участвует.

2) Представляется методологически некорректным утверждать об ослаблении конституционных гарантий. Напротив, наблюдается их организационно-правовое усиление, что обусловлено конституционным статусом России как социального государства (ст. 7 Конституции РФ), расширением полномочий публичной власти после поправок 2020 года (ст. 71, 72, 75, 75.1, 114), а также правотворческой и правоприменительной деятельностью Конституционного Суда РФ в контексте международных обязательств.

3) Предложенная дихотомия «ослабление индивидуальной – рост корпоративной собственности» не отражает комплексности современных экономических процессов. Рост корпоративных форм может быть автономным процессом, детерминированным технологическим развитием, цифровой трансформацией и повышением общей экономической эффективности, а не следствием редукции индивидуального владения.

К числу устойчивых трендов современного конституционно-правового развития правомерно отнести интернационализацию регулирования права частной собственности. Этот процесс выражается в том, что последующие конституционные тексты, как правило, закрепляют данное право с учётом предшествующего опыта соответствующих государств, а после завершения в 1945 году войны указанная правовая практика была значительно дополнена и развита за счёт инкорпорации международно-договорных норм.

²⁰⁹ Бухонова Л.Р. Указ. соч. С. 8.

Российское конституционное право полностью соответствует данной общемировой тенденции. Так, положения ч. 1 ст. 17 отечественного Основного Закона устанавливают, что признание и гарантирование прав и свобод человека и гражданина в России осуществляется исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, а также предписаний Конституции РФ²¹⁰.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о значительной трансформации института частной собственности. Эволюция функционального назначения частной собственности демонстрирует трансформацию от её восприятия как индивидуально-семейного базиса материального обеспечения в конце XVIII века к современным коллективизированным формам, выполняющим консолидирующую социальную роль. Данный процесс легитимируется целенаправленной публичной политикой и конституционной фиксацией социальной функции собственности в правовых порядках современных государств.

Параллельно наблюдается нормативно-институциональное укрепление гарантий и императивных механизмов защиты правомочий собственника. Это достигнуто благодаря развитию институтов конституционного правосудия и включению в национальные правовые системы механизмов международно-правовых гарантий. Данный принцип имплементирован, в частности, в ч. 3 ст. 46 российского Основного Закона, которая легитимирует право на обращение к конвенциональным механизмам защиты прав человека после исчерпания всех внутренних средств правовой защиты и при условии, что такая возможность предусмотрена международными договорами Российской Федерации. Таким образом, сформировалась многоуровневая система защиты, сочетающая национальные и международные гарантии²¹¹.

Огромным достижением современного этапа эволюции частной собственности явилось использование в её правовом регулировании и реализации достижений цифровизации, компьютеризации и искусственного интеллекта, а также включение в 2020 г. в Конституцию России норм о социальном

²¹⁰ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

²¹¹ Там же.

партнерстве, экономической, политической и социальной солидарности, которые существенно повысили эффективность общественного производства, выдвинули производственный потенциал России на лидирующие позиции в мире и консолидировали общество и государство.

1.5. Частная собственность в экономической основе конституционного строя России: доктрина конституционного суда

Частная собственность, выступая в качестве фундаментального элемента гражданского общества, экономической основы конституционного строя и ключевого института производственных отношений, закономерно является объектом пристального научного анализа в трудах ведущих специалистов: экономистов, цивилистов и ученых-конституционалистов²¹², объектом установления базовых конституционных принципов и правового регулирования отраслевым законодательством, а также разрешения правовых коллизий и защиты ее статуса и возникающих на его основе правоотношений судами, и прежде всего, Конституционным Судом России.

Анализ научной литературы, посвященной месту частной собственности в экономической основе конституционного строя России, демонстрирует преобладание системного подхода к данной проблематике²¹³. Так, согласно позиции Б.С. Эбзеева, свободная рыночная экономика рассматривается в качестве фундаментальной экономической базы конституционного строя, чьими структурными компонентами, получившими закрепление в Основном Законе, являются институты собственности, предпринимательства и труда. Данная

²¹² См.: Актуальные проблемы экономического права: защита прав предпринимателей в условиях современных вызовов: сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Кафедра гражданского и корпоративного права; под ред. Е. Н. Абрамовой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023; *Гаджиев Г.А. и др. Конституционная экономика* / М.: Юстицинформ, 2010; *Конституционное право России: Учебник для студентов вузов* / 10-е изд. перераб. и доп. С. 137–139; *Осавелюк А.М., Тутханиян Г.А.* О роли правовых основ в деятельности социального государства в России // *Образование. Наука. Научные кадры.* 2014. № 5. С. 34–37.

²¹³ См., напр.: *Колотова Н.В.* Социально-экономические права: доктринальные особенности и механизмы защиты: монография. – М.: ИГП РАН, 2019; *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования; *Он же.* Конституционное право России. С. 244–259.

конституционная модель обусловила существенную модификацию экономической роли государства²¹⁴.

Данная позиция, ставящая собственность на первое место в структуре экономической основы, является закономерной и разделяется в доктрине. В рамках системного анализа содержания этой основы нами также обосновывался приоритет конституционного принципа равенства всех форм собственности среди иных принципов экономической системы²¹⁵.

Именно способ конституционной фиксации и системное положение данного принципа детерминируют реальную имплементацию всех остальных начал экономической основы. Без полной реализации принципа равенства и равной защиты всех форм собственности невозможна эффективная реализация таких производных принципов, как поддержка конкуренции и экономической (в т.ч. предпринимательской) деятельности, целостность экономического пространства и др.

Ряд доктринальных исследований характеризуется формально-догматическим подходом к определению правового статуса частной собственности, ограничиваясь структурно-элементной декомпозицией без раскрытия её системных связей. Так, С.В. Нарутто осуществляет фрагментарный анализ социально-экономических основ конституционного строя, выделяя такие позиции, как свобода экономической деятельности, единство экономического пространства, поддержка конкуренции, признание и равная защита различных форм собственности, специальный правовой режим земли, а также социальный характер государства. Однако в её анализе отсутствует экспликация внутренней иерархии и глубинной функциональной взаимозависимости указанных элементов²¹⁶.

²¹⁴ Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 244.

²¹⁵ См.: Саудаханов М.В. Права собственности как способ реализации экономической основы конституционного строя России // Государственная служба и кадры. 2019. № 2.

²¹⁶ Нарутто С.В. Основы конституционного строя РФ и ее субъектов в решениях КС РФ // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8 (33). С. 948.

Анализ доктринальных позиций выявляет существенные расхождения в определении места и значения частной собственности в структуре экономической основы конституционного строя. В частности, авторы одного из учебников (С.М. Шахрай, А.А. Клишас) в разделе, посвященном данной основе, подробно характеризуют такие принципы, как единство экономического пространства и поддержка конкуренции, а также статус публичной собственности, тогда как частная собственность упоминается лишь в одном абзаце исключительно в качестве субъективного права, гарантированного статьей 35 Конституции РФ, но не как системообразующий принцип²¹⁷.

Если следовать предложенной С.В. Нарутто последовательности принципов, где свобода экономической деятельности занимает первую позицию, а равенство форм собственности — лишь четвертую, либо вовсе исключать частную собственность из числа принципов (подход Шахрая и Клишаса), возникает закономерный вопрос о методологической состоятельности такой конструкции. Каким образом могут быть реализованы свобода экономической деятельности, поддержка конкуренции и единство экономического пространства в отсутствие признания частной собственности в качестве фундаментального принципа и без обеспечения реального равенства всех её форм? Подобный подход игнорирует каузальную связь, где частная собственность выступает необходимой предпосылкой и материальной основой для всего комплекса экономических отношений.

Принципиально иную, более убедительную позицию, которую мы в значительной степени разделяем, занимают авторы учебника под редакцией Б.А. Страшуна. Они обоснованно указывают, что именно право частной собственности, наследования и свобода хозяйственной инициативы, традиционно подвергавшиеся критике в марксистско-ленинской доктрине, составляют действительный правовой фундамент свободы личности. Собственник, по их мнению, обладает максимальной автономией в выборе рода занятий и

²¹⁷ Шахрай С. М., Клишас А. А. Конституционное право Российской Федерации. 3-е изд., доп. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 137–140.

возможностью для всестороннего развития, что обеспечивается именно этими правами, а не, например, провозглашённым правом на труд. Данный подход восстанавливает логический приоритет частной собственности как краеугольного камня экономической системы и личной свободы²¹⁸.

Следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации уделяет большое внимание вопросам, связанным с разрешением коллизий, возникающих в правоотношениях по поводу частной собственности, ее места в экономической основе и ее защите в Российской Федерации. Как видно из информации, размещенной на официальном сайте Конституционного Суда РФ, Суд за весь период своего функционирования по март 2025 года (дата обращения к официальному сайту Суда) рассмотрел в общей сложности 1758 дел, связанных с правоотношениями в указанной сфере. Включая 283 постановления, вынесенных Конституционным Судом по различным аспектам отношений, связанных с частной собственностью²¹⁹. Как видно из приведенных цифр, подавляющее большинство дел заканчивалось вынесением определений. Чаще всего это были определения, отказывающие в принятии жалоб к рассмотрению. Кроме того, указанные цифры демонстрируют статистику работы Конституционного Суда и удельный вес разного вида решений.

Особый интерес для исследования представляют постановления Конституционного Суда. Поскольку они не только разрешают соответствующие правовые коллизии, но и содержат правовые позиции Суда, позволяющие не только аргументировать содержание самого постановления, но и ускорить принятие соответствующего решения по другим аналогичным делам, как самому Конституционному Суду, так и другим правоприменительным органам.

Среди этой категории дел еще больший интерес вызывают решения, которые выносились после вступления в силу поправки, включенной в Конституцию России в 2020 г. (подробнее см.: Приложение № 1). Поскольку она

²¹⁸ См.: *Конституционное (государственное право) зарубежных стран*: В 4 т. Т. 1–2. Часть общая: Учебник / 3-е изд. М.: БЕК, 2000. С. 106.

²¹⁹ URL:<https://www.ksrf.ru/Decision/> (дата обращения: 11.04.2025).

существенно расширила конституционную характеристику содержания социального государства, а также усилила положения Основного закона, направленные на расширение полномочий органов публичной власти всех уровней власти Российской Федерации как социального государства. Существенным аспектом этой эволюции стало нормативное признание и доктринальное обоснование социальной функции частной собственности как одного из её имманентных свойств.

Из 101 дела, рассмотренного КС РФ в период с января 2021 года по март 2025 года, как показано в приложении № 1 к диссертации, Суд в вынесенных постановлениях, в 84 случаях при рассмотрении жалоб применял нормы публично-правовых источников материального и/или процессуального права. И только в 40 случаях речь шла о соответствии Конституции норм частного права.

Проведенный нами анализ решений, вынесенных Конституционным Судом (подробнее см. приложение) в указанный период, показывает также, что подавляющее большинство – 69 дел – были связаны с конституционностью соответствующих положений российских отраслевых кодексов. Иначе говоря, в методологическом отношении спорные правоотношения, затрагивающие институт частной собственности, имманентно связаны с нормотворческой или правоприменительной деятельностью публично-правовых акторов.

При этом правовая оценка конституционности отдельных норм ГК РФ осуществлялась Конституционным Судом РФ в рамках 23 судебных дел, Земельного кодекса РФ – 9 судебных дел, Налогового кодекса – 5 дел. В 15 случаях речь шла о конституционности соответствующих положений двух и более кодексов²²⁰.

Кроме того, этот анализ свидетельствует также о том, что в большинстве рассматриваемых дел КС РФ проводил комплексный системный анализ оспариваемых положений. При этом комплексный системный анализ оспариваемых положений, применяемый Судом, целесообразно

²²⁰ Там же.

дифференцировать на две категории: по инициативе заявителей, обращающихся в Конституционный Суд с жалобой на соответствие Конституции положений двух или более источников права²²¹; по инициативе самого Конституционного Суда РФ²²².

Следует особо подчеркнуть, что если в 130 случаях, при рассмотрении Конституционным Судом Российской Федерации за указанный период, как видно из указанного приложения, комплексный системный анализ оспариваемых положений применялся им по инициативе заявителей только в 25 случаях, то по всем остальным делам комплексный системный анализ применялся по инициативе самого Конституционного Суда. То есть, удельный вес инициативы заявителей по применению при рассмотрении конституционно-правовых споров комплексного системного правоприменения составляет менее 20 %.

Более того, инициатива Конституционного Суда в данном вопросе имеет еще одно важное конституционно-правовое последствие: при комплексном системном правоприменении достигается более полный и исчерпывающий (всесторонний) результат.

Показательным примером правоприменительной методологии КС РФ является судебное разбирательство по вопросу о проверке конституционности отдельных положений отечественного Налогового кодекса. В процессе разрешения данного дела Суд осуществил всесторонний анализ, выходящий за рамки буквального толкования оспариваемых норм. В поле его изучения вошли фундаментальные конституционные принципы налогообложения, а также значительный массив правоприменительной практики. В частности, были исследованы позиции, сформулированные в постановлении Пленума ВАС РФ, актах арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Кроме того, Конституционный Суд опирался на сформированную им самим

²²¹Напр.: <https://rg.ru/documents/2025/03/07/ksrf9.html>; https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497120/.

²²² https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494342/

систему правовых позиций, отраженных в ряде своих более ранних постановлений²²³

Количественные показатели деятельности Суда по рассматриваемому кругу вопросов демонстрируют значительную динамику. За весь период своей работы по состоянию на 1 марта 2025 года Конституционный Суд РФ рассмотрел 1869 дел соответствующей категории. Среднегодовое количество дел за период до 2021 года (начала активной фазы после вступления в силу конституционных поправок 2020 года) составляло примерно 48,5. В период с января 2021 года по март 2025 года этот показатель возрос до 168 дел в год в среднем, что свидетельствует о существенной интенсификации соответствующего направления судебной деятельности²²⁴.

На наш взгляд, отмеченный значительный рост количества дел, связанных с правом частной собственности и рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации, имеет прямую причинно-следственную связь с конституционными поправками 2020 года. Внесение в Основной закон положений, усиливающих социальную направленность государственной политики, а также последовавшее за этим масштабное обновление отраслевого законодательства в соответствующем ключе, актуализировали широкий спектр правовых вопросов. Данные изменения вызвали повышенный интерес и активное обращение в суд как со стороны граждан, так и со стороны различных юридических лиц, стремящихся определить новые границы и гарантии своих имущественных прав в изменившемся правовом поле.

Особую роль в изменении указанной статистики, по нашему мнению, сыграли также новая редакция п. ж), новый п. ж).1 статьи 72; новая редакция п. 5) – 7) статьи 75; новая статья 75.1 Конституции Российской Федерации, усилившие социальную составляющую Российского государства после вступления в силу с 4 июля 2020 г. конституционной поправки, повлекшей изменения в отраслевом законодательстве.

²²³ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496492/

²²⁴ URL: <https://www.ksrf.ru/Decision/> (дата обращения: 10.03.2025).

При этом, например, за период с января 2021 года по март 2025 года только 90 дел были рассмотрены Конституционным Судом РФ за этот период по существу, как свидетельствует приложение № 1. И по ним, по итогам рассмотрения, были вынесены соответствующие решения с учетом конституционных новелл 2020 г.

А по остальным делам Конституционным Судом РФ были приняты определения об отказе в принятии к производству поданных заявлений и жалоб, поскольку они уже были предметом рассмотрения Судом ранее, и он сформулировал по ним свои соответствующие правовые позиции, которые были опубликованы в официальных источниках и сохраняют свою юридическую силу.

В постановлении от 8 ноября 2022 г. № 47-П КС РФ, осуществляя в рамках конституционного судопроизводства нормоконтроль в отношении некоторых положений Правил, регулирующих утилизационный сбор, продемонстрировал системный подход к толкованию обновлённых основ конституционного строя. Суд прямо сослался на новую редакцию пункта «е» статьи 71 и введённую статью 75.1 Конституции РФ, указав, что их регулятивная цель данных норм заключается в формировании институциональных предпосылок для установления взаимного доверия между государством и социумом, гармонизации корреспондирующих прав и обязанностей индивида, а также консолидации социального партнёрства и солидарности во всех публичных сферах.

При этом Конституционный Суд не только подтвердил преемственность своей ранее выработанной правовой позиции о необходимости системной согласованности правового регулирования и правоприменения, но и интегрировал её в новый конституционный контекст, установленный поправками 2020 года.

В пунктах 4 и 5 оспариваемого постановления Суд дал оценку действиям федерального законодателя, который, регламентируя основания, условия и процедуру возврата излишне уплаченных или взысканных фискальных платежей (включая начисление процентов на излишне взысканные суммы), установил дополнительные правовые гарантии. Целью данных гарантий является защита

прав граждан и организаций от потенциальных нарушений со стороны органов публичной власти, выражающихся как в неправомерных действиях, так и в бездействии.

В рамках конституционно-судебного истолкования КС РФ интерпретировал соответствующие законодательные меры как непосредственный механизм имплементации правоположений ст. 35 Основного Закона, гарантирующей судебную и законодательную охрану права частной собственности. Одновременно данные нормы были системно увязаны с предписаниями ст. 52 и ст. 53 Конституции, актуализирующими гарантии права на компенсацию ущерба, причинённого неправомерными действиями (или бездействием) органов публичной власти и их должностных лиц. Таким образом, судебный акт установил прямую связь между техническими правилами взимания сборов и фундаментальными конституционными принципами защиты собственности и компенсации ущерба от государства.

А регулирование отношений, связанных с взиманием публичных платежей и в основе своей имущественных, требует баланса частного и публичного интересов с учетом того, что государственная и частная собственность признаются и защищаются Конституцией РФ равным образом (ч. 2 ст. 8).

Оценивая содержание оспариваемого п. 37 Правил различного применения утилизационного сбора в отношении самоходных машин, Суд указал, что ограничение (запрет) на выплату процентов в случае излишнего взыскания сбора несовместимо с требованиями ч. 2 ст. 8, ч. 1, 2 ст. 19, ст. 35, 52, 53, ч. 2 и 3 ст. 55 и ст. 75.1 Конституции РФ и вступает с ними в противоречие. Суд вынес решение о признании положений п. 37 Правил противоречащими Конституции РФ²²⁵.

Вместе с тем, применяя системный и дифференцированный подход к оценке содержания оспариваемых положений нормативных правовых актов, Конституционный Суд РФ справедливо признал соответствующей Конституции, казалось бы, аналогичную норму.

²²⁵ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430747/

В данном случае речь идёт о Постановлении КС РФ от 9 ноября 2022 г. № 48-П. Суд признал оспариваемую норму соответствующей Основному Закону, указав, что её конституционно-правовой смысл в системе действующего регулирования исключает возможность односторонней отмены органами МСУ разрешения на ввод объекта ИЖС в эксплуатацию после осуществления государственной регистрации права собственности на данный объект в ЕГРН²²⁶.

Кроме того, в Постановлении от 13 октября 2022 г. № 43-П, принятом по жалобе гражданина В.Б. Колобаева, Конституционный Суд РФ, действуя в обновлённых правовых условиях, подтвердил ряд фундаментальных правовых позиций, сформулированных до 2020 года. В частности, Суд вновь констатировал, что право частной собственности как одна из основ конституционного строя:

- обладает прямым действием и детерминирует смысловое наполнение, содержание и правоприменение законодательных актов, а также направляет деятельность публично-властных органов;
- гарантируется законом и судебной защитой, что распространяется как на частноправовые, так и на публично-правовые отношения;
- имеет социальную направленность, в силу чего его ограничения допустимы только федеральным законом в целях обеспечения защиты конституционных прав и основанных на законе интересов других лиц;
- подобные ограничения должны отвечать критериям справедливости, разумности и соразмерности, обеспечивая баланс между общественными интересами и защитой основных прав личности, не допуская произвольного вмешательства государства или чрезмерного обременения собственника²²⁷.

Указанные принципы, закреплённые в том числе в постановлениях КС РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П²²⁸, от 31 января 2011 г. № 1-П²²⁹, от 31 октября 2019 г. №

²²⁶ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430931/#dst100036

²²⁷ URL://<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision638607.pdf>

²²⁸ СЗ РФ. 2008. № 30 (Ч. 2). Ст. 3695.

²²⁹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110028/

32-П²³⁰, от 5 марта 2020 г. № 11-П²³¹ и др., сохраняют свою силу и в современной правоприменительной практике.

Конституционный Суд РФ в очередной раз эксплицитно подтвердил свою правовую позицию, согласно которой соблюдение баланса между общественными интересами и условиями защиты фундаментальных прав личности должно обеспечиваться через установление процессуально-правовых рамок взаимодействия граждан с органами публичной власти.

При закреплении соответствующих норм законодатель обязан следовать императивным требованиям определённости, стабильности и предсказуемости правового регулирования. Целью такого подхода является поддержание максимально высокого уровня доверия между участниками экономических отношений и создание эффективных условий для защиты права собственности и иных вещных прав²³².

Указанные правовые принципы носят устойчивый характер и последовательно подтверждаются в практике КС РФ. В частности, они нашли отражение в постановлениях:

- от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения ГПК РФ²³³;
- от 10 марта 2016 г. № 7-П по делу о проверке конституционности норм ФЗ «Об исполнительном производстве»²³⁴;
- от 11 ноября 2021 г. № 48-П по делу о проверке конституционности положений ГПК РФ, ГК РФ и ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации»²³⁵.

Таким образом, требование обеспечения правовой определённости и стабильности выступает неотъемлемым элементом конституционно-правового режима собственности, что последовательно аргументируется в системе судебных актов Конституционного Суда

²³⁰ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336698/

²³¹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347128/

²³² URL://<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision638607.pdf>

²³³ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347128/

²³⁴ <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10032016-n/>

²³⁵ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400313/

Кроме того, Секретариат КС РФ периодически готовит обобщенные информационные справки о наиболее часто встречающихся дефектах нормативного регулирования, обнаруживаемых в итоговых решениях данного судебного органа.

Так, в Информации о конституционно-правовых аспектах совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений КС РФ 2013–2015 гг.), показаны три типа проблем: пробельность регулирования, неопределенность регулирования и несогласованность регулирования²³⁶.

Указанные аналитические материалы по конституционно-правовым аспектам нормотворчества, равно как и преобладающая часть решений КС РФ по спорам, связанным с правом частной собственности и его защитой, основываются на системном понимании роли данного конституционно-правового института и одноименного принципа в структуре экономической основы конституционного строя России²³⁷.

Иллюстрацией такого подхода служат следующие правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом РФ:

- в постановлении от 22 апреля 2014 г. № 12-П по делу о конституционности норм закона об обороте земель с/х назначения были выделены требования дифференцированного правового регулирования, соблюдения принципов правовой определённости и юридического равенства²³⁸.
- аналогичные принципы подтверждены в Постановлении от 24 марта 2015 г. № 5-П по делу, касающемуся введения в действие Жилищного кодекса РФ²³⁹.
- в постановлении от 16 апреля 2015 г. № 8-П к указанным началам добавлен принцип связанности государственных органов законом²⁴⁰.
- в постановлении от 7 апреля 2015 г. № 7-П Суд указал на необходимость соблюдения принципов справедливости и полноты судебной защиты²⁴¹.

²³⁶ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201240/

²³⁷ См., например: URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101356/#58101356>.

²³⁸ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162137/

²³⁹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177024/

²⁴⁰ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178217/

Системно-аналитический подход к исследованию обозначенной проблематики предопределён целью и задачами настоящей работы. Данная методологическая установка обусловлена доминирующей в правоприменительной практике КС РФ опорой на системное толкование взаимосвязи конституционных принципов, формирующих экономический базис конституционного строя.

В Постановлении от 16 июля 2008 г. № 9-П Суд установил, что конституционные начала права собственности и свободы экономической деятельности, получившие развитие в гражданском законодательстве, формируют нормативный фундамент для любого отраслевого регулирования имущественных отношений. Это включает легитимацию оснований возникновения, изменения и прекращения вещных правомочий, а также установление соразмерных механизмов их защиты и ограничений²⁴².

Правовая позиция Суда последовательно выступает в защиту института частной собственности и принципа равенства её форм в рамках различных отраслевых режимов и видов правоотношений – как публичных, так и частных. Наиболее показательным примером данной универсальности выступает Постановление от 14 мая 1999 г. № 8-П.

В указанном постановлении Суд констатировал, что федеральный законодатель обладает компетенцией по установлению императивного публично-правового режима пользования и распоряжения товарами и транспортными средствами, находящимися на таможенной территории Российской Федерации до завершения таможенного оформления (декларирования). Данная мера не является лишением собственности, а представляет собой законное ограничение, вытекающее из суверенного права государства регулировать перемещение грузов через свою границу.

Суд указал, что до завершения таможенных процедур такие товары не могут находиться в свободном гражданском обороте: ими запрещено пользоваться, распоряжаться и совершать с ними сделки (включая куплю-продажу), за

²⁴¹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177826/

²⁴² СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3695.

исключением прямо предусмотренных законом случаев. Сделки, заключённые с нарушением этого императивного запрета (ст. 131 Таможенного кодекса РФ), являются не соответствующими закону. Однако оценка их юридических последствий (например, признание недействительными) выходит за рамки таможенного законодательства и должна осуществляться на основании норм гражданского права²⁴³.

Вторая правовая позиция КС РФ касается гарантий защиты прав собственника в контексте действий третьих лиц при осуществлении таможенных и иных административных процедур. Законодательством закреплён комплекс гражданско-правовых механизмов, обеспечивающих такую защиту. В частности, в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 15, 393–406, 801–806) на экспедитора, а в определённых случаях и на перевозчика, возлагается экстраординарная ответственность. Она возникает в случае нарушения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору транспортной экспедиции, включая обязанности, связанные с таможенным оформлением. Ответственность носит солидарный характер, распространяясь как на собственные действия исполнителя, так и на действия привлечённых им третьих лиц. Санкцией за утрату груза является полная компенсация убытков, включающая как реальный ущерб, так и упущенную выгоду²⁴⁴.

В дальнейшем первая правовая позиция Конституционного Суда РФ по этому делу была подтверждена в определении от 12 мая 2006 г. № 167-О. Конституционный Суд указал, что норма, устанавливающая обязанность по таможенному оформлению и уплате платежей (ч. 1 ст. 131 ТК РФ), носит генеральный характер. Её нельзя толковать как возлагающую бремя на субъектов, которые в соответствующий период не состояли в каких-либо правоотношениях (в том числе таможенных) в отношении товара и объективно не имели возможности влиять на соблюдение таможенных формальностей, при условии, что в момент приобретения указанных товаров приобретатель не располагал и не

²⁴³ URL://<https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14051999-n/>

²⁴⁴ Там же.

должен был располагать сведениями о противоправном характере их ввоза на таможенную территорию.

Критерием для привлечения к ответственности в данной ситуации является вина в форме неосторожности. Она презюмируется, если приобретатель имущества, заведомо имеющего иностранное происхождение, не проявил той степени заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась в конкретных обстоятельствах для обеспечения соблюдения норм таможенного законодательства. Таким образом, ключевым становится не сам факт нарушения, а возможность его предвидения и предотвращения добросовестным участником оборота при проявлении им разумной осмотрительности.

На основании сформулированной правовой позиции Конституционный Суд Российской Федерации устанавливает дополнительную гарантию принципа неприкосновенности частной собственности, обеспечивающую восстановление имущественного положения добросовестного, но не проявившего должной осмотрительности приобретателя.

Данная гарантия реализуется посредством предоставления такому приобретателю, претерпевшему имущественные потери в результате конфискации имущества либо вынужденной уплаты таможенных платежей, права на регрессное требование. Указанное требование о возмещении понесенных расходов может быть заявлено к контрагенту, у которого имущество было первоначально приобретено (предшествующему отчуждателю).

Возможность регресса носит не автоматический, а правоприменительный характер. Ее осуществление детерминировано соблюдением двух групп условий: материально-правовых, закрепленных нормами гражданского законодательства (в частности, касающихся оснований ответственности продавца), и процедурных, установленных нормами соответствующего процессуального законодательства, регулирующего порядок рассмотрения споров.

Таким образом, несмотря на виктимное поведение самого приобретателя, выразившееся в недостаточной осмотрительности, правовой порядок

обеспечивает ему механизм окончательного переложения возникших убытков на то лицо, чьи первоначальные действия (или бездействие) обусловили их возникновение²⁴⁵.

Правовая позиция КС РФ, отраженная в Постановлении от 12 мая 2011 г. № 7-П и других решениях, подлежит рассмотрению в контексте проблематики последовательности реализации системного подхода к охране права частной собственности, базирующегося на принципе равенства всех ее форм²⁴⁶.

Отдельные судебные акты демонстрируют формализованное применение данного подхода. Яркой иллюстрацией служит Постановление от 20 мая 1997 г. № 8-П. В его мотивировочной части (ч. 2, 3 п. 3) верная методологическая позиция Суда проявилась в осуществлении системного толкования, в результате которого было установлено, что конституционные гарантии защиты частной собственности и судебной процедуры её лишения, закреплённые в ст. 35 Основного Закона, имеют универсальный правовой характер и подлежат применению как в частноправовой, так и в публично-правовой сфере. Тем не менее, в резолютивной части данного акта Суд признал соответствие Основному закону норм Таможенного кодекса РФ, наделявших таможенные органы правом вынесения постановлений о конфискации имущества в качестве административной санкции, сославшись лишь на наличие гарантированного механизма последующего контроля судебной инстанцией²⁴⁷.

Представленное судебное решение, формально аргументированное посредством системного анализа, по своей правовой природе является компромиссным, что нивелирует полную реализацию ранее признанных конституционных принципов. Практическим последствием такого подхода для граждан выступает не только процедурная усложнённость защиты прав (необходимость последовательного обращения в несколько инстанций), но и сопутствующая процессуальная обременённость, выражающаяся в существенных

²⁴⁵ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34189/

²⁴⁶ URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101356/>

²⁴⁷ В соответствии с п. 4 и 6 ст. 242 и 280 ТК РФ таможенные органы вопреки ст. 35 Конституции РФ конфисковали имущество как санкцию за совершенное правонарушение.

материальных и временных издержках, включая бремя подготовки и представления доказательств в рамках нового судебного разбирательства. Таким образом, провозглашенная гарантия трансформируется в дополнительное обременение для правообладателя.

В теоретическом разрезе подлинный системный подход к исследованию и имплементации принципов экономической основы конституционного строя предполагает не формальную отсылку к гарантиям, а создание эффективного и беспрепятственного механизма их реализации. Такой подход обеспечивает не декларативную, а действенную защиту, гарантируя личности максимальный объем возможностей для обеспечения достойного уровня жизни, свободного труда и предпринимательской деятельности через сбалансированное сочетание публичных и частных интересов.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. Конституционная модель социального государства в России: доктринальное содержание и трансформация принципа (на основе реформы 2020 г.)

Институт социального государства, будучи неотъемлемой структурной компонентой основ конституционного строя российской федерации, выступает предметом активной научной дискуссии в отечественной конституционно-правовой доктрине и находит детализацию в практике конституционного правосудия²⁴⁸. Нормативно-правовая фиксация данного института в ст. 7 Конституции РФ обладает дуалистичным характером: социальное государство закрепляется одновременно в качестве самостоятельного конституционно-правового института и основополагающего принципа, определяющего вектор политики государства.

В доктринальном измерении, как обоснованно указывает Б.С. Эбзеев, принцип социального государства представляет собой аксиологический императив современности, объективную необходимость, детерминированную закономерностями цивилизационного развития. Его реализация признается невозможной вне достижения экономической, политической и социальной солидарности, а также установления адекватного баланса между частноправовыми и публично-правовыми интересами²⁴⁹. Как императив указанный принцип является обязательным для неукоснительного исполнения конституционного предписания. Но если содержание указанного принципа законодатель, ученые или правоприменители будут трактовать субъективно или

²⁴⁸ См.: Аристов Е.В. Научные интерпретации содержания понятий «социальное государство» и «социальность государства» и их признаков // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2017. Вып. 38. С. 417–429.

²⁴⁹ Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.И. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.

упрощенно, как это было в советский период, то тем самым могут создаваться рамки для научных исследований, правового регулирования и правоприменения.

В историко-доктринальном контексте начальный период действия Конституции Российской Федерации характеризовался определенной ограниченностью научной рефлексии относительно социального государства. Ряд исследований того времени носил рестриктивный характер, концентрируясь преимущественно на буквальном толковании положений статьи 7 Основного закона, что объективно сужало поле для всестороннего теоретического осмысления данного комплексного института²⁵⁰.

Качественный сдвиг в данной парадигме был обусловлен вступлением в силу 4 июля 2020 года пакета конституционных поправок, легитимированных посредством общероссийского голосования. Указанные поправки осуществили предметную и содержательную конкретизацию характеристик Российской Федерации как государства социального и правового. Данный процесс можно охарактеризовать как системную конституционализацию ключевых социальных гарантий и принципов, что сформировало принципиально новую нормативную основу для их последующей детализации в отраслевом законодательстве и оптимизации правоприменительной деятельности.

Однако, несмотря на их высокую нормативно-преобразующую значимость, указанные новеллы конституционного текста на текущем этапе еще не стали предметом целостного и концептуального научного анализа. Таким образом, возникает объективная потребность в их комплексной доктринальной

²⁵⁰ Можно привести много примеров выхода в современных условиях за такие пределы: М.К. Зверева: Особенности социальной солидарности в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Иркутск, 2009; Реализация конституционного принципа экономической, политической и социальной солидарности: вопросы теории и практики: материалы МНПК, Москва, 10.11.23 г. / МосГУ [и др.]; отв. ред.: Т. А. Сошникова, Е. Е. Пирогова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2023; Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве [Текст] : материалы МНПК / Информ. центр ООН в Москве, Московский гуманит. ун-т ; под общ. ред. Т. А. Сошниковой. – М: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015; Чеботарева Н.А. Организация социально-культурных solidarностей подростков в условиях фестиваля // Культурные инициативы: мат–лы Всероссийской научной конференции молодых исследователей (Челябинск, 16 апреля 2020 г.). - Челябинск : ЧГИК, 2020. С. 331–332.

интерпретации, направленной на выявление их системного воздействия на трансформацию социально-правовой политики государства²⁵¹.

Важно отметить, что указанная тенденция затрагивает не только содержание Конституции и государственности Российской Федерации. Она характерна для многих современных государств. Анализ сравнительного конституционного права демонстрирует, что принципы экономического и социального порядка получают в текстах основных законов различных государств детализированное структурное оформление. Так, данным вопросам посвящены: в Италии – глава третья части первой, в ФРГ – глава десятая, в Греции – глава шестая, в Португалии – часть вторая, включающая четыре раздела и тридцать одну статью. Подобным же образом в основополагающих документах ряда государств выделены самостоятельные структурные блоки, закрепляющие нормативное регулирование ключевых общественных систем: государственного устройства в политической, экономической и социальной сферах (Испания), основ социальной политики и принципов социальной справедливости (Ирландия), а также конституционных основ экономического и финансового строя (Бразилия). Конституция Швейцарии (1999) также содержит специальный раздел «Экономика», закрепляющий основы экономической системы²⁵².

Указанные конституционные принципы не ограничиваются декларативными нормами, а получают развитие в конкретных предписаниях, определяющих баланс публичных и частных интересов. Например, Конституция Испании подчиняет все богатство страны общему интересу (ч. 1 ст. 128), Конституция Италии предусматривает возможность резервирования или передачи государству ключевых предприятий в публичных целях (ст. 43), а Конституция

²⁵¹ См., например: Реализация принципов социального государства: конституционный аспект: материалы Всероссийской конференции "Реализация принципов социального государства: конституционный аспект" (8 февраля 2021 г.): сб. статей / РГУП, Северо-Кавказский филиал, Кафедра государственно-правовых дисциплин; ответственный редактор Матюшева Т. Н. - Краснодар : Издательский Дом - Юг, 2022; Инфо-стратегия 2023. Общество. Государство. Образование : Общество. Государство. Образование : XIV Международная научно-практическая конференция, 27-30 июня 2023 г. : сборник материалов / Министерство образования и науки Самарской области, Департамент информационных технологий и связи Самарской области [и др.]. – Самара : Слово, 2023.

²⁵² См.: *Конституции зарубежных государств* / Сост. проф. В.В. Маклаков. М.: БЕК, 2001.

Швейцарии устанавливает принцип пропорциональности государственной деятельности публичным интересам (ст. 5).

В российской конституционно-правовой доктрине большинство исследований, посвященных социальному государству, в течение длительного периода базировались на статичной интерпретации статьи 7 Конституции РФ в редакции, действовавшей до 4 июля 2020 года²⁵³. Как правило, в рамках данной парадигмы ученые, включая авторов ведущих учебников, ограничивались теоретической концептуализацией отдельных элементов принципа социального государства. Его сущность определялась через характеристику государства, направленного на утверждение общественного прогресса, базирующегося на социально-экономическом равенстве, принципах солидарности и взаимной ответственности, а также на реализации публичной политики, гарантирующей условия для достойного существования и свободного развития индивида²⁵⁴.

Подобный подход, однако, был методологически ограничен ввиду лаконичности и программного характера исходных конституционных положений. Отсутствие в тексте Основного Закона развитой системы конкретных предписаний, аналогичной приведенным зарубежным образцам, объективно затрудняло проведение всестороннего научного исследования механизмов и гарантий реализации данного принципа, оставляя его в сфере преимущественно теоретической доктринальной интерпретации.

Существующий массив научной литературы по проблематике социального государства характеризуется определенной фрагментарностью. Публикации либо сосредоточены на анализе отдельных аспектов его понятия и содержания²⁵⁵, либо

²⁵³ См., например: *Грищенко Н.Н.* Основы социального государства. М., 2019; *Осавельюк А.М., Тутханян Г.А.* О роли правовых основ в деятельности социального государства в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 34–37; *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России. С. 244–259.

²⁵⁴ *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013. С. 269.

²⁵⁵ Например: Социальное государство и социальная справедливость: материалы международной научной конференции / Московский гуманитарный ун-т, Информ. центр ООН, Бюро МОТ в Москве ; под общ. ред. Т. А. Сошниковой. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2014; *Косаренко Н.Н.* Социальное государство: политические, правовые и социально-экономические факторы: монография. – М.: Юстиция, 2016; *Селюков М.В.* Социальное государство и налоги: монография. – Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2024; *Храмцов А.Ф.* Бюрократия и социальное государство. – М.: ИС РАН, 2010.

отражают доктринальные подходы, конституционно-правовое регулирование и правоприменительную практику, сформировавшиеся в Российской Федерации до вступления в силу конституционных поправок 2020 года²⁵⁶.

Приведенные в научном обороте дефиниции нередко носят описательный характер и обладают методологическими ограничениями. Например, А.А. Степанова к типичным признакам относит высокий уровень экономического развития, обеспечивающий социальную защищенность, развитую систему социального обеспечения, ответственность государства, а также установление социальной справедливости и солидарности²⁵⁷. Однако данная формулировка оставляет дискуссионными ключевые вопросы: является ли высокий уровень экономического развития обязательным и достаточным критерием, и в какой именно мере экономические показатели детерминируют собственно социальную природу государства?

Аналогично, определение, предлагаемое И.А. Алебастровой, акцентирует заботу о слабозащищенных слоях населения во имя милосердия и справедливости для обеспечения достойной жизни²⁵⁸. Данная конструкция, будучи ценностно ориентированной, также не дает четких критериев для отличения социального государства от иных типов, сводя его сущность к функции поддержки. Подобный подход, если рассматривать его изолированно, может привести к парадоксальному выводу, редуцирующему социальное государство до патерналистской модели, поощряющей иждивенчество, что противоречит современным представлениям о балансе прав, обязанностей и личной ответственности в рамках социальной солидарности. Таким образом, очевидна

²⁵⁶ См., например: *Андреева Е.Н.* Социальная функция демократического государства (конституционно-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; *Колесников Е.В., Плотникова И.Н., Старшова У.А.* Становление социального государства в Российской Федерации: проблема развития социальных и экономических прав человека и гражданина // *Вестн. МГОУ*. 2018. № 4. С. 91–113; *Конституционная концепция социального государства*: Колл. мон-я / М.: РГСУ, 2018; *Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях*: Материалы МНПК., Минск, 03.10.19 г. / БГУ, 2019.

²⁵⁷ *Степанова А.А.* К вопросу о социальном государстве в России // URL://<https://justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=7827>

²⁵⁸ *Алебастрова И.А.* Принцип социальной солидарности в конституционном праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ. 2017. С. 377 // URL://<https://www.hse.ru/sci/diss/199631147>.

потребность в более глубокой и системной концептуализации данного конституционно-правового института.

Сформированные Конституционным Судом Российской Федерации до 2020 года правовые позиции по вопросам социального государства носили фрагментарный характер и не исчерпывающим образом решали проблему его нормативного содержания и практической реализации. Объективно обусловленный характер данной ситуации связан с тем, что лишь отдельные аспекты данной комплексной конституционной категории становились предметом судебного рассмотрения. Соответственно, в рамках конституционного судопроизводства того периода не могли получить всестороннего конституционно-судебного истолкования все проблемы, связанные с установлением соответствия норм отраслевого законодательства конституционным принципам социального государства, а также вопросы единообразного и эффективного применения этих норм в правоприменительной практике. Таким образом, данный аспект также требует не только дополнительного, но и комплексного системного исследования, обобщения и выработки научно обоснованных предложений.

Последовательная интерпретационная деятельность КС РФ, направленная на конкретизацию содержания принципов социального государства в серии основополагающих решений 2020-х годов, инициировала существенную трансформацию отраслевого законодательства. Наглядной иллюстрацией результативной имплементации правовых позиций высшего органа конституционной юстиции стала модификация ст. 133 Трудового кодекса РФ. Данная корректировка установила императивный общедоказательный стандарт, в соответствии с которым величина МРОТ определяется исключительно на федеральном уровне и законодательно гарантируется на уровне не ниже прожиточного минимума для трудоспособного населения²⁵⁹. Данная законодательная новелла не только отвечает доктринальным критериям

²⁵⁹ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

социального государства, но и обладает значимым социально-гарантийным потенциалом, существенно повышая уровень материального обеспечения экономически активных граждан.

Конституционно-правовая аргументация, предопределившая данное изменение, была последовательно сформулирована Судом в нескольких фундаментальных решениях. В Постановлениях от 27 ноября 2008 г. № 11-П²⁶⁰ и от 7 декабря 2017 г. № 38-П²⁶¹ была раскрыта природа института МРОТ как конституционной гарантии, призванной обеспечить работнику минимальный денежный эквивалент вознаграждения за труд, определяемый с учетом объективного показателя прожиточного минимума.

Дальнейшее развитие и конкретизация данной позиции были осуществлены в Постановлениях от 11 апреля 2019 г. № 17-П и от 16 декабря 2019 г. № 40-П²⁶². В этих актах Конституционный Суд осуществил официальное выявление конституционно-правового смысла части 1 статьи 133 ТК РФ, что создало неоспоримые правовые основания для последующего законодательного закрепления прямой увязки федерального МРОТ с величиной прожиточного минимума, реализованного в 2020-х годах. Таким образом, конституционное правосудие выступило в качестве системного фактора, преодолевавшего пробелы и коллизии в текущем законодательстве и обеспечившего приведение трудовых гарантий в соответствие с требованиями социальной государственности.

При этом, как справедливо отмечается в литературе, в Российской Федерации ориентиры построения социального государства не в качестве практической реализации, а только идеологической основы противодействия бедности, т.е. всего лишь теории, впервые на официальном конституционном уровне формально провозглашены в действующем Основном Законе России. Речь идет не просто о заимствовании принципов социального государства из

²⁶⁰ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82568/

²⁶¹ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284617/

²⁶² URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340383/

зарубежных конституций в целях смягчения либеральной экономической сущности российской Конституции в статусе недостижимого идеала, декларации.

«Вопрос, конечно, риторический: можно ли считать социальным государство, в котором порядка 20 млн человек²⁶³ имеют доход ниже величины прожиточного минимума, при этом минимальный размер оплаты труда хотя и достиг с 1 мая 2018 г. величины прожиточного минимума²⁶⁴, но до сих пор не удовлетворяет тех элементарных потребностей среднестатистического россиянина, которые предусмотрены «потребительской корзиной»²⁶⁵ и которые вряд ли даже с натяжкой можно признать «достойным существованием»²⁶⁶.

Основываясь на представленном анализе, одной из задач настоящего исследования выступает проведение комплексного сравнительно-правового исследования. В его фокусе находятся теоретические подходы к определению социального государства, предшествующий конституционной реформе нормативно-правовой массив, а также сущность и направленность конституционных изменений в указанной сфере. В эту задачу входит выявление основных векторов эволюции данного института, формулирование выводов и научно-обоснованных прогнозов относительно его дальнейшего развития в свете обновленных положений Конституции Российской Федерации.

Актуальность и недостаточная разработанность указанной проблематики в обозначенном ключе предопределили целеполагание и структуру диссертационного исследования. Проведенный историко-доктринальный анализ позволил установить, что в современной конституционно-правовой практике наибольшее распространение получили три базовые модели социального государства.

²⁶³ Официальный интернет-ресурс Росстата: URL://<http://rosstat.gov.ru>

²⁶⁴ ФЗ от 7 марта 2018 г. № 41-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»» // СЗ РФ. 2018. № 11. Ст. 1576.

²⁶⁵ ФЗ от 3 декабря 2012 г. № 227-ФЗ (в ред. от 28.12.2017) «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6950.

²⁶⁶ *Фомин А.А.* Социальное государство, достойная жизнь и преодоление бедности: взаимообусловленность в условиях конституционализации экономики России // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / М.: ЛУМ, 2019. С. 478–479.

Результаты исследования новелл 2020 года позволяют автору сформулировать следующий ключевой вывод. Конституционные поправки, по сравнению с ранее существовавшим общим декларативным принципом социального государства, вводят комплекс детализированных нормативных установлений. Эта новая нормативная детализация создает более четкие и предметные основания для последующей законодательной конкретизации и системного регулирования соответствующих общественных отношений в отраслевом законодательстве.

Разделяя позицию А.А. Степановой, правомерно констатировать, что из трёх классических моделей социального государства – либеральной, социалистической и смешанной – современная Россия отдала предпочтение последней, синтезирующей указанные подходы. Согласно концепции, положенной в основу её реализации, данная модель, основанная на признании равноправия, баланса и сопоставимой значимости частных и публичных интересов, является оптимальной для достижения стратегических целей социального государства.

В процессе разработки и обсуждения проекта конституционных поправок неоднократно был сделан акцент на том, что вплоть до последнего десятилетия XX века господствующей интерпретацией социального государства являлась его патерналистская (попечительская) модель. Данная концепция редуцировала сущность социального государства до функции прямого и всеобъемлющего обеспечения базовых жизненных потребностей граждан за счет публичных ресурсов²⁶⁷.

О том, что подобные рассуждения имели именно такое содержание, свидетельствуют, прежде всего, положения Конституции СССР, конституции республик в составе СССР и советское отраслевое законодательство, которые предусматривали создание различных государственных и общественных фондов

²⁶⁷ Степанова А.А. К вопросу о социальном государстве в России // URL: <https://justicemaker.ru/view-article>

социального потребления, страхования, предоставления бесплатного жилья, образования и т.д.

В качестве иллюстрации можно привести Конституцию СССР 1977 года, в тексте которой был закреплён детально структурированный нормативный массив, определявший объём и содержание социально-экономических прав граждан. Данная система норм являлась прямым производным от господствовавшей доктринальной модели социалистического государства и обслуживала её идеологические цели. Данные положения характеризовались детальной конкретизацией обязательств государства перед населением.

Нормативное содержание статьи 24 можно разделить на три ключевых элемента:

- становление государственной монополии на организацию фундаментальных социальных систем (здравоохранение, соцобеспечение) и бытовой инфраструктуры (торговля, питание, услуги);
- разрешительный механизм для деятельности кооперативных и общественных организаций в сервисной сфере, предполагавший их поощрение;
- провозглашение государственной поддержки в области массовой физической культуры и спорта²⁶⁸.

Статья 43 гарантировала право на материальное обеспечение в стандартных социальных рисках: старость, болезнь, утрата трудоспособности, потеря кормильца. Механизм реализации носил дуалистический характер, основанный на:

- Социальном страховании для рабочих, служащих и колхозников.
- Прямом пенсионном обеспечении за счёт средств государства и колхозов.
- Комплексе дополнительных мер: трудоустройство частично нетрудоспособных, забота о престарелых и инвалидах²⁶⁹.

²⁶⁸ URL://<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=36607>

²⁶⁹ Там же.

Статья 44 конституционно закрепляла право граждан на жилище, реализация которого обеспечивалась государством посредством комплекса гарантий и мер. К ним относились развитие и охрана жилищного фонда, находящегося в государственной и общественной собственности, а также содействие жилищному строительству кооперативной и индивидуальной форм.

Механизм обеспечения данного права включал принцип социально-справедливого распределения жилой площади под общественным контролем, увязанный с темпами реализации строительных программ. Финансовая доступность проживания обеспечивалась установлением низкого, социально ориентированного тарифа на жилищно-коммунальные услуги. Нормой также устанавливалась корреспондирующая обязанность граждан по бережному отношению к предоставленному им жилью²⁷⁰.

Статья 45 Конституции СССР гарантировала право на образование, реализация которого обеспечивалась через разветвленную систему государственных гарантий и императивов. Основу данной системы составляли принципы всеобщей доступности и бесплатности всех видов образования. Государство устанавливало в качестве обязательной нормы получение полного среднего образования.

Развитие образовательной инфраструктуры осуществлялось по трем основным направлениям: профессионально-техническое, среднее специальное и высшее образование, функционирование которых было построено на доктринальном принципе связи теоретической подготовки с практической деятельностью и общественным производством. Для обеспечения гибкости и максимального охвата населения поощрялось развитие заочной и вечерней форм обучения.

Финансово-материальное обеспечение обучающихся включало прямую поддержку в виде стипендий, систему льгот и бесплатное предоставление учебных пособий. Важным элементом являлось гарантирование возможности

²⁷⁰ URL://https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/1549448/

получения образования на родном языке, а также создание институциональных условий для осуществления самообразования. Таким образом, право на образование конституировалось как комплексная социальная гарантия, обеспеченная корреспондирующими обязательствами государства²⁷¹.

Таким образом, советская конституционная модель социальных прав носила этатистский и патерналистский характер, предполагая прямое предоставление гарантий государством в рамках централизованно управляемых систем, что отличало её от моделей, основанных на принципах субсидиарности и социального партнёрства.

Современная доктринальная парадигма социального государства принципиально эволюционировала от модели патерналистского попечительства к концепции публично-частного партнерства в социальной сфере. Ее фундаментальной основой выступает признание субъектности и конструктивной роли структур гражданского общества, профессиональных ассоциаций, некоммерческого сектора и самих граждан в достижении социальных целей.

Сущность современного социального государства определяется не монопольным обеспечением государством всех социальных благ, а координацией, стимулированием и правовым регулированием деятельности множества автономных социальных акторов. Его ключевой функцией становится создание правовых, экономических и организационных условий для формирования солидарной ответственности, при которой обязанности по социальной защите, обеспечению достойного уровня жизни и созданию равных возможностей распределяются между государством, бизнесом, общественными институтами, локальными сообществами и индивидом.

Данный подход предполагает переход от отношений «опеки» к отношениям социального контракта, где расширение государственных гарантий коррелирует с

²⁷¹ Там же.

ростом личной ответственности, гражданской активности и участия в совместном решении общезначимых задач.²⁷².

Принятые в 2020 году конституционные поправки привели к концептуальной трансформации и нормативному обогащению принципа социального государства в России. В текст Основного Закона были включены новые базовые положения, такие как принципы взаимного доверия государства и общества, солидарности поколений, а также в сферах экономических, политических и социальных отношений.

Данные нормы определяют современную российскую модель социального государства как партнёрскую по отношению к гражданскому обществу в социально-экономической сфере. Они устанавливают ориентир на распределение ответственности за благосостояние граждан между государством и обществом, подчёркивая их солидарную роль в обеспечении достойного уровня жизни.

Эволюция в направлении распределения бремени ответственности прослеживалась и ранее, что подтверждается реформами пенсионной системы и здравоохранения. Однако прямое конституционное закрепление этого курса придаёт ему новое качество и повышает уровень обязательности его реализации.

Нормативное содержание конституционных поправок 2020 года в социальной сфере характеризуется не только повышенной степенью конкретизации по сравнению с общим принципом статьи 7 Конституции РФ, но и принципиально новым подходом к разграничению предметов ведения. Это проявляется в системной дифференциации норм, целенаправленно распределяющих полномочия между федеральным центром и субъектами Российской Федерации.

Данный подход формирует двухуровневую модель конституционного регулирования. Ее сущность заключается в том, что часть новых положений закрепляет исключительную или определяющую роль федерации в установлении единых основ социальной политики, а другая часть — обеспечивает субъектам

²⁷² Степанова А.А. Там же.

РФ пространство для собственного правового регулирования и реализации этих основ с учетом региональной специфики.

Ярким примером усиления федерального уровня является обновленная редакция пункта «е» статьи 71 Конституции. Она расширяет компетенцию Российской Федерации, закрепляя за ней право установления:

- Стратегических основ (федеральной политики и программ) в сфере социального, культурного и национального развития.
- Единых правовых рамок (основ) для ключевых социальных систем: здравоохранения, воспитания, образования, включая непрерывное образование.

Таким образом, конституционные новеллы создают четкую вертикаль регулирования: федеральный центр определяет стратегию и единые стандарты, а субъекты Федерации осуществляют их конкретизацию и администрирование в рамках своей компетенции. Это формирует более стройную и юридически определенную архитектуру социального государства, преодолевая прежнюю нечеткость в распределении ответственности.

Данная конституционная новелла не только существенно развила содержание указанного принципа, но и придала его содержанию более ярко выраженную социальную направленность, нацеленную на развитие социальной солидарности человека, общества и государства, их партнерство в разных сферах социальной сферы.

Конституционные новеллы 2020 года осуществили значимое перераспределение полномочий в социальной сфере, наделив субъекты Российской Федерации расширенной компетенцией в ключевых областях. Это отражено в новой редакции пункта «ж» и введении нового пункта «ж.1» статьи 72 Конституции РФ.

Данные изменения аккумулируют полномочия регионов вокруг трех основных направлений:

- Сфера охраны здоровья и организации здравоохранения. Прерогативой субъектов Федерации стали управление и координация в сфере здравоохранения,

включая гарантии доступности и качества медпомощи. К их ключевым полномочиям также отнесены стратегические задачи по укреплению популяционного здоровья: сохранение общественного здоровья, формирование среды для здорового образа жизни и воспитание персональной ответственности граждан за состояние своего здоровья.

- Сфера социальной защиты и обеспечения. Закрепляется компетенция субъектов РФ по осуществлению социальной защиты, включая непосредственную организацию социального обеспечения. Это предполагает активную региональную политику в данной области.

- Сфера защиты семьи и демографической политики. Значительно конкретизированы полномочия в области защиты институциональных основ общества. В сферу ответственности субъектов Федерации входит защита основ семейно-брачных отношений, включая поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, при этом брак определяется как союз мужчины и женщины. Особый акцент делается на формировании условий для надлежащего воспитания детей в семье и реализации принципа взаимной заботы между поколениями.

Поправки формируют модель социальной политики децентрализованного характера, где субъекты РФ становятся ключевыми исполнителями и операторами, непосредственно реализующими конституционные гарантии в области здравоохранения, социального обеспечения и поддержки семьи на своей территории, что отвечает принципам федерализма и эффективного управления.

В отличие от изменения указанных положений ст. 71 Конституции данная новелла при сохранении и развитии указанной социальности приблизила правовое регулирование и реализацию социальных новелл к конкретному человеку, распространив их на уровень субъектов РФ, муниципальных образований, местных сообществ.

Конституционные поправки 2020 года, непосредственно затрагивающие социальную сферу, могут быть структурированы в два взаимосвязанных

нормативных блока, выполняющих различное, но дополняющее друг друга функциональное назначение.

Первый блок представляет собой конституционализацию ключевых социально-экономических гарантий, обеспечивающих минимальные стандарты жизнеобеспечения. Его цель – установление непосредственно в тексте Основного закона императивных обязательств государства перед гражданами, что существенно повышает их юридическую силу и защищенность. К таким гарантиям относятся:

- Установление федерального МРОТ в размере не ниже общероссийской величины прожиточного минимума для трудоспособного населения.
- Закрепление принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений в качестве основы системы пенсионного обеспечения, а также гарантия ее ежегодной индексации.
- Конституционная фиксация ключевых механизмов социальной защиты: обязательного страхования, оказания помощи на основе проверки нуждаемости (адресности) и гарантированного пересчёта размера выплат в соответствии с ростом стоимости жизни.

Второй блок, нашедший отражение в ст. 75.1 Основного Закона, направлен на создание системных условий для социального развития и солидарности. Он не предоставляет конкретных материальных благ, но формирует фундамент для их устойчивого обеспечения через провозглашение целей и принципов государственной политики. В их число входят: формирование предпосылок для устойчивого роста экономики и благосостояния граждан, защита достоинства и прав человека труда, достижение равновесия между правами и обязанностями личности, поощрение социального диалога и обеспечение солидарности во всех сферах общественной жизни²⁷³.

²⁷³ См.: *Осавелюк А.М.* Конституционно-правовое регулирование права частной собственности (духовно-нравственный аспект). С. 137–141; *Осавелюк А.М., Тутханян Г.А.* О роли правовых основ в деятельности социального государства в России. С. 34–37; *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. С. 104–180.

Итоговым системным эффектом представленных новелл является не дополнение, а качественная трансформация концепции социального государства в российском конституционном праве. Произошла парадигмальная трансформация роли государства: от патерналистской модели «государства-попечителя», монопольно принимающего на себя бремя социального обеспечения, к модели государства-партнёра, выполняющего также координирующую и гарантирующую роль. Данная модель базируется на принципах доверия между обществом и властью, субсидиарности, солидарной разделённости ответственности и правового закрепления баланса взаимных обязательств публичной власти, институтов гражданского общества и индивида. Эта новая правовая концепция, закреплённая в статьях 75 и 75.1 Конституции РФ, задает иной вектор для развития всего социального законодательства и практики.

Проведенный анализ конституционных поправок 2020 года, релевантных концепции социального государства, позволяет сформулировать ряд выводов.

Включение в текст Основного закона наряду с общим принципом (ст. 7) комплекса конкретизирующих положений, определяющих права, обязанности и основы взаимодействия публичной власти с институтами гражданского общества в социально-экономической сфере, имеет существенное нормативно-преобразующее значение. Данная конституционализация социальных гарантий и механизмов создает более плотную и детализированную нормативную основу, что позволит не только существенно расширить и конкретизировать отраслевое законодательное регулирование соответствующих отношений, но и откроет новые перспективы для научного анализа и эволюции правоприменительной практики.

Для науки конституционного права указанные изменения формируют новую исследовательскую повестку. Ученые получают возможность исследовать расширенное нормативное содержание принципа социального государства, проводить системный анализ его соотношения с текущим законодательством, выявлять правовые пробелы, коллизии и проблемы правоприменения, а также

формулировать конкретные предложения по совершенствованию правового регулирования.

Как верно отмечает А.С. Федотов, гражданское общество исторически выступает социальной основой государства, представляя собой комплекс гражданской мотивации и действий, направленных на сохранение как общества, так и государственных институтов²⁷⁴.

Трансформация конституционной модели социального государства создает предпосылки для реализации этого потенциала. Новая партнерская (субсидиарная) модель позволяет не только расширить ресурсные возможности государства за счет кооперации с институтами гражданского общества, но и качественно изменить роль самого гражданина и создаваемых им общественных структур. Происходит трансформация социальной роли индивида: от пассивной позиции получателя благ или внешнего наблюдателя к активной субъектности – статусу полноправного соучастника в выработке и реализации мер, нацеленных на повышение качества жизни, рост общественного благосостояния и обеспечение устойчивого развития социально-экономической системы.

Иллюстрацией реализации данной концепции служит правовая реформа Российской империи периода Первой русской революции. Несмотря на изначальную сдержанность императора Николая II в вопросах преобразований, растущая активность политических партий и общественных организаций создала предпосылки для изменений. В декабре 1904 г. верховная власть предприняла программную попытку системного решения назревших проблем в правовом поле. Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» включал меры по укреплению законности, расширению местного самоуправления, унификации судебной системы, введению государственного страхования рабочих, пересмотру исключительных и дискриминационных законов (касающихся старообрядцев, инородцев, печати), направленные на либерализацию общественно-политической жизни.

²⁷⁴ См.: Федотов А.С. «Детская болезнь» российского обществоведения // Власть. 2014. № 7. С. 123.

Следовательно, можно утверждать, что реформаторская повестка правительства была сформирована не столько под прямым давлением институтов гражданского общества, сколько в результате осознания им самим необходимости системной модернизации в целях совершенствования системы государственной власти и снижения уровня социальной напряженности. Вместе с тем, не все институты гражданского общества имели более или менее приемлемые взгляды на формы и методы социальных преобразований. Например, «стараниями» крайне левых, были спровоцированы кровавые вооруженные столкновения. Таким образом, дальнейшее развитие событий пошло по иному пути. Многие положения Именного указа 1904 года легли в основу законодательной деятельности властей уже в революционный период.

Это демонстрирует разнонаправленное влияние различных институтов гражданского общества на формирование социальной политики²⁷⁵. Например, институт присяжных заседателей стал источником правотворческой инициативы: в 1901 году присяжные Санкт-Петербургского суда выступили с идеей создания общества помощи лицам, отбывшим наказание.

Другие элементы гражданского общества также актуализировали наследие реформ Александра II. Так, рост детской преступности в начале XX века побудил Санкт-Петербургское общество патроната, по инициативе его председателя профессора И.Я. Фойницкого, выступить в 1908 году с предложением создать в России специализированные суды для несовершеннолетних. Данная инициатива получила поддержку Министерства юстиции, и в декабре 1909 года была введена должность особого мирового судьи по делам малолетних²⁷⁶.

В завершение данного параграфа можно сформулировать другой вывод. Вступившие с 4 июля 2020 г. в юридическую силу поправки в Конституцию России, одобренные общероссийским голосованием, явились не только определенным возвратом к хорошо забытому «старому». Они явились, несмотря

²⁷⁵ См.: Туаева Б.В., Атаев О.Ю. Частные и общественные гражданские инициативы в социальной сфере в России начала XX в. (на примере Терской области) // Власть. 2011. № 6. С. 171.

²⁷⁶ Дорская А.А. Функции институтов гражданского общества в период проведения правовых реформ (на примере России) // Институты гражданского общества Колл. мон-я. М.: Русайнс, 2017. С. 36–37.

на жесткие эксперименты в социально-экономической сфере советского периода, своеобразным возвратом в семью развитых демократических социальных государств, которые за период социалистических экспериментов в нашей стране накопили значительный практический опыт в данной сфере, который можно после критического осмысления применять в России сегодня.

Поправки 2020 года затронули конституционные основы социально-правового характера российского государства, поскольку они не только создали новую конституционно-правовую базу для детального регулирования отраслевым законодательством, совершенствования правоприменительной практики, но и заложили конституционные основы организационно-правового механизма взаимодействия между федеральными, региональными и местными органами власти в данной сфере.

2.2. Социальное государство в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: выявление содержания и вектор развития

Проведенный анализ позволяет констатировать высокую степень вовлеченности Конституционного Суда Российской Федерации в правовое определение и конкретизацию деятельности социального государства. Эмпирическим подтверждением данной активности выступают официальные статистические данные: на ноябрь 2024 года общее количество рассмотренных Судом дел достигло 3409. При этом в текстах постановлений и определений прямая ссылка на принцип социального государства содержится в 364 случаях, а с учетом всех судебных актов, в которых данный концепт был предметом интерпретации, это число возрастает до 2756 дел²⁷⁷. Особенно динамично данное направление развивается в последние годы: только за неполные три года было рассмотрено свыше 20 дел, касающихся различных аспектов социальной

²⁷⁷ URL://<http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/> (дата обращения: 20.10.2024).

государственности, включая девять определений, принятых после вступления в силу конституционных поправок 4 июля 2020 года.

Параллельно с конституционной юстицией деятельность социального государства выступает объектом интенсивного доктринального осмысления в рамках теории права, конституционалистики и иных отраслевых юридических наук²⁷⁸. Однако, несмотря на значительный объем накопленных знаний и судебной практики, сохраняется обширный круг нерешенных проблем, требующих как дальнейшего рассмотрения Конституционным Судом РФ, так и углубленного научного исследования.

Актуальность подобных научных изысканий возросла в свете конституционных изменений 2020 года, которые, с одной стороны, расширили нормативный фундамент социального государства, а с другой стороны, что принципиально, усилили полномочия Конституционного Суда РФ. Это предопределяет новый этап судебной интерпретации конституционных принципов и их внедрения в действующее законодательство.

Ни обновлённая конституционная модель социального государства, ни связанные с ней процессуальные изменения, включая расширение юрисдикции КС РФ, пока не получили комплексной межотраслевой научной оценки. Отсутствие такого исследования препятствует формированию научно обоснованных рекомендаций для качественного законодательного регулирования и последовательного правоприменения, адекватного новой нормативной реальности.

Наблюдается существенная доктринальная инерция: многие теоретические построения продолжают воспроизводить устаревшие патерналистские представления, тогда как конституционные поправки закрепляют принципиально

²⁷⁸ См., например: *Нарутто С.В.* Основы конституционного строя РФ и ее субъектов в решениях Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8 (33). С. 947–957; *Осавелюк А.М., Громов К.Э.* Полномочия государственных органов по реализации социальной политики в России // Вестн. Моск. гос. ун-та МВД России. 2014. № 11. С. 213–216; *Гоффе Н.В., Гришин И.В., Зенков А.Р.* и др. Социальное государство в зеркале общественных трансформаций. М., 2020.

иную модель, основанную на принципах социального равенства, всеобщей солидарности и взаимной ответственности государства, общества и индивида²⁷⁹.

Следовательно, внесение поправок в Конституцию РФ создало качественно новую правовую ситуацию, требующую глубокого научного осмысления. Это обуславливает постановку следующих исследовательских задач:

1) Провести системный анализ содержания конституционных новелл, относящихся к социальному государству.

2) Осуществить пересмотр и конкретизацию правовых позиций КС РФ в свете изменившегося нормативного контекста, выявив векторы их развития.

3) На этой основе сформулировать теоретические выводы и практические предложения, направленные на совершенствование законодательного регулирования и обеспечение единообразного и эффективного применения новых норм, что в конечном итоге должно привести к реализации качественно новой, субсидиарной и солидарной модели социального государства.

Ключевая роль в рассматриваемом контексте принадлежит предварительному конституционному контролю, учитывая, что ряд поправок 2020 года затронул фундаментальные положения гл. 1 Основного Закона. Центральное место в этом контексте занимает Заключение КС РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3, которым была дана оценка соответствия проекта Закона о поправке положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ²⁸⁰.

В указанном Заключении (п. 2) Конституционный Суд констатировал, что все представленные на рассмотрение положения соответствуют установленным конституционным требованиям, что создало правовую основу для их последующего принятия. Данное решение обладает основополагающей легитимирующей функцией, подтверждая допустимость внесения изменений в

²⁷⁹ См.: Конституционное право России: Учебник / Под научн. ред. Б.С. Эбзеева. 10-е изд., С. 133.

²⁸⁰ URL//<https://legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z/> (дата обращения: 12.08.2024 г.).

конституционные нормы, регулирующие, в том числе, принципы социальной государственности²⁸¹.

Именно потребность в комплексном изучении эволюции правовых позиций Конституционного Суда РФ, касающихся сущности и функций социального государства в системе основ конституционного строя, определила целеполагание настоящего исследования. Проведенный компаративный анализ решений и сформулированных в них правовых позиций, принятых в периоды до и после вступления в силу конституционных новелл, позволил автору сделать ряд выводов относительно трансформации конституционно-судебного толкования в данной сфере.

Проведенный анализ эволюции правовых позиций КС РФ в отношении принципа социального государства позволяет выделить три этапа их развития, обусловленных изменением социально-экономических потребностей общества и государства.

На первом этапе, отраженном в ряде постановлений Суда (от 26 апреля 2016 г. № 13-П²⁸², от 20 декабря 2018 г. № 46-П²⁸³, от 3 июля 2019 г. № 26-П²⁸⁴, от 8 октября 2019 г. № 31-П²⁸⁵, от 13 ноября 2019 г. № 34-П²⁸⁶ и др.), доминировал буквальный (статический) метод толкования конституционных положений. Суд интерпретировал полномочия Российской Федерации как социального государства (ст. 7 Конституции РФ) в том смысле, который вкладывался в них на момент разработки и принятия Конституции в 1993 году. Данный герменевтический подход последовательно применялся к различным сферам социальных отношений: образованию, здравоохранению, трудовым правам, пенсионному обеспечению.

²⁸¹ URL://<https://legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z/> (дата обращения: 17.09.2024 г.).

²⁸² URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197318/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁸³ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314138/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁸⁴ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328331/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁸⁵ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335171/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

²⁸⁶ URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72894212/> (дата обращения: 12.08.2024 г.).

Данная модель истолкования предполагала понимание социального государства прежде всего как носителя функции по проведению политики, призванной гарантировать создание необходимых условий для достойного жизненного уровня и свободного развития человека. Однако ограниченность исключительно буквального толкования стала очевидной, когда Суд, как в упомянутом Постановлении от 13 ноября 2019 г. № 34-П, начал рассматривать статью 7 в системной взаимосвязи со статьей 2 Конституции РФ, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью²⁸⁷.

Такая изначальная трактовка формировала модель, в которой государству отводилась роль единственного активного гаранта социальных благ, а гражданину – пассивная, иждивенческая позиция «критически-выжидającego» субъекта в социально-экономических отношениях. Этот подход закладывал основы для восприятия индивида как получателя государственной опеки, а не как активного участника отношений социальной солидарности.

Второй этап эволюции правовых позиций Конституционного Суда РФ, начиная с 2000-х годов, характеризуется расширением герменевтической базы толкования принципов социального государства. Суд перешел от исключительно буквального толкования национальных норм к интегративному подходу, активно привлекая для этой цели международно-правовые обязательства Российской Федерации. Это способствовало содержательному обогащению конституционно-правовой доктрины в социальной сфере.

Ярким примером данного подхода служит Постановление от 28 ноября 2019 г. № 37-П²⁸⁸, в котором Конституционный Суд в обоснование своей позиции сослался на положения:

- П. 1 ст. 6 Пакта ЭСКП, закрепляющего право каждого на труд, включающее возможность свободного выбора работы и получения средств к существованию²⁸⁹;

²⁸⁷ URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72894212/> (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁸⁸ URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72972248/> (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁸⁹ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 12.08.2024 г.)

- П. 1 ст. 2 Конвенции МОТ № 29, дающего определение принудительного или обязательного труда как работы, выполняемой под угрозой наказания без добровольного согласия лица²⁹⁰.

Эта практика получила развитие и в других решениях. Так, в Постановлении от 16 декабря 2019 г. № 40-П Суд дополнительно апеллировал к:

- Ст. 23 ВДПЧ (право на труд, свободный выбор работы, справедливые условия труда и защиту от безработицы).
- Ст. 7 Пакта ЭСКП (право на справедливые и благоприятные условия труда, включая справедливую зарплату, безопасность и отдых)²⁹¹;
- Ч. II ст. 4 Европейской социальной хартии (право на повышенную оплату сверхурочной работы)²⁹².

В Постановлении от 14 января 2020 г. № 2-П также были использованы отсылки к международным стандартам (ст. 25 ВДПЧ, ст. 11 Пакта), а также к целям устойчивого социально-экономического развития.

С точки зрения российской правовой системы данные международные нормы, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, выступают существенным дополнением и конкретизацией каталога конституционных прав и свобод. Таким образом, Конституционный Суд, системно применяя международные стандарты, осуществляет имплементацию универсальных социальных гарантий в национальное правовое поле, что формирует более комплексное и современное понимание обязательств социального государства, выходящее за рамки его первоначальной, узконациональной трактовки²⁹³.

Третий, современный этап эволюции правовых позиций Конституционного Суда РФ, начавшийся после вступления в силу поправок к Конституции 4 июля 2020 года, отражает качественный сдвиг в понимании социального государства. В Постановлении от 14 июля 2020 г. № 35-П Суд указал на конституционную обязанность федерального законодателя обеспечивать баланс прав и свобод, а

²⁹⁰ [URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/employ.shtml/](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/employ.shtml/) (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁹¹ [URL://https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73126881/](https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73126881/) (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁹² [URL://https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73310619/](https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73310619/) (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁹³ [URL://https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73126881/](https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73126881/) (дата обращения: 12.08.2024 г.).

также справедливое согласование интересов сторон трудового договора. Эта обязанность вытекает из системного толкования ряда статей Конституции (1, 7, 8, 17, 19, 34, 35, 37, 55) и способствует достижению социального согласия в сфере труда, что соответствует природе России как социального правового государства²⁹⁴.

Данная позиция представляет собой наиболее полное выражение современной, субсидиарной модели социального государства. Она предполагает переход от патерналистской парадигмы к модели солидарной ответственности, в которой активную роль наряду с государством играют институты гражданского общества и каждый гражданин, участвующие в совместном построении социальных отношений.

Эта правовая позиция находится в полном конституционно-системном соответствии с новеллами 2020 года. Она гармонирует с принципами всеобщности, справедливости и солидарности поколений, закрепленными в пункте 6 статьи 75, и, что особенно важно, с положениями новой статьи 75.1 Конституции, которая закрепляет комплекс принципов, включая формирование условий для доверия между государством и обществом, охрану достоинства личности и уважения к труду, обеспечение баланса прав и обязанностей гражданина, развитие социального партнёрства и укрепление социальной солидарности²⁹⁵.

Важно отметить, что сформулированная в 2020 году позиция не возникла внезапно, а стала результатом постепенной доктринальной эволюции. Конституционный Суд и ранее, в своих решениях начала 2000-х годов (например, в Постановлениях от 24 января 2002 г. № 3-П²⁹⁶ и от 15 марта 2005 г. № 3-П)²⁹⁷, закладывал основы для подобного понимания баланса интересов в социально-трудовой сфере.

²⁹⁴ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357300/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁹⁵ URL://https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/10/824662-konstitutsiya-polnii-tekst-popravkami?fbclid=IwAR1T-oGNhdJyCSrI84qR5iCJ83Zu1Os9LZPKRcTTTrlwhdu1x_X_bPhfZAM (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁹⁶ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35210/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

²⁹⁷ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52349/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

Таким образом, через последовательную конституционную герменевтику Конституционный Суд РФ не только сформулировал наиболее полный и современный концепт социального государства в России, но и в значительной мере доктринально подготовил и предвосхитил содержание ключевых конституционных новелл 2020 года, выступив интеллектуальным катализатором перехода к новой, партнерской модели социальной организации.

В правовой позиции, сформулированной в постановлении КС РФ № 9-П от 1 марта 2022 года, социальное государство получает новое измерение через свою взаимосвязь с институтом обратной силы закона. Данный подход характеризуется универсальностью и содержит значительный потенциал для эволюции правопонимания.

В представленной правовой позиции Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал основополагающие требования к законодателю в социальной сфере. Суд постановил, что корректировка социальных гарантий должна осуществляться с учётом принципа поддержания доверия к закону и власти. Этот принцип подразумевает: ответственность государства за обоснованность решений, обеспечение стабильности правопорядка, сохранение правовой определённости и предсказуемость законодательной деятельности в социальной сфере.

Кроме того, Суд конкретизировал условия придания закону обратной силы. Осуществляя принадлежащие ему исключительные полномочия, законодатель обязан руководствоваться спецификой соответствующих общественных отношений. Применение обратного действия закона оправдано в большей степени лишь тогда, когда оно отвечает интересам индивида в его публично-правовых отношениях с государством. Критически важным является невозможность такой обратной силы приводить к умалению или отмене субъективного права,

приобретенного лицом в соответствии с прежним законодательством и реализуемого в рамках конкретных правоотношений²⁹⁸.

Данное постановление не является изолированным, а представляет собой систематизирующий и обобщающий акт, завершающий длительную линию судебной практики по данному вопросу. Указанная последовательная позиция Суда отражена в целом ряде более ранних решений, включая постановления от 24 мая 2001 г. № 8-П²⁹⁹, от 29 января 2004 г. № 2-П³⁰⁰, от 20 апреля 2010 г. № 9-П³⁰¹, от 27 марта 2012 г. № 8-П³⁰² и от 1 июля 2015 г. № 18-П³⁰³, в которых также затрагивалась проблема действия закона во времени и обратной силы в социально-гарантийной сфере. Таким образом, Конституционный Суд сформировал устойчивую доктрину, направленную на защиту приобретенных социальных прав и обеспечение нормативной стабильности как элемента верховенства права.

Следует отметить еще одну важную особенность в деятельности Конституционного Суда РФ в данном вопросе — рассмотрении дел, связанных с раскрытием содержания и толкованием понятия «обратная сила закона» в условиях правового и социального государства. В решениях, связанных с указанным вопросом, проявилась многогранная и плодотворная работа Конституционного Суда РФ, которая помогла более полно и всесторонне раскрыть содержание деятельности социального государства, связанной тем или иным образом с обратной силой действия закона.

Обычно с обратной силой закона связывают наступление юридической ответственности за совершение правонарушения, когда новым законом за него ответственность устранена или смягчена. Согласно ч. 2 ст. 54 отечественного Основного Закона закреплен принцип обратного действия более благоприятного

²⁹⁸ URL://<https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01032022-n-9-p-po/> (дата обращения: 15.06.2024 г.).

²⁹⁹ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21809/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

³⁰⁰ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46451/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

³⁰¹ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99784/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

³⁰² URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147872/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

³⁰³ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185157/ (дата обращения: 12.08.2024 г.).

закона в публично-правовой сфере. Его нормативное содержание заключается в следующем: если после совершения деяния, содержащего признаки правонарушения, законодателем полностью отменена или уменьшена мера юридической ответственности за такие действия, то к лицу, привлекаемому к ответственности, подлежит применению новый нормативный акт, улучшающий его положение. Данная конституционная гарантия является конкретным выражением более общего принципа гуманизма права³⁰⁴.

То есть, закреплён принцип об обратной силе закона, устраняющего или смягчающего ответственность правонарушителя. Кроме того, п. 1 ст. 7 Конвенции о правах и основных свободах и п. 1 ст. 15 Пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт ГПП) устанавливают два взаимосвязанных императивных стандарта:

1) Принцип «*nullum crimen sine lege*» (нет преступления без указания о том в законе). Уголовное преследование исключено в отношении деяния, которое в момент его осуществления не образывало состава преступления по нормам национального или международного права, действовавшим в тот период. Этот запрет направлен на обеспечение нормативно-правовой определенности и предотвращает произвольное привлечение к ответственности.

2) Принцип «*nulla poena sine lege*» (нет наказания без указания о том в законе) в его ретроспективном аспекте. Не может быть назначено наказание, более тяжкое, чем то, которое было предусмотрено санкцией соответствующей нормы в момент совершения преступления. Данный принцип гарантирует соразмерность и предсказуемость уголовной репрессии, исключая ухудшение положения лица ретроактивным образом.

В совокупности эти нормы образуют консолидированный международно-правовой запрет на придание уголовному закону обратной силы, ухудшающей положение лица. Они конкретизируют и усиливают общий принцип законности в

³⁰⁴ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.09.2024 г.).

уголовном праве, обеспечивая максимальную защиту прав индивида при осуществлении государственного принуждения³⁰⁵.

Путем интерпретации положений соответствующих нормативных актов применительно к различным правовым контекстам, Конституционный Суд Российской Федерации осуществил существенную экспансию как содержания рассматриваемой правовой категории, так и сферы и механизмов ее реализации. В частности, в Постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П, принятом по делу о проверке конституционности отдельных норм УК РФ и УПК РФ, Судом была сформулирована правовая позиция, основанная на системном истолковании статьи 46 (часть 1) Конституции РФ. Данная норма, гарантирующая каждому судебную защиту прав и свобод, была интерпретирована во взаимосвязи со ст. 19 (ч. 1), 46 (ч. 2), 47 (ч. 1), 50 (ч. 3), 118 (ч. 1) и 123 (ч. 3) Основного Закона, провозглашающими равенство всех перед законом и судом, подсудности, права на пересмотр судебных актов, осуществления правосудия исключительно судом, а также состязательности и равноправия сторон. В результате была развита доктрина, согласно которой конституционное право на судебную защиту, будучи фундаментальным и неотчуждаемым правом человека и гарантией всех иных прав, охватывает наряду с возможностью обращения в суд также право на восстановление нарушенных прав посредством справедливого правосудия³⁰⁶.

Таким образом, представленная правовая позиция Конституционного Суда РФ осуществила нормативную конкретизацию и содержательное расширение анализируемых конституционных предписаний, а также положений отраслевого законодательства и международно-правовых актов. Прецедентная интерпретация распространила действие принципа обратной силы закона, улучшающего положение лица, далеко за рамки вопросов уголовной ответственности, что имеет принципиальное значение для регулирования общественных отношений в рамках социального государства.

³⁰⁵ URL: / https://www.gov.am/u_files/file/kron/CCPR-russ.pdf (дата обращения: 02.10.2024 г.).

³⁰⁶ URL: / https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59950/ (дата обращения: 02.10.2024 г.).

Указанные конституционные нормы, положения отраслевого законодательства и ратифицированных международных договоров получили авторитетное нормативное толкование в решениях Конституционного Суда РФ. В рассматриваемом Постановлении № 4-П была, в том числе, сформулирована дополнительная правовая доктрина, развивающая указанные правовые принципы.

На основании указанной правовой позиции в УПК РФ была включена норма, регламентирующая порядок решения вопроса об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, обладающего обратной силой, осуществляется судом по ходатайству осужденного (пункт 2 части 1 статьи 399 УПК РФ). Данная норма, однако, не может интерпретироваться как снимающая с уполномоченных государственных органов и должностных лиц обязанность по самостоятельной (по собственной инициативе) реализации процессуальных действий, направленных на применение нового, более благоприятного уголовного закона. Таким образом, законодатель возложил на правоприменителей позитивную обязанность по обеспечению действия принципа *lex mitior* независимо от волеизъявления осужденного, что корреспондирует конституционному требованию гарантирования эффективного восстановления прав и является конкретизацией принципов справедливости и гуманизма уголовного судопроизводства³⁰⁷.

То есть компетентные органы государственной власти, что очень важно для нормального социального государства, не должны ожидать проявления инициативы со стороны граждан-непрофессионалов, которые не только могут не знать содержание соответствующего законодательства, но и такой юридической тонкости, как обратная сила закона, а в необходимых случаях сами применять новые законы, отменяющие или смягчающие юридическую ответственность.

На основе проведенного анализа конституционных положений и отраслевого законодательства Конституционным Судом Российской Федерации была сформулирована правовая позиция, устанавливающая императивный

³⁰⁷ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59950/

характер правовых позиций Суда для судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В частности, в Постановлении от 8 ноября 2012 г. № 25-П Суд определил, что применение нормы права в интерпретации, отличной от ее конституционно-правового смысла, выявленного в рамках конституционного судопроизводства, представляет собой недопустимое искажение содержания данной нормы и фактически придает ей значение, противоречащее Конституции РФ. Подобное правоприменение, как указал Суд, нарушает не только исключительные прерогативы Конституционного Суда РФ, закрепленные ст. 125 (ч. 4 и 6) Основного Закона во взаимосвязи со ст. 118 (ч. 2), 126 и 127, но и конституционное право на судебную защиту (статья 46, части 1 и 2). Сущность этого права предполагает, что юридическая сила итогового решения Конституционного Суда по жалобе на нарушение конституционных прав примененным в конкретном деле законом не может быть нивелирована последующими судебными актами иных судов³⁰⁸.

В развитие данных правовых начал Конституционный Суд в Постановлении от 29 апреля 2020 г. № 22-П сформулировал фундаментальный принцип налогового права, касающийся обратной силы законодательства. Суд установил, что акты, вводящие новые налоги и сборы либо ухудшающие правовое положение налогоплательщика (например, повышающие ставку, сужающие перечень вычетов, ужесточающие ответственность), не обладают ретроспективным действием. Данный принцип является конкретизацией конституционных гарантий, заложенных в статье 75 (часть 3) Конституции РФ, которая относит установление системы федеральных налогов и общих принципов налогообложения к исключительной компетенции федерального законодателя, реализованной в Налоговом кодексе Российской Федерации. Таким образом, Суд подтвердил императивный запрет на придание обратной силы нормам, ухудшающим фискально-правовой статус субъекта³⁰⁹.

³⁰⁸ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137736/ (дата обращения: 02.10.2024 г.).

³⁰⁹ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351705/

Кроме того, Конституционный Суд РФ не всегда придерживается сформулированных им же самим правовых позиций, касающихся соблюдения правовой определенности, системного подхода к правовому регулированию и правоприменению и др. В контексте рассматриваемой проблематики КС РФ в Определении от 2 июля 2015 г. № 1539-О артикулировал правовую позицию, содержащую внутреннюю противоречивость в вопросе о ретроактивном действии законодательных норм, что порождает состояние правовой неопределенности и создает риски нарушения охраняемых прав, в частности прав авторов.

В указанном судебном акте Суд, интерпретируя положения части 7 статьи 7 специального федерального закона и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса РФ, акцентировал, что реформирование правового регулирования в любой сфере общественных отношений не должно осуществляться вразрез с фундаментальным принципом действия закона во времени. Данный принцип, согласно позиции Суда, будучи закреплён в статье 4 ГК РФ, имеет в качестве своей цели обеспечить правовую определенность и стабильность законодательства в правовом государстве (ч.1 ст. 1 Конституции). Он предполагает, что нормы права регулируют отношения, возникшие после их вступления в силу, и исключительно законодатель обладает прерогативой распространить новый правовой режим на юридические факты и их последствия, имевшие место в период до его принятия, то есть придать закону обратную силу (ретроактивность), либо в установленных случаях санкционировать применение отмененной нормы (ультраактивность)³¹⁰. Указанная трактовка, однако, вступает в системное противоречие не только с вышеобозначенными конституционными предписаниями и международно-правовыми обязательствами Российской Федерации, но и с ранее сформулированными правовыми позициями самого Конституционного Суда РФ, что дестабилизирует единообразие правоприменительной практики и снижает уровень гарантий прав субъектов.

³¹⁰ URL://<https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072015-n-1539-o-po/>

В рамках указанного судебного акта Конституционный Суд РФ также констатировал, что федеральный законодатель, осуществляя модернизацию правового регулирования в установленном порядке, ввел норму, расширяющую перечень оснований для свободного использования объектов авторского права для отдельных категорий пользователей. Данная модификация, сопряженная с редукцией объема исключительных прав правообладателей, была осуществлена с учетом конституционно-правовой природы баланса интересов. Суд отметил, что свобода творчества (ст. 44 Основного Закона) и право на доступ к культурным ценностям, будучи взаимосвязанными конституционными ценностями, соотносятся с единым объектом — результатами интеллектуальной деятельности. Исходя из этого, законодатель, по мнению Суда, правомерно не наделил указанную новеллу обратной силой.

В обоснование данной позиции Суд, интерпретируя системную связь ст.ст. 15 (ч. 2), 17 (ч. 3), 34 (ч. 1), 44 (ч. 1 и 2), 54 (ч. 2) и 55 (ч. 2) Конституции, развил тезис о защите правомерных ожиданий. Согласно этой правовой конструкции, автор или иной правообладатель вправе рассчитывать на то, что его юридически значимые ожидания, сформированные в рамках правового режима, действовавшего на момент возникновения соответствующих правоотношений и основанные на результатах его интеллектуального труда и приобретенном исключительном праве, будут приняты во внимание в процессе реформирования законодательства. Таким образом, отказ от ретроактивного применения нормы, ограничивающей исключительное право, представляет собой необходимую гарантию стабильности гражданского оборота и охраны доверия к закону³¹¹.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации упускает из виду тот факт, что до вступления в силу ФЗ от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ в случаях публичного исполнения правомерно обнародованных произведений путем их представления в живом исполнении, осуществленного без согласия автора, в том числе в образовательных организациях, ему предоставлялась возможность

³¹¹ URL://<https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072015-n-1539-o-po/>

защиты своих прав всеми предусмотренными Гражданским кодексом Российской Федерации способами, включая предъявление требования о выплате соответствующей денежной компенсации»³¹².

Проведенный компаративный анализ эволюции доктринальных позиций КС РФ и конституционных преобразований 2020 года в сфере социальной государственности позволяет сформулировать следующие выводы.

В процессе разрешения дел, затрагивающих вопросы реализации принципа социального государства, закреплённого в статье 7 Конституции РФ, Конституционный Суд, осуществляя системное толкование данной нормы во взаимосвязи с иными положениями Основного Закона и международно-правовыми обязательствами России, последовательно развил и конкретизировал его содержание. Сформулированные Судом правовые позиции конституировали целостную и актуальную модель социального государства, которая впоследствии нашла свое нормативное закрепление в конституционных поправках 2020 года. Таким образом, деятельность Конституционного Суда имела предвосхищающий характер, создав доктринальные предпосылки для последующего конституционного реформирования.

Итогом этого процесса стало концептуальное обновление конституционной модели: в новой редакции Основного Закона произошел переход от патерналистской парадигмы государства-благодетеля к модели государства-партнера, взаимодействующего с институтами гражданского общества. Целью указанной модели, опирающейся на начала кооперации и социальной солидарности, является создание государством публично-правовых гарантий, направленных на достижение достойного жизненного уровня и свободного развития индивида. В свою очередь, для индивида закрепляется конституционно-правовая основа для активной самореализации, в том числе через механизмы взаимодействия с институтами публичной власти и структурами гражданского общества.

³¹² Там же.

Эта трансформация включает переосмысление роли гражданина и коллективных образований: переход от пассивной модели получения благ к активной позиции субъекта, участвующего в создании условий для роста благосостояния и прогресса социально-экономической сферы.

Значимым аспектом в деятельности Конституционного Суда является проведение им взаимосвязи между доктриной социального государства и принципом ретроактивности закона, улучшающего положение лица. Эта связь не только обогатила содержание конституционного принципа социального государства, но и расширила его инструментально-правовое наполнение, заложив солидную основу для дальнейших научных исследований в области конституционного права социального обеспечения.

2.3. Индивидуальные и коллективные начала социального государства

Появление данного параграфа в настоящей диссертации не случайно. Во-первых, оно вызвано объективными причинами, связанными с тем, что у разных народов веками складывалась своя модель правового статуса и менталитета индивида и коллектива, которые периодически существенно изменялись.

Во-вторых, в связи с этим у разных авторов разных стран и у разных авторов одних и тех же государств в разное время складывалось разное отношение к индивиду и коллективу, определению указанных понятий, их взаимодействию и правовому статусу.

В-третьих, конституции и конституционное законодательство по-разному закрепляют основы правового статуса индивида и различных объединений граждан.

И наконец, в-четвертых, в социальных государствах, как в одной из разновидностей государства вообще, особым образом сочетаются два указанных начала: индивидуальное и коллективное.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что в западных обществах издревле сложилась индивидуалистическое представление об индивиде как обособленном субъекте со своими притязаниями и обособленностью правового статуса. Во многом этому способствовало, как мы уже отмечали в параграфе четвертом первой главы данной диссертации, древнеримское частное право и защищаемая им частная собственность, которые способствовали культивированию эгоизма и гордыни отдельного индивида, стремления возвыситься над другими людьми и подчинить их своей частной воле, своему эго.

Правда, в период существования первобытнообщинного строя и раннерабовладельческих (раннефеодальных) государств, как справедливо отмечают многие авторы³¹³, и свидетельствуют памятники законодательства того периода, индивид воспринимался как неотъемлемая часть коллектива, а его идентичность формировалась в рамках социальных связей. Эту идею развивал Цицерон, отрицая атомизированную природу человеческого бытия и подчёркивая его врождённую ориентированность на общественную жизнь. Антропологическая характеристика человека, согласно его позиции, заключается в имманентной социальной ориентации, которая проявляется как сущностная потребность в кооперации и сосуществовании с себе подобными. Данная потребность актуализируется даже в гипотетических условиях абсолютной материальной самодостаточности индивида, что свидетельствует о ее внеутилитарном, онтологическом основании. Таким образом, отказ от социальной интеграции трактуется как противоречие фундаментальному предназначению человеческой природы³¹⁴. Более того, социальные отношения и законодательство того периода базировались на нормах религии и нравственности³¹⁵.

³¹³ См., например: *Исаев М. А.* История государства и права зарубежных стран: В 2 т. : Учебник. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1: Введение в историю права. Древний мир. М.: Юрайт, 2023; *Мальцев Г.В.* Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000.

³¹⁴ *Цицерон.* О государстве. Кн. I, XXV // Цицерон. Диалоги. М., 1994. С. 20. См. также: *Аристотель.* Политика. Кн. 2, 1265b9–1274b9 // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 417–442.

³¹⁵ См., например: *Протоиерей Владислав Цыпин.* Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. С. 3–78; *Вишневский А.А.* Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция. М., 2006; *Керимов Г.М.* Шариат. Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб., 2009; *Сюкияйнен Л. Р.* Мусульманское право: вопросы теории и практики / АН СССР, Ин-т государства и права. М.: Наука, 1986.

В контексте византийской правовой традиции, в частности в VI Новелле императора Юстиниана I (527–565 гг.), находит свое выражение фундаментальный политико-правовой принцип о корреляции между характером осуществления публичной власти и состоянием общественного согласия. Сформулированная позиция гласит, что добросовестное и справедливое (*secundum veritatem*) управление государством, вверенным властителю, порождает полный консенсус (*plena consensio*) между государством и обществом во всех вопросах, направленных на достижение пользы и блага человеческого рода (*quod ad utilitatem et salutem humani generis pertinent*)³¹⁶.

В Законах царя Месопотамии Хаммураби³¹⁷ провозглашалось: «Когда великий Ану³¹⁸, царь ануннаков, и Энлиль, владыка небес и земли, судящий судьбы страны, вручили Мардуку³¹⁹, первому сыну Эа³²⁰, энлильство над всеми людьми, возвеличили его среди игигов³²¹, назвали Вавилон его великим именем, сделали его могущественнейшим среди четырех частей света, утвердили в нем вечную царскую власть, чье основание прочно, подобно небесам и земле, – тогда меня, Хаммураби, славного³²², богобоязненного государя³²³, для того, чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы я, как Шамаш³²⁴, восходил над черноголовыми³²⁵ и озарял страну, – призвали Ану и Энлиль для благоденствия людей»³²⁶.

Относительно более позднего периода времени разные зарубежные авторы, выделяя те или иные аспекты, но в целом акцентировали основное внимание на

³¹⁶ *Дигесты* Юстиниана. М., 1984. С. 681–682.

³¹⁷ Свод законов (судебник) вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 до н.э.) был составлен в качестве своеобразного руководства к достижению «подлинного счастья и доброго правления» и одновременно наказа для последующих правителей, содержащего основные образцы и принципы законотворческой и правоприменительной политики.

³¹⁸ Бог неба; ануннаки – боги земли и подземного царства, и сочетание их с Ану несколько странно; можно было бы вместо «Ану» читать «Эл» (верховный бог аморейских племен, из которых происходил и Хаммурапи) или просто «бог» («когда великий бог, царь ануннаков – Энлиль, владыка небес и земли» и т.д.).

³¹⁹ Бог – покровитель Вавилона.

³²⁰ Один из важнейших богов Двуречья, божество земных вод и мудрости.

³²¹ Небесные божества.

³²² Или «смирненного». Слово имеет, по-видимому, оба значения.

³²³ Суверенный правитель (ср. франц. *prince*).

³²⁴ Бог солнца и правосудия.

³²⁵ То есть над людьми.

³²⁶ *Хрестоматия* по ИГПЗС: В 2 т. Т. 1: Древний мир и Средние века / М.: Норма, 2007. С. 18.

главной причине отмеченных выше особенностей социальных отношений и их правового регулирования – секуляризации права и развитии индивидуализма и его крайней формы – эгоизма.

Адам Смит, анализируя основы социальной организации, утверждал, что частный интерес (self-interest) является имманентным и необходимым двигателем человеческого поведения. С его точки зрения, гипотетическое отсутствие данной мотивационной структуры привело бы к системной дисфункции, сделав невозможным длительное сохранение целостности и стабильности общества. Таким образом, эгоистический интерес трактуется не как деструктивное начало, а как функциональный базис, обеспечивающий динамику и устойчивость общественных связей ³²⁷.

Развивая свою концепцию экономического либерализма, Адам Смит в другом труде выразил ту же фундаментальную идею через призму индивидуальной автономии. Он указал на существование неотъемлемого субъективного права, в соответствии с которым каждый индивид обладает гарантированной возможностью свободного профессионального самоопределения. Это включает в себя как первоначальный выбор рода деятельности, сообразный личным склонностям и оценкам целесообразности, так и последующую возможность его изменения по собственному усмотрению при пересмотре указанных оценок. Данный принцип свободы экономического выбора выступает у Смита не только как элемент естественной свободы личности, но и как ключевой институциональный механизм, обеспечивающий через личный интерес рациональное распределение трудовых ресурсов и, в конечном счете, общественное благосостояние. Таким образом, право на профессиональную мобильность трактуется как имманентная составляющая социального порядка, основанного на рыночной координации³²⁸. То есть все просто: захотел и сделал.

³²⁷ Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 101. См. также: Kennedy H. Just Law. L.: Cox & Wyman, 2004. P. 3–4.

³²⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: Пер. с англ. / М.: Эксмо, 2007. С. 147.

Никаких обязательств перед близкими, родителями, друзьями, партнерами. Центр Вселенной – это всегда только Я!

Т. Гоббс утверждал, что для индивида не существует изначальных, априорных препятствий к действию, поскольку они не заложены в его естественном состоянии (*in the nature*) и не являются продуктом его внутренних, конститутивных свойств (*in the internal qualities of the agent*). В этой системе взглядов ограничения имеют исключительно внешний характер и налагаются на субъекта извне, будь то физическая необходимость или социально-политический договор³²⁹.

Известный государственный деятель, имевший огромный опыт организации практической реализации индивидуальных и коллективных отношений в Великобритании и в целом на Западе, М. Тэтчер также отмечала, что ключевые движущие силы социального бытия — способность к инновациям, динамика развития, альтруистическая практика и единство — укоренены не в коллективных структурах как таковых, а в автономном индивидууме. Индивидуальное сознание, воля и действие трактуются как первичный субстрат и необходимое условие для генерации любого значимого общественного блага, в то время как коллективное выступает лишь результирующей формой их проявления и координации³³⁰.

Некоторые отечественные авторы также высказывают подобные мысли, которые раскрывают другой аспект индивидуализма. Российский правовед О.В. Мартышин констатировал отсутствие прямой и автоматической корреляции между экономическим статусом субъекта и его филантропической активностью, а также ограниченную доступность благотворительной помощи для её потенциальных реципиентов. Сформулированный тезис указывает на то, что обладание финансовыми ресурсами не является достаточным условием для проявления щедрости, в то время как потребность в поддержке далеко не всегда гарантирует её фактическое получение. Таким образом, институт

³²⁹ Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1964. С. 555.

³³⁰ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 500–503.

благотворительности характеризуется существенной асимметрией и нелинейной зависимостью между предложением помощи и реальной возможностью её актуализации в социальной среде³³¹.

О том, что подобные высказывания, в основе которых лежали идеи эгоизма, не были «плодом» голой фантазии, а базировались на положениях конституций и законодательства, свидетельствуют положения многочисленных нормативных правовых актов. К примеру, анализ эволюции французского конституционализма демонстрирует устойчивую преемственность в закреплении ряда фундаментальных государственно-правовых доктрин. С одной стороны, французский конституционализм конца XVIII — середины XIX века сохранял принцип единства и нераздельности публичной власти как сквозную основу государственного строительства. С другой стороны, Конституция 1793 года, отражавшая пик революционного радикализма, зафиксировала нормативные ориентиры формирования внешнеполитического облика нации. Статья 119 формулировала доктрину взаимного невмешательства: французский народ отказывался от интервенции в дела иных государств и, в свою очередь, не допускал какого-либо иностранного вмешательства в свои внутренние дела. Статья 121 того же акта устанавливала безусловный императив национального сопротивления, провозглашая невозможность заключения мира с врагом, оккупирующим территорию Республики. Эти положения не только отражали идеи революционного суверенитета, но и закладывали основы последующей конституционной традиции, вплоть до современной Конституции Пятой Республики 1958 года, подчеркивающей национальную независимость и территориальную целостность.

Другими словами, в подобной конституционно-правовой и фактической «атомизации» общества и превозношении индивидуализма и эгоизма мало, но только социального, но и от социального государства. Именно по этой причине, как представляется, подобный подход никогда не доминировал ни в

³³¹ Мартышин О.В. Идея социального государства и ее противники // Государство и право. 2011. № 12. С. 12.

законодательстве, ни на практике. Как констатировал в конце XIX века П.И. Новгородцев, генезис и доминирование автономной этики (освобожденной от трансцендентных оснований) в параллели с демократизацией публичной сферы инициировали процесс глубинной трансформации индивидуального и коллективного сознания. Следствием этого стало разрушение в субъективном мире человека укорененных, воспринимавшихся как вечные, онтологических связей и сакральных ценностных ориентиров, что ознаменовало фундаментальный разрыв с традиционным укладом и породило кризис идентичности в условиях нового времени³³².

Одной из причин, которые способствовали появлению в западной научной мысли и в законодательстве идей эгоизма и индивидуализма, явилась секуляризация права. По оценке правоведа Г. Бергмана, процесс секуляризации обусловил вступление западного общества в эпоху глубинного кризиса правовой аксиологии и юридического мышления, не имеющего исторических аналогов. Данный кризис характеризуется эрозией фундаментальных ценностных оснований права, что привело к дестабилизации самой структуры западной законности — нормативно-институциональной системы, формирование которой было инициировано ещё в период XI–XII столетий. Таким образом, под вопрос поставлена преемственность и устойчивость многовековой правовой традиции, основанной на единстве этических, религиозных и рациональных начал³³³.

По оценке Р. Давида, решающим рубежом в формировании западной правовой традиции явился 13-й век, в течение которого право завершило процесс обособления от религиозных и нравственных регуляторов, перестав рассматриваться как вторичный по отношению к ним элемент. Этот процесс нормативной дифференциации привел к признанию за правом собственной социальной роли и независимого статуса. Обретение правом автономии стало

³³² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 32.

³³³ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: Инфра-М – Норма, 1998. С. 13.

фундаментальной характеристикой западного образа мысли и цивилизационной модели, определив их дальнейшее развитие³³⁴.

Следует, правда, оговориться, что приведенные высказывания и примеры конституционных положений и зарубежного законодательства не дают еще полной картины соотношения коллективного и индивидуального в зарубежных государствах. Например, статья 12 Конституции Японии 1946 года формулирует принцип, согласно которому гарантированные права и свободы существуют не как статичное дарование, а как динамичный институт, требующий постоянной коллективной поддержки. Народ выступает не только их носителем, но и ответственным субъектом, обязанным: 1) прилагать усилия для их сохранения; 2) избегать злоупотреблений ими; 3) использовать их в русле публичного интереса. Данная норма-обязательство вводит идею социальной солидарности и ответственности в саму структуру конституционного статуса личности, подчиняя индивидуальную автономию императиву общественного благосостояния, что отражает коммунитарный элемент в японском конституционализме³³⁵.

Несколько другими словами, но также формально-юридическое понимание индивидуальной свободы человека высказывают и некоторые современные отечественные специалисты. Так, Ю.Г. Клименко постулирует тезис о неотчуждаемой взаимозависимости свободы и права. С его точки зрения, право является имманентной формой бытия и гарантийным фундаментом свободы в социуме. Вне пространства правовых норм и процедур свобода лишается инструментов своей актуализации, защиты и становится уязвимой для произвола, оставаясь, по сути, декларативной и нефункциональной конструкцией. Следовательно, лишь через право свобода обретает свою публичную значимость и дееспособность³³⁶.

Подобное утверждение может иметь место и будет считаться справедливым только в безнравственном обществе или между индивидами с низким уровнем

³³⁴ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 1996. С. 33. См. также: Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 26, 28.

³³⁵ URL://<http://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>

³³⁶ Клименко Ю.Г. Свобода как правовая категория: Автореф. дис. ...канд юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 8.

нравственности. В остальных случаях для реализации свободы наличие права может быть и необязательным.

В отличие от западной традиции секулярного индивидуализма в Российской империи в течение столетий в массе своей сохранялись наряду с правом религиозность и нравственность. В своей социальной философии М.Н. Катков утверждал, что онтологическое основание и регулятивный потенциал права коренятся в его синтезе с нравственностью. Право, не преобразованное во внутреннее ощущение обязанности, лишается своей сущностной силы и социальной ценности, оставаясь лишь декларативной формой. Подлинная правовая возможность, согласно данной позиции, существует лишь как осознанное долженствование: право иметь и право действовать приобретают смысл исключительно через переживание ответственности за надлежащее действие. Эта концепция отражает кантианскую идею автономии воли, где свобода (право) тождественна сознательному подчинению нравственному закону (обязанности)³³⁷.

Другой наш известный государствовед Б.Н. Чичерин обосновывал тезис о том, что эффективная экономическая деятельность невозможна при принудительном отчуждении её результатов в пользу третьих лиц. Единственным легитимным способом обращения продуктов труда на "чужие потребности" в условиях правового порядка он признавал добровольное волеизъявление самого производителя, реализуемое через частно-правовые институты — возмездную сделку или безвозмездную уступку. Данная позиция отражает его убеждение в фундаментальной связи между правом (как гарантией свободы и собственности), нравственностью (как признанием автономии и достоинства личности) и экономической целесообразностью³³⁸.

Другими словами, приведенные примеры свидетельствуют, что благодаря нравственности как таковой, нравственной обязанности как внутренней потребности конкретного человека индивид всегда имеет возможность

³³⁷ Цит. по: Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония. С. 344.

³³⁸ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч. 1. М., 1882. С. 395.

установленное юридической нормой право «очищать» от индивидуализма и эгоизма.

Как в отношении индивидуального, так и в отношении коллективного начала социального государства, вариантах их взаимодействия в отечественной³³⁹ и зарубежной³⁴⁰ научной литературе предложено множество разных определений. Одним из них является понятие социальной солидарности (от лат. *solidus* – плотный, твердый). Данное понятие также имеет множество определений, которые возможно условно дифференцировать на два вида: солидарность в узком смысле слова и в широком смысле слова.

Иллюстрацией редуцированного подхода к определению социальной солидарности (в общем смысле и применительно к социальному государству) служит дефиниция, представленная в авторитетном лексикографическом источнике — словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Данный источник определяет солидарность как активную поддержку определённых взглядов или действий, основанную на общности интересов и единомыслии³⁴¹.

Близкое к нему определение данного понятия предлагает в своей диссертации И.А. Алебастрова. Согласно позиции этого ученого, социальная солидарность представляет собой синтез ментальных установок, эмоциональных реакций и соответствующих поведенческих практик, направленных на оказание поддержки одними социальными акторами другим. Данный феномен охватывает широкий спектр проявлений — от толерантности и согласия до активного сотрудничества и помощи, — образуя нормативную и практическую альтернативу отношениям вражды, подавления и равнодушия. В структурном плане солидарность может быть категоризирована по критериям локализации (внутренняя/внешняя), интенсивности (пассивная/активная) и субъектности

³³⁹ См., например: *Алебастрова И.А.* Принцип социальной солидарности в конституционном праве. Дис. ... д-ра юрид. наук; *Исаев И.А.* Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М., 2009; *Штифанова Е.В.* Проблема социальной солидарности и понимание свободы в российском контексте // Рос. юрид. журн. 2013. № 5. С. 101–104.

³⁴⁰ См., например: *Дюги Л.* Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909.

³⁴¹ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999.

(индивидуальная/коллективная), что отражает её многомерный характер как основы социальной интеграции³⁴².

Как следует из данного определения солидарности, его автор еще более сужает указанное понятие, искусственно разделяя его на внутреннюю (мысленную и эмоциональную) и внешнюю (поведенческую) и связанную с ними пассивную и активную.

Как нам представляется, весьма трудно, если вообще возможно, найти человека, у которого бы возникла мысль (особенно эмоциональная) и он бы не попытался ее реализовать, остановившись на полпути. Обычно мысли (в особенности эмоции) и действия не разделены, а взаимосвязаны: действию всегда предшествует какая-то мысль, образ, идея, а затем ее воплощение в действии, поступке и т.д.

Представленная дефиниция вызывает дополнительные методологические вопросы в свете дальнейших утверждений автора относительно генезиса и структуры мотивации социальной солидарности. В работе указывается на то, что в современном социуме побудительные основания солидарности формируются сложной диалектикой эгоистического и альтруистического начал. При этом эгоизм трактуется как исторически первичный и рационально-психологический базис, тогда как альтруизм — как производный, надстраивающийся фактор. Автор указывает на позитивную корреляцию между усилением альтруистической составляющей и прогрессом в сферах образования, общей культуры, а также ростом уровня и комфортности жизни. Вместе с тем подчеркивается, что в долгосрочной исторической перспективе солидарность, опирающаяся исключительно на альтруистические императивы, лишенные эгоистической (рационально-утилитарной) основы, является социально нежизнеспособной³⁴³.

Логическим следствием такой теоретической посылки становится сформулированный в диссертации вывод о состоянии российского общества: на текущем этапе в Российской Федерации не удалось конституировать ни

³⁴² Алебастрова И.А. Указ. соч. С. 14–15.

³⁴³ См.: Алебастрова И.А. Указ. соч. С. 34, 35.

солидарное общество, ни солидарное государство как устойчивые социально-политические формы. Констатируется системный дефицит солидарности, проявляющийся на всех уровнях общественной жизни и носящий, по оценке автора, критический характер³⁴⁴.

Нам представляется, что как раз наоборот. Мы не столько «не построили» солидарное общество, сколько, построив, потеряли построенное. Если подобное утверждение, высказанное И.А. Алебастровой, справедливо, то чем тогда можно объяснить массово создававшиеся благотворительные фонды, а также строившиеся за счет многочисленных благотворителей по всей территории Российской империи в течение XIX в. на средства фондов и отдельных благотворителей народные школы, больницы, богадельни и т.д. В том числе и на личные средства членов императорской семьи, о чем отмечалось в параграфе первом главы первой данной диссертации.

Причем благотворительность и социальная солидарность, отмечаемые указанным автором, в современных западных государствах появились после нашего примера подобной деятельности, имевшего место в России XIX – начале XX в., а не предшествовали ему (или вместо него).

Еще одним недостатком узкого подхода к определению понятия социальной солидарности является то, что ее сторонники на первое место ставят не реальное действие конкретного человека, приводящее к позитивному социально значимому результату, а якобы мысли, идеи, эмоции и другие подготовительные приготовления.

Существенным недостатком узкого подхода к определению социальной солидарности является также то, что он базируется только на нормах права, оставляя за скобками нормы других социальных регуляторов, которые всегда существуют в обществе. И если в первобытном обществе, а также в раннерабовладельческих, раннефеодальных государствах значительный удельный вес среди норм права занимали правовые обычаи и прецеденты, как справедливо

³⁴⁴ Там же. С. 58.

отмечал Г.В. Мальцев³⁴⁵, т.е. нормы, как правило, создаваемые сами людьми в ходе социальных отношений, то основу современного права составляют, наоборот, как правило, правила нормативных правовых актов (законов, декретов, указов), к принятию которых основная масса людей не причастна. То есть они выступают не как результат их самостоятельной осознанной деятельности, а как внешнее «навязанное» обязательное правило поведения, которое необходимо исполнить под угрозой применения юридической санкции.

Ещё в конце XIX столетия, задолго до формирования современного секулярного правопорядка и выявления его системных ограничений, российский правовед и философ П.И. Новгородцев подверг критике представление о праве как самодостаточном инструменте социального преобразования. Он утверждал, что право, взятое в своей формальной определённости, не обладает имманентной способностью к тотальному переустройству общественных отношений. В его концепции правовое государство не является конечной целью исторического развития или высшим воплощением нравственного идеала; оно представляет собой подчинённое средство, один из элементов в более широкой системе моральных сил, определяющих бытие общества³⁴⁶.

Действительно, это так. Поэтому более убедительной, полномасштабной и близкой к действительности нам представляется позиция тех авторов, которые основывают социальную солидарность в социальном государстве и гражданском обществе не на сочетании эгоизма и альтруизма, а на духовности, нравственных началах и на связанных с ними нормах права.

В этой связи мы разделяем позицию тех авторов, которые обосновывают возникновение и развитие социальной солидарности на основе духовности, нравственных начал и норм права. Например, русский философ И.А. Ильин определял государство в его идеальном измерении как феномен коллективного сознания — духовный союз индивидов, обладающих развитым (зрелым) правосознанием. Согласно этой концепции, сущностное назначение государства

³⁴⁵ Подробнее см.: *Мальцев Г.В.* Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства.

³⁴⁶ *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 10.

заключается в авторитетном (властном) утверждении естественного права, осуществляемом на началах братства и социальной солидарности. Таким образом, государство трактуется не как механизм принуждения, а как этико-правовая общность, основанная на разделяемых духовных ценностях и сознательном стремлении к воплощению справедливости³⁴⁷.

Таким образом, более точным и полным нам представляется определение понятия *социальной солидарности*, понимаемое в широком смысле слова. Примером такой трактовки может служить определение из французского словаря «Робер», которое раскрывает социальную солидарность через два взаимосвязанных аспекта: 1) её генезис (осознание общности интересов), 2) её нормативное содержание (моральный императив, предписывающий как минимум не вредить и в позитивном аспекте — оказывать поддержку)³⁴⁸.

Достоинством данного подхода к определению социальной солидарности является то, что его сторонники на первое место ставят не столько действие, приносящее социально значимый результат, а совместное осознанное взаимодействие, приносящее такой результат. Естественно, что при взаимодействии субъектов подобных отношений масштаб получаемого совместного позитивного результата, как правило, более значимый.

Кроме того, подобное взаимодействие мысли, (идеи, желания) с соответствующим поступком (действием) в определенной мере представляет собой моральное обязательство как внутреннюю потребность взаимодействующих субъектов, а не сугубо только внешнее воздействие регулирующих общественные отношения органов публичной власти и правоприменителей.

Еще одно определение социальной солидарности в его расширенном истолковании предлагает Г.Н. Чеботарев, который считает, что в рамках изменений, включенных в Конституцию РФ в 2020 г., социальная солидарность предполагает также широкое взаимодействие не только институтов

³⁴⁷ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994–1999. Т. 4. С. 276.

³⁴⁸ См.: *Dictionary of la langue francaise*. P.: Le Robert, 1993. P. 879.

государственной власти на основе права, но и институтов гражданского общества. Поскольку эффективность единого механизма публичной власти, объединяющего государственные и муниципальные органы, обуславливается их кооперацией с институтами общественной власти как равноправной составляющей публично-властной организации социума³⁴⁹.

О справедливости и реальности данного предположения свидетельствует не столько приведенная в предыдущем абзаце цитата, сколько содержание официальных документов различных общественных объединений. В том числе, и прежде всего, уставы различных общественных объединений. В частности, в отношении Всероссийской политической партии «Единая Россия» (Устав в редакции от 19 июня 2021 г.) провозглашается трехединая цель её деятельности. Партия позиционирует себя, во-первых, как институт бескомпромиссного и эффективного контроля за реализацией президентских инициатив и соблюдением законодательства. Во-вторых, как политическую силу, конструирующую основу национального будущего путем поддержки и продвижения проектов и идей ключевых социальных групп (предпринимателей, ученых, общественных активистов, молодежи), а также технологических и управленческих инноваций. В-третьих, как субъекта, обеспечивающего защиту человеческого достоинства и принципов социальной справедливости³⁵⁰.

В случае Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей» (РСПП) (Устав в редакции от 17 декабря 2021 г.) устанавливается её правовая природа. Организация определена как общероссийское общественное объединение, обладающее интегративным характером: она объединяет как физических лиц, так и юридические лица — соответствующие отраслевые общественные организации. Её создание и деятельность институционализированы в организационно-правовой форме общественной организации, что детерминировано нормами Конституции РФ, ГК

³⁴⁹ Чеботарев Г.Н. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // Рос. юрид. журн. 2020. № 6. С. 9–17.

³⁵⁰ URL://<https://er.ru/party/rule> (дата обращения: 18.05.24).

РФ, федеральных законов «Об общественных объединениях» и «О некоммерческих организациях»³⁵¹.

Из приведенных дефиниций следует, что уставные положения РСПП синтезируют индивидуальное и коллективное членство, а его легитимность и операционная деятельность всецело основаны на действующем законодательстве, разработанном и принятом институтами государственной власти. Это свидетельствует не только о формальном соблюдении правовых норм, но и об институционализированном характере взаимодействия и сотрудничества с органами государственной власти. Подобная модель способствует развитию конкретных форм социальной солидарности, основанных на правовом порядке, и расширяет традиционное понимание солидарности, придавая ей измерение публично-правового партнерства между гражданским обществом и государством.

Концепция социальной солидарности получает дальнейшую конкретизацию и содержательное наполнение в параграфе 2.2 Устава РСПП, где закрепляются стратегические цели организации. Данные цели носят комплексный характер и направлены на всемерное и сбалансированное развитие национальной экономики, а также на укрепление промышленного потенциала страны. Их достижение предполагает содействие модернизационным процессам, основанным на ряде ключевых принципов: добросовестной конкуренции, социальной ответственности субъектов хозяйствования, рыночных механизмах координации, гарантиях защиты прав собственности, свободе предпринимательской инициативы и нормах деловой этики.

Параллельно целям экономического развития Устав формулирует задачу по повышению социально-правового статуса предпринимателей, активизации их деловой деятельности, укреплению позитивной общественной репутации и социальной роли отечественного бизнеса. Конечным вектором этих усилий определяется усиление влияния бизнес-сообщества на формирование благоприятных условий труда и обеспечение достойного уровня жизни граждан

³⁵¹ URL://<https://rspp.ru/about/docs/> (дата обращения: 18.05.24).

Российской Федерации. Таким образом, солидарность трактуется здесь не только как горизонтальная связь внутри профессионального сообщества, но и как его вертикальная ответственность перед обществом, реализуемая через экономическое развитие и социальный вклад³⁵².

Данное положение Устава РСПП свидетельствует, что его основные цели базируются не только на нормах права, но и на нормах нравственности, которые устанавливаются в отличие от норм права не государством, а самим обществом, объединенным (в данном конкретном случае) в этот Российский союз.

В Уставе Профессионального союза работников народного образования и науки РФ, измененном и дополненном на VI съезде Профсоюза 31 марта 2010 г., провозглашено, что Профсоюз – общероссийская, добровольная, общественная, самоуправляемая, некоммерческая организация, объединяющая членов Профсоюза – работников, связанных общими профессиональными, социальными и трудовыми интересами по роду их деятельности в образовательных учреждениях различных типов и видов, органах управления в сфере образования, организациях любых форм собственности и обучающихся в образовательных учреждениях профессионального образования» (п. 1)³⁵³.

Институциональная связь и взаимодействие между общественными организациями и органами публичной власти находит свое выражение в единстве их правового фундамента. Устав данной организации (п. 3) закрепляет основополагающий принцип её функционирования – подчинение деятельности действующей системе норм, выстроенной в соответствии с иерархией правовых актов: от Основного Закона России и международно-правовых стандартов до законодательства федерального и регионального уровней, а также актов местного нормотворчества. Эта нормативная общность подчеркивает интегрированность структур гражданского общества в публично-правовое поле государства³⁵⁴.

³⁵² URL://<https://rspp.ru/about/docs/> (дата обращения: 18.05.24).

³⁵³ URL://<https://xn----7sb3aeojv5b4b2a.xn--p1ai/wp-content/uploads/2022/10/ustav.pdf> (дата обращения: 18.05.24).

³⁵⁴ Там же.

Формальным механизмом реализации социальной солидарности между государством, работодателями и профсоюзами выступает институт трёхстороннего соглашения. Преамбула текущего Генерального соглашения (2024–2026 гг.), заключённого общероссийскими объединениями профсоюзов и работодателей с Правительством РФ, фиксирует их обязательство по развитию отношений на принципах социального партнёрства и коллективно-договорного регулирования. В условиях усложнения международной обстановки и санкционного давления Соглашение особо оговаривает механизм оперативного взаимодействия для принятия неотложных решений, направленных на минимизацию негативного влияния кризисных явлений на экономику и защиту прав работников³⁵⁵.

Предыдущее Генеральное соглашение на 2021–2023 годы содержало более развернутую программную преамбулу. Стороны обязывались руководствоваться не только правовыми, но и этическими нормами, а также содействовать реализации принципов Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда. В качестве главной цели провозглашался рост благосостояния населения и социальной защищенности на основе повышения эффективности экономики и стимулирования внутреннего спроса. Соглашение также нацеливало стороны на проведение политики, способствующей развитию человеческого потенциала, внедрению социальной справедливости и повышению эффективности государственного управления в сфере социально-трудовых отношений³⁵⁶.

В рамках конституционной реформы 2020 года полномочия Правительства РФ в социально-экономической сфере были существенно расширены. В ч. 1 ст. 114 Конституции РФ были введены новые подпункты (е.1 – е.5), закрепляющие за Правительством следующие функции:

³⁵⁵ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476292/aa78541801a1cf8867fe174d1c15c212b7d47720/ (дата обращения: 18.05.24).

³⁵⁶ Документ с сайта static.government.ru OABRVl0jLUIOtMgFw6TfnWX9 SK2AwuAS.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

- Оказание государственной поддержки институтам гражданского общества, в т.ч. некоммерческим организациям, с гарантией их вовлечения в разработку и осуществление государственной политики.
- Стимулирование и создание условий для развития добровольчества.
- Содействие развитию предпринимательства как формы реализации частной инициативы.
- Обеспечение реализации принципов социального партнёрства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.
- Реализацию политики, направленной на создание благоприятной среды обитания, минимизацию антропогенного воздействия на экосистемы, сохранение биоразнообразия и формирование в обществе этичного отношения к животным³⁵⁷.

Нормативная конкретизация данных конституционных положений в компетенционном статусе Правительства РФ закреплена в положениях гл. 3 ФКЗ от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»³⁵⁸.

Более глубокий анализ конституционно-правовой модели и практики реализации социальной солидарности в Российской Федерации представлен в монографическом исследовании И.Н. Плотниковой, где указанные полномочия рассматриваются в контексте становления трипартистской системы взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества³⁵⁹.

Тем не менее, по нашему мнению, ни понимание социальной солидарности в расширительном его истолковании, ни тем более в узком смысле слова не только не отражает действительного положения дел, но и, самое главное, существенных отличительных особенностей российской действительности. Поскольку в основе даже так называемого широкого подхода к определению понятия социальной солидарности лежит искаженное представление о светском государстве, которое практически совсем не учитывает возможности и достоинства третьего вида социального регулирования – норм религии.

³⁵⁷ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.05.24).

³⁵⁸ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/ (дата обращения: 18.05.24).

³⁵⁹ См.: Плотникова И.Н. Экономическая свобода личности в России: конституционно-правовое измерение. – Саратов, 2022.

В определенной мере указанный в предыдущем абзаце недостаток обоих подходов, особенно узкого подхода, сформулировал Г.В. Мальцев. Он писал, что понятия «безрелигиозное общество» и «безрелигиозный человек» как семантически и социологически несостоятельные. По его оценке, это пустые конструкты, основанные на чистом отрицании и не отражающие действительного положения вещей. Их использование маскирует иллюзию абсолютного выбора убеждений и замещение подлинной духовности её симулякрами, которые активно генерируются и распространяются в условиях современного информационного общества. Таким образом, данные концепты не способны выполнить роль адекватных научных категорий для анализа религиозно-светской динамики³⁶⁰.

В свете проведенного анализа конституционных новелл 2020 г. и уточняющего их отечественного конституционного законодательства, а также уставов и других официальных документов ряда общественных объединений Российской Федерации мы считаем, что в современных условиях наиболее актуальным, востребованным и перспективным для Российской Федерации является не социальная солидарность в узком смысле слова, ни социальная солидарность в широком смысле слова, а *духовно-нравственно-правовой подход к модели социальной солидарности* в светском государстве.

Основанием для данного утверждения служит конституционная норма (ч. 2 ст. 67.1), в соответствии с которой Российская Федерация, осмысляя свою тысячелетнюю преемственность, бережно сохраняет наследие предков – их идеалы и духовные ценности – и обеспечивает неразрывность развития государственно-правовой традиции, утверждая своё исторически сложившееся единство. Эта норма закрепляет три взаимосвязанных элемента национально-государственной идентичности: историческое наследие, духовно-ценностные основания и непрерывность публично-властной организации³⁶¹.

³⁶⁰ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – М.: СГУ, 2008. С. 407; *Проблемы общей теории права и государства: Учебник.* – М., 2002. С. 212–216.

³⁶¹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.05.24).

Из истории Отечества, а также из приведенных нами документов, законодательства и исторических фактов хорошо видно, что в течение многовекового дореволюционного периода существования нашего государства в нем в течение многих столетий жизнь и законодательство и правоприменение не только строились на нормах светского права, но и широко применялись в широком смысле слова, т.е. основывались на священных источниках, церковном праве. Кроме того, как мы показали, широкое распространение и практическое применение получили нормы религии и нравственности.

Во-вторых, как указано в п. 4 упомянутой ст. 67.1 Основного Закона, публично-правовым долгом государства является создание комплекса условий, обеспечивающих целостное духовно-нравственное, интеллектуальное и физическое становление детей. Воспитательный компонент данной обязанности конкретизируется как целенаправленное формирование у них патриотизма, гражданской ответственности и социального уважения к старшим, что расширяет традиционное понимание социальной политики в сфере детства³⁶².

Другими словами, это означает не только устойчивый курс на практическое применение многовекового опыта, накопленного нашими предками в области религии, нравственности, правового регулирования, но и правильное применение многовековых традиций в современных условиях, а также и выработку новых перспективных тенденций в данной сфере. В том числе и в настоящем диссертационном исследовании предпринята попытка системного осмысления теоретического наследия, действующих правовых норм и судебной практики (в первую очередь, решений Конституционного Суда РФ) с целью формулирования оригинальных теоретических положений и практико-ориентированных рекомендаций по развитию науки конституционного права и оптимизации законодательного регулирования.

В-третьих, принципиальное значение, на наш взгляд, имеет то, что стратегический курс современного Российского государства, направленный на

³⁶² URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.05.24).

обеспечение целостного духовного, нравственного и интеллектуального развития подрастающего поколения, а также на формирование у него патриотических убеждений, гражданской идентичности и уважения к старшим, будет способствовать не только совершенствованию и поступательной эволюции духовно-нравственных и правовых регуляторов в условиях современных социальных вызовов, но и вырабатывать принципиально новые концепции в данной сфере, их законодательному оформлению и новаторскому практическому воплощению, поскольку реализация данного государственного курса немыслима без связи поколений, без взаимодействия религиозных и других общественных объединений, без широкого сотрудничества институтов гражданского общества и институтов публичной власти.

По крайней мере, как нам представляется, практическая реализация упомянутого в указанном пункте ст. 67.1 Конституции РФ курса Российского государства на всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное развитие детей способно не только существенно развить накопленный опыт в сфере социальной солидарности, но и сформулировать способы и установить конституционно-правовые механизмы соединения индивидуальных и коллективных начал в условиях новой модели социального государства в Российской Федерации.

Конституционная норма, отраженная в статье 75.1, содержит системное закрепление принципов, направленных на создание условий для устойчивого экономического развития и роста благосостояния граждан. Она устанавливает цели по укреплению доверия между государством и обществом, гарантирует охрану достоинства личности и уважение к труду, обеспечивает баланс прав и обязанностей гражданина, развитие социального партнёрства, а также солидарности экономической, политической и социальной сферах. Данные положения формируют нормативную основу для построения полноценной модели социального государства³⁶³. Его фундамент будет основываться на наиболее

³⁶³ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.08.24).

развитой и комплексной духовно-нравственной и правовой основе. Данный вывод согласуется с философско-правовой позицией П.И. Новгородцева, который утверждал, что подлинно высшие продукты духовного творчества и конечные цели человеческого существования воплощаются не в конституционных актах, а в религиозном опыте и институтах, не в государстве, а в церкви, поскольку именно они с максимальной глубиной и полнотой выражают историческую и культурную телеологию³⁶⁴.

Новгородцев полагал, что западная правовая мысль упустила из виду этот иерархический принцип, согласно которому над всеми позитивными нормами и законами возвышается божественная заповедь как абсолютный и высший нормативный ориентир. О том, что его предположение имело реальные основания, свидетельствует также то, что в течение веков на территории нашего государства не только мирно сосуществовали, но и взаимодействовали друг с другом и с институтами государства православные, католические, мусульманские конфессии.

В преамбуле Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.) закреплены два основополагающих начала: провозглашение светскости российского государства и признание особого вклада православия в развитие российской духовности и культуры. Одновременно законодатель выражает уважение к другим традиционным религиям — христианству, исламу, буддизму, иудаизму, — подчёркивая их значение как части общего исторического наследия народов России³⁶⁵.

Указанные декларативные принципы получают свою нормативную конкретизацию в последующих статьях закона. В частности, статья 15 данного нормативного акта устанавливает, что религиозные организации осуществляют свою деятельность на основании как светского законодательства (Конституции РФ, ГК РФ, указанного Федерального закона и иных правовых актов), так и собственных внутренних установлений, при условии их непротиворечия

³⁶⁴ Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 376.

³⁶⁵ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 18.08.24).

действующему законодательству. Государство, в свою очередь, обязуется уважать эти внутренние установления религиозных организаций, если они соответствуют правовому полю Российской Федерации³⁶⁶.

Из приведенного правового регулирования следует вывод о существовании дуалистической системы регуляции внутриконфессиональных отношений. Значительный объем правоотношений в сфере внутренней жизни религиозных организаций регулируется не нормами светского законодательства, а подсистемой церковного права (в широком смысле), а также их собственными уставными и иными внутренними документами. Таким образом, государство, сохраняя светский характер, делегирует религиозным объединениям автономию в сфере внутреннего нормотворчества и самоуправления в установленных законодательством рамках.

Нормативное закрепление права на социальную солидарность, основанную на семейных и духовно-нравственных традициях, содержится в статье 5 рассматриваемого Федерального закона. Данная норма гарантирует каждому субъективное право на получение религиозного образования по собственному выбору, реализуемое как индивидуально, так и в коллективных формах.

Воспитание и образовательный процесс в отношении несовершеннолетних возлагаются на родителей или иных законных представителей, которые обязаны осуществлять их с учетом гарантированного ребенку права на свободу совести и вероисповедания.

Кроме того, религиозные организации, в силу своей специальной правоспособности, наделены правом учреждать образовательные организации. Реализация указанного правомочия происходит в рамках, определенных как внутренними уставными положениями, так и действующим федеральным законодательством³⁶⁷.

Развитие конституционных положений о социальной солидарности, укорененной в семейных традициях и духовно-нравственных ценностях,

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 20.12.24).

обеспечивается рядом федеральных и региональных законов. Определяющее значение в рассматриваемом процессе имеет ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³⁶⁸.

Статья 44 данного закона закрепляет приоритетное право и обязанность родителей (законных представителей) на обучение и воспитание детей, включая необходимость заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности. Государственные и муниципальные органы, образовательные организации, а также общероссийское движение детей и молодежи оказывают содействие родителям в реализации этих задач, включая охрану здоровья и развитие способностей ребенка³⁶⁹.

Статья 87 Федерального закона «Об образовании» детализирует порядок реализации права на получение знаний о духовно-нравственной культуре в светских образовательных организациях. В основные образовательные программы могут включаться учебные предметы или модули, направленные на изучение основ духовно-нравственной культуры народов России, традиций мировых религий, либо альтернативные им дисциплины. Выбор конкретного учебного курса осуществляется родителями (законными представителями) обучающихся³⁷⁰.

Установленный механизм не совпадает с общим конституционным регулированием. Согласно ст. 28 Конституции России, действующей в рамках формально-юридической парадигмы, свобода совести (включая право на исповедание любой религии или атеистические убеждения) гарантирована каждому и не обусловлена какими-либо возрастными критериями. Такой подход, по существу, уравнивает в правовом поле религиозные мировоззрения и атеистические убеждения, что может приводить к внутренним противоречиям. В частности, в рамках одной семьи одновременное наличие верующих и атеистов способно создавать ценностный конфликт и подрывать основы социальной

³⁶⁸ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 20.12.24).

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 20.12.24).

солидарности, которая базируется на общности духовно-нравственных ориентиров. Таким образом, формальное провозглашение равноправия всех мировоззренческих позиций без учета их содержательного различия и роли в поддержании социального единства представляется проблематичным.

В действующей редакции федеральных законов «О свободе совести и о религиозных объединениях» и «Об образовании в Российской Федерации», приведённой в соответствие с конституционными поправками 2020 года, закреплена модель, при которой ответственность за религиозное воспитание и образование несовершеннолетних возлагается на родителей (законных представителей). Данный подход выполняет несколько социально-значимых функций: он укрепляет семейные связи, усиливает воспитательную роль и правовую ответственность родителей, а также формирует первичный уровень социальной солидарности в семье как базовой единице общества и государства.

Более того, обновлённая редакция ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» создаёт правовые условия для развития социальной солидарности в широком смысле. Согласно пунктам 5 и 6 статьи 87 данного закона, преподавание учебных дисциплин в области теологии осуществляется педагогическими кадрами, кандидатуры которых рекомендованы соответствующей централизованной религиозной организацией. Также к разработке учебно-методического обеспечения по предметам, направленным на изучение основ духовно-нравственной культуры народов России и традиций мировых религий, включая теологию, привлекаются указанные централизованные религиозные организации. Таким образом, законодатель институционализирует прямое участие религиозных объединений в формировании содержания образования в соответствующей сфере, что способствует гармонизации взаимодействия между государственными образовательными системами и религиозными институтами³⁷¹.

Другими словами, в рамках указанных положений данного Федерального закона должны тесно взаимодействовать обучающиеся, их родители,

³⁷¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 20.12.24).

педагогический коллектив, образовательная организация и соответствующая централизованная религиозная организация. Поскольку подобное сотрудничество начинается с «младых лет» обучающихся, то это создает условия и устойчивую тенденцию на многолетнюю перспективу социальной солидарности в данной сфере.

Пункты 7 и 8 ст. 87 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» вводят дополнительные механизмы институционализации социальной солидарности через образовательную сферу. Согласно указанным нормам:

- Частные образовательные организации вправе включать в вариативную часть основных образовательных программ учебные дисциплины, обеспечивающие религиозное образование (религиозный компонент). Основанием для такого включения служит представление соответствующей религиозной или централизованной религиозной организации.

- Частные образовательные организации, учредителями которых выступают религиозные организации (за исключением духовных образовательных учреждений), обязаны включать религиозный компонент в вариативную часть основных образовательных программ. Данная обязанность также реализуется на основании представления соответствующей религиозной структуры.

Таким образом, законодатель дифференцирует правовой режим для двух типов частных образовательных организаций, что расширяет поле социальной солидарности путём кооперации образовательных и религиозных институтов в формировании содержания обучения³⁷².

Еще больше расширяют сферу социальной солидарности в широком смысле слова взаимодействие и сотрудничество соответствующих субъектов правоотношений в данной сфере положения п. 9–12 данной статьи указанного Федерального закона. Но поскольку они в основном затрагивают деятельность и

³⁷² Там же.

компетенцию духовных образовательных организаций, что выходит за рамки нашего диссертационного исследования, мы не будем касаться этого вопроса.

Вместо этого мы попытаемся обозначить существо духовно-нравственно-правового подхода к социальной солидарности в современных условиях в Российской Федерации. Опять же, не вдаваясь в существо и содержание религиозных учений основных религиозных конфессий, созданных и осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации, отметим некоторую схожесть структуры социальных регуляторов указанных религиозных конфессий.

Прежде всего, отметим, что основными источниками, которые содержат соответствующие нормы, регламентирующие основы правового статуса, внутрицерковные и внутрирелигиозные отношения, а также взаимодействие с другими религиозными организациями, институтами публичной власти и институтами гражданского общества таких крупных религиозных конфессий, как Русская православная церковь, российские мусульмане, иудеи в России, протестантских церквей России, являются их уставы.

Помимо уставов, каждая из указанных религиозных конфессий имеет ряд других официальных документов. Одним из них, которые имеют прямое отношение к теме нашего исследования, являются так называемые социальные концепции, принятые официально высшими руководящими органами указанных конфессий, например: Основы социальной концепции РПЦ; Основы учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека; Основные положения социальной программы российских мусульман; Основы социальной концепции иудаизма; Социальная позиция протестантских церквей России³⁷³.

Основным же источником социальных норм данных конфессий является Священное Писание. Например, в своей герменевтике ветхозаветного Декалога (Десятисловия) дореволюционный правовед и канонист А.П. Лопухин выделял в

³⁷³ Основы социальной концепции РПЦ. М., 2000; Основы учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека от 26 июня 2008 г. Официальный интернет-ресурс РПЦ Московского Патриархата // URL://<https://www.patriarchia.ru/>; Основные положения социальной программы российских мусульман. М., 2001; Основы социальной концепции иудаизма в России. М., 2002; Социальная позиция Протестантских Церквей России. М., 2009.

его составе два типа социальных регуляторов – нормы юридического характера и предписания нравственно-этического свойства. Согласно его интерпретации, в древнееврейской нормативной системе чисто этические императивы могли обладать силой полноценных юридических установлений. В подтверждение этого тезиса Лопухин указывал на структуру Декалога, где запреты, имеющие характер внешнего правового порядка (например, «не убивай», «не кради»), соседствуют с предписаниями, обращенными к внутренним помыслам и желаниям индивида («не пожелай жены ближнего твоего»). В контексте традиционного общества оба вида предписаний воспринимались как равнообязательные, что свидетельствует о синкретизме правовых и моральных начал в древних религиозно-правовых системах³⁷⁴.

Мы солидарны с научной позицией современного исследователя А.М. Осавелюка, который, в отличие от А.П. Лопухина, предлагает более дифференцированную классификацию социальных норм, содержащихся в сакральных текстах, таких как Декалог (Десятисловие) Моисеева Закона. Согласно его подходу, в этих источниках следует выделять не две, а три автономные категории нормативных предписаний:

- 1) Религиозные императивы, регулирующие отношения между человеком и божественным началом (например, первые четыре заповеди Декалога).
- 2) Моральные (нравственные) императивы, адресованные внутреннему миру и помыслам индивида (например, запрет «не пожелай жены ближнего твоего»).
- 3) Фундаментальные правовые постулаты, имеющие характер общеобязательных юридических запретов и направленные на упорядочение внешнего социального поведения (например, нормы «не убивай», «не кради»).

Данная трёхчастная модель, как отмечает исследователь, применима и к анализу других религиозно-правовых источников, в частности Корана³⁷⁵.

³⁷⁴ Лопухин А.П. Законодательство Моисея / М.: Зерцало, 2005. С. 5.

³⁷⁵ См.: Осавелюк А.М. Государство и Церковь. М.: Изд-во РГТЭУ, 2010. С. 137.

Хотя в Коране нет такой же четкой и последовательной формулировки нормативных постулатов, как в Пятикнижии Моисея, тем не менее, в нем также можно выделить три вида социальных норм. Наиболее последовательно они сформулированы в Суре 17 «Аль-Исра», например религиозные постулаты о поклонении лишь Богу:

- «Не приобщайте к Аллаху других богов, а не то останетесь вы униженными и одинокими» (Сура 17, Аят 22)³⁷⁶;
- «Бог ваш – Бог Единый, нет Бога, кроме Него, Милостивого, Милосердного» (Сура 2 «Аль-Бакара», Аят 163);
- «Нет у Него подобного – Он Всеслышащий, Всевидящий» (Сура 42 «Аш-Шура», Аят 11)³⁷⁷.

Кроме того, имеются нравственные постулаты:

- «Относитесь с почтением к отцу и матери» (17:23);
- «И воздавай положенное родным своим» (17:26);
- «Поддай бедняку и путнику, оказавшемуся в нужде. И не будь из тех, кто расточает без меры» (17:26);
- «Поистине расточители – братья сатаны» (17:27);
- «Не помышляйте о прелюбодеянии» (17:32);
- «Отмеряйте полностью, когда мерите, и взвешивайте весами справедливыми» (17:35);
- «Тот, который создал смерть и жизнь, дабы испытать, чьи лучше деяния. Он – Всемогуший, Всепрощающий» (Сура 67 «Аль-Мульк, Аят 2») ³⁷⁸.

Много нравственных постулатов об уважении и почитании родителей:

- «Заповедали Мы человеку быть добрым к родителям: носила его мать в чреве своем, и был он причиной многих ее страданий и слабостей, и

³⁷⁶ URL://<https://www.planeta.one/bible/v.htm> (дата обращения: 20.12.24).

³⁷⁷ *Коран*: смысловой перевод / Пер. с араб. Э.Р. Кулиева. М.: УММА, 2022.

³⁷⁸ Исламские богословы толкуют данный Аят так, что человек должен стремиться быть лучшим в работе, в труде, в занятиях и поступках. Стремясь к достижению этих целей, человек должен материализовывать свои мысли, размышления и слова в конкретные продуманные и перспективные дела, поступки, имея при этом высокую квалификацию и подходя ко всему ответственно.

кормила грудью, отлучив лишь через два года. Будь благодарен мне и своим родителям, ведь ко мне твое возвращение» (Сура 31 «Лукман», Аят 14);

- «Но, если они (родители. – прим. М.С.) будут стараться склонить тебя к поклонению неведомому помимо Аллаха, не слушай их и не повинуйся им. Делай им доброе в мирской жизни, но следуй путем мне поклоняющегося» (Сура 31 «Лукман», Аят 15);

- «Будьте добры к родителям вашим, когда один из них или оба достигнут старости, не говорите им «Тьфу», не кричите на них, и пусть будет достойным слово и обращение» (Сура 17 «Аль-Исра», Аят 23);

- «Склонись пред ними в смирении от нежности и молись: «О Господь мой! Даруй им Свою милость, ведь и они воспитывали меня, когда я был слабым ребёнком» (Сура 17 «Аль-Исра», Аят 24);

- «Они вопрошают, как им следует творить милостыню. Ответь: «Пусть ваша щедрость будет обращена к родителям, родным, сиротам, нуждающимся и странникам в трудной дороге» (Сура 2 «Аль-Бакара», Аят 215).

Но есть и другие заповеди. Прежде всего, следует упомянуть Суру 2 «Аль-Бакара» и ее Аяты 83 и 84, где отчетливо видна отсылка к декалогу Моисея:

- «И воззрите, как взяли Мы завет с сынов Исраиля: «Не поклоняйтесь никому, кроме Аллаха; творите добро родителям, родным, сиротам и страждущим; обращайтесь к людям с благом; совершайте молитву и приносите очистительную милостыню». Но отвернулись вы, оставив завет, — кроме немногих, — и предали забвению» (2:83);

- «И вспомните, как взяли Мы с вас завет: не проливать крови вашей и не изгонять друг друга из жилищ. И вы дали клятву, и вы стали свидетелями тому» (2:84).

Кроме того, нормы права:

- «Кто убьет живую душу не в ответ на убийство или смуту на Земле, тот словно убил всех людей разом. А кто оживил душу, отказавшись от убийства, тот словно оживил всех людей разом» (Сура 5 «Аль-Маида, Аят 32»);
- «А кто убил верующего преднамеренно, то воздаяние ему – геенна огненная, и вечным будет там пребывание» (Сура 4 «Ан-Ниса», Аят 93);
- «Руку вора и воровки отсекайте за их деяние. Это — удержание от Аллаха, ибо Аллах — Всемогуш, Премудр» (Сура 5 Аль-Маида, Аят 38).

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сделать следующий общий вывод. В целом, не обращая внимания на уникальные особенности разных народов и уникальные особенности отдельных периодов развития, человечество на своем пути к современному пониманию и состоянию современного этапа социальной солидарности в плане сочетания в нем социального и коллективного прошло несколько крупных этапов.

Первый из них – первобытно-общинный и раннерабовладельческий (раннефеодальный) – характеризуется тем, что в это время индивид (отдельная личность) не воспринимал себя и не воспринимался окружающими людьми как самостоятельный индивид, осуществляющий свою деятельность независимо от коллектива. Он был неотъемлемой составной частью семьи, рода, племени, союза племен и т.д.

Более того, подобное сочетание индивидуального и коллективного начал в социальных отношениях между людьми накладывало свой отпечаток на способы социального регулирования и на особенности источников социальных норм. Подавляющее их большинство складывалось самими людьми в ходе общения и поддерживалось их общими усилиями, что свидетельствовало о самостоятельности родственно-семейных социальных структур и о слабой роли государства в первый период его существования, а также о неразвитости его институтов. Поэтому источники права, как бы они ни назывались (судебниками, сводами законов и т.п.), в основном содержали собрание правовых и других

обычаев и прецедентов. Значительная часть содержащихся в них социальных норм являлась нормами религии и нормами нравственности.

В зависимости от существа религиозных верований данного этапа представляется возможным дифференцировать его на два периода. *Период политеизма, многобожия* (языческих верований) и период появления единобожия. *Многобожие* (от греч. Πολύς – многочисленный, много + греч. Θεός – Бог, божество – политеизм) – система верований, основанных на вере в нескольких богов (богинь), которых обычно собирают в пантеон, в котором выделяют главного «бога» (главных «богов»)³⁷⁹.

Второй период – единобожия (монотеизма) – начинается где-то с VI в. до н. э., т.е. после возвращения евреев из Вавилонского пленения. *Единобожие* (монотеизм) – религия, признающая творцом мира только одного Бога.

Важной особенностью второго, монотеистического периода является то, что иудаизм со временем послужил основой для возникновения христианства и ислама. Традиционно считается, что монотеизм первичен и изначально был преобладающей формой почитания Высшей силы, а все другие культы образовались позже, в результате деградации идеи единобожия. Более того, монотеизм является основой современного понимания социальной солидарности и социального государства во многих современных государствах западного мира и России.

Второй этап развития социальных отношений человечества – секулярный. Начинается с так называемых буржуазных революций, когда право, как мы уже отмечали, отделилось от религии и нравственности и получило возможность детально регламентировать правовой статус отдельного индивида, выделяя его из общества и государства. Одной из характерных его отличительных особенностей является падение уровня нравственности.

Третий, современный этап эволюции общества и государства обнаруживает внешнюю схожесть с первым этапом, для которого были

³⁷⁹ По мере распространения христианства в Средиземноморье и в Европе данный термин был заменен термином «язычество».

характерны коллективистские отношения, основанные на религиозно-нравственных началах. Однако это сходство является поверхностным, поскольку в архаичный период религиозные системы носили языческий (политеистический) характер, а социальные структуры отличались примитивной организацией, находясь в стадии генезиса. Современное же состояние представляет собой качественно иную, сложно дифференцированную систему, что позволяет говорить лишь о социоморфном, а не сущностном подобии этих исторических фаз. Во второй период существования данного этапа была только одна религия – монотеистическая у древних иудеев.

Современный же этап характеризуется тем, что большинство народов исповедуют монотеистические религии и отличаются высоким уровнем развития общества и государства, в котором отдельные самостоятельные индивиды добровольно объединяются в различные общественные организации, объединения, движения, образуя тем самым соответствующие институты гражданского общества, взаимодействующие друг с другом, индивидами и с институтами публичной власти. Кроме того, наблюдается некоторое возрождение религиозности в социальных отношениях. Еще одной важной особенностью данного периода, как показано в работе, является участие в правовом регулировании отношений социальной солидарности норм международного права и различных международных институтов (международных организаций и их органов).

2.4. Экономические, социальные и культурные права и свободы человека и гражданина и социальное государство

Для социальных государств, в т.ч. России, характерна устойчивая двусторонняя зависимость: реализация социально-экономического статуса личности возможна лишь при эффективной работе властных механизмов, а легитимность последних, в свою очередь, во многом определяется их

способностью гарантировать эти права. Данная взаимосвязь охватывает взаимодействие всех субъектов публичной власти, структур гражданского общества и отдельных граждан. Принципы конституционного строя и каталог прав человека, закрепленные в первых двух главах Конституции РФ, представляют собой нормативное выражение базовых ценностей, формирующих аксиологическое ядро культурно-генетического кода нации. Данные принципы обладают всеохватывающим характером, поскольку задают нормативно-ценностные ориентиры для всех ключевых сфер общественной жизни: социальной, экономической, политической и духовно-культурной³⁸⁰.

В случаях отсутствия указанной системной взаимосвязи неизбежно формируются соответствующие деструктивные явления. Как обоснованно подчеркивается в научной литературе, современная конституционная практика в глобальном масштабе эмпирически подтверждает, что внутренние кризисы государств в большинстве случаев детерминированы проблемами в сфере социальной справедливости. Массовые социальные протесты, а нередко и последующие легитимные или насильственные смены политических режимов, имеют в своей основе экономические причины, которые актуализируют требование социальной справедливости как центральный общественный запрос³⁸¹.

Мы разделяем точку зрения Б.С. Эбзеева о том, что конституционно-правовое регулирование социальной системы в основном сводится к провозглашению принципа социального государства и нормативному закреплению перечня социально-экономических и культурных прав. По сути, конституция закрепляет модель баланса и взаимодействия индивидуальных и коллективных начал, принципы взаимной ответственности личности и общества, а также создает правовые условия для развития социальной и интернациональной природы общества в русле объективных закономерностей исторического прогресса, а не под влиянием субъективных идеологических конструкций.

³⁸⁰ Эбзеев Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 10.

³⁸¹ См.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. С. 28.

Ключевая задача, таким образом, заключается в трансформации принципа справедливости из теоретико-нормативной категории в эффективно работающий институт социальной и правовой практики³⁸².

Надо сказать, что до недавнего времени, и в особенности до конституционных поправок 2020 г., в отечественном законодательстве подобная взаимосвязь была урегулирована недостаточно. Например, Д.С. Велиева отмечает, что в 2021 г. «Росстат впервые определил границу бедности. Согласно утвержденной Правительством России методике³⁸³, установление черты бедности осуществляется через процедуру индексирования. Итоговые пороговые значения выводятся как результат умножения базовых нормативов на коэффициент роста потребительских цен, рассчитанный цепным методом за отчётный период (квартал или год) по отношению к уровню цен IV квартала 2020 года, принятому за базовый.

Указанная задержка на начальном этапе не находит убедительного объяснения. Как верно отмечает Б.С. Эбзеев, именно активная нормотворческая работа Комиссии по подготовке проекта Конституции РФ в 1993 году стала ключевым условием, позволившим Конституционному совещанию реализовать свою главную задачу. В результате был оперативно подготовлен проект Основного Закона, представляющий собой нормативно-ценностный синтез социокультурного опыта российского народа и достижений европейской, а также общемировой конституционной традиции. В рамках данного этапа получила оформление идея о том, что конституционный строй России покоится на всеобъемлющей системе принципов, задающих правовые рамки для основных сфер общественного бытия: социальной, экономической, политической и духовно-культурной³⁸⁴.

³⁸² Эбзеев Б. С. Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019. № 7. С. 67.

³⁸³

См.

подробнее:

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401369/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

³⁸⁴ Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма : очерки. – М. : Проспект, 2024. С. 8.

В то же время вопреки указанным конституционным принципам почти три десятилетия спустя имеется констатация неприглядного факта, в соответствии с которым, исходя из новой черты бедности, численность населения с доходами ниже этой границы в третьем квартале 2021 г. составила 16 млн чел., или 11% (статистический уровень бедности), а граница бедности за третий квартал рассчитана на отметке 11 970 руб. для всего населения. Для сравнения: граница бедности для всего населения за третий квартал 2024 г. рассчитана на отметке 15 679 руб.³⁸⁵

Доля россиян, живущих за чертой бедности, составила 12,1% (17,7 млн человек), еще в январе–марте 2021 г. этот показатель был равен 14,3%, ниже прожиточного минимума доходы были у 21,1 млн человек³⁸⁶.

По этой причине анализ социальных отношений в конституционно-правовой доктрине длительное время носил фрагментарный характер, а взаимосвязь между системой социально-экономических прав и реальным функционированием российского государства не получила комплексного изучения.

Подавляющее большинство современных исследований в данной области посвящены либо исключительно институту социально-экономических прав³⁸⁷, либо исключительно концепции и признакам социального государства³⁸⁸. В научном дискурсе практически отсутствуют работы, предметом которых является системная корреляция между обеспечением социально-экономических прав человека и механизмами функционирования социального государства.

Существующие публикации, как правило, исследуют либо природу и признаки социального государства, либо отдельно взятый каталог социально-

³⁸⁵ URL: <https://gogov.ru/articles/standard-of-living/poverty-line> (дата обращения: 10.01.2025 г.)

³⁸⁶ Подробнее см.: *Велиева Д.С.* Взаимодействие органов публичной власти и институтов гражданского общества в решении социальных задач: проблемный аспект // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. ст. / Саратов, 2022. Вып. 21. С. 35–43.

³⁸⁷ Например: *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник. 10-е изд., изм. и доп. С. 160; *Гаджиев Г.А.* Конституционные принципы рыночной экономики. М.: Юрист, 2002. С. 170; *Саурин А.А.* Право частной собственности: конституционные характеристики // URL:// <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-chastnoy-sobstvennosti-konstitutsionnye-harakteristiki/viewer>

³⁸⁸ Например: *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России: Учебник. 5-е изд., С. 70; *Конституционное право России: Учебник / Под науч. ред. Б.С. Эбзеева.* 10-е изд., С. 102–103.

экономических прав, которые это государство призвано гарантировать, оставляя без внимания вопросы их взаимного влияния и совместной реализации. Подобный подход создает иллюзию их самостоятельного и независимого существования. Но самое главное – не показывает их взаимосвязь и тем более не раскрывает механизма диалектических взаимосвязей и взаимодействия между ними и динамику развития подобных отношений.

Показанная тематика публикаций не только обедняет представление о роли указанного блока прав и свобод человека и гражданина, не показывает особенностей их связей и взаимодействия с государством и его органами власти и влияния на них институтов гражданского общества, но и не способствует развитию законодательства о функциях социального государства.

Оптимальным вариантом научных исследований в данной сфере был бы комплексный анализ, в основе которого было бы взаимодействие социально-экономических прав человека и гражданина с компетенцией тех публичных институтов, которые функционируют в данной сфере.

Как верно подчёркивает Д.А. Пашенцев, между частным правом и государственной политикой существует сложная двусторонняя связь. Он полагает, что частное право не сводится к пассивному продукту государственного регулирования, а, напротив, обладает собственной первоосновой и функциональной автономией, предопределяя во многом развитие публично-правовых институтов. Будучи нормативной формой выражения и легитимации отношений собственности, оно оказывает существенное детерминирующее воздействие на государство и проводимую им политику. Это воздействие проявляется в том, что экономические реалии, опосредованные частным правом, формируют запрос на имплементацию новых правовых норм, направленных на углубление демократических начал в экономической сфере. Таким образом, частное право выполняет медиационную функцию в отношениях между

государством и гражданским обществом, выступая эффективным инструментом разрешения (снятия) возникающих между ними противоречий³⁸⁹.

В связи с изложенным, целью настоящего диссертационного исследования является проведение системного анализа социально-экономических прав и свобод человека и гражданина в их неразрывной связи и взаимной детерминации с деятельностью публично-властных институтов социального государства.

Учитывая, что права и свободы, включая социально-экономические, представляют собой целостную систему, они образуют методологическую основу для их научной классификации по различным критериям на отдельные виды и группы. В параграфе 2.3 «Индивидуальные и коллективные начала социального государства» главы 2 настоящей работы мы уже рассматривали соотношение указанных понятий применительно к государству. В качестве своеобразного продолжения рассмотрим их классификацию применительно к другим правам и свободам. Авторы разных публикаций по-разному обозначают данное основание для классификации.

В качестве одного из критериев систематизации конституционных прав в научной литературе (например, в работах под редакцией профессора В.В. Невинского) выступает количество субъектов, реализующих соответствующее право. На основе этого критерия выделяются две основные категории: индивидуальные права, осуществляемые персонально (к ним относят личные, часть политических, а также некоторые экономические и социальные права); а также права, носящие коллективный характер, – это права, материализация которых требует консолидированных усилий группы лиц. В эту классификационную группу входят в основном экономические и социальные права, а также отдельные виды политических прав³⁹⁰.

Хотя И.А. Алебастрова и А.М. Осавелюк используют в качестве классификационного критерия способ реализации прав и свобод, их подходы к

³⁸⁹ Пашенцев Д.А. Влияние частного права на развитие институтов гражданского общества // Правовая инициатива. 2014. № 3. С.11.

³⁹⁰ См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник / под. ред. В.В. Невинского. М.: Норма – Инфра-М, 2022. С. 91.

определению содержания соответствующих категорий имеют значимые содержательные отличия.

Позиция И.А. Алебастровой предполагает деление на коллективные и индивидуальные права. Коллективные права определяются ею как такие, реализация которых возможна исключительно совместными действиями группы лиц (например, право на забастовку). Индивидуальные права, напротив, могут осуществляться как отдельным человеком автономно, так и совместно с другими. Важным уточнением её позиции является тезис о том, что в системе прав и обязанностей доминирующим является именно индивидуальный характер³⁹¹.

Позиция А.М. Осавелюка, также выделяющего коллективные и индивидуальные права, в определении последних делает акцент на их универсальной возможности реализации. Коллективные права, по его мнению, осуществимы только группой субъектов. Индивидуальные же права характеризуются вариативностью субъектного состава: они могут быть реализованы как в рамках коллектива, так и персонально, в единоличном качестве³⁹².

Коллектив авторов под научной редакцией профессора В.В. Невинского в качестве ключевого основания для систематизации прав и свобод использует их предметную область или нормативно-ценностную специфику. Согласно этому подходу, права условно дифференцируются в зависимости от сферы жизнедеятельности человека, которую они регулируют и в которой реализуются. На основе данного критерия выделяются следующие группы: личные (гражданские), политические, экономические, социальные и культурные права и свободы³⁹³.

Аналогичный по духу, но более консолидированный подход демонстрируют Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин. Они также считают, что классификация должна отражать аксиологическую специфику самих прав и свобод, а также учитывать

³⁹¹ Алебастрова И.А. и др. Конституционное право зарубежных стран. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 41.

³⁹² Осавелюк А.М. Конституционное право зарубежных стран. СПб.: Лань, 2019. С. 65.

³⁹³ Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. под. ред. В.В. Невинского. С. 91.

особенности регулируемых ими общественных отношений. Именно такой подход обусловил формирование в конституционно-правовой науке трёхзвенной классификации, выделяющей личные, политические и социально-экономические права³⁹⁴.

Несмотря на то что И.А. Алебастрова предлагает развернутую, традиционную для конституционно-правовой доктрины классификацию прав и свобод по сферам общественных отношений (личные, политические, экономические, социальные, культурные), её концептуальный подход не находится в прямой корреляции с теорией социального государства.

В рамках её системы личные права и свободы определяются как правомочия индивида в сфере частной жизни, гарантирующие его суверенитет и автономию от общества и государства. Среди них выделяются следующие фундаментальные права: право на жизнь, достоинство, неприкосновенность личную, частной жизни и жилища, свобода передвижения, совести, мысли и слова. Функциональное назначение этой группы прав видится в установлении законодательных границ для любого внешнего вмешательства, включая вмешательство публичной власти, в личную сферу человека. Таким образом, акцент делается на защитной (негативной) функции права, что лишь частично пересекается с позитивной деятельностью социального государства, нацеленной на активное обеспечение условий для достойной жизни³⁹⁵.

Наиболее методологически полной и концептуально близкой к нашей исследовательской позиции представляется классификация прав и свобод, предлагаемая А.М. Осавелюком. Его подход, основанный на критерии сферы (области) реализации правового статуса, позволяет дифференцировать права и свободы, характерные как для государства вообще, так и для социального государства в частности. Базовой моделью в этой системе является выделение

³⁹⁴ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. С. 114.

³⁹⁵ Алебастрова И.А. и др. Конституционное право зарубежных стран. С. 41.

пяти категорий: личные (гражданские), политические, экономические, социальные и культурные права.

При этом исследователь отмечает возможную вариативность классификационных оснований и, соответственно, иных группировок. В качестве примера приводится объединённая типология, включающая личные, политические, социально-экономические и социально-культурные права. Подобная укрупнённая классификация рассматривается как более релевантная для социальных правовых государств, чьи конституции возлагают на публичную власть широкий круг позитивных обязанностей в социальной сфере³⁹⁶.

Важно отметить, что Конституция России, провозглашая идею социального государства, не ограничивается одним только провозглашением функции сдерживания государства и гарантиями от популизма публичной власти на гражданские и политические права. Документ закрепил базовый комплекс социальных, экономических и культурных прав. Российское конституционное правосудие в ходе своей деятельности выработало оригинальный подход к обеспечению их материального содержания. Согласно аргументированной позиции В.Д. Зорькина, этот подход основан на неуклонной защите социально-экономических прав, которая трактуется не как государственная благотворительность, продиктованная политической конъюнктурой или моральными соображениями, а как реализация социальным государством своей прямой обязанности. Следовательно, суть проблемы заключается в поиске сбалансированной модели, которая позволяла бы гармонично интегрировать ценности либеральной экономики и принципы социальной демократии в единую правовую систему социального государства³⁹⁷.

Закрепление модели социального государства в тексте конституций – относительно новый этап в конституционализме. Знаковым прецедентом стало включение в ст. 20 германского Основного Закона 1949 года положения о

³⁹⁶ *Осавелюк А. М.* Конституционное право зарубежных стран. С. 65.

³⁹⁷ *Зорькин В. Д.* Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 28; *Он же.* Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 208.

провозглашении себя демократическим, социальным и федеративным государством³⁹⁸.

За непродолжительный исторический период не сформировалось ни унифицированной модели конституционного закрепления данного принципа, ни целостной общепризнанной научной доктрины. Это наглядно демонстрирует сравнительный анализ: если Основной Закон ФРГ использует лапидарное определение, то ст. 7 российской Конституции закрепляет развёрнутую формулировку, указывая также основные направления и цели социального государства³⁹⁹.

Подобный концептуальный плюрализм характерен и для отечественной науки конституционного права. В научном дискурсе можно выделить несколько подходов:

- Отождествление понятий «социальное государство» и «социальный характер государства» как системно-функциональной характеристики⁴⁰⁰.
- Сведение его сущности к конституированию самостоятельной социальной функции государства⁴⁰¹.
- Определение через комплекс обязанностей по обеспечению справедливого распределения благ, социальной защиты уязвимых групп и гарантирования определённого уровня жизни⁴⁰².

В упрощённом виде эти концепции репрезентируют модель патерналистского государства-благодетеля, ориентированного на обеспечение минимальных стандартов жизни. Из анализа следует, что социальное государство не является синонимом демократического режима и может существовать в различных политических формах, включая авторитарные, что особенно типично для социалистических моделей.

³⁹⁸ URL://<http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/BRD.HTM> (дата обращения: 25.02.2024).

³⁹⁹ URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/6e9322b9a111e965ab5650f7f01bf0039d6a29c6/

⁴⁰⁰ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. С. 157.

⁴⁰¹ Невинский В.В. Указ. соч. С. 15–16.

⁴⁰² Старшова У.А. Указ. соч. С. 7–8.

Критический аспект такой патерналистской интерпретации заключается в её потенциально деструктивном социальном воздействии. Она может способствовать формированию иждивенческих установок и пассивной потребительской позиции у граждан, включая активные и трудоспособные слои населения. В результате между государством и обществом возникает система дисфункциональных взаимных ожиданий: государство воспринимается как безличный источник благ, а граждане – как пассивные реципиенты, что ведёт к взаимному отчуждению и подрывает основы солидарности.

Сравнительно-правовой анализ законодательства о социальной защите России и ряда зарубежных государств позволяет выявить дополнительные системные проблемы. Исследования показывают, что недостаточная реализация социально-экономических прав в российском обществе в большей степени обусловлена объективным фактором уровня социально-экономического развития, нежели субъективным фактором общественного признания необходимости бюджетного перераспределения ресурсов в пользу социально уязвимых групп⁴⁰³.

В отечественной конституционно-правовой доктрине также отсутствует единое понимание содержания социально-экономических прав. Некоторые научные позиции, косвенно, способствуют углублению упомянутого выше взаимного отчуждения. К таковым можно отнести точку зрения, возлагающую на социальное государство обязанность гарантировать всеобщую занятость и предоставление рабочих мест для всех, что не учитывает ограниченность ресурсов и рыночную природу современной экономики⁴⁰⁴.

⁴⁰³ Астафичев П.А. Свобода экономической деятельности и право на достойный жизненный уровень в конституционном праве России // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / М.: ЛУМ, 2019. С. 70–71; См. также: Тенденции развития правового механизма реализации социально-экономических прав человека (к 60-летию принятия Европейской социальной хартии): материалы МНПК 29.10.21. М.: Изд-во МосГУ, 2021; Человек в экономико-правовом и политическом пространстве: сб. статей по мат-лам XXIII регион. научно-практ. конф., посвященной 100-летию со дня образования Академии труда и социальных отношений / Алтайский институт труда и права (филиал) Академии труда и социальных отношений ; редакционная коллегия : Малаханов А. Н. [и др.]. - Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2019.

⁴⁰⁴ См., например: *Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов* / Под ред. М.В. Баглая, д.ю.н. М.: Норма, 2004. С. 89–90.

Более продуктивным представляется подход, выделяющий два полярных видения социально-экономических прав в контексте имплементации международных стандартов:

1) Скептический (формальный) взгляд, согласно которому признание многими странами международных договоров в социальной сфере является вынужденной мерой, не отражающей реальных намерений, что приводит к их фиктивной реализации.

2) Интеграционный (эффективный) взгляд, настаивающий на необходимости инкорпорации положений международных стандартов в национальную правовую систему и создания механизмов их защиты на национальном и международном уровне⁴⁰⁵.

Второй, интеграционный подход, оценивается как более жизнеспособный и социально востребованный. Инкорпорация международных стандартов в область прав человека обогащает национальное законодательство и правоприменительную практику. Более того, она создаёт дополнительные правовые инструменты и возможности для активных граждан, позволяя им реализовывать и развивать свои потребности и способности в экономической и социальной сферах в рамках всей структуры общественных связей, что способствует как обеспечению защищённости, так и раскрытию потенциала через активные действия.

Уже рассмотренный нами в предыдущих параграфах Пакт ЭСКП закрепляет фундаментальные обязательства стран-участниц в сфере отношений труда. Статья 6 инкорпорирует право на труд, понимаемое как право каждого индивида на возможность зарабатывать средства к существованию посредством свободно избранной или принятой трудовой деятельности. Для обеспечения этого права на государства возлагается обязанность принимать адекватные меры, включая разработку и реализацию программ профессионально-технического обучения, а также проведение политики, направленной на достижение устойчивого

⁴⁰⁵ Трусев Н.А., Цветков В.В. Указ. соч. С. 37.

социально-экономического и культурного развития и полной занятости при сохранении ключевых политических и экономических свобод. Седьмая статья детализирует это, провозглашая всеобщее право на справедливые и благоприятные условия осуществления труда⁴⁰⁶.

Статья 11 Пакта определяет право на достаточный жизненный уровень как комплексное понятие, охватывающее базовые материальные потребности (питание, одежда, жилище) и динамический компонент — право на постоянное повышение качества жизни. Реализация данного права возлагает на государства обязанность предпринимать соответствующие шаги, включая меры в рамках международного взаимодействия. Особо выделяется основное право на свободу от голода. Для его обеспечения государства должны предпринимать необходимые меры на внутри- и межгосударственном уровнях, в частности:

а) Совершенствовать методы производства, хранения и распределения продовольствия с использованием технико-научных знаний и реформы аграрных систем для оптимального использования ресурсов;

б) Обеспечивать справедливое распределение мировых продовольственных запасов с учётом потребностей и проблем как импортирующих, так и экспортирующих стран⁴⁰⁷.

В восьмой статье Пакта закреплены нормативные обязательства стран-участниц, имеющие своей целью развитие социального партнерства через гарантии свободы профессиональных ассоциаций. Согласно её положениям, государства обязуются обеспечить:

а) Право каждого лица на создание профессиональных союзов для защиты своих экономических и социальных интересов и свободное вступление в них при условии соблюдения уставных требований соответствующей организации. Осуществление данного права может быть ограничено лишь в пределах, необходимых в демократическом обществе для обеспечения государственной

⁴⁰⁶ URL:<https://www.coe.int/ru/web/compass/international-covenant-on-economic-social-and-cultural-rights>

⁴⁰⁷ Там же.

безопасности, общественного порядка или защиты прав и свобод третьих лиц, и только на основании закона.

b) Право профессиональных союзов на формирование национальных объединений (федераций, конфедераций), а также право таких объединений учреждать межнациональные профессиональные организации или становиться их участником.

c) Неприкосновенность деятельности профессиональных союзов, которая может быть ограничена лишь в пределах, необходимых в демократическом обществе для охраны государственной безопасности, общественного порядка, прав и свобод других лиц, и только на основании закона.

d) Право на забастовку, реализуемое исключительно согласно внутригосударственному законодательству.

Пункт 2 указанной статьи предусматривает возможность установления законных ограничений в реализации перечисленных прав для военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и государственной администрации.

Пункт 3 содержит оговорку о приоритете международных трудовых стандартов, устанавливая, что ничто в данной статье не может быть использовано в качестве основы для принятия или применения национальных законодательных актов, которые наносили бы ущерб гарантиям, закреплённым в Конвенции МОТ № 87 (1948 г.) о свободе объединений и защите права на организацию⁴⁰⁸.

Важную роль в развитии полномочий публичной власти на местном уровне сыграла Европейская хартия местного самоуправления 1985 г., которая направлена на единообразное регулирование органами местного самоуправления государств–участников, ратифицировавших Хартию, социально-экономических отношений населения, проживающего на территории соответствующих муниципальных образований.

⁴⁰⁸ Международная защита экономических, социальных и культурных прав человека = International protection of economic, social and cultural rights : International protection of economic, social and cultural rights : учебное пособие / А. Х. Абашидзе, Е. С. Алисиевич, А. А. Амирова [и др.] ; под редакцией профессора А. Х. Абашидзе. – М.: Российский университет дружбы народов, 2020.

В соответствии с принципом субсидиарности, закрепленным в статье 4 Европейской хартии местного самоуправления, осуществление публичных полномочий должно, как правило, возлагаться на органы власти, максимально приближенные к гражданину. Делегирование полномочий иному уровню власти допустимо лишь при условии обоснования с точки зрения масштаба и специфики задачи, а также требований эффективности и экономии ресурсов. При этом передаваемые органам местного самоуправления полномочия должны носить, по общему правилу, исчерпывающий (полный) и исключительный характер⁴⁰⁹.

Для повышения эффективности решения вопросов местного значения и оптимального удовлетворения социально-экономических интересов населения Хартия гарантирует право органов местного самоуправления на кооперацию и солидарные действия. Согласно статье 10 Хартии, в целях выполнения задач, представляющих общий интерес, они вправе сотрудничать и в установленных законом пределах создавать объединения как с другими муниципальными образованиями внутри страны, так и с соответствующими публично-правовыми образованиями других государств-участников.

Таким образом, в современном социальном государстве признается право органов местного самоуправления на создание ассоциаций для защиты и продвижения общих интересов по собственной инициативе, а также на добровольное членство в национальных и международных объединениях, осуществляющих взаимодействие в данной сфере. Законодательство может устанавливать условия, на которых допускается такое трансграничное сотрудничество⁴¹⁰.

В целях обеспечения эффективности совместной деятельности и реализации солидарности органов местного самоуправления при решении социально-экономических задач, а также для стимулирования общественной активности населения, статья 9 Хартии закрепляет основы их финансовой автономии. В силу данной нормы органы МСУ в рамках национальной экономической политики

⁴⁰⁹ URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540485/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/>

⁴¹⁰ Там же. (дата обращения: 25.02.2024).

обладают правом на получение достаточных собственных финансовых ресурсов, которыми они вправе свободно распоряжаться при выполнении своих функций.

Объём этих финансовых средств должен находиться в прямой пропорции (быть соразмерным) объёму публичных полномочий, предоставленных данным органам конституцией или законом.

Важнейшим элементом финансовой самостоятельности выступает положение, устанавливающее, что как минимум часть доходов местных бюджетов должна формироваться за счёт местных сборов и налогов. Органы местного самоуправления наделяются правом в пределах, установленных законом, определять ставки по этим налоговым платежам.

Для обеспечения равенства возможностей муниципальных образований и защиты финансово более слабых из них Хартия предусматривает необходимость внедрения процедур финансового выравнивания или иных эквивалентных мер. Их цель — компенсировать диспропорции, возникающие из-за неравномерного распределения доходного потенциала и расходных обязательств между различными муниципалитетами. При этом такие процедуры и меры не должны приводить к ограничению свободы усмотрения органов МСУ в пределах их собственной компетенции⁴¹¹.

Синергетический эффект от реализации функций социального государства, институтов гражданского общества и индивидуальных потребностей значительно возрастает при условии их кооперации и объединения ресурсов. Конституционная реформа 2020 года задаёт программный ориентир для масштабного обновления законодательства, направленного на формирование основ солидарного взаимодействия в сфере социально-экономических отношений. Эта модель предполагает активное взаимодействие и разделение ответственности между государством (в лице органов публичной власти всех уровней), структурами гражданского общества и непосредственно заинтересованными гражданами. Целью такой трансформации является переход от патерналистской парадигмы,

⁴¹¹ URL://<https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540485/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/>

где государство выступает преимущественно как распределитель благ, а гражданин — как пассивный реципиент, к партнерской модели, основанной на взаимной ответственности и совместной деятельности.

Комплексный анализ содержания, юридической природы и места социально-культурных прав в системе прав человека не может быть полным без учета правовых позиций КС РФ. Суд внёс существенный вклад в доктринальное наполнение и нормативную конкретизацию принципов социального государства, активно развивая концепцию трипартистского социального партнерства по формуле «государство — общество — человек». Его решения играют ключевую роль в формировании новой, солидарной модели социальных отношений.

Своими постановлениями КС РФ не только значительно обогатил и разнообразил содержание социально-культурных прав и свобод человека, но и определил его отличительные особенности для разных категорий носителей и пользователей указанного вида прав и свобод в разных сферах их реализации.

Судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации, включая решения по конкретным делам (например, № 243-О от 13.02.2024 г. о целевом обучении⁴¹², № 45-П от 22.09.2023 г. о градостроительном регулировании⁴¹³, № 32-П от 15.06.2023 г. о трудовых гарантиях⁴¹⁴), содержит сформулированные правовые позиции, в которых детализируется содержание и механизмы реализации социально-культурных прав и свобод для различных категорий граждан в специфических сферах их жизнедеятельности.

Кроме того, в своей многолетней практике Конституционный Суд РФ не ограничился лишь конкретизацией содержания социально-культурных прав применительно к отдельным субъектам и областям их реализации. Через прецедентное толкование Конституции Суд осуществил доктринальную подготовку и нормативное обоснование будущих конституционных изменений,

⁴¹² <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408555173/>

⁴¹³ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458120/

⁴¹⁴ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449849/

существенно предвосхитив и заложив правовые основы для конституционных новелл 2020 года.

Более того, своими многочисленными правовыми позициями, сформулированными в соответствующих постановлениях, Конституционный Суд Российской Федерации обосновал необходимость комплексного конституционно-правового регулирования, а также указал, что законодатель должен не только регулировать текущие, сиюминутно возникающие проблемы, а работать на перспективу.

Таким образом, законодательное регулирование призвано обеспечивать социальную солидарность различных слоев и групп населения путём установления баланса между конституционными правами и свободами. Посредством справедливого согласования прав и законных интересов субъектов социально-экономических отношений и их гармонизации должно развиваться нормативное содержание принципа Российской Федерации как социального правового государства, нашедшего отражение в первой главе Основного Закона. Данные правовые позиции Суда, как мы уже указывали выше, были имплементированы в конституционное поле в 2020 году посредством либо введения новых норм, либо модификации уже действующих конституционных положений.

Яркой иллюстрацией могут служить следующие постановления КС РФ:

- № 3-П от 24 января 2002 г. (по вопросам трудового законодательства и прав профсоюзов)⁴¹⁵;
- № 3-П от 15 марта 2005 г. (о нормах Трудового кодекса и закона об АО)⁴¹⁶;
- № 35-П от 14 июля 2020 г. (о сроках обращения в суд по трудовым спорам)⁴¹⁷.

Суд в данных решениях выработал доктринальную позицию, устанавливающую обязанность для федерального законодателя дол

⁴¹⁵ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35210/ (дата обращения: 25.02.2024).

⁴¹⁶ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52349/ (дата обращения: 25.02.2024).

⁴¹⁷ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357300/ (дата обращения: 25.02.2024).

гарантировать равновесие конституционных прав и гармонизацию интересов участников общественно-экономических отношений. Эта обязанность вытекает из самой природы России как социального правового государства и направлена на реализацию принципа социальной солидарности.

Согласно данным, указанным на официальном сайте КС РФ, за весь период своего существования по 20 ноября 2025 года, Судом по существу было рассмотрено 266 дел, посвященных различным аспектам защиты социально-культурных прав индивида. В том числе вынес по ним 113 постановлений⁴¹⁸.

Более подробно постановления Конституционный Суд Российской Федерации представлены в Приложении № 2 к диссертационному исследованию. В нем собраны и проанализированы постановления, вынесенные Конституционным Судом РФ в период с 1 января 2021 года по 20 ноября 2025 года – всего 41 постановлений.

Если сравнивать показатели официального сайта Конституционного Суда, который зафиксировал дела, рассмотренные Конституционным Судом Российской Федерации за весь период деятельности Суда (по ноябрь 2025 года) – 6791 дело, включая 833 постановления по спорам, связанным с отношениями частной собственности со спорами, а также дела, рассмотренные Конституционным Судом за аналогичный период, связанные с социально-культурными правами человека и гражданина (266 и 113 соответственно), то сначала может показаться, что Конституционный Суд последней категории дел уделял очень и очень мало внимания.

Действительно, если рассматривать только абстрактные цифры, вывод может показаться правильным: по общему показателю – 6791 дело по спорам, связанным с отношениями частной собственности со спорами, рассмотренными Конституционным Судом, связанными с социально-культурными правами человека и гражданина – 266 дел по первой категории дел Суд рассматривал в 25,5 раз больше.

⁴¹⁸ <https://www.ksrf.ru/Decision/> (дата обращения: 21.11.2025).

Если сравнивать принятые Конституционным Судом 833 постановления по спорам, связанным с отношениями частной собственности за аналогичный период со 113 постановлением по спорам по социально-культурными правами человека и гражданина, то постановлений по первой категории дел Суд выносил в 7,37 раз больше.

На самом деле это совсем не так. Поскольку помимо указанных абстрактных показателей общего количества дел и общего количества вынесенных решений есть и другие не менее важные количественные показатели.

Наиболее значимым с аналитической точки зрения представляется показатель, отражающий соотношение субъектного состава носителей различных категорий прав. Количественно круг правообладателей, наделенных правом частной собственности, на порядки (в десятки раз) превышает совокупность субъектов — носителей социально-культурных прав человека и гражданина. Эта диспропорция в масштабах правосубъектности является ключевым индикатором для оценки характера и направленности социальных отношений.

Поскольку частными собственниками могут быть как физические лица не только разного возраста, но и занятые в разных сферах общественной деятельности: в промышленности, сельском хозяйстве, науке, образовании. Так и юридические лица, осуществляющие свою деятельность в разных сферах.

Кроме того, на частоту обращения в Конституционный Суд существенно влияет и правовой статус собственности, которая, как мы уже указывали, выступает одной из составных частей отечественных основ конституционного строя, в которую входят принципы равенства и равной защиты всех форм собственности и другие. В связи с этим в Конституционный Суд обращаются не только по поводу нарушения права частной собственности конкретного субъекта, но и по вопросу соотношения указанного с соответствующими конституционными принципами и т.д.

В то же время носителями социально-культурных прав индивида зачастую выступают физические лица занятые в сфере науки, образования и культуры,

достигшие определенного возраста. Следовательно, здесь имеет место ограничение не только по субъекту, возрасту, но и по сфере деятельности.

О том, что Конституционный Суд РФ вопросам, связанным с социально-культурными правами человека и гражданина уделяет не меньше внимания, чем спорам, связанным с отношениями частной собственности, свидетельствует также удельный вес инициативы заявителей по применению при рассмотрении конституционно-правовых споров комплексного системного правоприменения. Мы уже отмечали, что (согласно показателям Приложения № 2) Конституционный Суд РФ за аналогичный период, отмеченный в Приложении № 1, рассмотрел 27 дел. При этом в 18 жалобах из 27, направленных в Конституционный Суд РФ, заявители настаивали на применении Конституционным Судом РФ комплексного системного правоприменения. То есть, удельный вес инициативы составляет около 67 %.

В рамках конституционного судопроизводства по делу, оформленному как постановление от 30 мая 2023 г. № 27-П, заявители – муниципальное образование «Городское поселение город Кодинск» и администрация Новосибирского района – инициировали процедуру проверки на соответствие Конституции Российской Федерации ряда нормативных предписаний. Предметом анализа выступили положения шести нормативных правовых актов, а именно:

- Ст. 33 ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации».
- П. 18 ч. 1, ч. 3 и 4 ст. 14, а также п. 14 ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
- Ст. 10 и 51 ФЗ «Об охране окружающей среды».
- П. 1 ст. 22 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».
- П. 2 ст. 9, п. 1 и 2 ст. 13 ФЗ «Об отходах производства и потребления».

- П. 16–18 утверждённых Правительством РФ Правил обращения с твёрдыми коммунальными отходами.⁴¹⁹

В рамках других дел, связанных с социально-культурными правами индивида, заявители, как показано в Приложении № 2, хотя и не так как по данному делу, но также настаивали на комплексном правоприменении. Так, в практике Конституционного Суда Российской Федерации примерами дел, инициированных посредством конституционных жалоб граждан на несоответствие норм трудового законодательства Основному закону, являются:

- Дело, оформленное Постановлением от 17 октября 2024 г. № 47-П⁴²⁰, возбужденное по жалобе гражданки О.И. Мицкевич. Предметом конституционного контроля в данном производстве выступали положения ст. 349 и ч. 2 ст. 392 ТК РФ, а также п. 2, 4 и 10 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы.

- Дело, завершившееся принятием Постановления от 27 июня 2023 г. № 35-П⁴²¹ по жалобе гражданина С.А. Иваниченко. В центре судебного рассмотрения находилась проверка на соответствие положениям Основного Закона ч. 1 ст. 152 ТК РФ и абз. 2 Постановления Правительства РФ «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время».

Тем не менее, как и в примере с рассмотрением споров по вопросам отношений частной собственности, инициатива Конституционного Суда также порождает важное конституционно-правовое последствие: при комплексном системном правоприменении достигается более полный и исчерпывающий (всесторонний) результат.

Таким образом, с учетом указанных и других обстоятельств, Конституционный Суд Российской Федерации оказывает значительное внимание спорам, связанным с обеими категориями дел. Особенно после включения в Основной Закон России в 2020 году поправок, расширяющих содержание и

⁴¹⁹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448265/

⁴²⁰ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_488302/

⁴²¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450508/

правовое регулирование России, как социального государства. Включая и положения о солидарном социальном партнерстве.

Оптимальное обеспечение социальной гармонии в системе экономических отношений достигается посредством трипартистской модели солидарного партнёрства, основанной на активном сотрудничестве и согласованном взаимодействии трёх ключевых субъектов: государства, институтов гражданского общества и индивида. Именно синергия их совместных усилий создаёт условия для баланса интересов и устойчивого развития.

Близкую позицию высказывают некоторые другие известные отечественные авторы. Например, Г.А. Гаджиев, П.А. Астафичев отмечают, что текущее законодательство и правоприменительная практика с течением времени восполнили указанные пробелы в конституционном регулировании, поэтому фактическую экономическую конституцию нашей страны составила взаимосвязанная совокупность положений нормативных правовых актов и правовых позиций КС РФ, детерминирующих экономические основы конституционного строя. Суд в своей правоприменительной деятельности не только многократно ссылаясь на соответствующие статьи Конституции РФ экономико-правового содержания, но и выработал ряд развернутых доктринальных позиций, касающихся конституционного содержания экономической системы страны⁴²².

Эволюция концепции социального государства в России, а вместе с тем и места в нём личности, её социально-экономических прав и свобод, находит отражение не только в доктринальных исследованиях и правовых позициях Конституционного Суда РФ, но и в конкретных трансформациях государственной социальной политики.

Показательным в этом отношении является выступление одного из руководителей Минтруда России А. Черкасова на 57-й сессии Комиссии

⁴²² См.: *Гаджиев Г.А.* Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2004. С. 12; *Астафичев П.А.* Свобода экономической деятельности и право на достойный жизненный уровень в конституционном праве России // Ежегодник конституционной экономики. 2019. С. 64–65.

социального развития ООН (2019 г.), в котором были отмечены позитивные результаты в сокращении доходного неравенства. Данный эффект во многом был достигнут благодаря последовательному повышению минимального размера оплаты труда до уровня прожиточного минимума трудоспособного населения, а также реализации комплекса из 12 национальных проектов, направленных на социально-экономическое развитие⁴²³.

Указанные практические меры создали существенные предпосылки для последующего конституционного реформирования. Их идеологическим и нормативным итогом стало, в частности, включение в 2020 году в Конституцию РФ положений, прямо закрепляющих принципы всеобщности, справедливости и солидарности в социальном обеспечении (обновленная ред. п. 6 ст. 75). Статья 75.1 зафиксировала ключевые цели социального государства: повышение уровня жизни граждан, укрепление доверия в отношениях «государство – общество», обеспечение сбалансированности прав и обязанностей личности, развитие социального партнёрства и всеобъемлющей солидарности в экономической, политической и социальной сферах⁴²⁴.

Одновременно следует признать, что значительный массив конституционно закреплённых экономических отношений требует последующей законодательной конкретизации. В связи с этим практическая реализация конституционных новаций, определяющих сущность социального государства, будет в решающей степени зависеть от вектора и характера последующего отраслевого нормотворчества.

Таким образом, с начала действия российской Конституции 1993 года в отечественной конституционно-правовой доктрине, непосредственно в тексте Основного закона, а также в текущем законодательстве произошла существенная эволюция, направленная на совершенствование модели российского социального

⁴²³ URL://<https://rosmintrud.ru/social/cooperation/219>

⁴²⁴ URL://https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/10/824662-konstitutsiya-polnii-tekst-popravkami?fbclid=IwAR1T-oGNhdJyCSrI84qR5iCJ83Zu1Os9LZPKRcTTrlwhdu1x_X_bPhfZAM

государства, уточнение его роли и места в жизни гражданского общества, отдельного индивида и гражданина.

Наблюдается последовательная трансформация от модели государства-патрона, выступающего преимущественным распределителем социальных благ и ресурсов, к модели государства-партнера, основанного на принципах кооперации с институтами гражданского общества. Фундаментом такой модели, как отмечалось ранее, является система солидарного социального партнерства, которая за счет привлечения ресурсов и потенциала структур гражданского общества значительно расширяет регулятивные и обеспечительные возможности самого государства.

Гражданское общество в целом, его институты и отдельные индивиды, вовлекаясь в процессы решения социально-экономических задач, приобретают личную заинтересованность в достижении конкретных результатов и принимают на себя соответствующую долю социальной ответственности. Социально-экономические права и свободы личности благодаря такому вовлечению обретают реальные, гарантированные механизмы для более полной и индивидуализированной реализации. Индивид, выступая одновременно и как участник экономических отношений, и как член различных общественных объединений, становится мотивированным и активным субъектом, заинтересованным в росте общественного благосостояния. В конечном счёте, именно индивиды, действуя в различных социальных ролях и статусах, обеспечивают связь между разными общественными институтами и наполняют модель социального государства конкретным, жизненным содержанием.

Культурные (социально-культурные) права и свободы. Социокультурные права занимают приоритетное положение в системе прав социального государства, выполняя интегративную функцию по отношению к экономическим и социальным правам. Их реализация не только синтезирует данные правовые категории, но и обуславливает их качественную трансформацию и содержательное обогащение. Как справедливо указывает Ю.С.

Кабанова, центральным элементом в данной системе выступает право на доступ к культурным ценностям, носящее базовый характер⁴²⁵.

Согласно аргументации Б.С. Эбзеева, эволюция правовой доктрины привела к признанию необходимости дополнения личных и политических прав социальными. Это возлагает на государство позитивные обязательства по активному вмешательству в социально-экономические и культурные процессы с целью гарантирования достойного уровня материального и духовного существования личности⁴²⁶.

Фундаментальной основой в данной сфере выступают конституционные принципы, закрепляющие свободу культурного, образовательного, научного и религиозного развития. Данная свобода реализуется в рамках дихотомии с обязанностью государства и общества обеспечивать сохранение и уважение к сложившимся духовным традициям и нравственным ориентирам⁴²⁷.

Не случайно, что исследование содержания, классификации и места социокультурных прав в общей системе прав человека является предметом научного интереса ведущих отечественных учёных в области конституционного права. К числу таких авторов, внёсших существенный вклад в разработку данной проблематики, относятся Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин, Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин, Д.С. Ивакина и другие⁴²⁸.

Нормативной основой культурных прав и свобод личности в России выступают положения Конституции 1993 года. Данные права получают закрепление в нескольких статьях основного закона.

Статья 43 гарантирует право на образование, включающее общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального

⁴²⁵ Кабанова Ю.С. Конституционное право человека и гражданина на доступ к культурным ценностям и его защита в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Омск, 2018. С. 4.

⁴²⁶ Эбзеев Б.С. Современный конституционализм как синтетическое единство естественного и позитивного права // Государство и право. 2015. № 12. С. 10.

⁴²⁷ Эбзеев Б.С. Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019. № 7. С. 62.

⁴²⁸ См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. 3-е изд. М., 2003. С. 278–288; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. 2-е изд. М., 2017; Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005; Ивакина Д.С. Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журн. рос. права. 2020. № 4. С. 28–41.

образования в государственных и муниципальных учреждениях. Высшее образование предоставляется на конкурсной основе и также является бесплатным в рамках таких учреждений. Законодатель устанавливает обязательность получения основного общего образования, возлагая соответствующую обязанность на родителей или законных представителей. Для унификации и обеспечения качества образовательного процесса Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, одновременно поощряя развитие альтернативных форм получения знаний и самообразования.

Статья 44 закрепляет свободу творчества и преподавания во всех сферах (литературной, художественной, научной, технической и др.), а также охрану интеллектуальной собственности. Кроме того, ею гарантируется право на участие в культурной жизни, доступ к культурным ценностям и пользование учреждениями культуры. Одновременно на граждан возлагается конституционная обязанность по сохранению исторического и культурного наследия и бережному отношению к соответствующим памятникам.

Дополнительным аспектом культурных прав, зафиксированным в части 3 статьи 68 Конституции, выступает право на пользование родным языком, его сохранение и изучение, создание условий для его развития.

В доктрине конституционного права распространена позиция, признающая комплексную природу культурных прав. Ученые констатируют их дуалистический статус: с одной стороны, они могут рассматриваться как самостоятельная категория, сопоставимая по значимости с социальными правами, с другой — в рамках более широкого объединения в единый блок социально-экономических и культурных прав. При таком интегративном подходе исследователи подчеркивают специфику содержания каждого из прав, входящих в этот блок. Для их систематизации часто используется обобщающая

классификация «социально-экономические права и свободы», объединяющая экономические, социальные и культурные права в одну группу⁴²⁹.

Б.С. Эбзеев предлагает дифференциацию социально-экономических прав по их материальному содержанию и функциональному назначению. Согласно его классификации, они подразделяются на:

а) трудовые права (включая свободу труда, право на отдых и материальное обеспечение в старости, по болезни и в иных установленных случаях), которые являются юридической формой реализации естественной обязанности и возможности трудиться;

б) социально-культурные права, к которым относятся право на образование, жилище, доступ к культурным достижениям, свободу научного, технического и художественного творчества;

в) имущественные права и экономические свободы, такие как право собственности и ее наследования, а также свобода предпринимательской деятельности⁴³⁰.

Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин обращают внимание на различную правовую трактовку данной группы. Они отмечают, что в странах с англосаксонской правовой системой многие социально-экономические, в том числе культурные, права часто не признаются субъективными правами в строгом юридическом смысле. В указанной традиции они скорее рассматриваются как морально-политические притязания, преобразованные в нормы позитивного права, что отличает их статус от классических личных и политических прав⁴³¹.

М.А. Краснов и В.А. Кряжков подчеркивают, что культурные права – это гарантированная возможность каждого свободно иметь весь комплекс культурных благ, т.е. окружающей среды и услуг, экосистемных организаций с рядом юридических лиц и территорий, занимающихся своими культурными и инвестиционными ресурсами; приобщаться к культурным ценностям, включая те,

⁴²⁹ См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. 3-е изд. С. 278–288.

⁴³⁰ См.: Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. 2-е изд. С. 175.

⁴³¹ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 167.

которые содержатся в различных фондах (государственных, библиотечных, музейных, архивных) и собраниях во всех случаях культурной деятельности⁴³².

А.Н. Морозова считает, что культурные права человека и гражданина – это самостоятельный институт конституционного права, охватывающий соответствующие общественные отношения в сфере культурной жизни и имеющий самостоятельный предмет правового регулирования; в культурной жизни общества культурные права рассматриваются как притязания на использование материальных духовных благ, а культурные свободы – как реализация своих индивидуальных способностей при ограниченном вмешательстве общества⁴³³.

Д.С. Ивакина рассматривает их как триаду основных культурных прав – право на участие в культурной жизни, доступность к культурным ценностям, использование притязаний культуры являются по содержанию субъективными правами⁴³⁴.

Для нас особенно важно выделить среди указанных выше научных позиций именно те, которые акцентируют внимание на социальной направленности данного вида прав и свобод личности, и подчеркнуть тем самым их тесную взаимосвязь с социальным государством. Которым именно и является Российская Федерация.

Конституция Российской Федерации закрепляет комплекс прав в социокультурной сфере, включая не только гарантии права на образование, творческую и педагогическую свободу, но и права, обеспечивающие участие и доступ к культурной жизни, ценностям и учреждениям культуры.

Ключевой характеристикой данных прав является их выраженная социальная направленность, реализуемая через систему государственных гарантий. В сфере образования Россия гарантирует принцип общедоступности и

⁴³² См.: *Краснов М.А., Кряжков В.А.* Толковый словарь конституционных терминов и понятий. М., 2006. С. 303.

⁴³³ См.: *Морозова А.Н.* Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8–9.

⁴³⁴ *Ивакина Д.С.* Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журн. рос. права. 2020. № 4. С. 28–41.

бесплатности дошкольного, общего и среднего образования в государственных и муниципальных учреждениях. Гарантия получения высшего образования на бесплатной основе реализуется через конкурсный механизм в учреждениях государственной и муниципальной форм собственности⁴³⁵.

Социальный характер права на образование в Российской Федерации подтверждается нормой части 4 статьи 43 Конституции РФ, закрепляющей солидарный подход к реализации данной гарантии, который возлагает обязанность на родителей или иных законных представителей по обеспечению получения детьми основного общего образования, тем самым вовлекая семью и общество в целом в процесс образовательной преемственности.

Нормативное содержание социально-культурных прав в Российской Федерации было существенно дополнено и усилено путем конституционного закрепления ценностных ориентиров, основанных на культурно-историческом наследии и нравственных традициях. Это нашло отражение в поправках 2020 года к Конституции РФ, в частности, в новой статье 67.1 закреплена историко-цивилизационная идентичность России как государства с тысячелетней преемственностью. Государство берёт на себя обязанность создавать условия для всестороннего развития детей, воспитывая в них патриотизм, гражданскую ответственность и уважение к старшим. В семейной политике устанавливается приоритет семейного воспитания, а государство выступает законным представителем детей, лишённых родительской опеки.

Новеллы ст. 68 Основного Закона определили статус русского языка как государственного языка государства, являющегося языком государствообразующего народа в составе многонационального союза равноправных народов. Культура признается уникальным наследием многонационального народа России, подлежащим государственной поддержке и охране.

⁴³⁵ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.02.2024).

Социальная ориентированность и гарантированность конституционных социально-культурных прав выражается также в их коллективном субъекте — народах Российской Федерации. В соответствии с изменениями в статье 69 Конституции РФ, государство гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия, защищая самобытность всех народов. Кроме того, оно обязуется поддерживать соотечественников за рубежом в защите их прав, интересов и культурной идентичности⁴³⁶.

Конституционные нормы, закрепляющие социально-культурные права, получают развитие и детализацию в системе международного права, а также в отраслевом российском законодательстве как государства-участника соответствующих договоров.

Важнейшим международным документом выступает Пакт ЭСКП, имплементированный в российскую правовую систему. Статья 13 Пакта признаёт право каждого на образование и определяет его цели, которые включают: всестороннее развитие личности и её достоинства, укрепление уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно готовить к активному участию в свободном обществе, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми этническими, расовыми и религиозными группами, а также поддерживать миротворческую деятельность ООН.

Для полной реализации данного права государства-участники признают необходимость выполнения следующих условий:

- а) введение обязательного и бесплатного начального образования для всех;
- б) гарантирование открытости и доступности среднего и высшего образования во всех его формах, включая профессионально-техническое, в честности, посредством постепенного обеспечения его бесплатного характера;
- в) поощрение или интенсификация базового образования для лиц, не получивших или не завершивших полного курса начального образования;

⁴³⁶ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.02.2024).

г) активное развитие системы учебных заведений всех уровней, установление удовлетворительной системы стипендий и постоянное улучшение материальных условий работы педагогических кадров.

Пакт закрепляет обязательство стран-участниц уважать свободу родителей (и опекунов) в двух аспектах: выбор школ, отличных от государственных (при соблюдении ими установленных стандартов), и обеспечение религиозно-нравственного воспитания детей в соответствии с собственными убеждениями⁴³⁷.

Положения указанного международного договора возлагают на государства-участники обязательства не только по обеспечению социальной ориентации культурных прав, но и по содействию развитию негосударственного сектора в образовании. При этом учреждения, созданные частными лицами или организациями, должны соответствовать минимальным нормативным требованиям, устанавливаемым государством. Данный принцип закреплён в заключительной части ст. 13 Пакта, которая исключает толкование, умаляющее право на создание и руководство учебными заведениями, при условии соблюдения целей образования, изложенных в пункте 1 статьи, и государственных образовательных стандартов⁴³⁸.

Ст. 14 Пакта содержит специальное обязательство для тех государств-участников, которые на момент присоединения к договору не обеспечили на своей территории обязательного и бесплатного начального образования. Такие государства обязуются в двухлетний срок разработать и принять детализированный план мероприятий по постепенной реализации принципа всеобщего обязательного и бесплатного начального образования в течение установленного планом разумного срока⁴³⁹.

Ст. 15 Пакта провозглашает комплекс прав в культурной и научной сферах. Государства-участники признают за каждым право на приобщение к культуре, доступ к научным достижениям и авторскую защиту. Их обязанности включают:

⁴³⁷ URL:// <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=6599> (дата обращения: 25.02.2024).

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ Там же.

принятие мер по сохранению и развитию научного и культурного достояния, обеспечение свободы научного и творческого труда, а также содействие международному сотрудничеству в научной и культурной сферах⁴⁴⁰.

Конкретизация конституционных норм, регламентирующих социально-культурные права, осуществляется посредством отраслевого российского законодательства. Базовым документом в рассматриваемой сфере являются Основы законодательства Российской Федерации о культуре 1992 г. (в действующей редакции). Второй раздел данного закона, содержащий двенадцать статей, развивает и детализирует соответствующие конституционные положения, закрепляя целый комплекс прав человека в области культуры, среди которых:

- неотчуждаемое право на культурную деятельность;
- приоритет прав личности перед правами государства, любых организаций и сообществ;
- право на индивидуальную культурную идентичность и доступ к ценностям культуры;
- право на создание культурных общественных объединений;
- право собственности в сфере культуры и вывоз за рубеж результатов своей творческой деятельности;
- право осуществлять культурную деятельность за рубежом;
- определение правового статуса иностранных граждан и апатридов в культурной сфере⁴⁴¹.

Вопросы сохранения историко-культурного наследия детально регулируются специальным ФЗ от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в действующей редакции)⁴⁴².

Таким образом, в социальном государстве экономические, социальные и культурные права образуют единый и взаимосвязанный комплекс. Существенная

⁴⁴⁰ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (дата обращения: 25.02.2024).

⁴⁴¹ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/407bd903bf9d832c96e655fb576a79bd2560f6f9/

⁴⁴² URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 25.02.2024).

социальная направленность данных прав, закреплённая в законодательстве, получила качественное усиление после принятия конституционных поправок 2020 года.

2.5. Российская Федерация – социальное правовое государство: взаимодействие принципов

Термин «социальное государство» был введён в научный оборот в 1850 году немецким правоведом и философом Лоренцем фон Штейном. В его интерпретации социальное государство призвано выполнять функцию восстановления правового равенства и обеспечения реальной свободы личности, в первую очередь посредством защиты социально и экономически уязвимых слоёв населения. Согласно воззрениям учёного, такая государственность обязана гарантировать условия для всеобщего процветания, что предполагает активную политику, направленную на обеспечение полного равенства в правах для всех общественных классов. Обязанностью государства, по Л. фон Штайну, является целенаправленное содействие экономическому и общественному прогрессу своих граждан (подданных), что в конечном итоге служит достижению благополучия всего социума и реализует принцип социальной справедливости⁴⁴³.

Хотя как передовые идеи, намного опередившие свое время, мысли о правовом государстве высказывались еще великими мыслителями Античности. Так, Платон (42–347 до н. э.) писал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они его рабы, я усматриваю спасение государства».

Значительный вклад в теоретическое обоснование концепции и характерных признаков правового государства внесли немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804) и австрийский правовед Ганс Кельзен (1881–1973). Последний, в частности, обосновывал идею о том, что традиционная доктрина не отказывается

⁴⁴³ См.: Stein L. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften Deutschlands. Stuttgart, 1876. P. 215.

от теории самообязывания государства и вытекающего из нее дуализма государства и права, поскольку этот дуализм выполняет критически важную идеологическую функцию. Согласно Кельзену, государство необходимо концептуализировать как сущность, отличную от права, для того чтобы само право могло служить основанием легитимации создавшего его и формально подчинившегося ему государства. Право способно оправдывать государство лишь при условии, что оно воспринимается как нормативный порядок, противостоящий изначальной природе государства как чистой власти, и, следовательно, как порядок, обладающий качествами правильности и справедливости. Таким образом, государство, будучи изначальным инструментом власти и принуждения, трансформируется в правовое государство, находящее своё оправдание исключительно в том, что оно порождает и воплощает право⁴⁴⁴.

В России определенную теоретическую базу концепции социального государства отечественные ученые заложили в конце XIX – начале XX в. Так, профессор Московского университета Б.Н. Чичерин писал о насущной необходимости оказания поддержки нуждающимся. Правда, основным источником такой поддержки, по его мнению, должна быть благотворительность, а только потом – государство. Эта схема может найти свое применение в экономически слабой России на начальном этапе становления социального государства.

П.И. Новгородцев также писал о необходимости социального реформирования общества путем обеспечения каждому его члену права на достойное существование. В 1909 г. он писал: «Современный либерализм стремится продолжить принцип равенства в сторону управления социальными условиями жизни, но это открывает для государства такую сферу деятельности, которая по своим размерам и возможным последствиям резко отличается от

⁴⁴⁴ См.: "Государство, власть, управление и право", всероссийская научно-практич. конф. (12; 2021). Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции "Государство, власть, управление и право", 6 декабря 2021 г. – М.: ГУУ, 2022; "Государство, власть, управление и право", всероссийская научно-практич. конф. (14; 2023; Москва). Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции "Государство, власть, управление и право", 6 октября 2023 г. / ред. коллегия: Ф. Г. Мышко [и др.]. – М.: ГУУ, 2024.

политической практики еще недавнего прошлого. Задача уравнивания в правах, которую ставила французская революция, будучи великой по своему принципиальному значению, представляется необычайно легкой по своей простоте сравнительно с программой социальных реформ⁴⁴⁵.

Практические элементы социальной государственности в России начали формироваться ещё в дореволюционный период. Например, в 1912 году Третья Государственная дума приняла пакет законов о социальном страховании рабочих, включавший акты о пособиях по болезни, страховании от несчастных случаев и создании Совета по страхованию рабочих. Для своего времени это было очень прогрессивное законодательство. Были законодательно урегулированы другие социальные отношения.

В 1917 году новая большевистская власть отказалась от прежних принципов социального страхования. Разрозненные дореволюционные системы пенсий, медпомощи и страхования от несчастных случаев были в 1920-е годы объединены в централизованную систему, основанную на бюджетном финансировании и переименованы в государственное социальное обеспечение.

Мы считаем, что следует согласиться с Ф.И. Шарковым в том, что в Советском Союзе в конечном итоге со временем было создано своеобразное так называемое патерналистское социальное государство. Его модель имела принципиально иной характер, чем в предшествовавших отечественных и зарубежных теоретических обоснованиях, а также в законодательном регулировании и практической реализации в дореволюционный период и в современной Российской Федерации и других демократических государствах.

Основная отличительная особенность такого государства выражалась в том, что при огосударствлении в том или ином виде экономики и общественной жизни, при отсутствии плюрализма социалистическое государство тоже может выполнять социальные по своей направленности функции, осуществлять в достаточно широких масштабах непосредственную заботу о своих гражданах,

⁴⁴⁵ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 172.

оказывая социальную защиту и поддержку, а также через полностью подконтрольные и зависимые от него общественные организации.

Так, СССР и ряд других государств, существовавших в рамках основанной на марксистской идеологии модели общественного устройства, создали модель, именуемую государственным социализмом. И на раннем этапе (20–30-е гг. XX в.) Советское государство создало самые передовые для того периода времени системы материальных социальных гарантий для самых широких слоев населения, за исключением крестьянства (оно было на многие десятилетия лишено пенсионного и иного социального обеспечения)⁴⁴⁶.

Социалистические государства реализовывали социальную политику на принципах уравнительного распределения, что минимизировало индивидуальную инициативу и вариативность поддержки. Уровень доходов населения был низким и слабо дифференцированным, а связь между трудовым участием и объёмом социальных выплат — разорванной. Финансирование и управление социальной сферой были полностью централизованы и монополизированы государством, что исключало участие институтов гражданского общества и формировало устойчивые патерналистские ожидания. Формально сохранявшаяся система социального страхования, лишённая личных взносов и солидарных механизмов, фактически являлась инструментом бюджетного перераспределения за счёт обязательных отчислений предприятий. Закреплённая в статье 237 КЗоТ норма о государственном обеспечении действовала до 1993 года, способствуя восприятию социальных гарантий как безвозмездной государственной обязанности.

Государства «реального социализма», будучи, несомненно, в известной мере социальными, реализовывали свои социальные функции в более ограниченных масштабах, чем демократические социальные государства, утверждавшиеся приблизительно в то же время в странах со свободной рыночной экономикой: узкий спектр гражданских прав и свобод (слова, мысли, политической деятельности, передвижения и др.), слабая защита граждан от

⁴⁴⁶ См.: *Шарков Ф.И.* Основы социального государства: Учебник. – М., 2012. С. 132–133.

произвола властвующей бюрократии и т.д. Те же пороки присущи и ныне существующим тоталитарным, а также автократическим режимам⁴⁴⁷.

В результате государство стало монопольным субъектом социальной защиты, а бюджет — её основным источником финансирования, что полностью исключало индивидуальные и групповые формы поддержки. Инерция общественного сознания, а в дальнейшем и особенности трансформационного периода, создали крайне неблагоприятные условия для реформирования социальной системы в постсоветской России. Реформы были объективно необходимы, так как стране досталось разветвлённое наследие советских социальных обязательств, включавшее множество льгот и выплат. Однако сами преобразования, следуя прежней логике, не предполагали глубокой структурной перестройки. По данным Минтруда, до принятия в 2004 г. право на различные льготы имело около 70% населения, а их совокупная стоимость достигала 13% ВВП (1999 г.)⁴⁴⁸. Для России в ее нынешнем экономическом положении такое бремя неподъемно.

Вместе с тем замена денежным эквивалентом некоторых натуральных льгот для отдельных категорий населения печально знаменитым Законом о монетизации, особенно для инвалидов и больных, также не панацея, поскольку в условиях постоянного роста инфляции, усугубляемого экономическим кризисом, денежный эквивалент просто приводил к скрытому обнищанию некоторых наиболее уязвимых в социальном плане групп населения.

Непоследовательные экономические преобразования 1990-х годов, приведшие к затяжному кризису, вызвали резкое снижение уровня жизни населения и появление новых социально уязвимых групп. Это привело к несостоятельности прежней системы социального обеспечения в изменившихся условиях. Ответом стала вынужденная трансформация механизмов социальной защиты, предполагавшая переход от государственного патернализма к сочетанию личной ответственности, участия гражданского общества и страхования. В

⁴⁴⁷ См.: Шарков Ф.И. Указ. соч. С. 133.

⁴⁴⁸ Человек и труд. 2000. № 8. С. 5.

результате к 2000 году сформировалась гибридная система, условно разделяемая на три блока: социальное страхование (для трудоспособных), социальное обеспечение (для нетрудоспособных) и адресную социальную помощь (для малоимущих).

Хотя последующие «реформы» также принципиально не изменили ситуацию. Об этом красочно свидетельствует даже явно «причесанная» официальная информация. В рамках выступления на заседании Государственного совета в 2008 году Президент Российской Федерации констатировал, что государственный аппарат того периода представлял собой в высокой степени гипербюрократизированную и коррупционно-затронутую систему, лишённую действенных стимулов к проведению позитивных преобразований и, в особенности, к обеспечению динамичного развития⁴⁴⁹.

Как видно, в отношении модели социального государства и практики их реализации имеются не только разные взгляды, но и реальная практика. Условно их можно дифференцировать на две противоположные точки зрения.

Как отмечается в учебнике «Конституционное право России» под редакцией А.Н. Кокотова и М.И. Кукушкина, конституционный принцип, провозглашающий Россию социальным государством, основной своей целью имеет достижение общественного благосостояния и прогресса. Данная деятельность институционализируется через проводимую государством социальную политику.

Социальная политика представляет собой составную часть общей государственной политики. Ее функциональное назначение заключается в регулировании социальных отношений между публичной властью и обществом, обеспечении роста уровня жизни граждан, реализации их законных интересов, а также удовлетворении материальных и духовных потребностей. Реализация социальной политики неразрывно сопряжена с экономическим и политическим направлениями государственной деятельности⁴⁵⁰.

⁴⁴⁹ См.: *Российская газета*. 2008. 9 февраля.

⁴⁵⁰ См.: *Конституционное право России: учебник* / под. ред. А.Н. Кокотова и М.И. Кукушкина. 4-е изд. М.: Норма – Инфра-М, 2010. С. 104.

Если суммировать признаки такого государства, сформулированные указанными авторами, то получается, что социальным может быть любое государство, которое берет на свои плечи всестороннюю деятельность по повышению благосостояния граждан. То есть является патерналистским. Особенно это проявляется, если посмотреть на функции, которые по их мысли должно выполнять такое социальное государство⁴⁵¹.

В данном контексте нами разделяется позиция Б.С. Эбзеева, указывающего на то, что в рамках конституционной доктрины верно акцентируется ограниченность принципа социального государства материальными параметрами правовой государственности. Чрезмерно расширительная социальная политика, стремящаяся к построению «государства всеобщего благосостояния» и фактически снимающая с индивида ответственность за результаты собственной свободной деятельности, противоречит фундаментальным основам социального правового государства⁴⁵².

Ряд исследователей, таких как Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин, связывают социальное государство с его демократической природой, отмечая, что в таком государстве каждый дееспособный гражданин должен обладать возможностью самостоятельно обеспечивать себя и свою семью посредством трудовой деятельности⁴⁵³.

Более детализированную позицию относительно взаимосвязи демократического социального государства, личности и институтов гражданского общества формулирует Б.С. Эбзеев. Он обоснованно полагает, что социальное государство не отменяет личную ответственность индивида за своё материальное положение при условии, что он способен обеспечить достаток себе и семье собственным трудом или иным законным способом⁴⁵⁴.

Деятельность социального государства характеризуется учёным посредством двух взаимодополняющих аспектов. С одной стороны, его

⁴⁵¹ Там же. С. 105.

⁴⁵² Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М.: Норма, 2013. С. 347.

⁴⁵³ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. С. 178.

⁴⁵⁴ Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. С. 344.

конституционное закрепление означает принятие на себя общесоциальной функции; государство выступает не как «ночной сторож», а как активный субъект, обеспечивающий общественное благополучие на принципах социальной справедливости, солидарности и взаимной ответственности. С другой стороны, классические гражданские и политические права, по его мнению, устанавливают пределы государственной власти, но не предполагают обязанности государства предоставлять позитивные услуги. В этих сферах государство должно воздерживаться от вмешательства, гарантируя свободу выбора, не порождая при этом у индивида дополнительных притязаний на положительные действия государства⁴⁵⁵.

Одновременно с этим, можно согласиться лишь отчасти с его выводом о том, что сбалансированная социальная политика, направленная на равномерное содействие благу всех граждан и справедливое распределение общественных тягот, является условием социальной стабильности и, в конечном счёте, прочности конституционного строя, поскольку формирует его широкую общественную поддержку и атмосферу доверия к политико-экономическим институтам⁴⁵⁶.

Не только потому, что подобный подход может если и не способствовать проявлениям «уравниловки», то, по крайней мере, не способствует уменьшению разрыва между богатыми и бедными гражданами. Особенно это стало актуальным после включения в 2020 г. в ст. 75 Конституции РФ новой редакции, направленной на установление солидарности и справедливости в социальных отношениях. А справедливость требует не пропорционального подхода к распределению материальных тягот исходя из экономического потенциала, а проявления большей заботы о наиболее нуждающихся и обездоленных: о бедных, пенсионерах, престарелых и т.д.

Не меньше различий среди специалистов и по вопросам сочетания понятий правового государства и социального государства.

⁴⁵⁵ Там же. С. 345.

⁴⁵⁶ Там же. С. 344.

Как справедливо отмечает Л.С. Мамут, многих специалистов интересует вопрос: является ли социальное государство (может ли оно быть) одновременно государством правовым? Если условиться определять правовое государство как государственно-организованное общество, в котором основные права и обязанности, свободы и ответственность человека высоко чтутся и защищаются конституцией (законодательством), институты публичной власти легитимны и легализованы, в котором существует разделение властей и независимость суда, то положительный ответ на поставленный вопрос трудно будет оспорить.

Но стоит только ввести в предложенное определение правового государства в качестве еще одного неотъемлемого его признака принцип равенства предоставлений и получений, долженствующий иметь место в отношениях между самыми разными субъектами общественного взаимодействия, как в возможности положительно ответить на упомянутый вопрос придется усомниться. Усиливает сомнение и то обстоятельство, что социальная деятельность государства (тем паче ее нарастание) оказывается по ряду позиций в разладе с реализацией основных гражданских и политических прав человека⁴⁵⁷.

Имеются и другие противоречивые научные позиции известных отечественных ученых-конституционалистов, теоретиков права и практиков по данному вопросу⁴⁵⁸.

Более четкую позицию относительно невозможности правовому государству быть одновременно и социальным государством высказывают многие другие авторы. К примеру, в конституционно-правовой доктрине, как отмечают исследователи Б.А. Страшун и А.А. Мишин, существует глубинная и непреодолимая коллизия между принципом защиты индивидуальной свободы личности и императивами социального государства. Данное соотношение характеризуется как внутренне присущее и принципиальное противоречие,

⁴⁵⁷ См.: Мамут Л.С. Указ. соч. С. 13–14.

⁴⁵⁸ См., например: Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022; Клишас А.А. Правовое государство / Фонд современной истории. – М.: Междунар. отношения, 2019; Основы правового государства. – Екатеринбург: Уральский федеральн. ун-т, 2022.

создающее устойчивое нормативное напряжение между двумя фундаментальными основами конституционного строя⁴⁵⁹.

Э. Форстхофф также отмечает, что в социальном государстве «дух права» присутствует настолько, насколько удастся (всякий раз применительно к той или иной конкретной общественно-исторической обстановке) достичь, прежде всего, с помощью закона оптимальной комбинации права с другими социальными факторами, таким же, как оно само, позитивными и значимыми для цивилизованного человеческого бытия. Разумной альтернативы данному варианту сопряжения социальной и правовой государственности нет⁴⁶⁰.

Указанные противоречивые суждения разных специалистов о соотношении и взаимодействии социального и правового государства станут более понятными если дать определение правового государства и рассмотреть его отличительные признаки.

Утверждение правового государства явилось важным этапом в расширении свободы индивида и общества. Его создатели полагали, что обеспечение каждому негативной свободы (свободы от ограничений) и поощрение конкуренции пойдут на пользу всем, сделают частную собственность доступной для каждого, максимизируют индивидуальную ответственность и инициативу и приведут в конечном счете к всеобщему благополучию. Однако этого не произошло.

Правовое государство – это продукт современной эпохи, поскольку это понятие вовсе не характеризуется наличием права, так как право является обязательным признаком любого государства. Деятельность граждан, государственных органов и должностных лиц в любом государстве должна строиться и строится на основе права. Как видим, правовое государство характеризуется не наличием права и даже наличием не всякого права. Например, право (наиболее важная его часть – законы) в антидемократическом государстве призвано заставить граждан (подданных в монархических и антидемократических

⁴⁵⁹ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. 3-е изд. Т. 1–2. М., 1999. С. 240.

⁴⁶⁰ См.: Forsthoff E. Rechtsstaat im Wandel. Stuttgart, 1964. P. 38.

государствах) выполнять волю законодателя. Совершенно по-иному выглядит роль права в правовом государстве.

Для правового государства принципиально важной является опора на право, созданное демократическим путем, т.е. через широкое участие общественности в обсуждении важных законопроектов, участие в согласовании текстов законопроектов заинтересованных ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной) в рамках принципа разделения властей, который лежит в основе демократии. Предоставление гражданам права формулировать проекты законов (народная инициатива) и принимать законы (законодательные референдумы, отменительные референдумы, референдумы по принятию конституций и т.п.).

Таким образом, получается, что в правовом государстве право призвано в первую очередь юридически оформить те отношения, о содержании которых заинтересованные субъекты предварительно договорились в ходе подготовки нормативного правового акта на основе компромисса.

То есть само государство, право в таком государстве, а также взаимоотношения личности и публичной власти, институтов гражданского общества в условиях правового государства принципиально иные, нежели в обычном государстве.

Следовательно, правовое государство представляет собой демократический режим, где господство права, верховенство закона, независимость судебной власти и всеобщее равенство перед законом создают систему гарантий прав и свобод личности⁴⁶¹.

Признаки правового государства.

1. *Верховенство закона* предполагает иерархическую организацию правовой системы, в которой акты высшей силы (прежде всего Конституция) обладают приоритетом. Этот принцип непосредственно отражён в ч. 1 ст. 15 российского Основного Закона, устанавливающей его высшую юридическую силу и

⁴⁶¹ См.: *Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире*: Сб. ст. / под. ред.: В.Д. Зорькина. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013.

подчинённость ему всех иных правовых актов. Данный принцип является универсальным для любой национальной правовой системы.

Однако, несмотря на свою конституционную значимость, данный признак содержит потенциальный риск для правовой государственности в ситуации, когда законодательный орган, узурпировав власть (что имело место, например, в СССР и ряде других социалистических государств), получает возможность принимать неправовые или внутренне противоречивые законы, способные дестабилизировать всю правовую систему. Для нейтрализации данной угрозы правовому государству необходим дополнительный компенсаторный принцип.

2. *Господство права* выступает таким принципом и неотъемлемым признаком правового государства. Он устанавливает правовой порядок, в рамках которого нормы, издаваемые государством, в равной степени обязательны как для самого государства, его органов и должностных лиц, так и для институтов гражданского общества и граждан. Этот принцип находит своё выражение в ч. 2 ст. 15 Основного Закона, обязывающей органы публичной власти, местного самоуправления, их должностных лиц, а также на граждан и их объединения соблюдать Конституцию и законы.

Вместе с тем данный принцип означает, что законы не должны противоречить друг другу и Конституции. То есть предполагается наличие специального механизма, который мог бы предотвращать возможные противоречия. Основу такого механизма составляет конституционное правосудие, осуществляемое специальными органами государственной власти. В юридической литературе данный принцип получил иное название — «верховенство права»⁴⁶². Поскольку в науке устоялось другое верховенство — верховенство закона, то мы считаем более точным иное название данного принципа: господство права.

⁴⁶² См., например: *Вентер Ф.* Верховенство права как глобальная мера конституционализма // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: Сб. ст. / под. ред.: В.Д. Зорькина. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 76–94; Там же: *Гаджиев Г.А.* Российская судебная доктрина верховенства права: двадцать лет спустя. С. 213–237; Там же: *Шарандин Ю.А., Кравченко Д.В.* Верховенство права, Правовое государство и другие международные правовые доктрины: лингвистические аспекты. С. 303–311.

Поскольку в Российской Федерации идея правового государства и его составной части – принципа господства права из негативного явления начала изучаться в качестве позитивных понятий, то она в конституционно-правовой литературе приобрела определенную особенность.

В отечественной правовой науке, как отмечает Г.А. Гаджиев, развитие принципа верховенства права (господства права) в России характеризуется прежде всего его становлением в качестве судебной доктрины. Данный процесс протекает при относительно пассивном участии законодательной власти и при недостаточной теоретической разработанности в рамках правовой доктрины, что позволяет квалифицировать его именно как доктрину судебного происхождения, а не как целостную концепцию. Эта точка зрения согласуется с другими научными оценками, из которых следует вывод о недостаточной степени исследования принципа господства права в российском конституционно-правовом дискурсе.

Указанный автор выделяет и иную особенность эволюции концепции правового государства в России, заключающуюся в постепенной субституции его идеалов идеями сильного государства, что особенно проявилось в начале XXI века. Признавая определенные достижения такой модели, Гаджиев указывает на ее существенные изъяны, в частности, на распространение лицемерия и цинизма, которые ослабили позитивный потенциал данной идеи, сблизив ее с этатистскими идеалами, характерными для теории Карла Шмитта⁴⁶³.

Еще одна специфика, связанная с данным принципом в российском контексте, обусловлена чрезвычайной широтой его содержания и терминологической вариативностью. По оценке Ф. Вентера, традиционное разделение на континентальную правовую семью и систему общего права обусловило формирование двух различных концептуальных подходов: англосаксонской доктрины «верховенства права» (rule of law) и континентальной идеи «правового государства» (Rechtsstaat). Невзирая на то, что эти понятия сформировались на принципиально различных основаниях, в широком смысле

⁴⁶³ Гаджиев Г.А. Указ. соч. С. 220.

они направлены на решение схожих проблем, что побуждает многих европейских исследователей использовать термин «rule of law» для описания Rechtsstaatlichkeit. Лингвистической иллюстрацией этой дихотомии служит перевод термина «rule of law» в немецком тексте Европейской конвенции о правах человека как «Rechtsstaatlichkeit». Причиной такой терминологической сложности является фундаментальная непереводаемость данных концептов, что иногда приводит к их игнорированию в сравнительных исследованиях⁴⁶⁴.

Изложенная позиция не отрицает возможность адаптации законодательства к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям. Однако ключевым требованием является недопустимость принятия нормативных актов в корыстных интересах правотворческих субъектов. Изменение законодательства в отношении продолжительности полномочий или материального обеспечения выборных лиц допустимо лишь при условии, что новые нормы носят перспективный характер и не могут быть обращены в пользу текущего состава органов, создавая тем самым конфликт интересов и подрывая принципы равенства и сменяемости власти.

Принцип верховенства права обеспечивает, в том числе, возможность через механизмы конституционного правосудия признать тот или иной нормативный правовой акт неправовым в случае его неконституционности. Такой акт утрачивает юридическую силу и не подлежит применению, что также является способом разрешения конституционно-правовых коллизий. Данную функцию в правовой системе России осуществляют суды, при этом ведущая роль в обеспечении конституционной законности принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации.

3. *Принцип разделения властей.* В качестве фундаментального принципа организации государственной власти в России Конституция РФ в статье 10 нормативно закрепляет разделение властей. В соответствии с данным конституционным положением, реализация государственной власти

⁴⁶⁴ Венгер Ф. Указ. соч. С. 78.

обеспечивается через её функциональное и институциональное обособление на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Каждая из них обладает собственной компетенцией и действует независимо, что составляет основу системы сдержек и противовесов⁴⁶⁵.

Данный принцип является, в сущности, производным первых двух и естественным образом их дополняет, так как не допускает сосредоточения всей полноты государственной власти в одних руках и тем самым предотвращает возможность злоупотребления властью, т.е. установления безраздельного господства законодательной власти и через нее – верховенства законодателей, диктата исполнительной власти или произвола со стороны судебной власти.

Можно сказать, что данный принцип закладывает основы демократии, а государство благодаря его действию становится демократическим⁴⁶⁶.

4. *Реальная гарантированность прав и свобод гражданина* представляет собой фундаментальный конституционный императив, выступающий неотъемлемым признаком правового государства. Конституционная реализация этого принципа в России обеспечивается чл. 2 и развивается в ст. 55, которая устанавливает исчерпывающий перечень оснований для ограничения прав федеральным законом: защита конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц, обороны и безопасности государства. Вместе с тем, любое ограничение должно быть соразмерным конституционно значимым целям и соответствовать критерию необходимости, что обеспечивает баланс между публичными и частными интересами в правовом государстве⁴⁶⁷.

При этом гарантированность прав и свобод, их реальность сами по себе ничего не дают без *взаимных обязанностей и ответственности государства и личности*. Данное дополнение рассматриваемого признака представляется принципиально важным, так как позволяет строить отношения государства и личности не только на основе права, но и в увязке с взаимными правами и

⁴⁶⁵ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

⁴⁶⁶ См.: Демидов А.В. Разделение властей как основной принцип правового государства // Междунар. науч. журн. «Инновационная наука». 2016. № 1. С. 122–124.

⁴⁶⁷ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.03.2024).

обязанностями. Подобный подход к правовому статусу личности позволяет огромному и могущественному государству достаточно уважительно относиться к личности⁴⁶⁸.

Нисколько не умаляя и не роняя своей роли и престижа, оказывать покровительство и защиту человеку. В частности, Конституция Российской Федерации закрепляет систему взаимных обязательств государства и личности, обеспечивающих реальную защиту прав граждан. Согласно ст. 52 и 53, государство обязано защищать права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, обеспечивая им доступ к правосудию и компенсацию ущерба. Кроме того, каждому гарантируется право на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействием) органов публичной власти или их представителей⁴⁶⁹.

Статья 61 Конституции РФ устанавливает дополнительные гарантии правового статуса гражданина. Она содержит прямой запрет на его выдачу другому государству (экстрадицию) или высылку за пределы Российской Федерации. Параллельно на государство возлагается позитивная обязанность по обеспечению защиты и покровительства своим гражданам, находящимся за рубежом⁴⁷⁰.

Таким образом, признавая и гарантируя права и свободы личности, государство тем самым принимает на себя обязательства по их соблюдению, что объективно ограничивает его власть в правовом поле, а также накладывает обязанности на государственные органы и их представителей действовать строго в рамках предоставленной им законом компетенции. Это создает основу для баланса между властными полномочиями и индивидуальной свободой.

5. Современное правовое государство – это демократическое государство, в котором не только гарантировано народовластие, принцип разделения властей, закреплён широкий комплекс прав и свобод личности, но и *политическое и*

⁴⁶⁸ См. также: Демидов А.В. Гражданское общество как признак правового государства // Междунар. науч. журн. «Инновационная наука». 2016. № 2. С. 177–179.

⁴⁶⁹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

⁴⁷⁰ Там же.

идеологическое многообразие и многопартийность. В качестве примера можно привести конституционные нормы, закрепляющие идеологический и политический плюрализм. В силу ст. 13 запрещена официальная государственная идеология, гарантированы политическое многообразие, многопартийность и равенство общественных объединений перед законом⁴⁷¹.

Одновременно с этим, в Российской Федерации, как и в любом демократическом правовом государстве, реализация данных принципов не носит абсолютного характера. Субъектом установления ограничений указанных прав выступает законодатель, который вправе вводить их лишь для конституционно оправданных целей (защита основ строя, нравственности, здоровья, прав иных лиц, обороны и безопасности). Эта модель соответствует международно-правовым нормам.

В соответствии со ст. 13 Основного Закона России, образование и функционирование общественных объединений не допускается при наличии признаков экстремистской направленности их целей или деятельности, включая: попытки насильственного изменения конституционного строя, посягательство на территориальную целостность страны, действия, угрожающие государственной безопасности, создание незаконных вооружённых формирований, а также пропаганду социальной, расовой, национальной или религиозной розни⁴⁷².

6. Для создания подлинно правового государства непреходящее значение имеет *принцип защиты прав меньшинства*. Мы согласны с мнением А.М. Осавелюка, что ни в отечественном законодательстве, ни в научных изысканиях большей части современных российских исследователей указанный правовой принцип, выступающий вместе с тем и как признак правового государства не встречается⁴⁷³.

Однако в российской правовой науке конца XIX – начала XX века содержание и доктринальное значение данного принципа подвергались

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Подробнее см.: *Осавелюк А.М.* Принцип защиты прав меньшинства в правовом государстве // Проблемы конституционного развития Российской Федерации: Сб. ст., посвящ. 90-летию Б.С. Крылова / М.: МГЮА, 2013.

детальному обсуждению и анализу. Например, Г. Еллинек писал, что необходимо надеяться и верить, что общество, в конце концов, найдет и осуществит то, что одно только в состоянии спасти его от полного умственного и нравственного опустошения, от упадка и застоя, – *признание права меньшинства*⁴⁷⁴.

Значение данного принципа заключается не столько в формальном допуске оппозиции к легальной деятельности (эта возможность предоставляется иными конституционными основами, такими как идеологическое многообразие), сколько в гарантировании реального включения её точки зрения в процесс публичного обсуждения и принятия решений.

Рассматриваемый принцип, применяемый к организации законодательной власти, направлен на обеспечение консенсуса между правящим большинством и оппозицией. Его сущность заключается в признании оппозиционных сил не в качестве деструктивных элементов, а как легитимных политических субъектов, предлагающих альтернативные подходы к решению общественных задач, которые могут обладать большей эффективностью.

Реализация этого принципа предполагает, что правящая партия в случае консолидированной точки зрения оппозиции против законопроекта обязана приостановить голосование и инициировать согласительные процедуры для выработки взаимоприемлемого текста. Результатом переговоров может стать либо получение поддержки всей оппозиционной партии, либо её части, если внутри неё отсутствует единство мнений. Таким образом, принцип предполагает, что для принятия закона требуется не только голосование партии большинства, но и как минимум части депутатов от оппозиции.

Иллюстрацией реализации подобных механизмов служит американский Закон о реорганизации Конгресса 1970 года. Он закрепляет за партией меньшинства существенные процессуальные гарантии, включая право назначать треть персонала комитетов, вызывать свидетелей на слушания, готовить и публиковать альтернативные доклады, а также распоряжаться частью бюджета

⁴⁷⁴ См.: Еллинек Г. Право меньшинства. М., 1906.

комитетов. Кроме того, закон вводит правило обязательной трехдневной паузы между публикацией докладов и обсуждением законопроекта⁴⁷⁵.

Подобные нормы направлены не столько на усиление позиций оппозиции, сколько на повышение качества законотворческого процесса. Привлечение экспертов и учет различных точек зрения на этапе подготовки позволяет создавать более сбалансированные нормативные акты, отражающие комплексный взгляд на проблему. Это, в свою очередь, повышает их легитимность и снижает уровень возможного сопротивления при реализации, поскольку в законе уже учтены разнообразные правовые, социальные и экономические аспекты.

Механизмы обеспечения институциональной роли парламентской оппозиции в различных государствах обладают национальной спецификой. В Канаде, начиная с 1970 года, политическим партиям, представленным в парламенте численностью от 12 до 30 депутатов, выделяется базовое ежегодное финансирование (первоначально в размере 200 тысяч долларов) для создания собственных аналитических и исследовательских служб⁴⁷⁶.

Объем финансовых ассигнований напрямую зависит от численности парламентской фракции, что создает для оппозиционных партий прямую материальную заинтересованность в увеличении своего представительства. Данная система не ставила целью полное уравнивание возможностей партий, но предоставила оппозиции инструменты для квалифицированной подготовки законопроектов, организации слушаний и артикуляции своей позиции через привлечение экспертов.

В Великобритании, наряду с традиционным «комитетом заднескамеечников» (1922 Committee), объединяющим рядовых членов Палаты общин от правящей Консервативной партии, реформа 1985 года ввела процедуру избрания председателей специальных комитетов самими членами этих комитетов. Это обусловило то, что до половины таких председательских постов стали занимать представители оппозиции. Данное нововведение предоставило

⁴⁷⁵ См.: *Congressional Quarterly's Guide to the Congress of the United States*. Wash., 1973. P. 122.

⁴⁷⁶ См.: *Franks C.E.S. The Parliament of Canada*. Toronto, etc., 1987. P. 86.

оппозиционным фракциям возможность прямого влияния на работу вспомогательного аппарата и формирование повестки парламентских комитетов⁴⁷⁷.

Во Франции конституционные гарантии роли оппозиции закреплены в статье 48 Конституции Пятой республики (в редакции 2008 года). Согласно ей, один день пленарных заседаний в месяц в каждой палате парламента резервируется для рассмотрения вопросов, включенных в повестку по инициативе оппозиционных и миноритарных парламентских групп. Кроме того, как минимум одно заседание в неделю приоритетно отводится для вопросов депутатов к правительству и ответов на них, что также служит инструментом парламентского контроля со стороны не только большинства, но и меньшинства⁴⁷⁸.

В послевоенной Японии сложилась устойчивая парламентская практика, в рамках которой законодательные инициативы депутатов (частные законопроекты) вносятся преимущественно в качестве альтернативы правительственным законопроектам. Основная функция таких инициатив заключается в формулировании позиции оппозиционных политических сил, противопоставленной официальному курсу кабинета министров. Согласно выводам Д.В. Стрельцова, около 90% депутатских законодательных инициатив носят партийный характер, проходя внутреннюю подготовку и санкционирование в партийных структурах.

Одновременно в бюджетной процедуре Японии закреплён элемент гражданского участия: право любого лица на доступ к открытым парламентским слушаниям по проекту бюджета. Руководитель соответствующей бюджетной комиссии палаты представителей осуществляет отбор нескольких кандидатов из числа заявителей, которые затем привлекаются к непосредственному обсуждению законопроекта⁴⁷⁹.

⁴⁷⁷ См.: *Commons Select Committees. Catalysts for Progress?* Harlow, 1984.

⁴⁷⁸ URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=138> (дата обращения: 25.05.2024).

⁴⁷⁹ Кузнецов О.А. Государственно-правовой механизм внешнеэкономических связей Японии. М., 1990. С. 73.

В институтах гражданского общества (политических партиях, профсоюзах, других общественных объединениях) принцип защиты прав меньшинства проявляется в том, что внутри различных общественных объединений существуют различные течения (так называемые правые, левые, центристы), которые так или иначе представлены в руководстве соответствующих общественных объединений и поэтому имеют возможность влиять на выработку и принятие различных политических решений.

Отказ от данного принципа, выполняющего двойную функцию — обеспечения политической свободы и защиты прав меньшинства, — позволяет подвергнуть сомнению утверждение о достижении состояния политической свободы.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, провозглашенные в правовых государствах индивидуальная свобода, равноправие и невмешательство государства в дела гражданского общества не препятствовали монополизации экономики и ее периодическим кризисам, жестокой эксплуатации, обострению социального неравенства и классовой борьбы. Глубокое фактическое неравенство обесценивало равноправие граждан, превращало использование конституционных прав в привилегию имущих классов.

Если к этому добавить, что на Западе, где особое развитие в теории и применение на практике получили идеи правового государства, такое же широкое распространение получила идея секуляризации государства и права, то возможности сближения правового и социального государства становятся практически иллюзорными.

Как отмечает выдающийся компаративист Рене Давид, начиная с XIII столетия в западном мире происходит фундаментальная мировоззренческая трансформация: религия, мораль и право более не рассматриваются как единый недифференцированный комплекс. Гражданский (публично-властный) порядок и правовая система обретают собственную, независимую от религиозно-нравственных предписаний, сущность и функциональную автономию. Это

обретение правом своей специфической роли и самостоятельности стало, по его оценке, одной из определяющих характеристик западного типа мышления и цивилизации в целом⁴⁸⁰.

В итоге формальная юридизация социальных отношений, бездуховность права, искусственно оторванного от религии и нравственности, воплотилась в таком же формальном лозунге: «Пусть рухнет мир, но здравствует закон!». А для кого нужен будет этот «здравствующий» закон, если не будет мира тех, ради которого он и принимался?!

Сложность конструкции правового государства, его чрезвычайная важность и с точки зрения конституционно-правового института, а также сложносоставного конституционного принципа, составные части и признаки которого мы рассмотрели выше, вызвали к нему пристальный интерес и Конституционного Суда РФ. Согласно данным, размещенным на официальном портале КС РФ, вопросам, связанным с различными аспектами реализации принципов правового государства, было посвящено 833 его постановления. Если же учесть все правовые позиции, сформулированные Судом также в многочисленных определениях, то общее число дел, затрагивающих данную проблематику, достигает 6791⁴⁸¹.

Поправка, включенная в Конституцию Российской Федерации также косвенно содержательно коснулась правового государства и тем самым также повысила к нему интерес Конституционного Суда Российской Федерации, который за один только 2024 год вынес 57 постановлений по этому вопросу, т.е. около 7 % от общего количества постановлений, вынесенных за весь период его существования.

В качестве примера можно привести Постановление КС РФ от 13 декабря 2024 г. № 57-П, в котором раскрывается правовая позиция, устанавливающая неразрывную связь права на судебную защиту с принципом разделения властей как фундаментальным атрибутом правового государства. Суд указал, что

⁴⁸⁰ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 1996. С. 33.

⁴⁸¹ <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>

ценность данного права, являющегося высшей гарантией всех иных прав и свобод, вытекает из особого конституционного статуса судебной власти, закрепленного в статьях 10, 11, 18, 19, 46, 118, 120, 125, 126 и 128 Конституции РФ. Правовая позиция подчеркивает, что именно судебная власть, в силу своей природы и функционального предназначения, играет ключевую роль в защите прав человека и гражданина. Это проявляется в исключительной прерогативе суда на окончательное разрешение правовых споров, что придает его актам силу *res judicata* (обязательного и окончательного решения). В связи с этим право на судебную защиту требует создания эффективных институциональных и процессуальных механизмов, обеспечивающих его полную реализацию, восстановление нарушенных прав через справедливое судопроизводство и баланс частных и публичных интересов. Указанная позиция подтверждает и развивает сформированное в предыдущих решениях КС РФ (например, № 34-П⁴⁸², от 13 апреля 2017 г. № 11-П⁴⁸³, от 31 января 2023 г. № 5-П⁴⁸⁴ и др.)»⁴⁸⁵ доктринальное положение о независимой судебной власти как необходимом гаранте и функциональном ядре правового государства в его конституционном измерении.

В рамках Постановления КС РФ от 26 сентября 2024 г. № 41-П была сформулирована правовая позиция, раскрывающая взаимосвязь принципов правового и социального государства в контексте бюджетных ограничений. Суд установил, что недостаточность финансовых или иных ресурсов, находящихся в распоряжении публичной власти, хотя и может выступать объективным фактором, затрудняющим полное выполнение взятых обязательств, не освобождает государство от их исполнения в сферах, непосредственно затрагивающих жизнь и здоровье граждан.

Данный вывод основывается на императиве поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Согласно правовой позиции КС РФ, даже в условиях дефицита бюджета недопустимо полное, даже временное, прекращение

⁴⁸² <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191852/>

⁴⁸³ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71556888/>

⁴⁸⁴ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_438912/

⁴⁸⁵ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411006758/>

реализации тех государственных полномочий, от которых напрямую зависят указанные конституционно защищаемые ценности. Государство обязано предпринимать все возможные меры для минимизации негативных последствий финансовых ограничений для лиц, у которых в силу действующего законодательства возникли правомерные ожидания и которые рассчитывали на получение установленных мер социальной поддержки. Эта позиция согласуется с ранее выработанными правовыми подходами Конституционного Суда, закрепленными в ряде его постановлений (например, постановления от 27 марта 2018 г. № 13-П⁴⁸⁶ и от 1 марта 2022 г. № 9-П⁴⁸⁷).

Таким образом, конструктивным ответом на несовершенство правового государства в его классическом либеральном варианте, а также на неудавшуюся попытку административного социализма советского периода обеспечить каждому человеку материальную свободу и установить в обществе социальную справедливость и равенство явились теория и соответствующая (включая и судебную) практика социального государства.

В социальном государстве в отличие от правового государства имеется стремление обеспечить каждому гражданину достойные условия существования, социальную защищенность, соучастие в управлении производством, а в идеале – примерно одинаковые жизненные шансы и возможности для самореализации личности в обществе.

Функциональное предназначение социального государства заключается в достижении общественного блага и реализации принципа социальной справедливости. Оно осуществляет коррекцию имущественной и иной социальной дифференциации, оказывает поддержку социально уязвимым группам населения, гарантирует обеспечение занятости или иных легальных источников дохода, способствует поддержанию общественного согласия и формированию благоприятной среды жизнедеятельности человека.

⁴⁸⁶ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71808248/>

⁴⁸⁷ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403500578/>

В научной доктрине обоснованно отмечается, что становление концепции и практики социального государства явилось ответом на ограниченность классической либеральной модели правового государства, в которой доминировал принцип формального равенства⁴⁸⁸. Именно в этом заключается их принципиальное различие и невозможность полного отождествления. Ключевой характеристикой социального государства выступает субстантивный, а не процедурный характер его целей: приоритетной задачей является не соблюдение формальных юридических процедур как самоцели, а фактическое обеспечение здоровья населения, продовольственной безопасности, занятости, социального мира и справедливости.

Этого состояния правовое государство обеспечить не может. Пожалуй, социалистическое государство с его известным пренебрежением к праву и социальной уравниловкой ближе к социальному государству, чем либеральное правовое государство.

С тех пор многое изменилось. Выше мы неоднократно обращали внимание на комплексный, многоаспектный характер содержания и сущности социального государства. Название данного параграфа также свидетельствует об этом. Хотя это не единственный аспект и характерная черта данного вида государства.

Как нам представляется, комплексный характер регулирования социальных отношений институционализирован в гл. 1 отечественного Основного Закона, совмещающей принципы правового и социального государства. Конституционная модель определяет Россию как демократическое, федеративное, правовое государство с республиканской формой правления, чья политика одновременно направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека⁴⁸⁹.

Эта двойственная природа обуславливает многоаспектность функций социального государства, признаваемую в научной литературе.

⁴⁸⁸ Васик И.М. О правовом социальном государстве // Социальное государство: Концепции, модели и практика реализации в России: Сб. науч. ст. – Саратов, 2010. С. 70.

⁴⁸⁹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

В частности, в коллективной монографии под редакцией Ю.И. Скуратова, исследуется системный характер социального государства, который раскрывается через анализ взаимосвязанных элементов: конституционного статуса личности и гарантий прав человека, основ конституционно-правового регулирования экономических отношений, специфики финансовой системы, а также отдельных аспектов государственно-правового механизма реализации социальных функций в Российской Федерации⁴⁹⁰.

С.А. Авакьян выделяет дополнительный фундаментальный признак социальности, рассматривая её в качестве публично-правовой и интегративной задачи. Согласно его позиции, социальность представляет собой функцию, реализуемую совокупным субъектом, включающим: а) государство; б) гражданское общество в целом и его институты (общественные и религиозные объединения, стихийные группы); в) индивидов, реализующих свои возможности не только для самообеспечения, но и для оказания помощи другим и обществу; г) бизнес-сообщество; д) институты местного самоуправления. Таким образом, социальность выступает как консолидирующая цель, достижение которой требует кооперации усилий всех указанных социально-политических акторов⁴⁹¹.

О комплексности содержания деятельности социального государства свидетельствуют не только изменяющееся законодательство, эволюция правовых позиций Конституционного Суда РФ, совершенствование научных концепций, но и статистика.

Следует иметь в виду такой парадокс. Если приведенные выше факторы изменчивости законодательства, правоприменительной практики, концепций и т.д. свидетельствуют о стабильности и развитии социальных государств, то им противостоят долговременные факторы стабильности и тенденция неизменности

⁴⁹⁰ См.: Конституционная концепция социального государства: Колл. монография / Под ред. Ю.И. Скуратова. М.: Изд-во РГСУ, 2018. С. 5–6.

⁴⁹¹ Авакьян С.А. Проблемы активизации личности в социальном государстве // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: Материалы МНПК, Минск, 03.10.19 г. / БГУ, Мн.: БГУ, 2019. С. 23–24.

показателей статистики, обеспечивающие незаурядную стабильность социально ответственных государств.

Если, например, в 1960 г. государственные расходы на социальные нужды в развитых странах составили 18% ВВП, то к 1980 г. эти расходы увеличились до 43–44% ВВП. Эту тенденцию не могла остановить и набиравшая силу глобализация – к 1990 г. доля государственных расходов на социальные нужды в развитых странах приблизилась к 46% ВВП, а в 1995 г. она составила 48–49% ВВП⁴⁹².

Еще один важный вывод, подводящий итог анализа проблем, содержащихся в данном параграфе, и позволяющий эффективно их разрешать по вопросам и соотношения правового и социального государства, и сохранения национальных интересов и тенденций глобализации и др., – это конституционная реформа 2020 года, которая внесла системные изменения в Основной Закон России, выразившиеся в двух взаимосвязанных аспектах.

Конституционные поправки привели к углублению аксиологических основ государственного устройства посредством инкорпорации в правовое поле традиционных ценностей, отражающих исторический опыт и культурное наследие народов России. Это придало духовно-нравственному измерению статус нормативного элемента, непосредственно влияющего на определение направлений государственной политики и моделей общественного развития.

Во-вторых, была значительно расширена компетенция Конституционного Суда Российской Федерации в сфере защиты этих основ. В его полномочия включена процедура предварительного конституционного контроля, позволяющая проверять соответствие Основному Закону еще не вступивших в силу международных договоров и законодательных инициатив, что создает дополнительные гарантии сохранения конституционной идентичности и суверенитета правопорядка.

⁴⁹² См.: *A Survey of the World Economy. The Future of the State* // *The Economist*. 1997. September 20. P. 8.

Именно придание отечественному праву нравственных начал и правовые позиции Конституционного Суда РФ, основанные на нравственных началах права, способны сгладить «острые углы» формальных правовых предписаний правового государства и социальную направленность политики социального государства.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

3.1. Возникновение и развитие социально-экономических прав человека и гражданина в разных государствах

Внимание к социально-экономическим правам человека всегда было пристальным и одновременно разным со стороны государства, политических деятелей, ученых и простых обывателей не только в разные периоды существования человечества, но и в современных условиях, а также в разных государствах одной и той же эпохи.

Б.С. Эбзеев указывает на исторический урок, преподанный государственно-правовым развитием России в начале 1990-х годов. Он отмечает, что практика, основанная на догматическом, а не на системно-сбалансированном понимании принципа разделения властей, создала серьезную угрозу самой государственной целостности и суверенитету страны. Этот кризисный опыт привел к осознанию необходимости наличия в политической системе сильного института, способного предотвращать деструктивный конфликт и разрыв между различными ветвями власти.

Как подчеркивает ученый, именно стремление создать такую гарантию от повторения исторических травм, связанных с распадом СССР в 1991 году и конституционным кризисом сентября-октября 1993 года, стало одним из ключевых мотивов для участников Конституционного совещания при разработке соответствующего механизма в новой Конституции России. Таким образом, современный конституционный дизайн отчасти является ответом на необходимость обеспечения стабильности и предотвращения подобных потрясений в будущем⁴⁹³.

⁴⁹³ Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 19.

Одной из важнейших причин столь пристального внимания к указанной группе прав и свобод является то, что они во все периоды обеспечивают жизнедеятельность человека⁴⁹⁴. В этой связи мы солидарны с точкой зрения, согласно которой труд можно определить как интенциональную и рефлексивную деятельность субъекта, направленную на производство материальных или духовных благ в рамках социально признанных (легитимных) форм. Данная деятельность носит целерациональный характер и служит удовлетворению индивидуальных или коллективных потребностей, выступая тем самым основой воспроизводства как личности, так и общества в целом⁴⁹⁵.

В параграфе 1.4 главы первой мы уже подробно рассматривали эволюцию права частной собственности как одного из основных экономических прав человека. Еще одним из важнейших экономических прав человека, которое будет рассмотрено в данном параграфе, является право на труд.

Если, как мы уже отмечали, право частной собственности было известно законодательству с древнейших времен, то упоминание о праве на труд появилось в конституциях, как вполне справедливо отмечают, например, В.Е. Чиркин, Д.М. Худолей, сравнительно недавно в конституциях третьей волны, т.е. уже по завершению Второй мировой войны⁴⁹⁶.

Хотя если говорить об особенностях закрепления права на труд, например, в Российской империи, то после отмены в 1861 г. крепостной зависимости оно (в том числе из-за особенностей формы Конституции этого государства) получило свое закрепление в так называемом фабричном законодательстве (1861–1917) – своде правил или законов, которые регулировали права и обязанности фабрично-заводских рабочих, а также их правоотношения с нанимателями на территории

⁴⁹⁴ См., например: *Дорошенко Е.Н.* Конституционно-правовое регулирование экономических отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Конституционализм, его принципы и их роль в развитии и защите прав человека: материалы VII Молодежных образоват. чтений, Уфа, 26 апреля 2023 г. / Уфимский университет науки и технологий, Институт права, / ответственный редактор Латыпова Н. С. – Уфа : Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023; *Конституционное право России: Учебник* / Под ред. Б.С. Эбзеева, 5-е изд., С. 142–144; *Конституционное (государственное право) зарубежных стран: В 4 т. Т. 1–2.* С. 100–102.

⁴⁹⁵ *Рофе А.И.* Экономика труда: Учебник. М.: КноРус, 2010. С. 43.

⁴⁹⁶ *Конституционное право зарубежных стран* / Отв. ред. В.В. Чиркин. М., 1997. С. 34; *Худолей Д.М.* Конституционализация права на труд в зарубежных государствах // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. Вып. 1 (7). 2010.

Российской империи. Указанное законодательство регулировало порядок найма и увольнения рабочих, регулирование рабочего времени, заработной платы, условий труда и расчета с рабочими, охраны труда и техники безопасности, разрешения трудовых конфликтов⁴⁹⁷.

Указанные изменения в дореволюционном законодательстве в области экономических прав российских подданных сыграло существенную роль в становлении и развитии коллективных начал экономических прав человека. Считаем правильной позицию Б.С. Эбзеева, согласно которой каждый этнос обладает уникальным историческим опытом этнополитического, социального и духовного развития, детерминирующим специфику всей системы общественных отношений. Ключевым условием устойчивости любого социума выступает динамическое равновесие между индивидуальным и коллективным началами, находящее (или не находящее) своё отражение в правовой системе, организации власти, моральных нормах. Дисбаланс или отсутствие институциональных механизмов гармонизации этих начал ведет к социальной дезинтеграции.

Следовательно, научный анализ и социальное проектирование должны основываться на преодолении крайностей атомизированного индивидуализма и поглощающего коллективизма. Требуется поиск такой модели сочетания индивидуального и общественного, которая обеспечивала бы баланс интересов, гарантирующий личность от произвола коллектива, а общество — от деструктивного своеволия индивида. Эта базисная идея солидаристской теории, укорененная в отечественной философской, социально-психологической, этической и правовой мысли, предлагает третий путь, синтезирующий позитивные аспекты этатизма и либерализма. Такой подход создает основу для консолидации всех социальных субъектов через согласование их интересов,

⁴⁹⁷ Подробнее см., например: *Глазунов С.Р.* Фабричное законодательство и механизмы его реализации. 1882–1914 гг. // *Экономическая история*. 2018. Т. 14. № 2. С. 141–154.

обеспечивая общественный прогресс при сохранении цивилизационной и государственной идентичности⁴⁹⁸.

Следует иметь в виду также и то, что вместо систематического регулирования отношений в указанной сфере отдельные разделы в соответствующих законах и специальные правовые акты о труде начинают появляться в России в XVII–XVIII вв. Другими словами, появлению фабрично-заводского законодательства способствовало строительство заводов и фабрик на Урале и в Прикамье, главным образом Ижевского и Воткинского заводов, которые еще называли Камскими заводами.

То есть создание на территории Российской империи крупных промышленных производств и появление на таких предприятиях значительных масс рабочих создали экономические, а затем и юридические предпосылки для правового регулирования отношений в сфере труда.

Если подводить некоторые промежуточные итоги исследования возникновения и эволюции права на труд, то можно отметить, что его относительно поздняя юридическая институционализация является закономерным следствием хронологического развития способов производства – от рабовладельческого и феодального к капиталистическому, в рамках которого это право приобрело свою социально-правовую актуальность.

Другими словами, с появлением рыночных производственных отношений и вызванных ими значительным удельным весом лиц наемного труда появилась и необходимость правового регулирования данного вида правоотношений. Поскольку ни рабам, ни крепостным крестьянам право на труд не требовалось.

Как отмечается в учебном пособии под редакцией Б.А. Страшуна, право на труд приобрело статус ключевого политического требования с момента формирования рабочего движения в середине XIX века. В социалистических конституциях, начиная с 1936 года, это право занимало привилегированное место в разделах о правах граждан, выступая идеологическим обоснованием

⁴⁹⁸ Эбзеев Б. С. Социальная солидарность как позитивное основание отечественной государственности и правовой системы России. С. 197.

преимуществ социалистической системы, якобы ликвидировавшей безработицу. Данная тенденция оказала влияние и на послевоенное конституционное развитие многих демократических государств, где под давлением общественных движений также произошла нормативная институционализация этого права⁴⁹⁹.

Несмотря на длительную историю конституционного закрепления и научного осмысления права на труд, в современной российской правовой доктрине отсутствует единообразное понимание его содержания и соотношения со смежными категориями.

Нами разделяется позиция В.В. Невинского и А.Е. Канаковой, согласно которой сравнительно-правовой анализ конституционного законодательства различных стран демонстрирует разнообразие подходов к закреплению фундаментальных положений в сфере труда. Это разнообразие проявляется, во-первых, в различной конфигурации и взаимосвязи категорий свободы труда, права на труд и обязанности трудиться: они могут как исключать, так и дополнять друг друга в тексте основного закона. Во-вторых, указанные положения могут наделяться в конституции либо статусом принципа правового регулирования, либо статусом субъективного права (обязанности), наполняемого различным юридическим содержанием⁵⁰⁰.

Если сравнивать конституционно-правовое закрепление права на труд, свободы труда, обязанности трудиться и т.п. конституциями разных государств одного периода времени, то здесь следует отметить не только особенности национальных традиций, но и особенности социально-политических типов государств.

К примеру, статья 4 Конституции Мексиканских Соединенных Штатов 1917 года закрепляет принцип свободы труда, предоставляя каждому субъективное право на свободный выбор профессии, рода промышленной, торговой или иной законной деятельности. Осуществление данного права может быть ограничено

⁴⁹⁹ См.: Конституционное (государственное право) зарубежных стран: В 4 т. Т. 1–2. С. 109.

⁵⁰⁰ Невинский В.В., Канакова А.Е. Свобода труда и право на труд в конституциях зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ) // Вестн. ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 2 (2). С. 99.

исключительно на двух основаниях: 1) по судебному решению в случае нарушения прав третьих лиц; 2) в административном порядке, предусмотренном законом, при посягательстве на публичные интересы. Норма также гарантирует неприкосновенность результатов труда, устанавливая, что их лишение возможно лишь на основании судебного акта. Кроме того, закон определяет перечень профессий, требующих специального диплома, регламентирует условия его получения и уполномоченные органы⁵⁰¹.

Последующая статья Конституции Мексики устанавливает запрет на принудительный труд, определяя исчерпывающий перечень исключений, носящих характер общественных обязанностей. К ним отнесены: военная служба, отправление функций присяжного заседателя, замещение должности муниципального советника, а также должностей, замещаемых по итогам прямых или косвенных выборов. Избирательные процедуры и участие в переписях населения определены как обязанности, носящие обязательный и безвозмездный характер. Профессиональная деятельность на общественных началах является обязательной, но предполагает выплату вознаграждения в установленном законом порядке, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством⁵⁰².

Один из основных законов, составляющих Конституцию Финляндии, – Форма правления Финляндии 1919 г. – провозглашает в ч. 2 § 6: «Право граждан на труд находится под особой защитой государства. Задачей государственной власти является предоставление в случае необходимости гражданину Финляндии возможности работать, если законом не установлено иное».

Статья 102 Конституции Польской Республики 1921 года устанавливала, что труд, рассматриваемый в качестве фундаментальной основы национального богатства, находится под особой защитой государства. Каждому гражданину гарантировалось право на государственное покровительство его трудовой деятельности, а также на обеспечение со стороны общества в случаях

⁵⁰¹ URL://<https://gotomexico.today/mexico/people/1744.html>

⁵⁰² Там же.

безработицы, болезни или несчастного случая, порядок и условия которого должны были определяться специальным законодательным актом⁵⁰³.

Пункты 6 и 7 статьи 5 Конституции Мексиканских Соединенных Штатов регламентируют институт трудового договора. Согласно им, такой договор порождает обязательство выполнять конкретную работу в течение срока, установленного законом, который не может превышать одного года, если это ущемляет интересы работника. Договор не может содержать условий об отказе, утрате или ограничении гражданских или политических прав. Нарушение договорных обязательств со стороны работника влечет исключительно гражданско-правовую ответственность за причиненный ущерб и исключает возможность правового обоснования применения мер, посягающих на личную свободу или достоинство⁵⁰⁴.

В тот же период Конституция (Основной закон) РСФСР от 10 июля 1918 года инкорпорировала в свой текст Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Данный акт в качестве программной цели формально декларировал устранение всякой эксплуатации человека человеком, полное уничтожение классового разделения общества, подавление любого сопротивления со стороны бывших эксплуататоров, построение социалистического общества и распространение социализма в мировом масштабе⁵⁰⁵.

Фактически же вместо уничтожения эксплуатации человека человеком государством была введена всеобщая трудовая повинность и помещение трудящихся в концлагеря за ее нарушение. Кроме того, Конституция 1918 г., формально провозглашая идею уничтожения эксплуатации человека человеком, тут же заменяла ее идеей «эксплуатации» человека государством. Поскольку и В.И. Ульянов (Ленин), и другие советские чиновники также имели в своем личном услужении поваров, горничных, посудомоек и т.д.

⁵⁰³ URL://<https://worldconstitutions.ru/?p=742>

⁵⁰⁴ URL://<https://gotomexico.today/mexico/people/1744.html>

⁵⁰⁵ URL://<https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/>

Но если до революции, например, отец В.И. Ульянова (Ленина) расплачивался с ними за работу из своих личных средств, то после революции за указанную работу с персоналом, который обслуживал его сына, расплачивалось государство.

Образно говоря, труд здесь признавался не столько правом, сколько обязанностью каждого гражданина. Поэтому все были обязаны трудиться, чтобы заработать себе на жизнь.

Право на труд получило нормативное закрепление и в Конституции РСФСР 1925 года, где оно в ст. 9 формулировалось в качестве обязанности всех граждан Республики⁵⁰⁶.

Значительная кодификация основных прав и свобод была осуществлена в Конституции СССР 1936 года. Именно в этом акте впервые было провозглашено право (а не обязанность) на труд. Статья 118 закрепляла право на труд как гарантированное получение работы с оплатой в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. Обеспечение этого права связывалось с социалистическим устройством экономики, планомерным ростом производительных сил, отсутствием экономических кризисов и безработицы⁵⁰⁷.

А ст. 12 устанавливала обязанность трудиться для всех трудоспособных граждан, объединяя правовую и моральную норму: труд признавался долгом и делом чести, а принцип «кто не работает, тот не ест» подчёркивал обусловленность права на получение благ трудовым участием. Таким образом, советская конституционная доктрина соединяла гарантию права на труд с императивной трудовой обязанностью, подчеркнутой идеологическим принципом⁵⁰⁸.

Следует отметить, что ст. 118 Конституции, гарантирующая право на труд с оплатой по его количеству и качеству, не отменяла всеобщей трудовой повинности, что отражало принудительный характер государственного

⁵⁰⁶ Конституция (Основной закон) РСФСР (утв. пост. XII Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г.) (с изм. и доп.) // URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/185477/

⁵⁰⁷ URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/

⁵⁰⁸ Там же.

регулирования труда. Аналогичный подход, где право на труд одновременно является обязанностью, характерен для других социалистических государств (КНДР, КНР).

В отличие от этого, в демократических странах, как отмечается в учебнике под редакцией Б.С. Страшуна, обязанность трудиться носит в основном моральный характер, поскольку её неисполнение не влечёт юридической ответственности.

При этом само право на труд часто закрепляется как конституционный принцип. К примеру, ст. 1 Основного Закона Италии 1947 года определяет республику как «основанную на труде», что детализируется в более чем десяти последующих статьях, устанавливающих конкретные права: на свободу труда, безопасные условия, отдых, справедливую оплату, пособие по безработице, создание профсоюзов и забастовку.

В странах социализма обязанность трудиться подчас оборачивается принуждением к труду (борьба с «тунеядством» и т.п.)⁵⁰⁹. Указанные авторы отмечают еще одну особенность конституционного закрепления данного права. В первоначальной редакции ч. 3 ст. 42 китайской Конституции был сделан акцент на том, что государство одобрительно относится безвозмездному труду граждан, осуществляемому на добровольной основе. В 1993 г. слово «безвозмездным» было исключено, и фраза приобрела другое, но тоже символическое значение: получается, что без государственного поощрения граждане трудятся только по принуждению»⁵¹⁰.

Конституция Мексики 1917 года в уже упоминавшейся выше статье 5 гарантирует субъективное право на оплату труда, категорически запрещая принудительный труд, лишенный имущественной компенсации и свободного волеизъявления работника. Норма предусматривает специальное изъятие для случаев, когда труд выступает санкцией, налагаемой в рамках уголовного

⁵⁰⁹ Конституционное (государственное право) зарубежных стран: В 4 т. Т. 1–2. С. 100.

⁵¹⁰ Там же. С. 111.

судопроизводства, отсылая к конкретным нормам статьи 123 Конституции, регулирующим данный вопрос⁵¹¹.

Следует отметить еще одну национальную особенность закрепления конституционного права на труд и на заработную плату. Например, Конституция Итальянской Республики 1947 года содержит детальное регулирование трудовых отношений. Статья 35 провозглашает комплексную защиту труда во всех его формах и проявлениях со стороны государства. В сфере внутренней политики Республика гарантирует профессиональное образование и повышение квалификации работников. В международном аспекте она способствует заключению соглашений и поддерживает деятельность организаций, направленную на унификацию и защиту трудовых стандартов. Кроме того, итальянская Конституция гарантирует свободу эмиграции (с возможными ограничениями в общественных интересах) и защиту прав трудящихся за рубежом⁵¹². Статья 36 закрепляет право на вознаграждение, соответствующее количеству и качеству труда и достаточное для достойного существования работника и его семьи. Максимальная продолжительность рабочей недели регулируется законом. Также за трудящимся закрепляются неотъемлемые права на еженедельный отдых и ежегодный оплачиваемый отпуск, от которых он не может отказаться⁵¹³.

Как следует из положений данной статьи итальянской Конституции, при таком подходе составителей Конституции к уровню оплаты труда, жена трудящегося итальянца может себе позволить не работать. Похожие условия имели наши прабабушки, пока они активно не увлеклись «революционными» идеями.

В Конституции Италии 1947 года правам трудящихся женщин посвящена отдельная статья 37. Она гарантирует гендерное равенство в трудовой сфере, устанавливая, что женщина-работница обладает равными с мужчиной правами и

⁵¹¹ URL://<https://gotomexico.today/mexico/people/1744.html>

⁵¹² URL://<https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf>

⁵¹³ Там же.

должна получать равное вознаграждение за равный труд. Одновременно законодатель обязывает обеспечивать такие условия труда, которые позволяют женщине выполнять её основную социальную функцию, связанную с материнством, и гарантируют необходимую охрану интересов матери и ребёнка⁵¹⁴.

Нормативное содержание права на труд в советском конституционном праве претерпело эволюцию. Обязанность трудиться, закреплённая в статье 118 Конституции СССР 1936 года, была трансформирована в более широкую формулировку в статье 40 Конституции СССР 1977 года. Рассматриваемая норма гарантировала право на трудоустройство с оплатой по количеству и качеству труда не ниже государственного минимума, а также на выбор профессии с учётом призвания и общественных потребностей. Это декларативно обеспечивалось социалистической экономической системой. При этом указание на «учёт общественных потребностей», формально призванное отражать демократический характер нормы, на практике часто носило декларативный характер⁵¹⁵.

Отдельно, в статье 37 Конституции РСФСР 1978 года, было гарантировано право на труд в условиях, соответствующих установленным требованиям охраны труда и производственной санитарии⁵¹⁶.

Ещё одним важным экономическим правом, нередко закрепляемым конституционным законодательством демократических государств и непосредственно связанным с правом на труд, является право на забастовку. К примеру, ст. 37 испанской Конституции гарантирует право на коллективные переговоры и обязательность соглашений между сторонами труда, а также признаёт право на коллективные конфликтные действия с оговоркой о защите работы социально значимых служб.

Одновременно следует отметить, что законодательство обычно запрещает забастовки в органах и учреждениях, занятых «обслуживанием» государственного

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ URL:// <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>

⁵¹⁶ URL:// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

суверенитета (вооруженные силы, офицерский состав служб полиции и безопасности, внешней разведки), а также в службах даже негосударственного характера, остановка работы которых повлекла бы серьезные, если не катастрофические, последствия для страны (например, запрещаются забастовки персонала, обслуживающего атомные электростанции).

По нашему мнению, одной из особенностей права на труд в отличие от права на частную собственность является то, что право на труд сравнительно быстро после своего закрепления в национальном законодательстве получило закрепление в многосторонних международных документах. Например, ст. 23 ВДПЧ 1948 г. закрепляет комплекс трудовых прав, включая право на труд, свободный выбор работы, справедливые и благоприятные условия труда и защиту от безработицы. Она гарантирует равную оплату за труд равной ценности, а также право на справедливое вознаграждение, обеспечивающее достойное существование работника и его семьи, которое может дополняться социальным обеспечением. Кроме того, для защиты своих интересов каждый имеет право создавать профессиональные союзы и вступать в них⁵¹⁷.

Европейская социальная хартия 1996 года в статье 1 предусматривает право на труд. Для его эффективной реализации Стороны обязуются:

- 1) Признать достижение и поддержание максимально высокого и стабильного уровня занятости в качестве одной из своих первостепенных целей, ориентируясь в перспективе на полную занятость;
- 2) Гарантировать эффективную защиту права трудящихся зарабатывать себе на жизнь трудом по свободно избранной профессии;
- 3) Создавать или поддерживать для всех трудящихся бесплатные службы занятости;
- 4) Обеспечивать или содействовать развитию соответствующей системы профессиональной ориентации, обучения и переподготовки⁵¹⁸.

⁵¹⁷ URL:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

⁵¹⁸ URL:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/

Согласно ст. 6 Пакта ЭСКП 1966 года, право на труд понимается как гарантированная возможность каждого человека получать средства к существованию благодаря труду, при условии свободного выбора рода занятий или добровольного согласия на предложенную работу. Государства-участники обязуются предпринимать надлежащие меры по обеспечению этого права. В их число входят программы профессиональной подготовки, а также стратегии, направленные на устойчивое развитие и полную производительную занятость в условиях соблюдения ключевых свобод человека⁵¹⁹.

Кроме того, еще до создания Организации Объединенных Наций Международная организация труда (МОТ), созданная в 1919 г. вместе с Лигой Наций, приняла несколько сотен многосторонних международных конвенций и рекомендаций, направленных на регулирование отношений:

- 1) по осуществлению защиты основных прав и свобод личности в области труда;
- 2) относящихся к обеспечению занятости, защите от безработицы;
- 3) регулирования условия труда;
- 4) по безопасности и гигиене труда;
- 5) регулирования труда работников, нуждающихся в повышенной правовой защите;
- 6) регулирования труда отдельных категорий работников;
- 7) регулирования сотрудничества организаций работников, работодателей, государства, мирных способов разрешения трудовых конфликтов⁵²⁰.

Важными правами, которые тесно связаны с правом на труд и на частную собственность, являются социальные права. Например, согласно позиции А.А. Мишина и А.Е. Козлова, методологически корректный анализ социальных прав требует их рассмотрения в неразрывном единстве с правами экономическими. Указанные группы прав обладают органической взаимосвязью и оказывают

⁵¹⁹ URL:// <https://docs.cntd.ru/document/1901156>

⁵²⁰ Подробнее см.: URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289592/0e25ba1_eceb8c5a65f50ff52e78282626efb2099/

прямое детерминирующее воздействие друг на друга. Их совокупность определяет юридическое положение индивида в качестве активного участника общественных отношений в рамках гражданского общества⁵²¹.

Хотя многие авторы рассматривают указанные виды прав как относительно самостоятельные. Так, В.А. Иваненко и В.С. Иваненко определяют социальные права человека как комплекс субъективных прав, обладающих двумя ключевыми характеристиками: во-первых, они получают легитимацию через общественное признание и формальное закрепление в нормативных актах; во-вторых, они направлены на удовлетворение базовых потребностей личности, обеспечивая необходимые материальные и социальные условия для её нормальной жизнедеятельности, развития и интеграции в социум. Таким образом, данные права выступают юридическим инструментом, гарантирующим человеку достойный уровень жизни и возможность активной социальной реализации⁵²².

Мы частично солидарны с авторами первой группы авторов, утверждающих о взаимосвязи социальных прав (от лат. *socialis* – общественный) с экономическими. Эта взаимосвязь выражается в том, что экономические и социальные права образуют неразрывный конституционно-правовой комплекс, объединенный общей целевой направленностью. Их системообразующим признаком выступает ориентация на обеспечение человека определенным набором материальных благ и социальных услуг, которые составляют фундаментальные условия его достойного существования и эффективной деятельности в различных сферах социальной бытийности. Таким образом, их взаимосвязь носит не случайный, а сущностный характер, определяемый единой социально-экономической природой.

Одновременно следует отметить и особенность тех и других. Характерной чертой рассматриваемых прав является различие в источнике обеспечения соответствующих благ: экономические права предполагают, что их носители

⁵²¹ Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. 17-е изд. М.: Статут, 2013.

⁵²² См.: Иваненко В.А., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства. Международные и конституционные правовые аспекты. СПб., 2003. С. 34.

самостоятельно создают материальную основу жизни, тогда как социальные права предоставляются через механизмы государственной и общественной поддержки. При этом и те, и другие права вносят вклад в укрепление гуманистических начал и социальной справедливости: первые – главным образом через социально ориентированное использование собственности, вторые — через деятельность социального государства. В целом же благодаря социально-экономическим правам человек может защититься от различных негативных экономических воздействий, а также обеспечить нормальное и эффективное развитие общества и государства.

В системе социальных прав личности традиционно выделяются ключевые гарантии, такие как право на образование, медицинскую помощь и охрану здоровья. Иллюстрацией конкретной конституционной регламентации одного из таких прав служит статья 39 Конституции Российской Федерации.

Согласно её положениям:

1) Российское государство гарантирует каждому лицу социальное обеспечение при наступлении установленных законом социальных рисков, включая достижение возраста, болезнь, инвалидность, потерю кормильца, необходимость воспитания детей и иные аналогичные случаи.

2) Материальным выражением данной гарантии выступают государственные пенсии и социальные пособия, размеры и условия назначения которых определяются федеральным законодательством.

3) Правовое регулирование поощряет развитие дополнительных механизмов социальной защиты, включая добровольное социальное страхование, создание негосударственных форм социального обеспечения, а также благотворительную деятельность.

Таким образом, норма закрепляет не только обязательства государства по предоставлению базовых социальных гарантий, но и принцип многоуровневости и многоканальности системы социальной защиты⁵²³.

⁵²³ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Следует также особо отметить то обстоятельство, что социальные права имеют уникальную универсальную особенность, которая позволяет им не только сочетаться с экономическими правами, придавая им ярко выраженный гуманитарный аспект сотрудничества и солидарности отдельной личности, общества и государства. Они прекрасно сочетаются и с такими сопутствующими экономическим правам, закрепляемым конституциями, потребностями, как охрана здоровья, благоприятная обстановка окружающей среды и т.п.

Так, конституционные гарантии в социально-культурной сфере включают ряд взаимосвязанных прав, закрепленных в Основном Законе Российской Федерации.

В области охраны здоровья (ст. 41) гарантируется всеобщее право на медпомощь и охрану здоровья. Бесплатное оказание такой помощи в учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения обеспечивается за счёт бюджетного финансирования, средств обязательного медицинского страхования и иных источников. Государственная политика в данной сфере реализуется через финансирование федеральных целевых программ, развитие всех форм организации здравоохранения (государственной, муниципальной, частной), а также поощрение деятельности, направленной на укрепление здоровья населения, развитие физической культуры, спорта и обеспечение экологического и санитарно-эпидемиологического благополучия⁵²⁴.

Ст. 42 закрепляет право на благоприятную окружающую среду, которое включает право на достоверную информацию о её состоянии и на возмещение вреда, причинённого экологическим правонарушением здоровью или имуществу⁵²⁵.

Ст. 43 гарантирует право каждого на образование. Она устанавливает общедоступность и бесплатность дошкольного, общего и среднего образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Высшее образование является бесплатным в таких учреждениях на конкурсной основе.

⁵²⁴ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

⁵²⁵ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Основное общее образование обязательно, и эта обязанность возлагается на родителей или иных законных представителей. Роль Российской Федерации заключается в установлении единых образовательных стандартов и поддержке различных форм получения образования, включая самообразование⁵²⁶.

Самое же главное, по нашему мнению, – рассмотрение социальных и экономических прав и свобод человека во взаимосвязи и объединение их в единую группу – социально-экономических прав и свобод человека – не только конституирует и формально закрепляет положение личности как активного участника публичных отношений в рамках гражданского общества, но и позволяет подчеркнуть их особую роль и значение в условиях именно социального государства.

Суть данных прав – в обеспечении солидарности личности, гражданского общества и государства (ст. 75, 75.1 Основного Закона). При этом их реализация объективно требует участия не только институтов гражданского общества, но и органов МСУ, региональных и федеральных органов власти⁵²⁷.

Первое упоминание о социальных правах человека в российской науке было в трудах дореволюционного российского философа В.С. Соловьева, который впервые заговорил о «праве человека на достойную жизнь»⁵²⁸. Согласно позиции указанного философа, на общество возлагается обязанность по признанию и гарантированию для каждого своего члена условий существования, соответствующих понятию человеческого достоинства.

Представляются научно значимыми и методологически корректными рассуждения В.С. Соловьева о «праве на достойную жизнь», сохраняющие свою эвристическую ценность и в современном контексте. В своей концепции философ стремился определить содержательные границы данного понятия, выделив минимальный и максимальный критерии. Нижней границей социальной зрелости индивида, по его оценке, выступает понимание и реализация требований

⁵²⁶ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

⁵²⁷ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.12.2024).

⁵²⁸ Соловьев В.С. Оправдание добра / М.: Ин-т русской цивилизации: Алгоритм, 2012.

социального права в повседневной жизни. Верхний предел предполагает переход от правовой социализации к активному нравственному самосовершенствованию и позитивной преобразующей роли в общественном и государственном развитии.

Проблематика, обозначенная Соловьевым, нашла своё отражение и программно-целевое развитие в документе государственной социальной политики – «Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 гг.», утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 февраля 1997 г. № 222⁵²⁹. Формально срок действия данной программы истек, однако многие заложенные в ней концептуальные подходы и стратегические ориентиры не утратили своей актуальности для формирования социальной политики.

Данная Программа регламентировала взаимодействие государственных и региональных уровней власти, полномочия каждой в социальной сфере. В частности, Программа социальных реформ выступила концептуальной и нормативной основой для разработки и принятия последующих ключевых законодательных актов в социальной сфере. Среди них можно выделить ФЗ от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»⁵³⁰ и ФЗ от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»⁵³¹. Закон о трудовых пенсиях позднее утратил силу с в виду принятия ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»⁵³², но многие его базовые положения и принципы были инкорпорированы в новое регулирование. Таким образом, действующее страховое пенсионное законодательство в значительной мере опирается на нормативные и методологические наработки как своей предшествующей версии, так и исходной Программы.

Принятие указанных актов позволило преодолеть существовавший правовой вакуум и создать системный фундамент для правового регулирования

⁵²⁹ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13604/ (дата обращения: 25.12.2024).

⁵³⁰ ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904; URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/ (дата обращения: 25.12.2024).

⁵³¹ ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4920; URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34443/

⁵³² URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (дата обращения: 25.12.2024).

социальных отношений, дав тем самым импульс для дальнейшего развития и совершенствования всего социального законодательства.

3.2. Понятие, природа и классификация социально-экономических, социальных и культурных прав и свобод человека и гражданина

Проанализированные нами исторические и конституционно-правовые особенности генезиса и эволюции социально-экономических прав и свобод личности закономерно обусловили наличие различных теоретических подходов к их оценке в отечественной конституционалистике. Это дает основания для классификации и собственного юридического анализа существующих научных позиций.

Так, А.А. Мишин и А.Е. Козлов обосновывают методологическую необходимость рассмотрения социальных прав исключительно в системной связи с правами экономическими, указывая на их органическую взаимозависимость и взаимовлияние. С их точки зрения, именно комплекс социально-экономических прав формирует правовой статус индивида как субъекта гражданского общества⁵³³.

М.В. Баглай акцентирует функциональный аспект данных прав, подчеркивая, что, гарантируя средства к существованию, они обеспечивают автономию личности в социально-культурно-экономической сфере и воспроизводят таким образом экономический фундамент для автономного обеспечения жизненных потребностей.

Отдельные ученые понимают этот комплекс прав как совокупность государственных гарантий, призванных обеспечить защиту жизненных интересов личности, обуславливающих ее нормальное развитие, достойный уровень жизни и социальную активность⁵³⁴.

⁵³³ Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов. 17-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2013; см. также: Козлов А.Е. Конституционное право России. С. 84, 87.

⁵³⁴ Иваненко В.А., Иваненко В.С. Указ. соч. С. 34.

Близкую точку зрения имеет Н.В. Путило и понимает социальные права как неотъемлемое правомочие, обеспечивающую человеку и его семье государственную и общественную поддержку в ситуации объективной невозможности самообеспечения базовыми благами⁵³⁵.

Как следует из приведенных позиций, ни одна из них не предлагает исчерпывающей концепции собственно социально-экономического права. Более того, подход, сводящий сущность этих прав преимущественно к «защите» и «борьбе» (вторая позиция), создает, по нашему мнению, искаженное представление об их природе. В действительности, данная группа прав рассчитана на консолидацию общества и целенаправленное создание условий для реализации человеческого потенциала.

Особняком стоит позиция В.В. Трубина, который интерпретирует социальные права не как субъективные права индивида, а как нормативно закреплённую модель общественно целесообразных условий жизнедеятельности, необходимых для прогресса на уровне индивида, группы и социума⁵³⁶. Идентичные взгляды на рассматриваемый нормативно-ценностный подход имеют и другие ученые⁵³⁷.

По нашему мнению, предлагаемые трактовки являются недостаточно конкретными и раскрывают лишь отдельные аспекты природы социального права. Они не только не могут лечь в основу адекватного определения понятия данного права слишком абстрактными рассуждениями, которые не раскрывают его содержания. Более того, указанные авторы в своих определениях акцентируют внимание и на таких же абстрактных материальных благах, которые социальное право удовлетворяет. Вместе с тем, указанные подходы демонстрируют методологическую ограниченность, игнорируя тот факт, что личность реализует

⁵³⁵ См.: Путило Н.В. Основы правового регулирования социальных прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. С. 17–18.

⁵³⁶ Трубин В.В. Стратегия реформирования системы социальной защиты населения в Российской Федерации. – М., 2000..

⁵³⁷ Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д. Конституционное право России: Учебник. – М.: Эксмо, 2010. С. 234–236.

себя не только через материальные, но и через духовно-нравственные блага, играющие ключевую роль в процессе её воспитания и социализации.

Более комплексную трактовку данных субъективных прав предлагают С.А. Авакьян, Р.В. Енгибарян и Э.В. Тадевосян. В частности, Р.В. Енгибарян и Э.В. Тадевосян. Ученые интерпретируют содержание данной группы прав в расширительном ключе, включая в него право на охрану здоровья, благоприятную окружающую среду, отдых, жилище, социальное обеспечение и иные социальные гарантии. Подчеркивая социальную природу этих прав, исследователи обращают внимание, что их конституционно-правовое регулирование, как в случае с правом на охрану здоровья, строится на принципах, детерминированных социальной функцией государства, что выражается, в частности, в комбинированной модели финансирования медицинской помощи, сочетающей государственное бюджетное финансирование и обязательное медицинское страхование⁵³⁸.

Данное определение указанного субъективного права не только обладает конкретикой, раскрывает его содержание, но и получило юридическое закрепление в соответствующих источниках права. Так, Конституция Российской Федерации закрепляет комплекс конкретных социальных прав, обеспеченных системой гарантий. В качестве иллюстрирующих примеров можно привести право на отдых (ст. 37), социальное обеспечение (ст. 38), жилище (ст. 40), охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь (ст. 41) в установленных законом объёме и формах.

В развитие этих конституционных норм, государство осуществляет финансирование целевых программ, поддерживает развитие различных форм здравоохранения и поощряет деятельность, направленную на укрепление общественного здоровья, развитие физкультуры и спорта, а также обеспечение экологического благополучия.

⁵³⁸ Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право: Учебник. М.: Юрист, 2000. С. 171–172.

Наличие у органов власти конституционных и законодательных обязательств по ресурсному обеспечению прав человека указывает на их гарантированный статус. Таким образом, не только нормативная фиксация социально-экономических и культурных прав, но и создание для их реализации организационно-правовых, судебных и материальных механизмов, является прямым свидетельством социальной значимости данных прав и соответствует конституционной характеристике России как социального государства.

В этой связи нами разделяется позиция исследователей, предлагающих классифицировать права человека не по отдельным сферам (экономические, культурные), а как единые комплексы – социально-экономические и социально-культурные права. Такой подход отражает их комплексную, гарантированную государством природу⁵³⁹.

При этом, в соответствии с принципами государственного суверенитета (статья 4) и верховенства Конституции (статья 15), приоритет в регулировании и развитии социальных отношений, безусловно, принадлежит Российскому государству и его законодательству, что также находит поддержку в научной доктрине и, в частности, разделяется автором настоящего диссертационного исследования⁵⁴⁰.

Принцип верховенства российской Конституции получает подтверждение в ч. 1 ст. 17, в силу которой права и свободы личности гарантируются как на основе признания принципов и норм международного права, так и согласно Основному Закону России. Данная формулировка устанавливает конституционный фильтр для действия международно-правовых норм на территории России: они применяются лишь в тех пределах, в которых не противоречат Конституции страны.

Кроме того, часть 1 статьи 55 Конституции РФ предусматривает, что перечень основных прав и свобод, закрепленный в её второй главе, не является

⁵³⁹ См., например: *Конституционное право России: Учебник* / Под ред. Б.С. Эбзеева. 9-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 144–148.

⁵⁴⁰ См., например: *Осавелюк А.М.* Проблема защиты прав человека современным международным правом // *Закон и право*. 2010. № 5. С. 5–6.

исчерпывающим и может дополняться иными общепризнанными правами. Это создает правовой механизм для имплементации в российскую правовую систему гарантий, установленных ратифицированными международными договорами. Таким образом, международные договоры не только существенно расширяют каталог прав человека и систему их гарантий в России, но и способствуют унификации правового регулирования на территории государств-участников. Это обеспечивает более высокий, комфортный и предсказуемый уровень защиты прав личности в транснациональном контексте.

В.А. Иваненко и В.С. Иваненко под социальными правами понимают комплекс гарантированных государством прав, призванных обеспечить достойные условия жизни и социальную защиту личности. Однако, анализ положений отечественной Конституции, российского социального законодательства, а также сравнительный обзор конституционно-правовых доктрин зарубежных государств позволяют утверждать, что подобная трактовка не соответствует правовой действительности. Указанная категория прав обладает не первичным, а субсидиарным (вспомогательным) характером по отношению к правам экономическим, что находит отражение в системном построении соответствующих нормативных массивов. Данные права призваны обеспечить права малоимущих граждан, временно оказавшихся без средств к существованию или оказавшихся в затруднительном положении и т.п.

Указанные ученые также констатируют, что категория социальных прав остается недостаточно разработанной проблемой в рамках современной российской науки конституционного права и требует более систематического и глубокого теоретического исследования⁵⁴¹. С данным утверждением нельзя не согласиться, но и в ключе, который они предлагают, названные права также не следует анализировать.

Отметим также, что наряду с термином «социальные права» авторами используется и термин «социальные права человека». Оба понятия правомерно

⁵⁴¹ Иваненко В.А., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционно-правовые аспекты. СПб., 2003.

считать равнозначными, поскольку они не различаются по содержанию и в обоих случаях обозначают права, непосредственно связанные с личностью.

В системе критериев оценки эффективности государственной политики в сфере прав человека ключевое значение имеют социальные права – уровень их фактического обеспечения, полнота реализации и надёжность гарантий. Это объясняется тем, что именно социальные права охватывают наиболее широкий спектр жизненно важных гарантий (жилище, здоровье, образование, труд и др.), определяющих качество жизни человека в ситуациях, предусмотренных законодательством.

В связи с этим мы разделяем позицию, что социально-экономические права и свободы – это права, призванные гарантировать человеку возможность удовлетворения его жизненных потребностей и получать от государства защиту своей экономической свободы и социальных льгот в зависимости от уровня занятости, состояния здоровья, экономического положения и т.п. Другими словами, они позволяют индивидуализировать, дифференцировать и одновременно сглаживать противоречия в правовом статусе и возможностях разных субъектов правоотношений в указанной сфере. Преамбула Пакта ЭСКП устанавливает концептуальное единство между осуществлением предусмотренных им прав и идеалом свободного развития личности, который может быть реализован исключительно в обстановке, свободной от страха и материальной необеспеченности⁵⁴².

Следует отметить еще одну важную особенность указанного вида прав и свобод человека. Ключевое несоответствие состоит в том, что первоначальная редакция Пакта ЭСКП, в отличие от Пакта ГПП, не предусматривала системы международного контроля за выполнением государствами-участниками взятых на себя обязательств. Это было обусловлено спецификой нормативного характера самих обязательств по Пакту, носящих во многом программный характер и требующих поэтапной реализации. Механизм контроля в виде регулярной

⁵⁴² Гвоздева О.Н. Гарантии конституционных социально-экономических прав граждан РФ: теория и практика // Вестн. Омск. юрид. акад. 2017. Т. 14. № 3. С. 20.

отчетности государств был введен позднее, с созданием в 1985 году соответствующего контрольно-экспертного органа – Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. Более того, право на индивидуальные обращения по нарушениям данного Пакта было предусмотрено лишь Факультативным протоколом 2008 года. Комитет имеет право проводить расследования по обращениям и принимать решение о дальнейших действиях.

Таким образом, основная задача государственной социальной политики в указанной сфере состоит в неуклонном обеспечении достойного уровня жизни всем гражданам, а также снижение социального различия между качествами жизни граждан различных регионов, граждан и апатридов и т.п.

В частности, как отмечает Николь Дельпере, эксперт Совета Европы, социальные права в своей основе призваны обеспечить правовые гарантии безопасных и социально устойчивых условий жизнедеятельности для каждой личности⁵⁴³.

Социальные права – это взаимосвязанная, взаимозависимая и иерархичная система. Поскольку права, зафиксированные в Конституции РФ и российском законодательстве, базируются на принципах, а также специальных нормах внутригосударственного и международного права, которые осуществляются в социальной сфере, делают возможным достаточный уровень жизни граждан, показывают различия социальных групп, осуществляют социальную безопасность каждого субъекта, в обеспечении которой огромная роль отводится государству, а в демократических социальных государствах – государству и гражданскому обществу. Наиболее успешным гражданам.

Выше мы уже рассматривали данную группу прав, закрепленных в отечественном законодательстве. Рассмотрим особенности их закрепления в современном международном праве. Пакт ЭСКП в ст. 9 провозглашает основополагающе право личности на социальное обеспечение. Данная норма обязывает участвующие в Пакте государства признать это право, которое

⁵⁴³ Дельпере Н. Защита прав и свобод граждан преклонного возраста. М., 1993. С. 35.

выступает в качестве правового механизма защиты индивида, в особенности из числа социально незащищённых групп, и охватывает, в частности, институт социального страхования⁵⁴⁴.

Важно отметить, что ст. 10 Пакта формально нацелена на защиту прав первичной, естественной и основной ячейки общества и государства – семьи. Вместе с тем, поскольку семья в любом государстве составляет основу любого общества и государства, она в конечном итоге гарантирует благополучие всякого общества и государства, устанавливая, что государства-участники Пакта принимают на себя ряд обязательств в социальной сфере:

– Признание семьи в качестве первичной и основной социальной единицы, требующей всесторонней правовой охраны и помощи, в первую очередь на стадии её формирования и в период выполнения ею функций по содержанию и воспитанию детей. Брак основывается исключительно на добровольном согласии вступающих в него лиц.

– Гарантия особой охраны материнства в установленный законом период до и после родов, включая предоставление работающим матерям оплачиваемого отпуска или отпуска с гарантированными социальными выплатами.

– Установление специальных охранных мер для всех детей и подростков вне зависимости от происхождения. Данные меры включают защиту от коммерческой и социальной эксплуатации, законодательный запрет и уголовное преследование за использование детского труда на опасных или вредных для развития работах, а также законодательное определение минимального возраста для допустимого трудоустройства⁵⁴⁵.

Статья 11 Пакта является естественным продолжением гарантий, установленных предыдущей статьей Пакта, проявляя заботу не столько о формальном материальном благополучии семьи, а о таком способе ее обеспечения, который имелся в нашей стране в дореволюционный период и о котором мы писали, ссылаясь на ст. 36 Конституции Италии.

⁵⁴⁴ URL:// <https://base.garant.ru/2540291/>

⁵⁴⁵ Там же.

Данная норма гарантирует право на достаточный уровень жизни, обеспечивающий базовые материальные условия и их поступательное улучшение для индивида и его семьи. Страны-участницы принимают на себя обязательство по реализации данного права через соответствующие внутренние меры и международное сотрудничество. Особое внимание уделяется фундаментальному праву на свободу от голода, для обеспечения которого государства обязуются осуществлять индивидуальные и совместные программы, направленные на:

а) совершенствование технологий производства, хранения и распределения продовольствия на основе научно-технических знаний, пропаганды принципов питания и реформирования аграрных отношений для оптимального использования ресурсов;

б) обеспечение справедливого распределения мировых продовольственных ресурсов с учётом потребностей и интересов как импортирующих, так и экспортирующих стран⁵⁴⁶.

Завершается закрепление Пактом социальных прав человека положениями ст. 12, провозгласившей право каждого на наивысший достижимый уровень здоровья. Государства должны способствовать его реализации путём снижения детской смертности, улучшения гигиены среды и труда, борьбы с болезнями и обеспечения доступности медицинской помощи⁵⁴⁷.

Социальные права являются многофункциональными, неотчуждаемыми и неотъемлемыми. Эти права предоставляют доступ к социальным благам, детерминированным фактическими условиями жизни. Их ключевая особенность – в совмещении двух функций: они выражают универсальность правового статуса личности и обеспечивают социальную стабильность государства и гражданского общества. Реализация социальных прав представляет собой стадийный процесс, включающий следующие этапы: генезис и легитимация права, формирование институциональной готовности к его обеспечению, оперативная имплементация

⁵⁴⁶ Там же.

⁵⁴⁷ Там же.

правовых норм и, наконец, достижение состояния фактического обладания соответствующим социальным благом.

С естественно-правовой и функциональной точек зрения социальным правам присущ ряд определяющих черт:

- Они направлены на минимизацию негативных социальных явлений и нивелирование их последствий.
- Их целью является сокращение уровня социально-экономического неравенства.
- По своей юридической природе это преимущественно права-притязания, требующие активных действий со стороны государства.
- Это права «эволюционного» характера, объем и полнота реализации которых находятся в прямой корреляции с экономическими ресурсами государства.
- Они в особой степени ориентированы на защиту социально уязвимых категорий населения.

Фундаментальной характеристикой социальных прав является их направленность на удовлетворение витальных потребностей человека, без чего невозможна полноценная жизнедеятельность личности. Именно эти права выполняют интегративную функцию, связывая индивида с обществом. Как и иные группы прав, социальные права представляют собой юридически гарантированные возможности, легитимное признание законных притязаний как отдельного человека, так и коллективов.

Из международно-правовых актов следует, что культура и вытекающие из неё культурные права – явление многомерное, синтезирующее в личности поведенческие модели и смысложизненные ориентиры.

Социально-культурные права зависят от общественного статуса индивида. Культурное развитие опирается на творческий потенциал и социально-экономические условия, формируя общественную солидарность.

Эти права способствуют становлению идентичности через освоение культурного опыта. Осмысление собственного существования человеком неотделимо от эстетических и этических ценностей культуры как общественного феномена. Таким образом, данные права обеспечивают диалектическое единство индивидуального и коллективного начал как в обществе, так и в структуре самой личности.

В современном и прогнозируемом социальном контексте становление культурной идентичности и реализация социально-культурных прав индивида детерминированы комплексом факторов: социально-экономическим состоянием общества, интенсивностью его социокультурной деятельности, а также качеством научного анализа и прогнозирования возможных изменений в развитии государства.

Детерминанты развития культурной сферы могут быть классифицированы на объективные (преимущественно задаваемые государственной политикой, среди которых приоритет принадлежит социально-экономическим, а затем — этническим, региональным, локальным, культурным и религиозным факторам) и субъективные.

Культура, формируясь на социально-экономическом базисе, выступает смыслообразующим основанием общественной жизни. Она структурирует межличностные отношения, создавая необходимый фон «человеческих взаимосвязей». В этом процессе индивид как субъект усваивает исторический опыт предшествующих поколений, воспроизводит и преумножает его в собственной деятельности⁵⁴⁸.

Социально-культурные права представляют собой комплекс юридических возможностей, гарантированных Конституцией РФ и иным законодательством в областях культуры, образования, науки и творчества, интегрируя таким образом элементы прав социальных и личных.

⁵⁴⁸ Штопельман Г.М. Феномен человека в деятельном и логико-культурном ракурсах // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 118.

Рассмотрение этих прав как совокупности социальных норм предполагает наличие общественного консенсуса относительно следования установленным правилам, основанным на добровольном самоограничении. Принятие личностью доминирующего в обществе образа жизни, базирующегося на соблюдении норм, свидетельствует о её готовности к саморегуляции и интеграции в конкретную социокультурную парадигму⁵⁴⁹.

В рамках такой парадигмы культурные ценности других индивидов или групп должны восприниматься как отличные, но не противоречащие собственным⁵⁵⁰.

Подобное взаимопонимание достижимо только при условии сформированности толерантности и социальной солидарности, предполагающих способность к компромиссу, что является ключевым элементом культурного развития⁵⁵¹. Следовательно, культура и основанные на ней права выполняют функцию социального регулятора, предотвращая трансформацию свободы в произвол и вседозволенность⁵⁵².

Социально-культурные права находятся в системной связи правом на жизнь и достойное существование, с личными правами (в т.ч. свободой мировоззрения и совести), которые являются неотъемлемыми элементами культуры как общества, так и личности. Философско-правовым основанием всех прав человека выступает концепция человеческого достоинства как высшей и абсолютной ценности. Следствием этого является императив, согласно которому государство не вправе рассматривать индивида лишь как средство для достижения общественных целей, даже самых благих⁵⁵³.

Важным компонентом духовной культуры общества является взаимосвязь социально-культурных прав с формирующейся культурой прав человека. Последняя представляет собой комплексную систему, включающую совокупность

⁵⁴⁹ Глазкова Т.В. Семья как ценностно-смысловая модель культуры // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусства. 2014. № 6 (62). С. 52.

⁵⁵⁰ Там же. С. 53.

⁵⁵¹ Там же.

⁵⁵² Там же. С. 54.

⁵⁵³ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 67.

знаний, ценностных установок, мировоззренческих позиций, а также психологических установок и практических компетенций, основанных на безусловном признании и уважении достоинства, прав и свобод личности⁵⁵⁴.

Совместная деятельность органов публичной власти всех уровней, институтов местного самоуправления и, что особенно важно, образовательных учреждений формирует культурные права как предмет юридической науки и как практическую реальность.

Социально-культурные права являются центральным и неотъемлемым элементом универсальной системы прав человека. Аксиологическая основа данных прав, отражённая в ВДПЧ, включает: признание достоинства и прав человека высшей ценностью, их естественный и неотчуждаемый характер, принцип равенства, отрицание тирании и нужды, утверждение демократии и правосудия, а также требование создания действенных гарантий на всех уровнях⁵⁵⁵.

Социально-культурные права обладают равным статусом и значимостью в общей системе субъективных прав личности наряду с политическими, экономическими и социальными правами, что подтверждает их универсальный характер.

Проблема гарантированности социально-культурных прав является исключительно актуальной, поскольку данная категория прав затрагивает интересы каждого индивида, однако её правовая природа и механизмы реализации остаются недостаточно исследованными в юридической доктрине.

Генезис и эволюция социально-культурных прав представляют собой продолжительный и сложный процесс, находящийся в стадии нормативного и доктринального становления, хотя их концептуальные основы были обозначены уже в середине XX века. Следовательно, социально-культурные права следует

⁵⁵⁴ Павленко Е.М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России. М.: Права человека, 2008. С. 21–22.

⁵⁵⁵ Рудинский Ф.М. Наука прав человека и проблемы конституционного права: труды разных лет. М.: ТФ «МИР», 2006. С. 102.

рассматривать не как совершенно новое явление, а как закономерный результат развития теории и практики защиты фундаментальных прав человека.

Как это ни парадоксально, но исторически формирование отдельных категорий субъективных прав часто стимулировалось наличием конкретных угроз или рисков. Социально-культурные права также подчиняются этой закономерности: их реализация сегодня напрямую зависит от преодоления правового нигилизма, повышения образовательного уровня и улучшения показателей здоровья общества.

По этим и другим подобным причинам данный вопрос требует немедленного реагирования со стороны государственных и муниципальных органов, т.е. всех органов публичной власти, а также институтов гражданского общества в виде создания законодательства, эффективного правоприменения в области социально-культурных прав.

Иными словами, развитие прав и свобод личности осуществляется не по волеизъявлению одних только представительных органов, но и всей системы публичной власти, институтов гражданского общества по мере изменения ситуации в конкретный исторический период с учетом существующих проблем.

Под социально-культурными правами в российской правовой системе необходимо понимать институционализированный комплекс субъективных прав, нормативной основой которых выступают Конституция РФ, отраслевое законодательство и акты гражданского общества. Содержательно данные права направлены на удовлетворение фундаментальной потребности личности в культурном развитии и включают гарантии в сферах образования, охраны результатов интеллектуальной деятельности, пользования учреждениями и объектами культуры. Ключевой характеристикой является их обеспеченность системой многоуровневых гарантий (правовых, институциональных, ресурсных), создаваемых усилиями как государства, так и иных публичных и частных субъектов.

Таким образом, социально-культурные права представляют собой комплексный правовой институт, включающий широкий спектр гарантированных Основным Законом, законодательством, а также актами институтов публичной власти и гражданского общества возможностей личности. Их существенной характеристикой является наличие институционализированных гарантий, позволяющих реализовывать соответствующие правомочия на безвозмездной основе.

Ключевым элементом выступает право на образование, которое в Российской Федерации, будучи гарантировано бесплатным, обеспечивает его подлинную общедоступность. Процесс образования при этом выполняет не только утилитарную, но и культурогенную функцию, способствуя духовно-нравственному и интеллектуальному обогащению индивида.

Право на участие в культурной жизни реализуется через разнообразные формы, включая системные государственные и общественные инициативы (такие как тематические акции, фестивали, дни культурного наследия), а также непосредственный доступ к инфраструктуре культуры (музеям, библиотекам, выставочным и концертным залам, в том числе в цифровом формате). Данная группа прав обеспечивает формирование социокультурной идентичности, творческую самореализацию и всестороннее развитие личности.

Острая необходимость закрепления социальных прав на законодательном уровне появилась в конце XIX – начале XX в., когда ухудшились условия трудящихся, связанные с продолжительностью рабочего времени, сложностью выполняемой работы, размерами оплаты труда, временем отдыха. То есть изначально социальные права обеспечивались трудящимся гражданам и обеспечивали их трудовые права.

Кроме того, например, В.А. Четвернин справедливо связывает развитие социальных прав с концепцией развития социального государства, которая широко распространилась в мире после Второй мировой войны. Особенно в государствах, обладающих развитыми экономическими возможностями, т.е. государствах,

способных гарантировать реализацию данных прав. Однако впервые, как мы уже упоминали, о социальном государстве официально провозглашалось еще в 1919 г. в Конституции Веймарской Республики.

В отличие от экономических и социальных прав, социально-культурные права в своей специфической части охватывают преимущественно сферу духовного бытия личности, которая представляет собой комплекс материальных и нематериальных продуктов человеческой деятельности, процессы их освоения, систему социальных норм, личностные компетенции, интеллектуальный и нравственно-эстетический уровень, мировоззрение, формы коммуникации⁵⁵⁶.

Культурные права системно взаимосвязаны не только с иными категориями прав и свобод, но и с политическими и социально-экономическими условиями в обществе. Развитие культуры детерминировано не только творческим потенциалом индивидов и народов, но и ресурсными возможностями государства, основанными на его социально-экономическом базисе.

Именно через реализацию культурных прав личность конституирует свою идентичность, усваивая культурный опыт различных общностей — семьи, рода, институтов гражданского общества, этноса. Полноценное смыслообразование и самореализация человека невозможны вне этического и эстетического измерения культуры как общественного феномена. Следовательно, в основе культурных прав лежит синтез элементов политической, экономической, социальной и духовно-нравственной деятельности индивида и социума.

В контексте взаимосвязи культуры и политики правомерно говорить о возрастающей роли государственной культурной политики, которая объективно является прерогативой публичных властных институтов. Одной из её характерных современных черт является адаптация рыночных механизмов, что влечёт за собой внедрение в культурную сферу таких категорий, как «культурный товар», «спрос и

⁵⁵⁶ См.: *Советский энциклопедический словарь*. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 677.

предложение», «конкуренция», «культурное потребление», «культурная услуга» и других сопряжённых понятий⁵⁵⁷.

Данный пример демонстрирует и негативные последствия абсолютизации рыночных, «индустриальных» подходов в культурной политике. При таком подходе происходит редукция роли человека, который перестает восприниматься как ядро, цель и средство культуры, сводясь преимущественно к функции пассивного потребителя. В результате отрицается человеческая природа как источник гуманизма, творчества и созидания, поэтому всякая концепция культурной политики должна исходить из антропоцентрического принципа, ставя в центр человека как субъекта, обладающего правом на творчество и доступ к культурным благам.

Эволюция культуры и гарантий социально-культурных прав, как уже отмечалось, во многом детерминирована социально-экономическим состоянием общества, уровнем его социокультурной активности, а также качеством научного анализа и прогнозирования вероятных изменений в социально-экономической сфере в кратко- и среднесрочной перспективе.

Очевидно, что оптимизация культурной сферы определяется комплексом объективных и субъективных факторов. К объективным относятся, прежде всего, факторы, формируемые государственной политикой, среди которых доминирующее значение имеют социально-экономические, а уже затем – этнические, региональные, местные и иные.

Формируясь на социально-экономическом базисе, именно культура, а не политика или экономика, определяет смысловое содержание социального бытия как отдельно индивида, так и всего социума в целом. Культура также задает характер межличностных отношений, формируя специфический климат человеческих взаимосвязей внутри социума. Таким образом, индивид как субъект

⁵⁵⁷ См.: *Советский энциклопедический словарь*.

усваивает, воспроизводит и приумножает в своей деятельности исторический опыт предшествующих поколений⁵⁵⁸.

Социально-культурные права, понимаемые как нормативно-ценностный комплекс, предполагают наличие общественного консенсуса относительно следования установленным правилам, основанным на добровольном ограничении индивидуального произвола. Интеграция личности в социум выражается в принятии ею доминирующего образа жизни, базирующегося на соблюдении социальных норм, что свидетельствует о готовности к саморегуляции и включенности в конкретную культурную парадигму⁵⁵⁹.

В рамках данной парадигмы ценности других индивидов или групп должны восприниматься как отличные, но не противоречащие собственным. Подобное взаимопонимание достижимо только при условии сформированности толерантности и социальной солидарности, предполагающих способность к компромиссу, которая является ключевым элементом культурного развития⁵⁶⁰.

Культура и производные от неё права выполняют важную социально-регулятивную функцию. Они выступают структурирующим началом, которое, ограничивая свободу в её негативном понимании, предотвращает её деградацию во вседозволенность⁵⁶¹.

Как справедливо отмечает Т.В. Глазкова, подлинное осознание свободы происходит именно в культуре, в ситуации, когда её добровольное ограничение становится условием успешной социальной коммуникации⁵⁶².

Социально-культурные права находятся в системной взаимосвязи с иными фундаментальными правами — общими (на жизнь, достойное существование) и личными (на мировоззрение, свободу совести). Философско-правовым основанием всей системы прав человека выступает концепция неотчуждаемого

⁵⁵⁸ Штопельман Г.М. Феномен человека в деятельном и логико-культурном ракурсах // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 118.

⁵⁵⁹ Глазкова Т.В. Семья как ценностно-смысловая модель культуры // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусства. 2014. № 6 (62). С. 52.

⁵⁶⁰ Там же.

⁵⁶¹ Там же. С. 54

⁵⁶² Глазкова Т.В. Указ. соч.

человеческого достоинства как высшей ценности⁵⁶³. Из этого вытекает фундаментальное ограничение: использование человека лишь в качестве средства для реализации общественных задач недопустимо для государства⁵⁶⁴.

Социально-культурные права – часть универсальной доктрины прав человека, основанной на принципах ВДПЧ 1948: абсолютная ценность достоинства и прав, их естественный характер, равенство, отрицание тирании и нужды, значимость демократии и правосудия, необходимость эффективных гарантий⁵⁶⁵.

Более развернутую характеристику содержания универсальной концепции приводит И.В. Шишенина. В её трактовке концепция предполагает признание единого комплекса взаимосвязанных гражданских, политических, социальных и культурных прав, неотделимых от обязанностей; отрицание любой субординации или приоритета между категориями прав; утверждение ценностей демократического правопорядка и справедливого судопроизводства; а также создание многоуровневой системы гарантий осуществления прав человека⁵⁶⁶.

Таким образом, исходя из приведённого комплекса характеризующих признаков, социально-культурные права обладают равным статусом и значимостью в общей системе прав человека, наряду с правами политическими, экономическими и социальными.

Социально-культурные права человека и гражданина являются неотъемлемой частью всей системы прав и свобод человека. О значимости данной категории прав свидетельствует то, что они относятся к числу основных и неотчуждаемых прав личности. Юридическая природа социально-культурных прав, ранее являвшаяся предметом доктринальных дискуссий, в настоящее время получила полную легитимацию в рамках международного права. Эта категория

⁵⁶³ *Хабермас Ю.* Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 68.

⁵⁶⁴ Там же. С. 67.

⁵⁶⁵ *Рудинский Ф.М.* Наука прав человека и проблемы конституционного права: труды разных лет. М.: ТФ «Мир», 2006. С. 102.

⁵⁶⁶ *Шишенина И.В.* Права человека в российских конституционных проектах (1990–1993 гг.). М.: Права человека, 2010. С. 39.

прав признана неотъемлемым компонентом универсальной системы прав человека, что закреплено в ряде основополагающих международно-правовых актов.

Реализация права на доступ к культурным ценностям обеспечивается как посредством индивидуальных действий гражданина, так и через институты гражданского общества, в частности — некоммерческие общественные организации. Данные организации выполняют критически важную публичную функцию, выступая посредником между государством, культурными институтами и обществом. Они способствуют демократизации культурного пространства, обеспечению его открытости и распространению культурных благ среди всех социальных групп. Данные организации адаптируют культуру под каждого человека: детей, подростков, взрослого человека, престарелых граждан.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что социально-культурные права обладают интегративной природой, вбирая в себя элементы политической, экономической, социальной и духовно-нравственной деятельности — как индивида, так и коллективов в рамках всего социума.

Между реализуемой на региональном и муниципальном уровнях социально-культурной политикой и комплексом конституционных прав человека существует устойчивая взаимозависимость: политические, экономические, социальные и культурные права выступают одновременно и как объект, и как ориентир этой политики. Их деятельность является ключевым механизмом трансформации этих прав из декларативных норм в реальные социальные практики.

Значительное влияние на развитие социокультурных прав в России оказали события, происходящие в XX столетии как на международном уровне, так и внутригосударственные. За этот относительно небольшой промежуток времени распался СССР и образовалась Российская Федерация, которая переняла правовые нормы своей предшественницы, сменила государственную правовую модель, разработала системы социально-правового и культурно-правового

гарантирования прав человека – кардинально изменилась система государственных ценностей.

Вследствие принципиального пересмотра государством своего подхода к социальным правам, перед отечественной правовой доктриной возникла необходимость в конструировании новой научной парадигмы. Её целью является создание концептуальной модели, способной обеспечить как теоретическое обоснование социальной политики, так и решение конкретных практических задач, стоящих перед государством и обществом РФ.

Ряд правоведов, как было показано нами выше, пытались дать наиболее четкое и полное определение понятию «социальные права», однако на данный момент такого определения не существует, что связано с динамичным развитием этой молодой отрасли права.

Несмотря на терминологические сложности, связанные с выявление природы социальных прав, доктрина выделяет следующие их сущностные черты:

- 1) Направленность на предупреждение и смягчение негативных социальных явлений.
- 2) Функция уменьшения уровня социально-экономического неравенства.
- 3) По своей юридической природе это преимущественно права-притязания, требующие активных позитивных действий со стороны государства.
- 4) Это права, обладающие «эволюционным» характером, чья полноценная реализация увязана с экономическими возможностями и ресурсами государства.
- 5) Они имеют ярко выраженную социально-защитную направленность, будучи в первую очередь нацелены на поддержку социально уязвимых групп населения.

Таким образом, социальные права носят компенсаторный и гарантийный характер, выполняя функцию корректировки социальных диспропорций и обеспечивая минимальные стандарты достойной жизни.

Благодаря упорству и интересу российских ученых к социальным правам человека мы можем проанализировать их работы, значимость социальных прав

человека для общества и государства, а также предположить, каким образом будет развиваться этот правовой институт.

Необходимо отметить, что сведение социальных и культурных прав к политическим, экономическим или гражданским неправомерно, поскольку каждая категория обладает собственной содержательной спецификой и областью регулирования. При этом на практике все виды прав существуют не изолированно, а во взаимосвязи.

В реальном правовом и социальном пространстве государства категории прав человека не существуют в абсолютно обособленных формах. Права, условно относимые к социальным или культурным, находятся в состоянии постоянного взаимодействия и взаимовлияния, образуя динамичную систему. Яркой иллюстрацией этого тезиса служит право на образование в Российской Федерации. С одной стороны, оно носит черты социального права, будучи институциональной частью системы социального обеспечения, реализуемой на бесплатной основе как безусловная обязанность государства. С другой — оно обладает всеми признаками права культурного, так как процесс обучения направлен на усвоение систематизированных знаний, формирование компетенций и приобщение к достижениям искусства и науки.

Объединяющей функцией, интегрирующей социальные и культурные права в единый комплекс, выступает задача социализации индивида. Обе группы прав обеспечивают включение личности в социальную среду и подготовку её к полноценному и активному взаимодействию с обществом. Данный процесс очень важен при формировании личности человека в условиях социального государства, полноценного субъекта правоотношений, поскольку степень создания норм, правил поведения и нормативных правовых актов имеет существенное значение для общества и его безопасности.

Если индивид не воспримет эти нормы, то будет пренебрегать ими и создавать угрозу для развития общества. Как правило, лицами, не принимающими нормы общества или не прошедшими целиком процесс социализации, являются

преступники и правонарушители, которые не видят в своих действиях нарушения норм права, правил поведения в обществе.

В предложенном нами определении понятия «социально-экономические права человека» указывается, что государство обязано обеспечить возможность применения социального законодательства каждому человеку на территории Российской Федерации. Публичная власть в России гарантирует обеспечение минимального социально-правового стандарта, необходимого для достойного существования личности, и создаёт правовые условия для восстановления нарушенных прав через систему судебной и правоохранительной защиты.

Ключевым источником нормативного закрепления социально-культурных прав выступает Основной Закон России, в ч. 2 ст. 44 которого провозглашено всеобщее право на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры и доступ к культурным ценностям⁵⁶⁷.

Конкретизация содержания данного права и установление механизмов его реализации осуществлены в системе специального законодательства. Основопологающим актом в данной сфере являются Основы законодательства РФ о культуре⁵⁶⁸ от 9 ноября 1992 г. № 3612-1. В этом документе, в частности, провозглашен принцип культурного суверенитета Российской Федерации (статья 5), в соответствии с которым Российская Федерация самостоятельно реализует на своей территории международные соглашения в культурной сфере⁵⁶⁹.

Кроме того, статья 6 Основ законодательства устанавливает принцип равного достоинства и равных прав всех народов и этнических общностей, проживающих в России, в области культуры. Государство обязуется создавать условия для сохранения и развития этих культур, обеспечивая одновременно целостность общероссийской культурной системы посредством федеральной культурной политики и целевых программ⁵⁷⁰.

⁵⁶⁷ URL:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ccca0bbf3250f82d26aa158e6325aa2b34775e8d/

⁵⁶⁸ См.: *Основы законодательства Российской Федерации о культуре*» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/

⁵⁶⁹ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/

⁵⁷⁰ Там же.

Указанные положения имеют принципиальное значение для полиэтнических и поликонфессиональных государств, таких как Российская Федерация, поскольку создают правовую основу для межкультурного диалога, социальной стабильности и взаимного обогащения культурных традиций.

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» устанавливает правовой режим объектов культурного наследия, направленный на их сохранение и популяризацию. Он обеспечивает конституционные права на доступ к культурным ценностям и защищает культурную идентичность народов России, их историческую среду и источники культурной информации.

Объекты культурного наследия народов Российской Федерации обладают уникальной ценностью для многонационального народа страны и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. Закон закрепляет гарантии сохранности этих объектов в интересах как настоящего, так и будущих поколений.

Обеспечение сохранности объектов культурного наследия закреплено законом как ключевое направление деятельности для всех уровней системы публичного управления в Российской Федерации⁵⁷¹.

Согласно статье 4 Закона, объекты культурного наследия подразделяются на три категории в зависимости от их историко-культурной ценности: объекты федерального значения, обладающие выдающейся общероссийской значимостью; объекты регионального значения, представляющие особую ценность для истории и культуры соответствующего субъекта Федерации; и объекты местного значения, важные для историко-культурного наследия конкретного муниципального образования⁵⁷².

Таким образом, Закон создает комплексную систему правовых и организационных механизмов, направленных на сохранение культурного наследия как основы национальной идентичности и общественного достояния.

⁵⁷¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/

⁵⁷² Там же.

Первостепенное значение в правовом регулировании рассматриваемой сферы правоотношений имеет ФЗ от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»⁵⁷³. Его принятие преследует следующие цели:

- Обеспечение защиты указанных ценностей от расхищения, предотвращение их незаконного экспорта и неправомерной передачи.
- Создание правовых оснований для использования данных ценностей в качестве формы частичного возмещения ущерба, причинённого культурному наследию СССР/России в результате их незаконного присвоения и разрушения в ходе военных действий государствами нацистского блока.
- Защита интересов Российской Федерации в процессе урегулирования с иностранными государствами спорных вопросов, связанных с указанными ценностями, на основе принципа взаимности.
- Обеспечение доступа к этим ценностям для граждан России и иностранцев, включая специалистов в области образования, науки и культуры.
- Создание условий для развития международного сотрудничества в гуманитарной сфере.

Для достижения указанных целей Закон определяет состав перемещенных культурных ценностей и закрепляет правовой режим собственности на них. Ст. 6 указанного Закона определяет правовой статус перемещённых культурных ценностей, ввезённых на территорию СССР в рамках компенсаторной реституции и ныне находящихся в России. За исключением случаев, предусмотренных ст. 7 и 8, все такие ценности признаются национальным достоянием и являются объектами исключительной федеральной собственности.

Право федеральной собственности не распространяется на те конкретные перемещенные культурные ценности, которые на законных основаниях перешли в

⁵⁷³ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18435/

собственность физических и юридических лиц России, субъектов РФ, муниципальных образований, а также общественных и иных организаций⁵⁷⁴.

Поскольку нормы законов, как правило, имеют общий характер, то для своей реализации они нередко требуют не только конкретизации, но и установления механизма исполнения, а также финансового и материального обеспечения. Нормативное обеспечение условий реализации федерального законодательства в Российской Федерации осуществляется актами органов исполнительной власти. Постановление Правительства РФ от 11.03.2001 № 174⁵⁷⁵ служит административным регламентом имплементации Федерального закона о перемещённых культурных ценностях, закрепившим механизм межведомственного взаимодействия.

Данным актом, помимо общего руководства Правительства, определены конкретные субъекты исполнения. Координация возложена на Министерство культуры РФ, которое обязано организовать совместную работу с Минобороны, МИД, Мингосимущества, Минюстом и Федеральной архивной службой по установлению прежней государственной принадлежности указанных культурных ценностей. Речь идет как о ценностях, относившихся к собственности государств, входивших в число противников, так и о ценностях, принадлежавших иным заинтересованным государствам⁵⁷⁶.

Помимо основного органа исполнительной власти и взаимодействующих с ним других федеральных министерств и служб, постановление предписывает взаимодействие Минкульта России с другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, а также установило конкретные сроки (в период 2001–2002 гг.)⁵⁷⁷ осуществления соответствующей деятельности⁵⁷⁸.

⁵⁷⁴ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18435/

⁵⁷⁵ *Постановление* Правительства РФ от 11.03.2001 № 174 «О мерах по реализации Федерального закона «О культурных ценностях, перемещённых в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации». URL:// <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=179760>

⁵⁷⁶ Там же.

⁵⁷⁷ ФЗ от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ данное постановление Правительства РФ включено в перечень нормативных правовых актов, на которые не распространяется требование об отмене с 1 января 2021 г. Соблюдение обязательных требований, содержащихся в указанном постановлении, оценивается при осуществлении государственного контроля (надзора), их несоблюдение может являться основанием для привлечения к административной ответственности.

Комплексность и временная протяжённость решения данной проблемы обуславливают необходимость оперативного реагирования на возникающие затруднения. Так, постановлением Правительства РФ от 11 марта 2001 г. № 174 был учрежден координирующий орган – Межведомственный совет по вопросам культурных ценностей, перемещенных в результате Второй мировой войны⁵⁷⁹.

Этим же нормативным актом для детализации задач, сроков, порядка их исполнения и определения ответственных субъектов в конкретных ситуациях были утверждены три специальных положения, регулирующих соответствующие правоотношения:

- Положение о рассмотрении ходатайств и претензий учреждений культуры относительно распределения перемещенных культурных ценностей. Данный документ устанавливает процедуру рассмотрения заявлений от культурных институций о передаче им указанных ценностей.

- Положение о специальном фонде (реестре) перемещенных культурных ценностей, не востребованных заинтересованными государствами либо их физическими или юридическими лицами. Этот акт регулирует учёт и хранение ценностей, на которые не заявлены права.

- Положение об отнесении перемещенных культурных ценностей к категории обладающих уникальным характером, особым историческим, художественным, научным или иным культурным значением. Он определяет критерии и порядок признания за конкретными объектами статуса особо ценных⁵⁸⁰.

Нормативно-правовое регулирование в сфере культурных прав в России осуществляется, в частности, ФЗ от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»⁵⁸¹ и ФЗ от 25 июня

⁵⁷⁸ Там же.

⁵⁷⁹ Там же.

⁵⁸⁰ Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ данное постановление Правительства РФ включено в перечень нормативных правовых актов, на которые не распространяется требование об отмене с 1 января 2021 г.

⁵⁸¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591; URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/

2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»⁵⁸².

Правовое регулирование дополняется ратифицированными международными договорами, действующими на территории России наряду с положениями Конституции и национального законодательства, среди которых: Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия; Пакт ГПП; Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта; Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия; Пакт ЭСКП и другие акты.

ВДПЧ⁵⁸³ 1948 года представляет собой фундаментальный международный акт, устанавливающий универсальные стандарты в области прав и свобод личности.

Ст. 22 устанавливает гарантию права на социальное обеспечение, а также на доступ к социально-экономическим и культурным условиям, необходимым для обеспечения достоинства и свободного развития человеческой личности.

Ст. 27 закрепляет совокупность культурных свобод, в которую входят: право на участие в культурной жизни общества, доступ к результатам прогрессивного развития науки и искусства, а также правовую охрану нематериальных и материальных интересов, порождаемых научным, литературным или художественным творчеством автора.

В положениях Декларации указаны основные стандарты в области защиты декларируемых прав, в том числе в сфере защиты культурных прав, которые предопределили дальнейшее развитие международного и внутригосударственного законодательства в данной сфере. Таким образом, Декларация заложила правовую основу для признания культурных прав в качестве неотъемлемой части общего комплекса прав человека.

Пакт ГПП⁵⁸⁴ в ч. 1 ст. 1 устанавливает право всех народов на самоопределение, включающее свободное определение своего политического

⁵⁸² URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/

⁵⁸³ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

статуса и обеспечение всестороннего развития в экономической, социальной и культурной сферах жизнедеятельности.

Ст. 27 указанного Пакта гарантирует лицам, относящимся к национальным, конфессиональным или лингвистическим меньшинствам, право на сохранение и развитие своей социокультурной самобытности. Данное право включает, в частности, возможность свободного использования родного языка, отправления религиозных обрядов и коллективного осуществления культурных практик в рамках соответствующей общности.

В силу ст. 3 Пакта ЭСКП страны-участницы обязуются гарантировать мужчинам и женщинам равноправный доступ ко всем правам, предусмотренным этим документом. Подпункт «а» пункта 1 статьи 15 обязывает каждое государство-участника признать право человека на участие в культурной жизни⁵⁸⁵.

Таким образом, принципиальное отличие обоих Пактов от Всеобщей декларации прав человека заключается в их юридически обязательном характере для ратифицировавших их государств. Пакты не только провозглашают права, но и возлагают на государства конкретные правовые обязательства по их обеспечению и защите, что включает создание эффективных механизмов реализации, в том числе права на доступ к культурным ценностям. Это представляет собой качественный переход от декларативных принципов к нормам, порождающим международно-правовую ответственность.

Социально-культурные права и свободы, конституированные в Основном Законе Российской Федерации, занимают приоритетное положение в системе современных прав человека. Они формируют фундаментальные правовые условия для обеспечения достойного уровня жизни граждан, создавая необходимые предпосылки для эффективной защиты их законных интересов. Однако степень детализации и объём гарантий реализации данных прав находятся в прямой корреляции с экономическим потенциалом государства, что зачастую

⁵⁸⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁵⁸⁵ См.: Там же.

обуславливает их менее полную, по сравнению с иными категориями прав, нормативную разработанность и обеспеченность.

Конституция Российской Федерации создала законодательную базу, функционирующую на демократических основах, установив направления деятельности для новых взаимоотношений между гражданином и государством, гражданином и муниципалитетом, а также выделила новые цели, закрепив порядок их достижения и защиту полученных результатов.

Согласно положениям российской Конституции и ФЗ № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁵⁸⁶ каждый муниципальный орган обязан формировать собственный бюджет. В рамках данного бюджетного процесса правомочно предусматривать ассигнования на финансирование мероприятий в социально-культурной сфере.

Единственным наиболее подробным международным документом о местном самоуправлении, его функциях, полномочиях и обязанностях является Европейская хартия местного самоуправления, в которой консолидировано положение о прямом участии граждан в управлении государством.

В соответствии с Основным Законом России, граждане обладают правом на участие в осуществлении государственной власти. Фундаментальным основанием этого права выступает конституционный принцип народного суверенитета, согласно которому многонациональный народ является верховным носителем власти и единственным её источником. Из этого следует, что легитимность всей системы государственных органов производна от воли народа, а их деятельность должна быть направлена на реализацию публичных интересов и обеспечение нужд общества⁵⁸⁷.

Благодаря согласованному сотрудничеству ОГВ и ОМСУ в России появляются нормативные правовые акты, которые в действительности отражают реалии современной Российской Федерации. Опыт, социальные программы и максимальная приближенность местных органов власти к народу позволяют

⁵⁸⁶ URL:// <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=491157>

⁵⁸⁷ URL:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/17166d7c66fc717bc3ec300f18fb0f71ba16a9be/

собирать и анализировать ситуацию в регионе в режиме реального времени, что плодотворно сказывается на оперативном решении вопросов, не требующих отлагательств, а самое важное – на предотвращении потенциальных общественных кризисов.

Согласованная нормотворческая деятельность всех уровней публичной власти привела к формированию нормативно-правовой основы регулирования социальных отношений, в которую входят:

- ФЗ от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»⁵⁸⁸;
- ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁵⁸⁹;
- ФЗ от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»⁵⁹⁰;
- ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵⁹¹.

Действующий Основной Закон исходит из принципа системной взаимозависимости и равной правовой значимости всех категорий прав человека. В её основе лежит концепция, согласно которой социальные и культурные права неразрывно связаны и образуют единый комплекс с правами экономическими, гражданскими и политическими. При этом, в отличие от ряда предшествующих правовых доктрин, отечественная Конституция отрицает возможность установления какой-либо иерархии или деления основных прав на более и менее значимые. Все конституционные права и свободы признаются равноценными и подлежат в одинаковой мере государственной гарантированности и судебной защите.

Формирование Российской Федерации как социальной державы ведет к увеличению роли социальных прав. Они зафиксированы в Конституции РФ и международных нормативных правовых актах. Вместе с тем актуальной

⁵⁸⁸ URL:// <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14146>

⁵⁸⁹ URL:// <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698>

⁵⁹⁰ URL:// <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32417>

⁵⁹¹ URL:// <http://www.kremlin.ru/acts/bank/34333>

исследовательской задачей остается комплексный анализ социальных прав как ключевого элемента универсальной системы прав и свобод человека.

В отечественной науке конституционного права системообразующая роль и фундаментальное значение социальных прав определяют их как центральный объект научного анализа. При этом они анализируются в совокупности с экономическими и культурными правами, что, конечно, в некоторой степени затрудняет правильное осмысление понятия и сущности самих социальных прав, но вместе с тем придает экономическим и культурным правам социальную значимость, что чрезвычайно важно для социального государства.

На конституционном уровне закреплены основные социальные права, которые дают начало для развития различных видов прав. К базовым социальным правам личности причисляются право на охрану материнства и детства, жилище, охрану здоровья и медпомощь, каталог трудовых прав и, конечно, право на отдых. Эффективность и полнота обеспечения этих прав являются мерой зрелости социальной государственности. Факт их инкорпорации в текст Конституции представляет собой высшую форму правовой гарантии, порождающую обязанность государства по разработке и реализации механизмов их практического воплощения. То есть Российская Федерация берет на себя обязательства по обеспечению своих граждан данными правами. Гражданин самостоятельно решает, в какой степени реализовать свое право, как им распорядиться.

Помимо того, что конституционно закрепленные права являются основополагающими, они обладают рядом особенностей с юридической точки зрения: как и сам документ, фиксирующий их, имеют высшую юридическую силу, защищаются государственными органами, а также оказывают влияние на все принимаемые в последующем нормативные правовые акты. Природа возникновения указанных прав также особенная, поскольку они являются неотчуждаемыми правами человека.

3.3. Конституционное право частной собственности в системе экономических, социальных и культурных прав

Понятие и системный характер права частной собственности. В отечественной правовой доктрине система права понимается не только как совокупность взаимосвязанных элементов, но и как иерархически организованная структура правовых норм и порождаемых ими правоотношений. В связи с этим в конституционно-правовой науке традиционно обосновывается необходимость комплексного, системного подхода к исследованию права частной собственности.

В частности, Н.В. Тупиков исследует его через призму системного конституционно-догматического подхода, рассматривая в качестве одного из сквозных элементов, формирующих взаимосвязь между фундаментальными категориями конституционализма, механизмами конституционно-правового регулирования и устоями конституционного строя в целом⁵⁹².

Параллельно этому в научном дискурсе развивается аксиологическая перспектива, ярким примером которой служит исследование А.Э. Карнауховой. В её работах данный институт подвергается философско-правовой рефлексии, направленной на определение его имманентной ценности и установление его места в иерархии как социальных ориентиров, так и базовых правовых принципов, что позволяет интегрировать его в широкий нормативно-ценностный контекст⁵⁹³.

Как справедливо указывается в академической литературе, положения статьи 8 Конституции Российской Федерации носят принципиально новаторский характер, осуществляя радикальный разрыв с предшествующей правовой традицией посредством конституционной легитимации многообразия форм собственности, среди которых центральное место отводится частной собственности. Данная форма собственности наделяется в Основном законе

⁵⁹² Тупиков Н.В. Собственность в системе конституционного строя современной России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 9.

⁵⁹³ Карнаухова А.Э. Право частной собственности в системе российских конституционных ценностей // Образование и право. 2017. № 5. С. 23–30.

особым публично-правовым статусом, что находит свое конкретное выражение в нормах конституционного регулирования, детализирующих основополагающие правомочия собственника – классическую римскую триаду владения, пользования и распоряжения (ч. 2 ст. 35, ч. 2 ст. 36). При этом конституционное закрепление данного института носит системный характер. Помимо регламентации содержания права, в его отношении устанавливается специальный режим государственной охраны (ч. 1 ст. 35), что подчеркивает его фундаментальную, гарантированную государством сущность⁵⁹⁴. Таким образом, Конституция РФ не просто провозглашает право частной собственности, а формирует его комплексную гарантию через прямое закрепление ключевых элементов его содержания и декларацию его неприкосновенности, что в совокупности составляет конституционную основу для развития всего частноправового оборота и рыночной экономики в целом.

Подобное расширительное понимание права частной собственности позволяет рассматривать его не только в качестве совокупности конкретных правомочий и общественных отношений, но и как системообразующее ядро всего комплекса прав, свобод и обязанностей личности. Обладание и реализация этого права предоставляет индивиду материальную основу существования, которая, в свою очередь, создает предпосылки для активной социальной деятельности (например, волонтерства или благотворительности) и полноценной реализации культурных прав, таких как получение образования, занятие наукой или творчеством.

Вместе с тем, в отечественной конституционно-правовой доктрине отсутствует единая интерпретация системной природы права частной собственности, что свидетельствует о плюрализме методологических подходов к данному вопросу. Как следует из анализа научной литературы, в большинстве исследований не сформирован консенсусный или хотя бы относительно унифицированный подход к изучению соответствующих отношений,

⁵⁹⁴ Конституционное право России. Учебник для студентов вузов / Под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. 5-е изд. перераб. и доп. С. 86–87.

необходимый для выработки системных предложений по их конституционно-правовому регулированию. Многие ученые не исследуют право собственности как самостоятельную, внутренне организованную систему, ограничиваясь анализом его системных связей с иными правами человека и конституционными институтами.

Исходя из этого, автор диссертации ставит задачу проведения системного исследования, в первую очередь, самого права частной собственности как системы – то есть в его собственном, субстантивном качестве, рассматривая его одновременно и как целостное образование, и как центральный элемент всей системы конституционно-правового статуса личности.

Следует отметить, что определённые исследователи также рассматривали право частной собственности в системном ключе, но с иных позиций. Например, А.А. Саурин подходит к его анализу исключительно через дихотомию субъективного и объективного права⁵⁹⁵, что представляется методологически ограниченным в рамках системного подхода.

Системность права частной собственности в его внутреннем измерении обусловлена его фундаментом в виде иерархии конституционных принципов. Часть из них, например, многообразие и равная защита форм собственности, закреплены непосредственно в Конституции РФ (ч. 2 ст. 8)⁵⁹⁶. Другая часть, включая принципы неприкосновенности, допустимости государственного вмешательства и ограничения права, была развита в правовых позициях Конституционного Суда РФ.⁵⁹⁷

Мы соглашаемся с утверждением Г.А. Гаджиева о том, что принцип признания и равной защиты различных форм собственности обязывает государство создавать условия для их развития и обеспечивать им равный

⁵⁹⁵ Саурин А.А. Право частной собственности: конституционные характеристики // URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-chastnoy-sobstvennosti-konstitutsionnye-harakteristiki/viewer>

⁵⁹⁶ URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

⁵⁹⁷ См.: Козлов Л.В. Роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в обосновании конституционных принципов института собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8–9.

уровень правовой охраны⁵⁹⁸. К этому необходимо добавить, что, поскольку любой правовой принцип обладает более высокой юридической силой по отношению к обычным нормам, такая конституционно-судебная защита придаёт отношениям собственности повышенную правовую стабильность и гарантированность.

Системная природа права частной собственности, закреплённого в Конституции и Гражданском кодексе РФ, имманентно присуща его содержанию. Помимо объективного и субъективного аспектов, интерпретация используемых в норме понятий позволяет утверждать, что её смысловое поле является более широким. Ключевым аргументом выступает отсутствие в части 2 статьи 8 Конституции РФ указания на конкретного субъекта, признающего различные формы собственности, что придаёт данному праву универсальный характер⁵⁹⁹.

Следовательно, конституционное признание форм собственности представляет собой нормативный учредительный акт, посредством которого общество легитимирует лишь те имущественные режимы, которые соответствуют базовым принципам и ценностям конституционного строя. Этот акт выполняет функцию правового фильтра, инкорпорируя допустимые формы собственности в правовое поле и одновременно устанавливая границы их допустимости. Данный вывод распространяется и на круг объектов собственности, который исторически расширяется в процессе так называемого «овеществления природы» в ходе индустриального и постиндустриального развития⁶⁰⁰. В него включаются не только традиционное имущество, но и нематериальные блага⁶⁰¹, а также весь спектр предметов и технологий, опредмечивающих научно-технический прогресс, включая информационные и нанотехнологии⁶⁰².

Таким образом, о системности права частной собственности и его взаимосвязи с иными правами свидетельствует не только иерархия регулирующих

⁵⁹⁸ Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики: (Развитие основ гражданского права в решениях КС РФ). М.: Юрист, 2002. С. 170.

⁵⁹⁹ Бородач М.В. Указ. соч. С. 173–174.

⁶⁰⁰ Эктайн К. Основные права и свободы по российской Конституции и европейской Конвенции: Учеб. пособие М.: NOTABENE, 2004. С. 324.

⁶⁰¹ Царикаева Ж.М. Конституционно-правовой режим права собственности в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15.

⁶⁰² Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд. М.: Норма, 2008. С. 59.

норм, но и порождаемые ими сложные правоотношения между неопределённым кругом субъектов по поводу столь же неопределённого и динамичного круга объектов, охватывающих как материальные, так и нематериальные блага.

Указанные характеристики права частной собственности имеют принципиальное значение не только для определения его внутренней структуры, но и для понимания его внешних системных связей. Это позволяет определить его место как в рамках подсистемы социально-экономических прав, так и в общей системе прав и свобод личности.

Как отмечается в научной литературе, право частной собственности, распространяющееся на интеллектуальную собственность, орудия и средства производства, играет системообразующую роль в рамках всей совокупности социально-экономических прав. Функциональное назначение данной группы прав заключается в предоставлении личности возможностей для самостоятельного обеспечения собственного существования и содержания семьи⁶⁰³. Эта взаимосвязь придает праву собственности социальное измерение и создает основу для его системного взаимодействия и взаимообогащения с правами социальными и культурными.

Необходимо отметить, что в различные исторические периоды государственно-правового развития России отношение законодателя, правовой доктрины и правоприменительной практики к приоритету тех или иных категорий прав существенно менялось. Так, А.В. Безруков констатирует, что советская правовая доктрина базировалась на примате социально-экономических прав, что являлось логическим следствием марксистско-ленинской философии, рассматривающей экономический базис как определяющий элемент общественного строя. Современное же российское конституционное законодательство осуществляет радикальный концептуальный сдвиг. Оно помещает в основание всей системы прав и свобод личные (гражданские) права⁶⁰⁴.

⁶⁰³ Безруков А.В. Конституционное право России: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. С. 44.

⁶⁰⁴ Там же.

Однако подобное формальное доминирование, как в случае с провозглашенным в статье 12 Конституции СССР 1936 года «правом-обязанностью» на труд, не гарантировало реальных преимуществ его носителю, поскольку право, слитое с обязанностью, утрачивало характер субъективного правомочия и превращалось в элемент государственной регламентации.

Мы не будем комментировать указанную конституционную норму, закрепляющую право на труд, которое одновременно является и банальной обязанностью... Главное, на наш взгляд, состоит в том, что содержание даже такого права указанная статья не раскрывает. Поэтому такое «право» на труд фактически является банальной обязанностью работать.

В демократических государствах право на труд, равно как и иные права, в особенности социально-экономические, получает автономное от обязанностей нормативное закрепление. Это приводит к преобладанию количественного объема прав над обязанностями в текстах конституций и текущего законодательства, что предоставляет индивиду, как носителю субъективного правомочия, значительную свободу усмотрения.

Важным аспектом является также принятая в демократических правовых порядках практика детализации содержания каждого права, свободы и обязанности в нормативных актах. В отличие от лаконичных и идеологизированных формулировок советских конституций, современные международные стандарты, ратифицированные Российской Федерацией, устанавливают развернутые правовые гарантии. Так, согласно ст. 6 Пакта ЭСКП:

Государства-участники признают и гарантируют право на труд, сущность которого заключается в свободном выборе профессиональной деятельности как основе жизнеобеспечения. В целях реализации данного права они принимают комплекс мер, направленных на развитие человеческого капитала, формирование стратегий устойчивого развития и обеспечение полной производительной

занятости в условиях, гарантирующих фундаментальные политические и экономические свободы личности⁶⁰⁵.

Представляется, что декларируемый в социалистических государствах приоритет тех или иных категорий прав носил в значительной степени формальный, идеологически обусловленный и субъективный характер. Несмотря на провозглашение в советских конституциях верховенства социально-экономических прав, их подлинное содержание и гарантии реального осуществления не получали адекватного нормативного закрепления.

Это проявлялось в доктринальном смешении и подмене понятий. Так, вместо института частной собственности конституционно признавалось лишь право личной собственности, ограниченной рамками удовлетворения потребительских нужд. Право на труд трансформировалось в объединённую с обязанностью гарантию получения работы, лишённую атрибута свободного выбора. Как демонстрирует сравнение с положениями ст. 6 Пакта ЭСКП, советское законодательство не только не раскрывало содержательное наполнение данного права, но и в целом не обеспечивало конкретики и механизмов реализации для большей части провозглашаемых прав и свобод, что сводило их к декларативным нормам.

Более того, включением в 1979 г. в УК РСФСР ст. 209¹, установившей в качестве наказания лишение свободы сроком до одного года за отсутствие постоянного места жительства или рода занятий, делала эту обязанность работать еще и уголовно наказуемой.

В советский период лишь Конституция СССР 1977 года, отчасти под влиянием ратификации Хельсинкского Заключительного акта 1975 года, впервые закрепила формальную норму, отдаленно напоминающую общепринятое международное право на труд⁶⁰⁶. Ст. 40 нормативно закрепляла право на гарантированное трудоустройство с вознаграждением, соотнесённым с количественными и качественными параметрами труда, но не ниже

⁶⁰⁵ URL:// <https://xn--b1amdelgbarlac.23.xn--b1aew.xn--p1ai/document/12254090>

⁶⁰⁶ URL:<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30039>

установленного государством минимума. Одновременно она содержала положение о праве на свободный профессиональный выбор, обусловленный призванием, способностями и полученным образованием⁶⁰⁷.

Данное право, однако, не являлось абсолютным, поскольку его реализация была обусловлена приоритетом общественных потребностей, что выступало существенной нормативно-идеологической детерминантой и полностью девальвировало декларативный характер данной гарантии. В условиях плановой экономики и отсутствия независимых институтов данная формулировка создавала правовую фикцию, поскольку у индивида не было реальной возможности ни узнать, ни оспорить эти «общественные потребности», а их определение всецело принадлежало государственному аппарату, что превращало провозглашённое право в инструмент административного распределения трудовых ресурсов.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что подход к регламентации права на труд в действующей Конституции России (ст. 37) отличается большей степенью системности и детализации по сравнению как с советскими конституциями, так и с Пактом ЭСКП. Нормативное содержание данного права в российском Основном Законе характеризуется следующими ключевыми элементами: закреплением принципа свободы труда и автономного распоряжения своими способностями к труду; установлением абсолютного запрета принудительного труда; гарантированием права на труд в условиях, отвечающих требованиям санитарной безопасности, на вознаграждение без дискриминации не ниже установленного минимального размера, а также на защиту от безработицы; и, наконец, легитимацией права на индивидуальные и коллективные трудовые споры, включая право на забастовку в установленном законом порядке⁶⁰⁸.

Таким образом, российская конституционная модель права на труда интегрирует как либеральную концепцию свободного труда, так и социальные гарантии, обеспечивая более сбалансированное и полное его нормативное выражение.

⁶⁰⁷ Там же.

⁶⁰⁸ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Анализ нормативной структуры главы 2 Конституции России действительно свидетельствует о формальном (количественном и позиционном) приоритете личных (гражданских) прав и свобод. Однако существенная часть этих прав не может быть реализована в отсутствие институциональных и материальных гарантий, ключевой из которых выступает право частной собственности. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что право частной собственности обладает не только приматом в системе социально-экономических прав, но и выполняет системообразующую функцию для всей совокупности конституционных прав и свобод личности — личных, политических, культурных и социальных.

Таким образом, право частной собственности обладает комплексным системным характером. Этот характер проявляется в следующих аспектах:

- 1) В установлении иерархии правовых норм, регулирующих как вопросы правового режима собственности, так и процедуры ее реализации.
- 2) В его неразрывной функциональной взаимосвязи и взаимодействии с иными конституционными правами, выступая необходимой материальной предпосылкой для их осуществления.
- 3) В его привилегированном (ключевом) положении в общей системе прав и свобод личности, где оно выступает фундаментальной основой, в первую очередь, для социально-экономических и косвенно — для социально-культурных прав.

Конституционный Суд РФ о социальной функции права частной собственности. Проблематика права собственности составляет значительный сегмент в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Эмпирическим подтверждением этому служат данные, согласно которым около 50% из более чем двадцати тысяч поступающих в Суд обращений затрагивают экономико-социальные вопросы, непосредственно связанные с правом собственности и дистрибутивной справедливостью в отношении доходов, генерируемых ею⁶⁰⁹.

⁶⁰⁹ Зорькин В.Д. Отмена смертной казни в России необратима // URL://<http://www.pravo.ru/review/face/view/23436/>

Вместе с тем, анализ сформированных Конституционным Судом правовых позиций по указанному кругу вопросов выявляет их существенную диспропорцию и нередко — противоречивый характер. Несмотря на обширную казуистику, в которой раскрываются отдельные аспекты содержания, сущности, реализации и защиты права частной собственности, практически отсутствуют четкие доктринальные выводы относительно её социальной функции. Концепция социальной функции была затронута Судом лишь фрагментарно, в контексте охраны специфических объектов публичной собственности, отнесенных к достоянию многонационального народа России и обладающих в силу этого особым правовым режимом⁶¹⁰.

Одним из ключевых факторов, обуславливающих такую лакуну в судебной практике, является отсутствие консенсуса по данному вопросу в доктринальной среде. Значительная часть исследователей имплицитно или эксплицитно увязывает социальную функцию частной собственности с принципом социального государства, закрепленным в Конституции РФ. В частности, указывается, что право собственности, будучи системно связано с положениями статей 7, 9, 17, 34, 36 и 39 Конституции, не носит абсолютного характера. Его осуществление сопряжено с обременениями и обязанностями, вытекающими из функций, которые собственность выполняет в рамках социального государства. Данная интерпретация, представленная в работах В.Д. Зорькина⁶¹¹, находит поддержку и в исследованиях других правоведов, таких как А.И. Василянская⁶¹².

В противовес указанной доктринальной позиции, ряд исследователей, в частности Г.Х. Чукаева, обоснованно отрицают прямую детерминацию социальной функции частной собственности принципом социального государства. Аргументация строится на тезисе о том, что чрезмерное ограничение собственности императивными государственными мерами оказывает

⁶¹⁰ См.: *Определение* КС РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О // СЗ РФ. 2000. № 29. Ст. 3117; *Постановление* КС РФ от 9 января 1998 г. № 1-П // СЗ РФ. 1998. № 3. Ст. 429; и др.

⁶¹¹ Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 202.

⁶¹² Василянская А.И. Конституционное право на частную собственность в современной России. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 16–17.

сдерживающее воздействие на развитие экономических отношений. Ключевым фактором выступает правовая и экономическая автономия собственника, формирующая субъективное чувство ответственности («чувство хозяина»). Поскольку частный собственник, действующий в предпринимательской сфере, несет риски, сопряженные с утратой своего имущества, элемент риска как имманентная составляющая экономического содержания собственности объективно требует предоставления ему широкой свободы для наиболее эффективного распоряжения активами⁶¹³.

Однако, несмотря на более объемный и теоретически состоятельный характер данного подхода, его также можно квалифицировать как односторонний. Само по себе стремление предпринимателя к минимизации рисков и максимизации эффективности использования имущества не имплицитно автоматического наделяет этого имущества социальной функцией. Функция не возникает имманентно из хозяйственной деятельности, а предполагает наличие внешних по отношению к рыночной логике правовых и институциональных установлений.

Более категоричную оценку соотношения принципов социального государства и статуса частной собственности в России приводит Е.М. Примаков. Апеллируя к данным международных исследований (Global Wealth Report), он констатирует экстремально высокий уровень концентрации личных активов: на 1% наиболее состоятельных граждан РФ приходится около 71% всех личных активов, что существенно превышает аналогичные показатели в США, Европе, Китае и Японии. При этом 96 российских миллиардеров концентрируют порядка 30% национальных личных активов, что в 15 раз выше среднемирового уровня⁶¹⁴.

Анализ представленных статистических показателей позволяет констатировать не просто отсутствие фактической реализации социальной функции частной собственности в России, но и наличие системного диссонанса

⁶¹³ Чукаева Г.Х. Развитие института права частной собственности и особенности его реализации в российском праве (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 9.

⁶¹⁴ Примаков Е.М. Реформы и зуд приватизаторства // URL: http://www.ng.ru/scenario/2012-12-25/13_primakov.html

между наблюдаемой социально-экономической реальностью и фундаментальными основами конституционного строя.

Высокие количественные индикаторы имущественного расслоения вступают в нормативно-содержательное противоречие с моделью социального государства, которая предполагает не декларативное, а действенное перераспределительное и гарантирующее участие государства, направленное на обеспечение достойной жизни, снижение социального неравенства и создание условий для реализации социальной функции собственности. Последняя подразумевает, что использование собственности не должно наносить ущерб общественным интересам, а, напротив, должно способствовать общему благу.

В условиях фиксируемого статистикой устойчивого и глубокого имущественного неравенства сама возможность реализации данного конституционного принципа становится проблематичной. Возникает правовой парадокс: формально действующая конституционная модель социального государства де-факто нейтрализуется социально-экономическими процессами, которые свидетельствуют о доминировании сугубо индивидуалистической, лишенной социальной составляющей, трактовки права собственности.

В конституционно-правовой доктрине высказываются и иные позиции об отсутствии должного баланса в регулировании права собственности. В.И. Осейчук, в частности, указывает на маргинализацию ряда демократических ценностей в Основном Законе и утверждает, что российская Конституция закрепляет модель абсолютного права частной собственности, в то время как мировая конституционная практика эволюционировала в сторону его социализации⁶¹⁵.

Данный тезис находит подтверждение в догматическом анализе статьи 35 Конституции РФ. Её текст содержит классические либеральные гарантии: признание охраны права частной собственности законом, правомочия владения, пользования и распоряжения, судебный иммунитет от лишения имущества и

⁶¹⁵ Осейчук В.И. О необходимости нового этапа конституционной реформы в России // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 5. С. 11.

условие предварительного равноценного возмещения при принудительном отчуждении. В данной норме отсутствует прямое указание на социально-обязывающий характер собственности, что формирует нормативный дефицит⁶¹⁶.

Между тем, в сравнительном конституционном праве сущность социальной функции собственности определяется через её подчинение интересам общего блага (*bonum commune*). Этатистская модель, наиболее последовательно выраженная в ст. 14 германского Основного Закона, провозглашает императив об обязывающей природе собственности и необходимости ее общественного служения. Подобная эксплицитная формулировка создает принципиально иные конституционные основания для ограничений и интерпретации права⁶¹⁷.

Таким образом, Конституционный Суд РФ в своей практике сталкивается со значительной методологической сложностью. Отсутствие в национальном конституционном тексте ясного указания на социальную функцию, а также доктринальная неоднородность в её понимании объективно препятствуют формированию последовательной и однозначной правовой позиции по данному вопросу. Изначальный законодательный выбор, сделанный в период «демократической романтики» и зафиксированный в статье 35, не акцентировал социальную составляющую, что предопределило последующую правоприменительную дилемму.

Исходя из указанного, цель настоящего исследования заключается в проведении системного анализа правовых позиций КС РФ для реконструкции содержания социальной функции частной собственности и формулирования на этой основе концептуальных предложений по оптимизации её конституционно-правового регулирования.

В контексте настоящей дискуссии согласимся с утверждением Л.Р. Бухоновой о системообразующей роли социальной функции собственности. Ученый указывает, что данная функция выступает инструментом социальной стабилизации, обеспечивает механизмы дистрибуции имущественных благ и

⁶¹⁶ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/bcd9060e44ed6085b65a1af0fb90aa3ef0175/

⁶¹⁷ *Избранные конституции зарубежных стран: Учеб. пособие* / Отв. ред. Б.А. Страшун. С. 214.

служит защите совокупных общественных интересов в экономической, социальной, экологической и культурной сферах. Автор также справедливо констатирует распространенную проблему неадекватной или отсутствующей компенсации при осуществлении изъятия частной собственности для публичных нужд⁶¹⁸.

Однако последующее рассуждение автора, затрагивающее природу и последствия подобного изъятия, вызывает методологические возражения.

Во-первых, процедура изъятия по своей юридической природе является актом публичной власти и, как правило, реализуется вопреки воле собственника, что изначально противоречит идее добровольного принятия социальной обязанности.

Во-вторых, вопрос о наличии, размере и характере компенсации затрагивает исключительно сферу частного интереса конкретного правообладателя, компенсируя его имущественные потери, но не трансформирует сам акт принуждения в реализацию социальной функции в её подлинном смысле.

В-третьих, следуя выработанной в сравнительном конституционном праве доктрине (наиболее полно отраженной в статье 14 Основного Закона ФРГ), социальная функция предполагает, что служение общему благу должно быть имманентным свойством осуществления права собственности, вытекающим из свободного и ответственного усмотрения самого собственника, а не следствием внешнего императивного воздействия государства.

В этом же контексте вызывает дискуссию иная научная позиция, отождествляющая социальную функцию с публичным контролем, который трактуется как внешний по отношению к внутреннему содержанию права элемент, лишь влияющий на его реализацию. Такой подход представляется уязвимым⁶¹⁹.

⁶¹⁸ Бухонова Л.Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 53.

⁶¹⁹ Василянская А.И. Указ. соч. С. 60.

Публичный контроль, будучи императивным вмешательством, действительно лежит за пределами субъективного права собственности как такового и является проявлением властных прерогатив государства. Его осуществление, даже легитимное, содержит элемент ограничения автономии воли собственника. Следовательно, атрибутировать принудительные меры публичного регулирования к сущностной характеристике социальной функции — значит стирать границу между внутренней социальной обязанностью, принятой добровольно, и внешним правовым ограничением. Подлинная социальная функция, таким образом, должна реализовываться через внутреннюю мотивацию и автономные решения собственника, направленные на служение общественному благу, а не через механизмы субординации и принуждения.

Правовая позиция, имплицитно сформулированная Конституционным Судом РФ по рассматриваемому вопросу, нашла отражение в его Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П. Указанным решением был разрешен длительный доктринальный и практический спор о допустимости передачи в третейское разбирательство споров, связанных с переходом прав на недвижимое имущество. Конституционный Суд, подтвердив конституционность ряда взаимосвязанных норм гражданского и процессуального законодательства, легитимировал правоприменительную практику, согласно которой третейские суды наделены юрисдикцией по рассмотрению споров, связанных с недвижимым имуществом, в том числе об обращении взыскания на предмет залога, с последующей возможностью государственной регистрации прав на основании принятых ими решений. Тем самым был утвержден приоритет диспозитивности и саморегулирования в сфере имущественного оборота, ограничив исключительную юрисдикцию государственных судов⁶²⁰.

Особую значимость для доктрины по рассматриваемому вопросу имеет позиция судьи К.В. Арановского, выраженная в его особом мнении и заключающаяся в том, что реализация права возможна не только посредством

⁶²⁰ URL:// <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=182840>

государственных институтов, но и в альтернативных внеинституциональных формах⁶²¹.

Данный тезис позволяет сделать три принципиальных вывода относительно социальной функции частной собственности:

1) Её реализация не является прерогативой исключительно принудительной воли государства. Социальная функция может осуществляться посредством институтов, формируемых по инициативе и выраженной воле самого общества.

2) К числу таких институтов гражданского общества могут и должны быть отнесены как индивидуальные частные собственники, так и их добровольные объединения.

3) Фундаментальной основой нормативного регулирования деятельности подобных негосударственных институтов должны выступать нормы нравственности, которые составляют базис механизмов саморегулирования в гражданском обороте и придают социальной функции добровольный, а не принудительный характер.

В научной доктрине обоснованно указывается на имманентную связь института частной собственности с нравственными началами. Так, И.А. Ильин отмечал, что частная собственность как субъективное право порождает не только формально-юридические обязанности, но и вытекающие из неё морально-социальные и патриотические обязательства, не имеющие строгой правовой фиксации. Поскольку частная собственность предполагает личную ответственность и автономию индивида, её реализация требует соответствующего воспитательного воздействия, направленного на соединение внутреннего восприятия собственности и внешних актов распоряжения ею с социально одобряемыми мотивами, одновременно минимизируя потенциально деструктивные побуждения⁶²².

⁶²¹ См.: *Мнение* судьи КС РФ К.В. Арановского к постановлению КС РФ от 26 мая 2011 года № 10-П // URL://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=182840

⁶²² См.: *Ильин И.А.* О частной собственности // URL://<http://www.because.ru/culture/cu04.shtml>

Данный нравственно-правовой подход находит своё отражение и в современной конституционной юстиции. В определении от 5 апреля 2016 г. № 704-О Конституционный Суд РФ указал, что оспариваемая норма об алиментах направлена на обеспечение баланса интересов детей и родителей, не усмотрев в ней нарушения конституционных прав⁶²³.

Из правовых позиций Конституционного Суда в сфере алиментных обязательств можно экстраполировать ряд принципов, имеющих значение для более широкого контекста реализации социальной функции собственности. К ним относятся:

- Презумпция добросовестности исполнения родителями обязанностей по содержанию детей.
- Приоритет добровольного исполнения алиментных обязательств.
- Необходимость обеспечения справедливого баланса интересов всех участников соответствующих правоотношений.
- Принцип индивидуализации подхода при определении и реализации алиментных обязательств⁶²⁴.

Эти принципы, сформулированные в специфической области, демонстрируют общий вектор правового регулирования, направленный на гармонизацию частного интереса и публичного блага через механизмы, сочетающие правовые нормы и этические основания.

Проведенный анализ судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации позволяет констатировать, что в вопросах, касающихся определения содержания и пределов социальной функции частной собственности, Суд занимает взвешенную и сдержанную позицию. Его правовые позиции в данной области формируются не через прямое нормативное закрепление данной функции, а опосредованно, через поиск баланса между конкурирующими конституционными ценностями в рамках рассмотрения конкретных категорий

⁶²³ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197088/

⁶²⁴ См.: Карнаухова А.Э. О «Конституционной социальности» права частной собственности // Образование и право. 2017. № 6. С. 74–75.

дел.

Так, например, в Постановлении от 3 июля 2001 г. № 10-П Суд, интерпретируя принципы равенства и свободы договора, указал на допустимость и конституционную обоснованность предоставления дополнительных гарантий экономически слабой стороне (вкладчику) для обеспечения реального, а не формального равенства в правоотношениях. Этот подход иллюстрирует общую методологию Суда: при разрешении имущественных споров в различных сферах (семейных, банковских, конкурсных) он акцентирует необходимость пропорционального согласования принципов, лежащих в основе различных правовых институтов и даже отраслей права⁶²⁵.

В то же время, по вопросам, непосредственно затрагивающим ядро права собственности – его неприкосновенность, свободу реализации правомочий и недопустимость произвольного вмешательства, – Конституционный Суд формулирует значительно более четкие и императивные правовые позиции. Ярким примером служит Постановление от 15 апреля 2020 г. № 18-П, в котором Суд, основываясь на статьях 8, 19 и 35 Конституции РФ, подтвердил фундаментальный характер принципов неприкосновенности и свободы собственности, свободы договора и равенства собственников в гражданском обороте. Данные принципы непосредственно раскрывают содержание права собственности в его полном объеме, охватывающем правомочия владения, пользования, распоряжения, в т.ч. отчуждения и передачи имущества, а также возможность обеспечения исполнения обязательств за счет принадлежащего лицу имущества, в том числе недвижимого⁶²⁶.

Так, в правоприменительной деятельности КС РФ наблюдается дихотомия: с одной стороны, последовательная и детализированная защита классических правомочий собственника от произвольных ограничений, с другой – осторожный,

⁶²⁵ СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3058.

⁶²⁶ См., например: *Постановление* КС РФ от 15 апреля 2020 г. № 18-П // URL:// <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=359916>; *Постановление* КС РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // СЗ РФ. 2005. № 30 (Ч. 2). Ст. 3200; *Постановление* КС РФ от 16 мая 2000 г. № 8-П // СЗ РФ. 2000. № 21. Ст. 2258.

казуистичный и балансирующий подход к раскрытию социально-обязывающего компонента этого права, который реализуется не через прямое предписание, а через пропорциональное взвешивание прав и законных интересов всех участников соответствующих правоотношений.

Анализ сформулированных Конституционным Судом РФ подходов позволяет частично согласиться с позицией А.Э. Карнауховой, указывающей на неизбежную критику дискурса о поиске баланса интересов ввиду его неспособности в полной мере удовлетворить все социальные запросы⁶²⁷.

Следует констатировать, что универсальный характер конституционных принципов обуславливает их доминирующее воздействие на широкий массив отраслевых норм. Процесс их совмещения и балансировки неизбежно расширяет и усложняет сферу правового регулирования, однако при этом может порождать эффект правовой неопределенности. Возникает методологическое противоречие: практика поиска баланса между абстрактными принципами, сама по себе вариативная и оценочная, входит в коллизию с неоднократно выраженной правовой позицией самого Конституционного Суда, требующей устранения неопределенности в правовом регулировании.

Такой подход не подтверждает прямого нормативного единства между социальной функцией собственности и принципом социального государства. Превалирующая же судебная доктрина, основанная на идее баланса интересов при регулировании этой функции, фактически создаёт институциональные преимущества для крупных владельцев имущества. Такой дискреционный и казуистичный метод правоприменения способен оказывать сдерживающее влияние на развитие рыночных отношений, создавая дополнительные риски и барьеры для субъектов среднего и малого предпринимательства, в большей степени нуждающихся в стабильных и предсказуемых правилах.

В данном случае нам видится обоснованным тезис о необходимости эволюции правовых позиций Конституционного Суда в рассматриваемой сфере.

⁶²⁷ Карнаухова А. Э. Указ. соч. С. 74.

Вместо текущей методологии «сочетания принципов», Суду целесообразно перейти к позиции, основанной на приоритете конкретных, четко определенных принципов права, аналогичной той, что последовательно применяется им при защите неприкосновенности частной собственности. Такой переход позволил бы обеспечить большую определенность и последовательность в регулировании, минимизировав издержки, порождаемые избыточной гибкостью балансировочного подхода.

Конституционный Суд РФ о сущности права частной собственности. Нормативное закрепление права частной собственности в российской Конституции и в отраслевом законодательстве отличается высокой степенью лаконичности, что порождает проблемы в доктринальном толковании и правоприменении. Так, часть 2 статьи 8 Основного Закона России ограничивается декларацией о равном признании и защите различных форм собственности, включая частную, без детализации её содержания или функциональных особенностей⁶²⁸.

Аналогичным образом, статья 128 Гражданского кодекса РФ, хотя и содержит открытый перечень объектов гражданских прав (вещи, имущественные права, результаты интеллектуальной деятельности, нематериальные блага), не устанавливает исчерпывающих критериев отнесения тех или иных объектов к правомочиям собственника⁶²⁹.

Указанный нормативный дефицит стал причиной формирования в юридической доктрине, законодательстве и правоприменительной практике множества конкурирующих интерпретаций. В научной литературе можно выделить несколько основных направлений:

1) Концепция исторически расширяющегося круга объектов собственности, связываемая с процессом индустриализации и прогрессирующим

⁶²⁸ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/bcddb9060e44ed6085b65a1af0fb90aa3ef0175/

⁶²⁹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

опредмечиванием элементов природной и социальной среды («овеществлением природы»)⁶³⁰.

2) Подход, расширительно трактующий объекты собственности, включающий в их состав не только материальные вещи, но и нематериальные блага⁶³¹.

3) Позиция, признающая за правом частной собственности приоритетный статус в системе социально-экономических прав⁶³².

4) Технологически ориентированная точка зрения, согласно которой к имуществу относятся любые артефакты, опосредующие технический прогресс, – от механизмов и устройств до продуктов информационных и нанотехнологий⁶³³.

Таким образом, отсутствие детального конституционно-правового регулирования права частной собственности приводит к значительной доктринальной полисемии и правовой неопределенности в вопросах определения его объекта, содержания и места в системе прав.

Существующее многообразие и противоречивость доктринальных подходов к пониманию содержания и объектов права частной собственности закономерно отражаются в практике правоприменения и становятся предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Эмпирические данные, приводимые, в частности, Н.С. Бондарем, свидетельствуют о значительном удельном весе экономических споров в деятельности Суда: свыше трети его постановлений касаются вопросов собственности, приватизации, несостоятельности, налогового, таможенного и валютного регулирования⁶³⁴.

В научной литературе можно выделить несколько дискурсивных направлений. Значительная часть исследований сосредоточена на анализе различных видов имущества как объекта частной собственности и их правового

⁶³⁰ Эктайн К. Указ. соч., С. 324.

⁶³¹ Царикаева Ж.М. Конституционно-правовой режим права собственности в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15.

⁶³² Безруков А.В. Конституционное право России: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. С. 44.

⁶³³ Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд., М.: Норма, 2008. С. 59.

⁶³⁴ См.: Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма – Инфра-М, 2017. С. 115.

режима. В рамках данного направления одни авторы подчеркивают системообразующую, первостепенную роль права частной собственности в структуре социально-экономических прав⁶³⁵.

Другие, не отрицая формального конституционного принципа равной защиты всех форм собственности, ставят под сомнение его фактическую реализацию, хотя и не указывают на явное доминирование какой-либо одной формы⁶³⁶. При этом большинство исследователей данной группы в своих построениях все же исходят из теоретической модели равенства форм собственности⁶³⁷.

Отдельный пласт исследований акцентирует внимание на специальном правовом статусе конкретных объектов. Например, С.В. Нарутто обоснованно указывает на землю и иные природные ресурсы как на особые объекты конституционно-правового регулирования, что закреплено в частях 1 статьи 36 и 2 статьи 9 Конституции РФ⁶³⁸.

Подобная полисемия научных позиций создает неблагоприятные условия для последовательного развития конституционного законодательства, препятствует формированию единообразного регулирования и порождает противоречивую правоприменительную практику.

Таким образом, одной из ключевых задач настоящего диссертационного исследования является проведение комплексного анализа научных концепций, действующего законодательства и, что особенно значимо, правовых позиций КС РФ. Это позволит выявить роль конституционного правосудия в обеспечении системного, стабильного и единообразного регулирования, а также реализации права частной собственности в Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ в своей правоприменительной практике последовательно квалифицирует право частной собственности как

⁶³⁵ См.: Безруков А.В. Указ. соч. С. 44.

⁶³⁶ См.: Бородач М.В. Указ. соч. С. 182.

⁶³⁷ См.: Конституционное право России. Учебник для студентов вузов / Под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. 5-е изд., перераб. и доп. С. 86–87; Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. С. 170.

⁶³⁸ Нарутто С.В. Роль Конституционного Суда РФ в защите экономического порядка и прав собственника // Ежегодник конституционной экономики. 2018 / Отв. ред. С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова; Сост. П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2018. С. 296–298.

системообразующий элемент основ конституционного строя. Так, в Постановлении от 16 июля 2008 г. № 9-П Суд выработал доктринальную позицию, утверждающую, что собственность представляет собой цивилизованный фундамент и форму выражения личной свободы, выступая необходимым условием реализации свободы экономической (в том числе предпринимательской) деятельности. Эта свобода, в свою очередь, имплицитно включает принципы свободы договора и равенства её субъектов, правовое положение которых детерминировано конституционно закреплённым правом частной собственности, а также установленными гарантиями и критериями допустимых ограничений данного права.

Из указанной конституционной доктрины непосредственно вытекают основополагающие начала гражданского права, закреплённые в ст. 1 и 2 ГК РФ: гарантия нерушимости права собственности, автономия договорного регулирования, равная правосубъектность, самоопределение воли и экономическая обособленность субъектов, запрет на необоснованное вмешательство в частную сферу, а также беспрепятственная реализация, восстановление и судебная защита субъективных гражданских прав.

Сформулированные Конституционным Судом РФ фундаментальные правовые начала, образующие нормативно-ценностный фундамент института собственности и экономической деятельности, носят системообразующий характер для всей сферы правового регулирования имущественных отношений. Эти начала определяют нормативную регламентацию возникновения, изменения и прекращения правомочий собственника, фиксируя одновременно пределы их защиты и правомерного ограничения⁶³⁹.

Вместе с тем, в данной правовой позиции Конституционный Суд РФ формально встал на позиции толкования весьма узкого аспекта права частной собственности, который к тому же редко встречается в реальной жизни и никак не коснулся её социальной функции.

⁶³⁹ См.: СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3695.

В своей интерпретационной деятельности Конституционный Суд Российской Федерации последовательно акцентирует системное единство права частной собственности с иными фундаментальными конституционными нормами-принципами⁶⁴⁰.

Через совокупность правовых позиций, сформулированных в многочисленных решениях, Суд не только подтвердил статус частной собственности в качестве самостоятельного правового принципа, но и осуществил доктринальное раскрытие его нормативно-ценностного содержания и внутренней структуры.

Признание права частной собственности базовым конституционным принципом позволило Конституционному Суду обеспечить ему повышенный уровень правовой охраны, а также расширительно определить круг управомоченных субъектов, объем принадлежащих им правомочий (классическая триада владения, пользования и распоряжения) и спектр объектов, которые могут выступать в этом качестве⁶⁴¹.

Закрепляя таким образом сущностные характеристики данного права, Конституционный Суд через свои правовые позиции гарантирует его неприкосновенность. Яркой иллюстрацией этого подхода служит Постановление от 16 мая 2000 г. № 8-П, в котором Суд констатировал, что реализация имущественных прав должна исходить из институциональных основ гражданского права – неприкосновенности собственности и свободы договора, имманентно включающих равенство участников, самостоятельность их волеизъявления и имущественную независимость, а также исключаящих произвольное вторжение в частные отношения⁶⁴².

КС РФ в рамках осуществления своего правомочия на конституционное истолкование сформулировал позицию, согласно которой право граждан на

⁶⁴⁰ См., например: постановления КС РФ от 26 ноября 2020 г. № 48-П // URL:<https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112020-n-48-p/>; от 14 июля 2005 г. № 9-П // *СЗ РФ*. 2005. № 30 (ч. 2). Ст. 3200; от 10 апреля 2003 г. № 5-П // *СЗ РФ*. 2003. № 17. Ст. 1656; от 27 января 1993 г. № 1-П // *Ведомости СНД РФ и ВС РФ*. 1993. № 14. Ст. 508; определение КС РФ от 3 июля 2007 г. № 633-О-П // *СЗ РФ*. 2007. № 46. Ст. 5642.

⁶⁴¹ См.: постановления КС РФ от 15 апреля 2020 г. № 18-П // URL://<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=359916>; от 20 декабря 2010 г. № 22-П // URL://<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=170697>

⁶⁴² См.: *СЗ РФ*. 2000. № 21. Ст. 2258.

восстановление и сохранение ценности денежных сбережений считается реализованным лишь при условии принятия специальных федеральных законов. Данные законы должны устанавливать конкретные материальные гарантии и создавать эффективный механизм реализации, обеспечивающий фактическое исполнение государством своих публично-правовых обязательств добровольного характера. При этом Суд отметил, что частичные компенсационные меры сами по себе не свидетельствуют об исчерпывающем принятии всех возможных мер, направленных на полное восстановление нарушенных прав вкладчиков⁶⁴³.

Параллельно Конституционный Суд последовательно развивает доктрину недопустимости установления законодательных ограничений права собственности, противоречащих конституционным предписаниям, детализируя подходы к правомерным основаниям и процедурам лишения имущества.

Важнейшим элементом данной доктрины является расширительное толкование понятия «имущество», вытекающее из признания права частной собственности конституционным принципом. Правовые позиции Суда выводят содержание этого понятия за пределы традиционных вещественных (материальных) объектов. В круг охраняемых объектов собственности включаются нематериальные (бестелесные) блага, такие как результаты интеллектуальной деятельности, доли участия в уставном капитале коммерческих организаций, бездокументарные ценные бумаги и иные аналогичные объекты гражданского оборота⁶⁴⁴.

Проведенный анализ совокупности правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет сформулировать ряд системных выводов.

Во-первых, Конституционный Суд РФ сыграл определяющую роль в легальной интерпретации и конкретизации сущности права частной собственности. Посредством своих решений Суд сформировал стабильную

⁶⁴³ См.: *Определение* КС РФ от 11 мая 2006 г. № 133-О // Вестн. КС РФ. 2006. № 5.

⁶⁴⁴ См., например: *Постановление* КС РФ от 29 января 2018 г. № 5-П // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=307693>

доктринальную основу для унифицированного понимания и реализации данного конституционного права в правоприменительной практике.

Во-вторых, путем конституционализации права частной собственности как базового принципа публичного порядка Суд установил для него повышенный уровень нормативной иерархии и юридической защиты. Будучи принципом права, оно обладает приоритетной юридической силой и служит стабилизирующим фактором для всей системы имущественных отношений.

В-третьих, благодаря универсальному характеру правовых принципов, правовые позиции Суда способствовали экспансивному определению элементов данного права. Это выразилось в признании широкого круга субъектов (физических лиц, включая иностранных граждан и апатридов, а также их объединений), расширительном толковании содержания правомочий собственника и включении в объектный состав как материальных, так и нематериальных активов.

В-четвертых, Конституционный Суд РФ осуществил детальную доктринальную разработку как общего содержания принципа частной собственности, так и его структурных компонентов. Это создает методологическую базу для законодателя, позволяя осуществлять более точное и предметное регулирование соответствующих правоотношений.

В-пятых, и наиболее существенно, совокупность правовых позиций Конституционного Суда, сформированных при разрешении частных, но значимых аспектов социальной функции собственности, в итоге подготовила концептуально-правовые предпосылки для конституционной реформы 2020 года.

Системный характер права частной собственности, его глубокая интеграция с другими правами личности (в первую очередь социальными) и развитие в рамках конституционной доктрины и судебной практики определяют его роль как интегрального компонента всей системы конституционно-правового регулирования.

3.4. Конституционно-правовые механизмы защиты права собственности в условиях формирующейся технократической модели государственности: вызовы и стратегические императивы для Российской Федерации

Современное государственно-правовое развитие цивилизации достигло такой критической точки, в которой отчетливо видится глубинное столкновение двух онтологически различных мегатрендов. С одной стороны, это устоявшаяся либерально-демократическая модель, основанная на верховенстве права, примате фундаментальных свобод и неотчуждаемости права частной собственности как краеугольного камня индивидуальной автономии. С другой – набирающая мощь технократическая парадигма, апеллирующая к деперсонифицированной рациональности, эффективности, данным и алгоритмам как к высшим арбитрам в процессе принятия управленческих решений.

Этот переход от «правления людьми» к «управлению процессами», как точно отмечает М.А. Краснов, неминуемо затрагивает «конституционный каркас» государства, требуя его тотальной адаптации или, напротив, усиления его защитных и гарантирующих функций в условиях новой цифровой реальности⁶⁴⁵.

При этом технократизация началась не вчера. Технократический идеал уходит корнями в эпоху Просвещения с его верой в безграничные возможности разума и науки. Но все же свое концептуальное оформление он получил в начале XX века в работах таких мыслителей, как А. де Сен-Симон, Т. Веблен и Г. Скотт. Сен-Симон предполагал, что в индустриальном обществе управление должно осуществляться техническими специалистами — инженерами и учеными, которые смогут рационально организовать производство и распределение⁶⁴⁶. Веблен, в свою очередь, противопоставлял «инстинкт мастерства» и «инстинкт

⁶⁴⁵ Краснов М.А. Конституция как "каркас" государственности: вызовы современности // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 45.

⁶⁴⁶ Sen, A. Development as Freedom. – New York: Anchor Books, 2000. P. 45.

праздного любопытства» бизнес-интересам, видя в технических специалистах силу, способную преодолеть неэффективность капитализма⁶⁴⁷.

Классическая технократия 1930-х годов, ассоциируемая с движением Говарда Скотта, провозглашала необходимость передачи власти от политиков и бизнесменов к инженерам и технологам, которые будут управлять обществом на основе научных принципов и технической эффективности⁶⁴⁸. Однако уже в середине XX века стали очевидны ограничения и опасности этого подхода. М. Вебер в своей теории рационализации предупреждал о возникновении «железной клетки» инструментальной рациональности, которая, вытесняя ценностно-ориентированную рациональность, ведет к обезличиванию и утрате смысла⁶⁴⁹.

Эта критика была развита представителями Франкфуртской школы. М. Хоркхаймер и Т. Адорно в «Диалектике Просвещения» показали, как просвещенческий разум, превращаясь в инструментальный, становится источником нового варварства и тоталитаризма⁶⁵⁰. Ю. Хабермас в своей теории коммуникативного действия описал опасность «колонизации жизненного мира» — сферы личного опыта, коммуникации и культуры — системами, основанными на административной и денежной рациональности⁶⁵¹.

В современную эпоху «технократия данных» наследует эти критические аспекты. Алгоритмы, основанные на больших данных и машинном обучении, становятся воплощением инструментального разума. Они редуцируют человека до набора данных, а принятие решений сводится к вычислению вероятностей и корреляций, что ведет к утрате контекста и игнорированию уникальности индивидуальных случаев⁶⁵².

Ш. Зубофф в своей работе «Век наблюдения капитализма» показывает, как логика извлечения и анализа данных превращается в инструмент предсказания и

⁶⁴⁷ Баранов П.П. Технократия: иллюзии и реальность. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 80.

⁶⁴⁸ Там же. С. 85.

⁶⁴⁹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М.: Ист-Вью, 2019. С. 181.

⁶⁵⁰ Dialectic of enlightenment / Max Horkheimer a. Theodor W. Adorno ; Transl. by John Cumming. - 2. print. - New York : Seabury press, cop. 1972. - XVII, p. 203.

⁶⁵¹ Habermas, J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. — Boston: Beacon Press, 1987. P. 345

⁶⁵² Bostrom, N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. — Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 112

контроля поведения, подрывая автономию личности и основы демократии⁶⁵³. Ф. Паскуале в «Царстве алгоритмов» описывает возникновение «черного ящика» — систем, решения которых необъяснимы и не поддаются общественному контролю, что создает угрозу для справедливости и подотчетности⁶⁵⁴. К. О'Нил в «Оружии математического поражения» демонстрирует, как алгоритмы могут воспроизводить и усиливать социальное неравенство и дискриминацию⁶⁵⁵.

Таким образом, имманентная критика технократического идеала позволяет выявить его системные недостатки: редукцию человеческого многообразия к количественным показателям, устранение морального суждения из процесса принятия решений и создание неподконтрольных обществу систем власти.

В аксиологической антитезе технократическому редукционизму в качестве фундаментального принципа философии права выступает категория человеческого достоинства. Философские основания данной позиции восходят к учению И. Канта, в частности к его категорическому императиву, изложенному в «Основоположениях метафизики нравов». Его сущность заключается в требовании рассматривать человеческую личность в себе и в любом другом человеке всегда как самоцель и никогда исключительно как средство⁶⁵⁶. Данный принцип представляет собой этический фундамент для критики и ограничения технократической парадигмы, поскольку последняя в своей основе содержит редукционистский подход к человеку, рассматривая его преимущественно в качестве инструментального средства для достижения системных целей — таких как эффективность, оптимизация процессов и тотальный контроль.

Указанные выше теоретические идеи и высказывания, так или иначе, получили свое закрепление в конституциях и законодательстве соответствующих государств. Например, в современном праве достоинство признано высшей

⁶⁵³ Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. — New York: PublicAffairs, 2019. P. 98

⁶⁵⁴ Pasquale, F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015. P. 133

⁶⁵⁵ O'Neil, C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. — New York: CPG, 2016. P. 75

⁶⁵⁶ Kant, I. Groundwork of the Metaphysics of Morals. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 429

ценностью. Оно закреплено в статье 1 Основного закона ФРГ, статьях 1 и 10 Конституции Южно-Африканской Республики, статье 10 Конституции Испании, статьях 1 и 13 Конституции Португалии, статье 13 Конституции Японии, статье 41 Конституции Италии, статье II Конституции Венгрии, статье 2 Конституции Греции и др.

Более того, получив закрепление в национальном законодательстве, оно получило унифицированное распространение в многочисленных международных источниках, то есть единообразное закрепление и соответствующее применение на территориях тех государств, которые подписали и ратифицировали их. Например, принцип неотъемлемого достоинства человека закреплен как нормативная аксиологическая основа в преамбулах ВДПЧ и Пакта ГПП.

В России данный принцип получает высшую степень правовой защиты через норму ст. 21 Основного Закона, которая гарантирует охрану достоинства личности государством и не допускает никаких обстоятельств для его умаления⁶⁵⁷. Конституционный Суд РФ в своей практике последовательно развивает эту норму, признавая достоинство личности аксиологической основой конституционного строя⁶⁵⁸.

В доктринальном измерении достоинство личности определяется как её имманентное свойство, признаваемая за индивидом способность к автономному самоопределению и самореализации в рамках правового поля, при условии непротиводействия аналогичным интересам иных лиц. Как отмечает Б.С. Эбзеев, именно это свойство детерминирует правовой статус человека, выступая как имплицитный базис всей системы его прав и верховный критерий легитимности правового закона⁶⁵⁹.

⁶⁵⁷ Саудаханов М. В. Человеческое достоинство как конституционный барьер технократической редукции: механизмы защиты «неприкосновенного ядра» личности в цифровую эпоху / М. В. Саудаханов // Закон и право. – 2025. – № 11. – С. 94-98.

⁶⁵⁸ См., например: Постановление КС РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882; Постановление КС РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3622; Постановление КС РФ от 3 июля 2012 г. № 18-П // СЗ РФ. 2012. № 28. Ст. 3910; Постановление КС РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П // СЗ РФ. 2011. № 43. Ст. 6075; Определение КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 440-О // Архив КС РФ. Опубликовано не было.

⁶⁵⁹ Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. – Москва : Проспект, 2013. С. 150.

С.А. Авакьян увязывает охрану достоинства личности с созданием государством таких условий, при которых ни один человек не может быть подвергнут унижающему его человеческое достоинство обращению. При этом государство обязано не только воздерживаться от подобных действий, но и пресекать их со стороны кого бы то ни было⁶⁶⁰.

В доктринальной интерпретации, предложенной Н.С. Витруком, достоинство личности рассматривается в качестве системообразующего принципа, выполняющего функцию нормативной оси. Вокруг данной оси конституируется и функционирует вся совокупность прав, свобод и обязанностей индивида как гражданина и человека. Этот принцип выступает верховным смыслообразующим началом, детерминирующим телеологию, содержание и практику применения законодательных предписаний. Он служит сквозным критерием, обязательным для деятельности органов законодательной и исполнительной власти, а также институтов местного самоуправления, и находит свою окончательную гарантию и обеспечение в системе правосудия⁶⁶¹.

И.А. Кравец приходит к выводу, что принцип достоинства личности выполняет в конституционном праве функцию «сквозного» стандарта, на основе которого осуществляется проверка конституционности нормативных актов. Он позволяет «оживлять» конституционный текст, приспособлявая его к изменяющимся социальным реалиям⁶⁶².

В концепции видного германского конституционалиста К. Хессе человеческое достоинство трактуется как верховный конституционный принцип, обладающий доконституционной природой и не детерминируемый конкретными действиями или характеристиками индивида. Данный принцип выступает в качестве аксиологической основы и легитимирующего основания всей системы основных прав. Его абсолютный характер, исключая возможность каких-

⁶⁶⁰ Авакьян, С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. / 5-е изд. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. – Т. 1. С. 320.

⁶⁶¹ Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности. Москва : Норма, 2008. 102.

⁶⁶² Кравец, И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XXI века : учебное пособие / И. А. Кравец. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2010. С. 118.

либо ограничений, превращает его в фундаментальный конституционно-правовой барьер против тоталитарных устремлений. Из этого следует двуединая обязанность государства: во-первых, негативное обязательство воздерживаться от любых посягательств на достоинство, и во-вторых, позитивное обязательство по его активной защите от нарушений со стороны третьих лиц, а также по созданию условий для его эффективной реализации⁶⁶³.

Э.-В. Бёккенфёрде в контексте человеческого достоинства подчеркивал, что хотя государство и основывается на этом принципе, оно не может навязывать его содержание, так как достоинство коренится в догосударственной, моральной автономии личности. Он видел в достоинстве не просто правовую норму, а этико-философский фундамент, который позволяет интерпретировать основные права в духе уважения к свободе и идентичности человека⁶⁶⁴.

Л. Ферраджоли рассматривает человеческое достоинство как «метاپраво» или фундаментальный принцип, на котором основана вся система основных прав. В его иерархии прав достоинство занимает высшую ступень, являясь основой для «основных прав» (прав личности, гражданских и политических прав) и «субстантивных прав» (социальных прав). Достоинство для Ферраджоли – это то, что делает человека субъектом права, и его нарушение равносильно отрицанию самой правоспособности индивида⁶⁶⁵.

Р. Дворкин связывал достоинство с двумя принципами: самоуважением и аутентичностью⁶⁶⁶. Алгоритмические системы, принимающие за человека судьбоносные решения (например, в области правосудия, кредитования, трудоустройства) или манипулирующие его поведением без его ведома (например, с помощью микроманипуляций в социальных сетях), наносят удар по обоим этим принципам. Они подрывают самоуважение, лишая человека контроля

⁶⁶³ Хессе, К. Основы конституционного права ФРГ / пер. с нем. – М. : Издательство «Юридическая литература», 1981. – 370 с.

⁶⁶⁴ Бёккенфёрде, Э.-В. Государство, общество, свобода. Исследования по теории государства и права / Э.-В. Бёккенфёрде ; пер. с нем. А. Ю. Матюхина. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 448 с. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

⁶⁶⁵ Ферраджоли, Л. Справедливость и демократия в эпоху глобализации / Л. Ферраджоли ; пер. с итал. А. А. Яковлева. – М. : Статут, 2018. – 526 с.

⁶⁶⁶ Dworkin, R. Justice for Hedgehogs. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011. P. 203

над своей жизнью, и нарушают аутентичность, искажая условия для свободного выбора.

Указанные выше научные позиции можно классифицировать по нескольким основаниям. Одним из них является хронологический подход. В соответствии с ним, человек обладал достоинством всегда, поскольку он обладал им в догосударственный период (Э.-В. Бёккенфёрде, К. Хессе). Другие авторы считают, что достоинство человека связано с появлением государства (Н. Витрук, Р. Дворкин, И.А. Кравец).

Другие авторы считают, что достоинство человека не связано с государством. Причем, часть из них (Э.-В. Бёккенфёрде, К. Хессе) связывают его с человеком, как особым социальным существом, другие – Л. Ферраджоли рассматривает человеческое достоинство как результат божественной воли («метاپраво»).
Последнее обстоятельство

Таким образом, можно сделать главный вывод о том, какие бы теории ни объясняли его понятие и происхождение – человеческое достоинство образует несущую конструкцию, на которой должна быть построена вся система правовых ограничений технократии. Данный вывод имеет особое значение в современную эпоху увлечения модными идеями цифровизации, компьютеризации, искусственного интеллекта и пр. Следовательно, человеческое достоинство устанавливает абсолютный нормативный предел, детерминирующий допустимые границы вмешательства алгоритмических систем и технологий автоматизированного принятия решений в автономную сферу личности.

Более предметное раскрытие указанной проблематики охватывается концепцией «неприкосновенности человеческого ядра», которая выступает выступает конкретизацией принципа человеческого достоинства в условиях цифровой трансформации. Указанный принцип устанавливает правовые рамки технократического воздействия, защищая фундаментальные человеческие качества от их алгоритмической оценки, оптимизации или коммерциализации по критериям эффективности или стоимости. В отличие от классического права на

неприкосновенность частной жизни, имеющего пространственное измерение, данная концепция носит качественный характер, ограждая само существо природы человека от редукции к технократическим показателям⁶⁶⁷.

Концепция «человеческого ядра», как нормативная дефиниция, нуждается в дальнейшей научной разработке. Вместе с тем, уже на текущем этапе возможно предварительное выделение ключевых элементов, образующих её содержание и требующих особой конституционно-правовой охраны:

а) *Сфера интимности и семейных отношений*. Недопустимым является алгоритмическое вмешательство в сферу личных и семейных отношений, включая оценку их «успешности» или, к примеру, прогнозирование их устойчивости. Эти отношения, основанные на доверии, эмоциональных связях и ценностях, по своей природе не могут быть сведены к бинарным или количественным показателям. В частности, прямому правовому запрету должны подлежать системы искусственного интеллекта, производящие оценку вероятности развода, качества родительских компетенций или перспектив брака на основе анализа цифровых данных и данных из открытых источников.

б) *Творчество и мировоззренческая автономия*. Сфера художественного и научного творчества, а также формирования личных убеждений должна быть ограждена от манипулятивного воздействия алгоритмических систем, целью которых является максимизация вовлеченности пользователя или продвижение целевого контента. Творчество, по своей эвристической природе, не поддается алгоритмической редукции. Правовому запрету подлежит целенаправленное манипулирование информационной средой для формирования заранее заданных мировоззренческих установок.

в) *Эмоционально-психическая сфера*. Сфера эмоций и психических состояний должна быть исключена из парадигмы технократической оптимизации, направленной на повышение экономической эффективности или корректировку

⁶⁶⁷ Саудаханов М. В. Человеческое достоинство как конституционный барьер технократической редукции: механизмы защиты «неприкосновенного ядра» личности в цифровую эпоху / М. В. Саудаханов // Закон и право. – 2025. – № 11. – С. 94-98.

поведенческих моделей. В частности, должен быть установлен прямой правовой запрет на: использование предиктивной аналитики для оценки и «оптимизации» эмоционального состояния работников в целях повышения производительности; применение технологий аффективных вычислений для скрытого манипулирования эмоциями индивида в коммерческих или политических интересах. Эмоциональная жизнь личности, как нередуцируемая к алгоритмическим параметрам, требует абсолютной защиты от инструментализации⁶⁶⁸.

Реализация данной концепции требует внесения в гражданское и административное законодательство прямых запретительных норм, исключающих разработку и применение систем искусственного интеллекта для анализа, оценки или вмешательства в указанные сферы человеческой жизни. Подобное правовое ограничение создаст охраняемую «запретную зону», гарантирующую неприкосновенность человеческого ядра личности от технократической редукции. Нарушение данного запрета должно влечь существенные юридические последствия, включая привлечение разработчиков и операторов технологий к уголовной ответственности⁶⁶⁹.

В рамках классической модели либеральной демократии, сложившейся в Новое время, право частной собственности рассматривалось как её системообразующий и нормативно-ценностный фундамент. Данный институт выступал не просто элементом экономического уклада, но и ключевым правовым принципом, выполнявшим несколько взаимосвязанных функций. Он гарантировал автономию личности, создавал материальную основу для реализации политических свобод и служил важнейшим ограничителем, сдерживающим потенциальный произвол публичной власти. Таким образом, право собственности выступало правовым воплощением и необходимым условием принципа индивидуального суверенитета. Как отмечал английский философ Джон Локк, собственность, начинающаяся с собственности на свое тело,

⁶⁶⁸ Там же.

⁶⁶⁹ Там же.

является основой личной свободы и независимости от воли других⁶⁷⁰, выступает не просто экономической категорией, но и продолжением личности, «продолжением свободы человека в вещах»⁶⁷¹, материальной основой для реализации всей палитры прав и свобод. Эта идея была институционализирована в виде правовых гарантий, защищающих собственность от посягательств как со стороны других индивидов, так и со стороны государства.

Однако в начале XXI века происходит глубинная трансформация политико-правового ландшафта. Четвертая промышленная революция породила три ключевых феномена:

1. Большие Данные (Big Data): Возможность сбора, хранения и обработки неограниченных массивов информации о любых аспектах жизни общества и индивида.

2. Искусственный интеллект и машинное обучение: Алгоритмы, способные находить в этих данных сложные, неочевидные для человека корреляции и на их основе строить прогнозные модели.

3. Кибернетика и наука об управлении: Теоретическая база для использования этих прогнозов для целенаправленного воздействия на поведение сложных систем, включая социальные.

Демократическое государство модерна эволюционирует в новую форму – технократическое государство, где ключевым ресурсом и источником легитимности становятся не народный суверенитет в его классическом понимании, а экспертное знание, данные и алгоритмическая эффективность; где властные полномочия концентрируются в руках экспертов-технократов (ученых, инженеров, управленцев-аналитиков), а ключевыми целями провозглашаются рациональность, предсказуемость и оптимизация всех ресурсов.

В своей «жесткой», или «чистой», версии технократия имплицитно содержит в себе иное, по сравнению с демократическим, понимание основных правовых

⁶⁷⁰ Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк ; пер. с англ. Б. П. Вышеславцева. – Москва : Соцэргиз, 1960. С. 45.

⁶⁷¹ Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 2007. С. 98.

категорий, в том числе и права собственности. Если демократия исходит из примата воли народа (народного суверенитета) и неотчуждаемых прав человека, то технократия апеллирует к «истине, установленной данными» и «научной необходимости». Это приводит к фундаментальному сдвигу: право перестает быть системой морально-этических норм, основанных на общественном договоре, и превращается в свод технических предписаний, алгоритмически просчитанных для максимизации заданных параметров системы.

Технократическое государство переносит фокус легитимности с индивидуального волеизъявления на объективные, с его точки зрения, критерии эффективности. Легитимность власти основывается не на процедурах выборности и представительства, а на способности управлять сложными системами (экономикой, социальной сферой, инфраструктурой) с максимальной результативностью, минимизируя риски и издержки. Ключевым ресурсом такого управления являются Большие Данные и алгоритмы, способные обрабатывать информацию в масштабах, недоступных человеческому сознанию. В этой новой системе координат данные представляют собой новую форму «метасобственности». Владение традиционными активами (землей, капиталом) становится производным от способности аккумулировать, анализировать и использовать данные, генерируемые этими активами и их пользователями. В рамках технократической модели право собственности подвергается редукции: его абсолютный и онтологический характер замещается условным и функциональным. Правовая охрана предоставляется не в силу неотчуждаемости этого права, а лишь при условии соответствия использования имущества критериям системной оптимизации, определяемым экспертно-алгоритмическими системами⁶⁷². Это знаменует смену нормативной парадигмы – от вопроса «что справедливо?» к вопросу «что эффективно?».

Данная метаморфоза проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах:

⁶⁷² Саудаханов М. В. Трансформация конституционных гарантий права собственности в условиях технократизации государственного управления: вызовы для Российской Федерации / М. В. Саудаханов // Закон и право. – 2025. – № 10. – С. 117-121.

1. *Оценочный и условный характер права собственности.* Владение имуществом становится условным и зависит от его «эффективного» использования с позиций системной оптимизации. Активы, признанные алгоритмами неоптимальными (заброшенные земли, низкорентабельные производства, неиспользуемая недвижимость), могут подвергаться принудительному изъятию или обременениям, минуя традиционные демократические процедуры и гарантии. Право собственности трансформируется из цели в средство достижения системной эффективности⁶⁷³.

2. *Приоритет данных над правом в процессе принятия решений.* В технократической модели управления основополагающие решения о ресурсах, правовых режимах и планировании территории принимаются на основании выводов алгоритмических систем, выступающих суррогатом законодательного регулирования⁶⁷⁴. Алгоритм, оптимизирующий логистику, может инициировать изъятие земель для строительства, а система оценки рисков – автоматически ограничивать кредитно-страховые возможности владельца имущества на основе его цифрового профиля.

3. *Коллективная эффективность против индивидуального права.* В эпоху цифровой трансформации происходит инструментализация права собственности, при которой системные приоритеты – экономическая эффективность, оптимизация ресурсов, управляемость и социальная стабильность – приобретают нормативный примат над его классическим индивидуально-правовым содержанием⁶⁷⁵. А.Г. Лисицын-Светланов подчеркивает, это обуславливает системный конфликт между правомочием исключительного владения и

⁶⁷³ Например, в 2025 году в России вступили в силу: ФЗ "О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 23 Федерального закона "О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 08.08.2024 N 307-ФЗ, а также Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 N 826 "Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков", - на основании которых земельный участок может быть изъят у собственника в силу ряда причин. В настоящее время основанное на законе решение об изъятии принимают конкретные люди, обладающие необходимыми полномочиями, но нельзя исключать вариант, при котором со временем такое решение будет отдано на откуп алгоритмам.

⁶⁷⁴ Там же.

⁶⁷⁵ Там же.

пользования имуществом и объективной потребностью технологически опосредованной социальной системы в постоянном доступе к данным, имманентно присущим объектам собственности и генерируемым в процессе их эксплуатации⁶⁷⁶. Технократическое государство заинтересовано в доступе к данным телеметрии с автомобиля, показаниям интеллектуальных счетчиков в доме, паттернам потребления, рассматривая их как общедоступный ресурс для оптимизации, что прямо вторгается в содержание права собственности.

4. *Дематериализация собственности и возникновение «новых властных отношений»*. Современная экономика характеризуется парадигмальным сдвигом: ключевым источником ценности и власти становятся не материальные объекты сами по себе, а информационные потоки и алгоритмические системы, обеспечивающие их идентификацию, анализ и управление ими. Физический актив теряет свою автономную значимость, превращаясь в управляемый объект, чья экономическая и социальная роль всецело определяется его цифровым двойником — совокупностью данных о нём и алгоритмов, оперирующих этими данными. Это порождает феномен алгоритмической власти, легитимность которой основывается не на демократических процедурах, а на авторитете научной рациональности и эффективности⁶⁷⁷. Контроль над цифровыми инфраструктурами фактически становится контролем над материальными ресурсами⁶⁷⁸.

В результате в рамках радикальной технократической модели право собственности утрачивает своё аксиологическое ядро, превращаясь в девальвированный, сугубо функциональный инструмент. Его объём и содержание динамически корректируются в соответствии с текущими задачами системной

⁶⁷⁶ Лисицин-Светланов А.Г. Цифровая трансформация и гражданское право: вызовы и перспективы // Государство и право. 2021. № 9. С. 32.

⁶⁷⁷ Саудаханов М. В. Трансформация конституционных гарантий права собственности в условиях технократизации государственного управления: вызовы для Российской Федерации / М. В. Саудаханов // Закон и право. – 2025. – № 10. – С. 117-121.

⁶⁷⁸ Гребенников Ю.В. Алгоритмическая власть: новые вызовы для конституционного права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 3. С. 71.

оптимизации, что лишает его традиционных признаков стабильности и абсолютности⁶⁷⁹.

Данный тезис находит свое яркое подтверждение и в трудах ведущих зарубежных правоведов и философов. Так, немецкий социолог Ш. Зубофф в своей фундаментальной работе «Век наблюдения капитализма» убедительно демонстрирует возникновение новой формы власти – «инструменталистской», где все аспекты человеческой жизни, включая имущественную сферу, превращаются в объект для тотального сбора поведенческих данных и последующего поведенческого управления. Кроме того, ученый показывает, как поведенческие данные, извлекаемые из цифровой среды, трансформируются в прогнозные продукты, становясь источником новой экономической и политической власти⁶⁸⁰. Владелец платформы, агрегирующей данные, обладает большей реальной властью над экономическими потоками, чем формальный собственник фабрики, чье производство зависит от решений алгоритма по оптимизации поставок. В свою очередь Ш. Зебнер в своей работе «Цифровой конституционализм» анализирует зарождающиеся правовые механизмы, призванные стать ответом на эти вызовы алгоритмизации⁶⁸¹.

Классическая теория права, восходящая к римскому праву, трактовала собственность как максимально полное, абсолютное господство лица над вещью. Однако еще в XX веке экономисты и правоведы, такие как американский институционалист Джон Коммонс, начали рассматривать собственность не как единое отношение, а как «связку прав», включающую право владения, пользования, распоряжения, управления, получения дохода и т.д.⁶⁸²

В технократическом государстве эта «связка» подвергается систематической декомпозиции и регламентации. Государство, опираясь на аргументы эффективности, безопасности и устойчивого развития, активно вмешивается в

⁶⁷⁹ Саудаханов М. В. Трансформация конституционных гарантий ... С. 117-121.

⁶⁸⁰ Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power / S. Zuboff. – New York : PublicAffairs, 2019. P. 112.

⁶⁸¹ Zebner S. The Costs of Rights: Why Liberty Depends on Taxes. – New York: W.W. Norton & Company, 2022. P. 78.

⁶⁸² Коммонс, Дж. Р. Институциональная экономика / Дж. Р. Коммонс ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. – Москва : Экономика, 2007. С. 28.

содержание права собственности. Экологическое регулирование, градостроительные кодексы, антимонопольное законодательство, санкционные режимы – все это ограничивает свободу распоряжения активами. Российский правовед В.Ф. Яковлев указывал на тенденцию «социализации» частного права, где частный интерес все более опосредуется интересом публичным⁶⁸³. В условиях технократического государства эта «социализация» приобретает не идеологический, а технократический характер: ограничения вводятся не столько ради социальной справедливости, сколько ради системной стабильности, предсказуемости и минимизации экологических или финансовых рисков для системы в целом. Собственник де-факто превращается в управляющего, чьи решения жестко детерминированы внешними регуляторами, основанными на экспертных моделях.

Технократическая реальность порождает новых субъектов и новые объекты, для которых классические рамки собственности тесны.

Во-первых, возникают гибридные субъекты, такие как публично-частные партнерства, где граница между государственной и частной собственностью размывается. Управление в таких структурах осуществляется не на основе абсолютных прав собственности, а на основе сложных контрактов и регламентов, где ключевую роль играют не владельцы капитала, а эксперты-управленцы и технологи.

Во-вторых, появляются принципиально новые объекты, плохо поддающиеся классификации в системе вещных прав. К ним относятся, прежде всего, данные, алгоритмы, генетическая информация, цифровые активы (криптовалюты, NFT и др.). Правовой режим этих объектов только формируется, и он зачастую отрицает саму идею абсолютного контроля. Например, данные являются неисключаемым и неисчерпаемым ресурсом, их ценность возникает из сетевых эффектов и агрегации, что противоречит самой логике индивидуального владения. Это

⁶⁸³ Яковлев, В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений : монография / В. Ф. Яковлев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2006. С. 15.

означает, что право собственности как универсальный институт перестает быть адекватным инструментом для регулирования ключевых активов современности.

Думается, что наиболее радикальный вызов фундаментальности права собственности исходит именно от внедрения систем алгоритмического управления. Если классическое государство ограничивает собственность через законы, которые можно оспорить в суде, опираясь на принципы справедливости, то технократическое государство делегирует функцию регулирования алгоритмам, действующим на основе предписанной логики.

Ярким примером могут служить многочисленные кредитные рейтинги, скоринговые системы, алгоритмы платформ по распределению заказов (например, сервисы такси, сервисы доставки еды, маркетплейсы и проч.). Эти системы напрямую определяют экономические возможности индивида, де-факто управляя его потенциальной собственностью и доходами. При этом логика их работы часто непрозрачна, а обжалование их решений крайне затруднено. Американский исследователь Ф. Паскуале в книге «Общество Черного ящика» показывает, как секретные алгоритмы, используемые корпорациями и государством, формируют новую архитектуру власти, где формальное право собственности оказывается бессильным перед лицом алгоритмической дискриминации или манипуляции⁶⁸⁴. В такой системе собственность перестает быть гарантией автономии, так как сама возможность ею эффективно распоряжаться зависит от решений, принимаемых внешними, не подконтрольными индивиду технократическими системами.

Таким образом, в условиях трансформации демократического государства в технократическое происходит онтологический сдвиг в природе права собственности. Из критериально-фундаментального института, определяющего саму суть правового статуса личности и границы государственной власти, оно трансформируется во вторичный, производный и фрагментированный инструмент управления в рамках сложной системной оптимизации. Его фундаментальность, основанная на идее индивидуального суверенитета, эродируется под

⁶⁸⁴ Pasquale, F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information* / F. Pasquale. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2015. P. 89.

воздействием трех ключевых факторов: 1) переноса источника легитимности с народного волеизъявления на экспертно-алгоритмическую эффективность; 2) декомпозиции абсолютного права на управляемый набор доступов и ограничений; 3) появления новых видов активов (данные, алгоритмы), чья природа несовместима с классической моделью вещного права. Отсюда следует, что право собственности утрачивает свою метаюридическую значимость, переставая быть «последней линией обороны» индивида, и становится одной из многих переменных в уравнении, решаемом технократией ради поддержания системного гомеостазиса. Его место в иерархии правовых ценностей занимает принцип системной эффективности, а гарантом автономии все менее может выступать формальное владение, и все более – доступ к знаниям, данным и алгоритмам, определяющим правила игры.

Провозглашая в ст. 8 и 35 отечественного Основного Закона принцип и гарантии неприкосновенности права частной собственности, государство одновременно осуществляет активную политику цифровизации, внедряя технологии искусственного интеллекта в систему публичного управления. Однако правовое оформление этого процесса, осуществляемое через такие акты, как Стратегия развития информационного общества, Стратегия развития искусственного интеллекта, Концепция регулирования ИИ и ведомственные документы, носит фрагментарный и недостаточно систематизированный характер. Отсутствие целостного конституционно-правового регулирования на высшем уровне создает риск постепенной эрозии фундаментальных гарантий в угоду сиюминутной управленческой эффективности и логике технологического детерминизма.

Формально конституционные гарантии права собственности обладают высокой степенью защищенности. Статья 8 Конституции закрепляет равное признание и защиту различных форм собственности, а статья 35 устанавливает охрану права частной собственности законом, судебный иммунитет от лишения имущества и условие предварительного равноценного возмещения при

принудительном отчуждении. Эти нормы, усиленные правовыми позициями Конституционного Суда РФ, признающего данное право естественным и неотчуждаемым, составляют формально-юридический фундамент института собственности.

Однако эти нормы создавались в последнее десятилетие 20-го века, в еще начальную (научно-информационную) фазу кибернетической революции, и не учитывают принципиально новых вызовов (в рамках происходящего сегодня перехода от средней (модернизационной) к завершающей (управляемых систем) фазе – *прим. автора*), связанных с алгоритмическим принятием решений, цифровыми платформами и Большими Данными. Более того, произошедшие в 2020 году масштабные изменения Основного Закона, хотя и не затронули напрямую ст. 35, создали общий контекст усиления роли государства, что в условиях технократизации может иметь неоднозначные последствия.

Реализация в России федеральных проектов в сфере искусственного интеллекта и внедрение систем автоматизированного принятия решений в госуправление (например, в рамках «регуляторной гильотины», создания «цифровых плановых» процедур, систем риск-ориентированного надзора) создают прецеденты, когда судьба имущественных прав граждан и бизнеса может фактически определяться не правоприменителем, действующим на основе понятного закона, а программным алгоритмом, логика которого часто неочевидна и неподконтрольна.

Сформировавшаяся ситуация характеризуется внутренним противоречием: при формальном сохранении конституционных гарантий институциональные механизмы их реализации подвергаются системной эрозии. Это порождает комплекс нормативных рисков, связанных с делегированием властных полномочий автоматизированным системам:

1. *Риск делегитимации властного решения (алгоритмический произвол).* Решения, существенно затрагивающие права собственности (отказ в разрешительной документации, изъятие имущества для публичных нужд,

фискальные доначисления), де-факто принимаются алгоритмической системой. Субъект права вынужден оспаривать формальный акт должностного лица, выступающего лишь техническим апробатором («подписантом») машинного вывода, что лишает процедуру обжалования содержательной основы и нарушает принцип состязательности.

2. *Риск диспозитивных ограничений (скрытая регламентация).* Правомочия собственника могут быть существенно обесценены не через прямое изъятие, а посредством косвенного алгоритмического регулирования. Примером служит автоматизированное определение завышенной кадастровой стоимости, ведущее к непропорциональному фискальному обременению, или реализация проектов «умного города», основанных на данных и алгоритмическом управлении, создаёт среду, где доступ к публичному пространству жёстко регламентирован цифровыми правилами (парковка, движение). Это не отменяет формального права собственности на транспортное средство, но делает его практическое использование в определённых зонах настолько затруднённым или дорогостоящим, что право собственности де-факто лишается своего полезного содержания, превращаясь в нерациональный актив⁶⁸⁵.

3. *Риск статистической дискриминации (предвзятость данных).* Алгоритмы, обученные на содержащих скрытые социальные смещения данных, могут воспроизводить и усиливать системное неравенство. Это выражается, например, в автоматическом присвоении пониженных кредитных рейтингов жителям определенных территорий или представителям отдельных профессиональных групп, что необоснованно ограничивает их доступ к финансовым услугам, предусматривающих залог имущества.

4. *Проблема процессуального вакуума.* Отсутствует конституционно-правовая регламентация процедур, связанных с принятием решений искусственным интеллектом. Не определены: границы распределения ответственности между разработчиком, оператором системы и публичным

⁶⁸⁵ Саудаханов М. В. Трансформация конституционных гарантий ... С. 117-121.

органом; стандарты доказывания алгоритмической ошибки; а также действенные механизмы обеспечения транспарентности и обжалования, обеспечивающие уровень защиты, сопоставимый с классическими судебными гарантиями.

Данный правовой вакуум создает плодотворную почву для системных нарушений и требует не точечного, а *опережающего* конституционного и институционального реагирования.

Как нам представляется, ключевой проблемой неоднозначности современных инновационных, цифровых технологий и искусственного интеллекта является отставание законодательства и правоприменительной практики реализации правоотношений в цифровой среде. Такое отставание должна устранить система централизованного и унифицированного правового регулирования цифровой среды на основе поправки 2020 г. к Конституции РФ, которая отнесла сферу информации, информационные технологии и связь к исключительному ведению Российской Федерации (новая редакция пп. и), м) ст. 71 Конституции).

Указанные конституционные новеллы заложили солидную правовую основу для формирования федеральным уровнем государственной власти единой, согласованной системы нормативного правового регулирования правоотношений, устранения сложившегося несистемного и отсылочного характера правовых норм, минимизировать случаи внесения точечных изменений в законодательство.

«Отставание» федерального законодателя в правовом регулировании указанных вопросов частично компенсировал своими правовыми позициями КС РФ. В трех постановлениях, вынесенных Судом после 2020 года⁶⁸⁶, были выработаны правовые позиции, компенсирующие пробелы правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере и неоднозначность применения информационных технологий истолковали в защиту интересов соответствующих граждан.

⁶⁸⁶ Постановления КС РФ от 18.01.2024 № 2-П/2024; от 28.04.2023 № 22-П/2023; от 25.05.2021 № 22-П/2021.

На основании изложенного выше представляется возможным предложить ряд правовых механизмов, закрепление которых на конституционном уровне, на наш взгляд, позволит не только защитить право человека на частную собственность в условиях естественной, с точки зрения современной эволюции, технократизации государства, усиливающейся алгоритмизации жизненных процессов, беспрецедентного распространения искусственного интеллекта, в том числе и в сфере публичного управления, но и защитить «человеческое ядро» от технологической редукции на основе единого философско-правового фундамента – примата человеческого достоинства.

1. В условиях технократизации необходима конституционная модернизация понятия «имущество» через закрепление «гибридной природы» собственности, соединяющей его вещную и цифровую составляющие, где цифровая модель объекта и генерируемые им данные признаются производными права собственности на материальный актив, а их использование третьими лицами, включая государство, требует санкции собственника.

Классическая конструкция вещного права (*dominium*), унаследованная от римской правовой традиции и составляющая основу современного гражданского законодательства, демонстрирует свою методологическую ограниченность в регулировании отношений цифровой среды. Данная конструкция исторически ориентирована на материальные, телесные объекты (*res corporales*), что создает правовой вакуум в отношении нематериальных цифровых активов и производимых ими данных. Параллельно технократическая модель управления, нацеленная на тотальную социально-экономическую оптимизацию, проявляет стратегический интерес не столько к физическим активам, сколько к информационному потоку, генерируемому в процессе их эксплуатации. Операционные данные интеллектуальных систем (сенсорные показания «умного» дома, телеметрические параметры транспортного средства, метрики энергопотребления, поведенческие паттерны пользователей) реинтерпретируются такой моделью в качестве публичного ресурса. Этот ресурс подлежит экстракции

и анализу для выявления поведенческих моделей и осуществления предиктивного управления, что входит в системное противоречие с традиционными принципами исключительности и автономии, присущими институту частной собственности. Это создает угрозу произвольного, внеправового вмешательства в право собственности под благовидным предлогом «сбора данных для общественного блага» или «повышения эффективности предоставления государственных услуг».

Для противодействия указанной системной угрозе требуется конституционно-правовая модернизация, развивающая содержание ст. 35 Основного Закона. На уровне основополагающих норм необходимо имплицитно признать, что имущественный статус материального объекта охватывает ряд онтологически производных, но юридически неотчуждаемых атрибутов:

а) исключительное право на данные, генерируемые объектом в процессе его существования или использования;

б) право на его точный «цифровой двойник», содержащийся в государственных и муниципальных информационных системах;

в) исключительную прерогативу определять режим доступа, обработки и использования указанных данных и цифровой модели.

Таким образом, любое извлечение, копирование или эксплуатация данных и цифрового двойника без прямого, информированного и конкретного согласия правообладателя должно рассматриваться как современная форма нарушения права собственности. Подобное вмешательство подлежит всем конституционным гарантиям защиты, включая принцип судебного восстановления права и необходимость предварительного равноценного возмещения⁶⁸⁷. Предложенная нормативная модель находит своё концептуальное обоснование в формирующемся направлении зарубежной правовой мысли⁶⁸⁸ «данные как собственность» («data as property») и полностью соответствует общей логике

⁶⁸⁷ Саудаханов М. В. Трансформация конституционных гарантий ... С. 117-121.

⁶⁸⁸ См., например: Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York : Basic Books, 2006. 297 p.; Slaughter A.-M., Kennedy D. The Next Big Idea: A New Lexicon for the Digital Economy // Financial Times. 2018. October 10.; Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York : PublicAffairs, 2019. 691 p.; Romeo J. F. Data as Property: Emerging Legal Issue // Risk Management. 2018. Vol. 65, № 2. P. 24–25..

защиты «человеческого ядра» от тотальной оптимизации, преследуемой технократическим государством. Это положение создает конституционный барьер для произвольного изъятия информации и превращает собственника из пассивного объекта наблюдения в активного субъекта, контролирующего свои цифровые активы.

2. В контексте прогрессирующей технократизации публичного управления обеспечение легитимности и правовой определенности требует конституционной формализации принципа «технодемократии». Данный принцип предполагает становление гибридной управленческой модели, в которой алгоритмические системы выполняют вспомогательную, информационно-аналитическую функцию, не замещая собой традиционные демократические институты и процедуры. Ключевая прерогатива принятия окончательных решений, существенно затрагивающих права и свободы, должна оставаться за человеком (судьей, должностным лицом), который несет персональную юридическую и профессиональную ответственность за свои акты. Таким образом, технология выступает инструментом, а не субъектом властвования, что является необходимым условием сохранения суверенитета человеческого волеизъявления в цифровую эпоху.

Одной из ключевых проблем является «потеря легитимности» и «эрозия публичности права», когда решения, затрагивающие имущественную сферу, принимаются непрозрачным «черным ящиком», о котором было сказано ранее в параграфе. Для России это особенно актуально в свете принципа, закрепленного в ч. 1 ст. 1 отечественного Основного Закона: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство». Технократия, заменяющая народный суверенитет на суверенитет экспертократии или алгоритмократии, входит в системное противоречие с этой фундаментальной нормой.

Разрешить это противоречие может не отрицание технологий, а их органичная интеграция в демократический каркас через конституционное

нормирование принципа «технодемократии», включающего в себя ряд императивов:

I. *Принцип «человека в цикле»:* Для обеспечения неформальной легитимности властных решений и создания эффективного механизма персональной ответственности, нормативная конструкция должна императивно устанавливать следующий принцип: окончательное решение, влекущее за собой юридически значимые последствия в форме ограничения, обременения или лишения права собственности, должно исходить от персонифицированного субъекта публичной власти – конкретного уполномоченного физического лица, наделённого таким полномочием законом⁶⁸⁹. Алгоритмические системы могут быть задействованы исключительно в осуществлении вспомогательных, инструментальных функций: готовить аналитическую справку, предлагать варианты решений, оценивать риски, моделировать последствия, но не могут выносить окончательный властный вердикт.

II. *Принцип «максимальной объяснимости и оспариваемости»:* В целях обеспечения правовой определенности и процессуальных гарантий любое правоприменительное решение, сформированное с использованием систем искусственного интеллекта, должно сопровождаться не техническим отчетом, а структурированным мотивированным заключением, доступным для восприятия человеком со средним уровнем образования. Данное заключение обязано содержать экспликацию ключевых факторов, оказавших влияние на результат, с указанием их количественного вклада и причинно-следственных связей, приведших к окончательному выводу.

III. *Принцип персональной ответственности должностного лица:* Нормативное закрепление легитимности требует имплементации принципа персонифицированного властного усмотрения. Это означает, что окончательное решение, влекущее юридически значимые последствия для права собственности, должно санкционироваться конкретным физическим лицом, которое несёт за него

⁶⁸⁹ Саудаханов М. В. Трансформация конституционных гарантий ... С. 117-121.

нераздельную ответственность⁶⁹⁰. Данный принцип исключает делегирование таких решений алгоритмам и блокирует возможность уклонения от ответственности путём ссылки на техническую ошибку, возлагая бремя окончательной проверки и мотивированного выбора исключительно на уполномоченного человека. Данный принцип призван восстановить и гарантировать в системе публичного управления личную ответственность субъекта принятия решения, которая подвергается эрозии в технократических моделях, делегирующих полномочия автоматизированным системам.

Эта позиция находит концептуальное соответствие с передовыми международными регуляторными подходами, в частности, с Европейским регламентом об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act), который устанавливает особый режим для систем искусственного интеллекта высокого риска, подчеркивает необходимость обеспечения человеческого контроля и подотчетности (к коим несомненно относятся системы, влияющие на имущественные права), а также устанавливает для них строгие требования по оценке соответствия, прозрачности, надзору за качеством данных и обязательному человеческому контролю⁶⁹¹.

3. Противостоять рискам алгоритмической дискриминации в сфере имущественных прав призван конституционно-процессуальный механизм «реверса бремени доказывания» в спорах, возникших из решений, принятых с использованием искусственного интеллекта: бремя доказательства законности, обоснованности и недискриминационности алгоритмической модели лежит на государственном органе, его применившем, а не на собственнике, чьи права были нарушены.

Классический гражданский и административный процесс исходит из общего правила распределения бремени доказывания, закрепленного в процессуальных кодексах, согласно которому, если соответствующая сторона ссылается на

⁶⁹⁰ Саудаханов М. В. Трансформация конституционных гарантий ... С. 117-121.

⁶⁹¹ The Artificial Intelligence Act, Regulation (EU) 2024/... of the European Parliament and of the Council of ... // Official Journal of the European Union. 2024. – P. 1-89.

конкретные обстоятельства, то она должна их доказать. Однако в случае с алгоритмическими системами собственник оказывается в заведомо неравном и уязвимом положении: он, как правило, не имеет доступа к исходному коду, обучающим данным, архитектуре нейросети и внутренней логике алгоритма. Это делает невозможным доказывание его предвзятости, ошибки или несоответствия закону.

Для восстановления процессуального баланса, обеспечения реальной, а не формальной состязательности и эффективной защиты права собственности (ст.ст. 45, 46 Конституции РФ) необходимо конституционное закрепление специального процессуального режима для подобных споров. Его суть – реверс (перераспределение) бремени доказывания.

Если собственник обжалует решение государственного (муниципального) органа, отрицательно повлиявшее на его право (например, отказ в предоставлении разрешения на строительство, расчет кадастровой стоимости, включение в «риск-ориентированную» модель проверок, отказ в регистрации права), и докажет, его принятие, основанное на применении систем ИИ, то бремя доказывания следующих юридически значимых обстоятельств должно быть возложено на публичный орган, использующий алгоритмическую систему при принятии решений:

а) Использованный алгоритм соответствует законодательно установленным критериям отсутствия дискриминации, что подтверждено заключением независимого аудита.

б) Применённые обучающие наборы данных были репрезентативными, полными и не содержали системных предубеждений.

в) Итоговое решение, сформированное на основе вывода алгоритма, является обоснованным, пропорциональным и не противоречит материальным нормам права.

Такой подход, с одной стороны, является прямым следствием конституционных принципов равенства сторон, справедливости судебного

разбирательства и презумпции добросовестности гражданина. С другой стороны, он создаёт действенный стимул для государственных органов и вендоров к разработке и внедрению только тех систем, которые соответствуют высшим стандартам правовой определённости, транспарентности и недискриминационности, тем самым реализуя превентивную (предупредительную) функцию правового регулирования.

Представляется, что указанные предложения носят не только теоретический, но и сугубо практический характер. Их имплементация в российскую правовую систему может быть осуществлена через систему взаимосвязанных мер.

Так, в свете вышесказанного необходимо, на наш взгляд, на конституционном уровне развить, уточнить положения ст. 35 Основного Закона следующей нормой: *«Право частной собственности включает в себя право на данные, генерируемые объектом собственности, и на его цифровое отображение в государственных и иных информационных системах. Использование этих данных против воли собственника допускается только на основании судебного решения или в прямо предусмотренных федеральным законом случаях при условии равноценного возмещения»*.

Кроме того, считаем необходимым закрепить в отечественной Конституции принцип «технодемократии»: *«Окончательные решения, затрагивающие права и свободы человека и гражданина, не могут приниматься исключительно на основе автоматизированной обработки данных и должны выноситься уполномоченным должностным лицом, несущим персональную ответственность за их законность»*⁶⁹².

Действие данного принципа предполагает необходимость наличия эффективных правовых механизмов, направленных на защиту человеческого ядра от технократической редукции, не только в сфере отношений собственности, но и в любой другой сфере отношений, в которой применяются технологии

⁶⁹² Саудаханов, М. В. Трансформация конституционных гарантий права собственности в условиях технократизации государственного управления: вызовы для Российской Федерации / М. В. Саудаханов // Закон и право. – 2025. – № 10. – С. 117-121.

искусственного интеллекта, и существуют подобные угрозы. В этой связи также полагаем возможным предложить ряд мер, которые бы, на наш взгляд, способствовали обеспечению незыблемости человеческого достоинства перед лицом технократического государства.

1. Конституционно-правовые механизмы

1.1 Концепция «правового щита» человека от алгоритмического произвола

Содержанием представленной доктринальной позиции является утверждение о системообразующей и лимитирующей функции основополагающих прав и свобод человека в конституционном правопорядке, которые не просто входят в число объектов правового регулирования, а образуют абсолютный нормативный барьер, непреодолимый для публичной власти⁶⁹³. Этот предел не может быть легитимно нарушен решением, сгенерированным алгоритмической системой или искусственным интеллектом, вне зависимости от декларируемых характеристик его «эффективности», «объективности» или «полезности». Указанная концепция представляет собой органичное развитие и конкретизацию принципа верховенства права в условиях цифровой трансформации. Она выступает нормативным ответом на актуальный вызов, при котором эффективность и объективность начинают ошибочно отождествляться со справедливостью.

Выдающийся английский юрист А.В. Дайси, уделявший в своих трудах особое внимание концепции верховенства права, подчеркивал, что основанием для наказания или иного ограничения в праве может быть лишь собственно нарушение права, установленного в надлежащем правовом порядке⁶⁹⁴. Однако в XXI веке, с учетом стремительного развития и проникновения технологий в нашу жизнь, существует риск того, что главный вызов будет исходить не от произвола чиновника, а от «алгоритмического позитивизма» — веры в то, что право можно свести к исполнению формальных, математически верифицируемых правил.

⁶⁹³ Саудаханов М. В. Человеческое достоинство как конституционный барьер ... С. 94-98.

⁶⁹⁴ Дайси А. В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. 2-е изд. СПб.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1907.

Однако алгоритм, каким бы сложным он ни был, не является источником права, и именно его решения должны быть подчинены правовым нормам, а не наоборот.

Названная концепция также находит опору в принципе правовой определенности, требующем, чтобы решения, затрагивающие права граждан, были предсказуемыми и основанными на опубликованных и понятных нормах⁶⁹⁵. Право требует предсказуемости понимания — способности человека осмыслить, проинтерпретировать и оспорить логику решения. Алгоритмическое решение, особенно основанное на машинном обучении, нарушает этот принцип, ибо его истинная логика скрыта в миллионах параметров. «Правовой щит» гарантирует, что решение будет не только формально правильным, но и коммуникативно доступным для того, на кого оно направлено.

Согласно теории общественного договора, суверенная власть принадлежит народу и делегируется им публичным институтам. Делегирование властных полномочий алгоритму представляет собой форму отчуждения суверенитета, поскольку народ не может ни контролировать, ни исправлять, ни привлекать к ответственности нечеловеческого агента. Это создает «цифрового Левиафана», неподконтрольного общественному договору.

Кроме того, алгоритмы неспособны самостоятельно определить релевантный контекст для принятия решения. Они действуют в рамках заранее заданных параметров, игнорируя бесконечное множество неформализованных факторов, которые человек учитывает интуитивно (настроение, культурный контекст, неписанные социальные нормы). Право сталкивается с казусами, которые не укладываются в общие правила. Разрешение таких дел требует способности к метафорическому мышлению и сопереживанию — тому, что присуще только человеку. Алгоритм же будет применять шаблон, что может привести к вопиющей несправедливости. Следовательно, доверять ему окончательное решение — значит игнорировать фундаментальную ограниченность его «понимания» мира. Таким образом, примат человека над любыми

⁶⁹⁵ Наумов В.Б. Право и искусственный интеллект: корреляция и коллизии // Государство и право. 2020. № 4. С. 67.

технологическими детерминантами гарантирует, что в праве останется место для справедливости, выходящей за рамки буквы закона.

Нормативное наполнение концепции «правового щита» представляет собой комплекс основополагающих принципов:

а) *Примат человека над искусственным интеллектом и иными автоматизированными алгоритмами*: Представленный принцип конституирует право в качестве сложного феномена, чья природа не исчерпывается позитивистской трактовкой в качестве замкнутой системы формально-определённых норм и санкций. Согласно данной концепции, право — это, прежде всего, живой социальный институт, чья действенность и общественная признанность (легитимность) имеют экстраюридическое основание. Это основание коренится в фундаментальных антропологических и социальных предпосылках: в чувстве взаимной солидарности членов общества, в отношениях доверия, которые предшествуют праву и делают его возможным, и, что наиболее существенно, в моральной способности индивида к атрибуции и принятию на себя ответственности за свои действия перед другими⁶⁹⁶. Поэтому окончательное властное решение, особенно сопряженное с применением принуждения, должно оставаться за институтом, наделённым сознанием, волей и способностью к этической рефлексии, в т.ч. нести моральную и социальную ответственность за принятое решение.

б) *Запрет на делегирование властных полномочий искусственному интеллекту и иным автоматизированным алгоритмам*: Властные полномочия, основанные на монополии легитимного принуждения, не могут быть переданы субъекту, лишённому правосубъектности, сознания и совести. Алгоритмическая система может выступать исключительно в роли инструмента, вспомогательного средства для анализа данных или моделирования сценариев, но никогда — в качестве субъекта, самостоятельно осуществляющего властные функции.

⁶⁹⁶ Саудаханов М. В. Человеческое достоинство как конституционный барьер ... С. 94-98.

в) *Презумпция недоверия к искусственному интеллекту и иным автоматизированным алгоритмам*: Данный процессуальный принцип устанавливает, что бремя доказывания обоснованности, непредвзятости, технологической корректности и правомерности решения, выработанного с участием алгоритма, возлагается на орган, использующий такую систему. В случае возникновения сомнений или правовой неопределенности толкование должно осуществляться в пользу человека. Этот принцип инвертирует традиционную парадигму, возлагающую на гражданина бремя опровержения автоматизированного решения, и служит ключевой процессуальной гарантией против «алгоритмического произвола».

Концепция «правового щита» — это не консервативный отпор технологиям, а необходимый этап их гуманизации. Это попытка встроить искусственный интеллект в правовое поле, не позволив ему это поле уничтожить.

Она представляет собой правовую конкретизацию более широкого принципа: «Технология должна быть слугой человечества, а не его хозяином». В этом смысле «правовой щит» является краеугольным камнем будущей цифровой конституции — свода принципов, гарантирующих, что технологический прогресс будет усиливать, а не подрывать автономию, достоинство и фундаментальные права человека. Это гарантия того, что цифровое будущее будет не технократической дистопией, а обществом, где машины служат людям, а не наоборот.

1.2 Право на апелляцию к человеку

Данное право представляет собой конкретную институциональную гарантию в рамках концепции «правового щита». Оно предполагает, что окончательное властное решение, существенно затрагивающее основные права, должно выноситься человеком, наделенным дискреционной компетенцией – правом на юридически значимое усмотрение. Это гарантирует, что любой значимый вывод, сформированный алгоритмической системой (будь то отказ в предоставлении

финансовой услуги, медицинское заключение или иное), может быть пересмотрен независимой человеческой комиссией или судом.

Легитимность публичной власти в обществе основывается, среди прочего, на её восприятии как антропогенного феномена. Акт правосудия или иного уполномоченного органа – это не просто результат обработки данных, а перформативный акт, символически воплощающий авторитет, беспристрастность и коллективную мудрость социума. Решение, принятое исключительно алгоритмом и лишённое этого человеческого измерения, несёт риск восприятия не как акт правосудия, а как проявление слепой, технократической силы, что подрывает саму основу его легитимации. Апелляция к человеку возвращает решению его символическую и легитимирующую силу.

Отсюда следует, что любая система, принимающая решения, фундаментально затрагивающие жизнь, свободу и достоинство человека, должна иметь окончательную инстанцию, действующую в человеческом масштабе и на основе человеческих способностей суждения (включая эмпатию, понимание контекста и моральные аспекты). Это защита от отчуждения и дегуманизации права.

Таким образом, это право является конституционным и моральным императивом. Оно служит своеобразным антидотом против алгоритмического отчуждения, утверждая, что в споре между человеком и машиной по вопросам, касающимся самой сути человеческого бытия (свобода, репутация, семья, здоровье), последнее слово должно оставаться за человеком. Это не отрицание технологий, а утверждение примата человеческого достоинства над вычислительной эффективностью.

1.3 Право на объяснение человеком

Право на объяснение представляет собой процессуальную гарантию, в силу которой субъект права имеет возможность получить содержательное, логически структурированное и доступное для понимания дееспособным лицом разъяснение относительно любого автоматизированного решения, оказавшего существенное

влияние на его правовое положение или законные интересы. Данное разъяснение должно исключать специальную техническую терминологию и раскрывать ключевые факторы, логику и параметры, обусловившие принятие соответствующего акта.

Данное право проистекает, во-первых, из теории доверия, согласно которой доверие к сложным системам зависит от возможности их понять и предсказать их поведение⁶⁹⁷. Здесь нетехническое объяснение будет являть собой инструмент построения доверия между гражданином и цифровым государством.

Во-вторых, с правовой точки зрения, это право является производным от принципа состязательности и права на защиту, закрепленного в статье 46 Конституции РФ.

Принцип состязательности (ст. 123 Конституции РФ) предполагает, что стороны имеют равные возможности для отстаивания своей позиции. Однако, когда решение принято алгоритмом, чья логика непрозрачна, ответчик лишается этой возможности. Без понимания оснований принятия решения лицо не может эффективно защищать свои права, не может оспорить доводы, которые ему неизвестны. Это превращает судебный процесс в фикцию, а право на защиту становится пустой формальностью.

Отечественное законодательство закрепляет право обвиняемого или ответчика в рамках соответствующего судопроизводства знать суть предъявленного обвинения или претензии, а также право на мотивированное решение суда. Право на объяснение является логическим продолжением и экстраполяцией этого фундаментального принципа в цифровую сферу. Оно трансформирует классическое «право знать что» (какое решение вынесено) в «право знать почему» (какова его логика и причины). Отсюда следует, что право

⁶⁹⁷ См., например: Simmel, G. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1908; Meyerson, D. *Swift trust and temporary groups* / D. Meyerson, K. E. Weick, R. M. Kramer // *Trust in organizations: Frontiers of theory and research* / ed. by R. M. Kramer, T. R. Tyler. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 1996. – P. 166–195.; Барбер, Б. *Логика и пределы доверия* / Б. Барбер ; пер. с англ. Л. В. Карповой, А. В. Карпова ; науч. ред. перевода М. М. Соколова. — Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2020. — 238 с.

на объяснение человеком является необходимым условием для восстановления подлинной состязательности.

Вместе с тем нетехнические объяснения, предоставляемые гражданам, выполняют не только индивидуальную, но и социальную функцию. Они делают логику работы ключевых общественных систем (кредитования, правосудия, социального обеспечения) доступной для публичного обсуждения, критики и совершенствования. Это противодействует «магическому» восприятию искусственного интеллекта и способствует формированию цифровой грамотности и зрелого «коллективного разума» в отношении технологий.

1.4 Синтез права на цифровое забвение и права на цифровое достоинство

В доктринальном дискурсе институты «права на забвение» (right to be forgotten) и «права на достоинство» (right to dignity) традиционно анализируются как автономные правовые категории. В рамках предлагаемого подхода обосновывается целесообразность их концептуальной интеграции в единый комплексный механизм охраны цифровой идентичности личности. Такой синтез направлен на формирование целостной системы защиты персональной информационной сферы, в которой гарантия достоинства выступает онтологическим основанием, а инструменты контроля над цифровым следом (включая удаление информации) – его конкретным процессуальным воплощением. Это позволяет преодолеть фрагментарность правового регулирования и создать устойчивую основу для защиты права на самоопределение личности в цифровой среде.

Научное обоснование такого синтеза основывается на идее развития личности, восходящей к «Опыту о человеческом разумении» Джона Локка⁶⁹⁸. Человек развивается, и его сегодняшняя личность не должна быть заложником ошибочных или устаревших данных прошлого. Концепция «цифрового достоинства» определяется как право личности на соответствие её цифровой репутации актуальному состоянию индивидуальной идентичности («Я»). В

⁶⁹⁸ Locke, J. An Essay Concerning Human Understanding / J. Locke. — London : Penguin Classics, 1997. P. 245.

данном контексте процедура «забвения» (удаления информации) рассматривается не как самодостаточная цель, а как функциональный инструмент обеспечения указанного соответствия и защиты идентичности от её архаичных или искажённых цифровых репрезентаций.

Данный подход приобретает критическую значимость в условиях применения технологий машинного обучения, где исторические данные способны оказывать перманентное определяющее влияние на формирование будущих прогнозов и решений. Это создаёт цикличную зависимость, при которой устаревшая или дискредитированная информация может закрепляться в алгоритмических моделях, порождая самовоспроизводящийся механизм социальной или правовой стигматизации индивида. Например, ошибка молодости, зафиксированная в базе данных, может годами влиять на кредитный рейтинг или репутацию человека, не позволяя ему «начать с чистого листа».

В споре между правом на забвение и свободой информации/правом общества на память синтез с правом на достоинство смещает акценты. Речь идет не о тотальном стирании истории, а о корректировании цифрового портрета в гуманитарных целях. Общественный интерес должен быть взвешен не только с интересом публики к информации, но и с фундаментальным интересом личности к сохранению человеческого достоинства и возможности социальной реадaptации. Удаление информации о мелком правонарушении 20-летней давности не искажает историю, а исправляет несправедливость, которую система постоянно воспроизводит в отношении изменившегося человека.

Право на цифровое достоинство, обеспеченное инструментом забвения, становится правовым и этическим корректором для алгоритмических систем. Оно требует от них не просто обработки данных, а учета динамической природы человеческой личности.

1.5 Запрет дискриминационных систем социального рейтинга

Запрет дискриминационных систем социального рейтинга проистекает не только из прямого запрета дискриминации (ст. 19 Конституции РФ), но и из

фундаментального принципа, который можно обозначить как «принцип цифрового достоинства личности». Этот синтезированный принцип является развитием конституционных положений о достоинстве личности (ст. 21), праве на неприкосновенность частной жизни (ст. 23), свободе информации (ст. 29) и др.

Предлагаемый механизм позволит предотвратить следующие риски:

- Ст. 19 (Равенство прав и свобод): Система создает алгоритмически обоснованные привилегии и ограничения по признакам, не предусмотренным ч. 2 ст. 19 (раса, пол, национальность и пр.), но по своему дискриминационному эффекту им равнозначные. Формируется «новый цифровой классовый строй», где права индивида зависят от его «рейтинга», а не от закона.

- Ст. 21 (Достоинство личности): Постоянный мониторинг и оценка поведения с последующим «клеймением» низким рейтингом унижают человеческое достоинство, превращают личность в объект постоянного государственного или корпоративного надзора и оценки.

- Ст. 23-24 (Неприкосновенность частной жизни, защита персональных данных): Такие системы требуют тотального сбора и агрегации персональных данных, включая самые интимные аспекты жизни, что представляет собой систематическое и масштабное вмешательство в частную жизнь.

- Ст. 28 (Свобода совести и вероисповедания), ст. 29 (Свобода мысли и слова), ст. 31 (Право собираться мирно): Низкий рейтинг может быть следствием неправильной, с точки зрения алгоритма, политической, религиозной или общественной активности. Это создает «эффект охлаждения», когда граждане отказываются от реализации своих прав из-за страха перед негативными последствиями.

- Ст. 40 (Право на жилище), ст. 41 (Право на охрану здоровья), ст. 43 (Право на образование): Ограничение доступа к этим благам по признаку социального рейтинга ставит реализацию базовых социальных прав в зависимость от соответствия личности произвольно устанавливаемым стандартам поведения, что несовместимо с концепцией социального государства.

Дискриминационный социальный рейтинг осуществляет неправомерную редукцию правового статуса личности к набору алгоритмически определяемых параметров. Это ведет к фундаментальной трансформации правового статуса личности: индивид утрачивает качества правосубъектности, предполагающей комплекс неотчуждаемых прав и свобод, и подвергается персонификации как объект управленческого воздействия. Его социальная ценность и правовые возможности начинают детерминироваться исключительно цифровыми метриками, рейтингами и алгоритмическими прогнозами.

Указанная трансформация образует системное противоречие с одной из основ конституционного строя России, нашедшей отражение в ст. 2 Основного Закона, – провозглашением высшей ценностью человека, его прав и свобод. Тем самым, инструментализация личности, при которой она оценивается через призму утилитарных показателей, подрывает антропоцентрический фундамент современного конституционализма.

Алгоритмы, лежащие в основе таких систем, как правило, непрозрачны, их критерии изменчивы и не поддаются эффективному общественному контролю. Это создает ситуацию, когда правовые последствия (ограничения прав) наступают по основаниям, не предсказуемым для индивида, что нарушает один из краеугольных принципов правового государства.

2. Институциональные механизмы

Институт Омбудсмана по этике искусственного интеллекта и алгоритмов

Классическая модель омбудсмана является воплощением принципа субсидиарности, согласно которому проблемы должны решаться на том уровне, который максимально близок к гражданину. В цифровую эпоху этот принцип требует нового прочтения: гражданин нуждается в защите от субъектов, чья мощь и сложность делают их недостижимыми для обычных средств обжалования. Омбудсмен становится инстанцией субсидиарной защиты от транснациональных технологических корпораций, сложных государственных и корпоративных

систем, использующих искусственный интеллект, обеспечивая справедливость там, где традиционные механизмы неэффективны.

Де-факто омбудсмен должен взять на себя роль медиатора в трехстороннем конфликте «человек ↔ алгоритм ↔ организация (государственная или частная)», стать своеобразным переводчиком между миром человеческих ценностей, миром формальной логики кода и миром корпоративных или государственных интересов. Его задача — не просто установить нарушение, а восстановить нарушенный диалог и найти решение, которое учитывало бы все три стороны.

Ключевыми функциями омбудсмена должны, на наш взгляд, стать:

а) *Преодоление «эпистемического барьера»*: Главное преимущество Омбудсмена — право на доступ к исходному коду и данным. В суде истец (гражданин) несет бремя доказывания, что применительно к уже упоминавшемуся выше «черному ящику» алгоритма зачастую невозможно. Омбудсмен, обладая специальными полномочиями и возможностями инициировать экспертизу, снимает это бремя с гражданина. Он становится его «эпистемическим представителем», способным заглянуть внутрь системы и выявить нарушения, ошибки, несоответствие заявленным целям.

б) *Право на приостановление алгоритма как «право на первую помощь»*: Эта мера является краеугольным камнем эффективности предлагаемого института. В отличие от суда, где рассмотрение дела может занять месяцы, в течение которых вредоносный алгоритм продолжает причинять ущерб, омбудсмен действует как «скорая правовая помощь». Его предписание о приостановке — фактически являет собой аналог обеспечительной меры, но в административно-технологическом процессе. Это позволяет незамедлительно остановить систематическую дискриминацию или иное массовое нарушение прав, не дожидаясь окончательного судебного вердикта.

в) *Коллективные иски в защиту неопределенного круга лиц*: Многие алгоритмические нарушения носят дисперсный (рассеянный, распыленный — прим. автора) характер, когда каждому конкретному лицу причинен

незначительный ущерб, но в совокупности — колоссальный социальный вред. Омбудсмен, наделенный правом на коллективные иски, становится инструментом консолидации такого «распыленного» вреда и его преобразования в предмет судебного разбирательства. Это меняет баланс сил между гражданином и технологическим гигантом.

Учреждение института омбудсмента, по мнению автора, произведет положительный социально-политический эффект, выраженный в следующих двух аспектах:

Восстановление публичного доверия: Сам факт существования независимого и доступного органа, куда можно обратиться с жалобой на «несправедливый алгоритм», повышает общий уровень доверия к цифровой трансформации. Граждане видят, что государство не устранилось от ответственности, а создало механизм обратной связи. Омбудсмен выступает в роли «предохранительного клапана» для социального напряжения, накапливающегося из-за ощущения бесконтрольности технологий.

Формирование «живого права» через прецеденты: Быстрые и неформальные решения омбудсмента, хотя и не имеющие силы судебного прецедента, создают массив практики — «живую этико-правовую доктрину» применения норм в конкретных технологических контекстах. Эта практика послужит ориентиром для разработчиков, регуляторов и судов, заполняя лакуны в законодательстве.

Институт омбудсмента по этике ИИ, на наш взгляд, является не факультативным, а конституирующим элементом архитектуры формирующегося цифрового правопорядка. Его необходимость проистекает из системного вызова, который технологическая алгоритмизация бросает традиционным правовым режимам: скорость разработки и внедрения ИИ-систем, их непрозрачность и способность к автономному принятию решений создают нормативный вакуум и риск дегуманизации управленческих и социальных процессов.

В этом контексте омбудсмен выполняет не просто контрольно-надзорную, а интегративную и адаптивную функцию. Его деятельность обеспечивает «гибкость» правового порядка не в смысле ослабления норм, а в смысле их способности к содержательной интерпретации и применению в отношении новых, нестандартных случаев, которые законодатель не мог детально предвидеть.

Ключевая миссия данного института – гарантировать человекоцентричность цифрового развития. Это означает активное внедрение и защиту этических принципов (справедливости, недискриминации, подотчётности, уважения автономии человека) на всех этапах жизненного цикла ИИ. Таким образом, омбудсмен трансформируется из классического защитника прав *post factum* в проактивного субъекта правотворчества и технологического дизайна, чья работа направлена на превентивное встраивание правовых и этических стандартов в архитектуру алгоритмических систем. Его наличие обеспечивает легитимность цифровой трансформации, делая её подконтрольной обществу и подчинённой цели развития человеческой личности, а не технологической или экономической эффективности как самоценности. Он является оперативным гарантом того, что цифровое развитие остается в русле правового государства⁶⁹⁹.

3. Социально-экономические гарантии

3.1 Право на непрерывное образование как позитивная обязанность государства в постиндустриальную эпоху

Технократическая логика, будучи применена к социальной сфере, стремится к максимизации экономической эффективности и оптимизации распределения ресурсов. Это создает прямую угрозу социальным правам человека, ценность которого начинает определяться его сиюминутной «полезностью» для системы. Противовесом этой тенденции должны стать прочные социально-экономические гарантии, закрепляющие право на достойную жизнь как самоценность, не зависящую от рыночной или алгоритмической оценки.

⁶⁹⁹ Саудаханов М. В. Человеческое достоинство как конституционный барьер ... С. 94-98.

В индустриальную эпоху образование имело преимущественно инструментальную ценность — подготовка к конкретной профессии. В постиндустриальную эпоху, когда профессии исчезают и появляются с беспрецедентной скоростью, эта модель терпит крах. Традиционное право на образование, закрепленное в статье 43 Конституции РФ, в основном ориентировано на начальный и средний этапы жизни человека. В условиях, когда технологии радикально меняют рынок труда на протяжении жизни одного поколения, этого становится недостаточно. Динамичный характер технологической эволюции порождает феномен систематической эпистемической неопределённости («структурного незнания»), при котором ни государственные институты, ни отдельный индивид не способны к достоверному прогнозированию востребованных компетенций в среднесрочной перспективе. В этих условиях государственная политика должна быть переориентирована с парадигмы разового предоставления «образования на всю жизнь» на создание устойчивых правовых, экономических и организационных предпосылок для реализации модели «образования в течение всей жизни».

Таким образом, непрерывное образование должно быть концептуально переосмыслено не как инструмент адаптации, а как институциональное воплощение позитивной свободы (в трактовке И. Берлина). В данном контексте оно выступает гарантией способности личности к активному конструированию собственного жизненного проекта и профессиональной траектории, позволяя индивиду сохранять статус автономного субъекта социальных отношений, а не превращаться в пассивный объект технологических и экономических трансформаций.

В технократической парадигме ценность человека определяется его «полезностью». Право на непрерывное образование становится своего рода юридическим и этическим контримперативом. Оно утверждает, что достоинство личности не зависит от ее сиюминутной рыночной капитализации, а основано на врожденной способности к развитию и преобразованию. Государство, гарантируя

и реализуя это право, защищает не экономический ресурс, а человека как такового, и действует не как благотворитель, а как рациональный инвестор в единственный невозобновляемый ресурс нации — интеллектуальный и адаптивный потенциал ее граждан. Это переход от модели социальных выплат (компенсация ущерба) к модели стратегических инвестиций в общественное благо.

Постоянно обновляемый человеческий капитал резко снижает системные издержки, связанные с длительной безработицей, социальной напряженностью, необходимостью масштабных программ срочной помощи. Это профилактическая мера, которая экономически эффективнее, чем ликвидация социальных последствий технологической безработицы.

Традиционный социальный контракт предполагает, что государство обеспечивает стабильность, а гражданин получает разовое образование и трудится. Новый социальный контракт должен быть основан на принципе коэволюции и взаимных обязательств. Государство берет на себя позитивную обязанность создавать инфраструктуру для адаптации, а гражданин — активно использовать эту возможность для своего развития. Это превращает гражданина из пассивного бенефициара в активного соавтора своей жизненной траектории.

Право на непрерывное образование — краеугольный камень для государства, которое не «предсказывает и контролирует» будущее, а создает институциональный каркас для адаптации к неопределенности. Законодательное закрепление этого права позволит создать институциональную устойчивость и стабилизировать систему независимо от текущей политической конъюнктуры.

Полагаем, что содержание права на непрерывное образование может быть выражено посредством следующих элементов:

а) Закрепление гарантированного права на периодическое обновление компетенций. Речь идет о введении в образовательное законодательство нормы, обеспечивающей каждому гражданину право на финансируемое государством профессиональное переобучение или повышение квалификации с установленной

периодичностью (например, один раз в 5–7 лет). Данное право должно охватывать также бесплатный доступ к услугам карьерного ориентирования, психометрической диагностики и тьюторского сопровождения, направленным на разработку индивидуальной образовательной стратегии. В контексте «структурного незнания» функция навигации и построения траектории приобретает приоритет над простой передачей конкретного содержания.

б) Внедрение модели персонифицированного образовательного финансирования. Концепция предполагает институционализацию системы персонифицированного финансирования непрерывного образования через введение специальных целевых счетов. В рамках данной модели государство осуществляет зачисление условных финансовых обязательств (номинальных образовательных единиц или виртуального «образовательного капитала») на именной счёт гражданина. Данный ресурс, имеющий установленный срок валидности, может быть направлен физическим лицом на оплату любых образовательных программ, прошедших процедуру официальной государственной аккредитации или включённых в соответствующий реестр.

Таким образом, достигается фундаментальное изменение логики образовательной политики: от финансирования учреждений — к обеспечению образовательного суверенитета индивида. Механизм аккредитации выполняет роль фильтра, гарантирующего качество и легитимность образовательных услуг, при этом выбор конкретной программы и поставщика услуги полностью делегируется гражданину. Это формирует конкурентную среду среди образовательных организаций, ориентированную на запросы обучающихся, и обеспечивает подлинную персонализацию образовательных траекторий в соответствии с профессиональными и личностными потребностями индивида⁷⁰⁰.

в) Установление корреспондирующей обязанности работодателя. Необходима имплементация в трудовое право нормы, обязывающей работодателя

⁷⁰⁰ Саудаханов М. В. Социальное государство в условиях технократии: конституционные основания и механизмы обеспечения социально-экономических гарантий в Российской Федерации / М. В. Саудаханов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2025. – № 4. – С. 76-80.

предоставлять работникам комплекс оплачиваемых образовательных отпусков как элемент гарантии права на непрерывное образование. Модель должна быть дифференцированной: наряду с краткосрочными отпусками для повышения квалификации, требуется закрепление права на длительный (например, годовой) оплачиваемый отпуск для кардинального переобучения или реализации значимого образовательного проекта. Обязательным условием является последующая презентация и защита достигнутых образовательных результатов перед работодателем, что служит основанием для сохранения трудового договора. Это формирует сбалансированную правовую конструкцию, стимулирующую инвестиции в человеческий капитал при минимизации рисков для обеих сторон трудовых отношений⁷⁰¹.

Право на непрерывное образование превращает образование из этапа жизни в постоянный ресурс, позволяющий человеку адаптироваться к изменениям, инициируемым технологическим прогрессом, оставаясь активным и востребованным членом общества. Это правовой ответ на вызов, при котором технологический прогресс, оставленный без социального контроля, может стать силой, подрывающей сами основы человеческого достоинства и социальной сплоченности. Закрепляя это право как позитивную обязанность государства, общество делает осознанный выбор в пользу эмансипации и развития, а не в пользу технократического детерминизма и социального дарвинизма.

3.2 Квотирование «человеческих» профессий

Имманентная логика технократической парадигмы, направленная на универсальную автоматизацию, создаёт системный риск распространения её принципов на те сферы профессиональной деятельности, где человеческое участие обладает не только функциональной, но и глубокой антропологической ценностью. Речь идёт о профессиях, конституируемых межличностной коммуникацией, эмпатией и смыслопорождающим взаимодействием: сферах

⁷⁰¹ Там же.

заботы (уход, педагогика), лечения, психологической поддержки и художественного творчества⁷⁰².

Попытка их полной алгоритмизации и подчинения критериям узкой системной эффективности представляет собой форму антропологического редукционизма. Она ведёт к фундаментальной деформации самой сути этих практик, которая заключается в непредсказуемом, контекстуально-зависимом и этически нагруженном диалоге, основанном на ответственности, доверии и совместном производстве смыслов. Таким образом, замещение человеческого агента алгоритмом в этих областях не является простой оптимизацией; это качественная трансформация, чреватая утратой их экзистенциального содержания и превращением в управляемые техники, лишённые своего гуманизирующего потенциала.

Полагаем, что та скорость и та глубина, с которыми технологии проникают в нашу жизнь, в т.ч. в сферу профессиональной деятельности, в будущем создадут реальность, при которой неизбежной станет необходимость принятия Закона о квотировании человеческих профессий, призванного стать прямым правовым барьером, предотвращающим эту технологическую колонизацию. Этот закон должен будет юридически закрепить примат коммуникативной рациональности (взаимопонимание, эмпатия, диалог) над чисто инструментальной в тех сферах, где формируется человеческая личность, здоровье и субъективность.

Рыночная экономика не умеет адекватно оценивать и монетизировать позитивные внешние эффекты, которые создаются «человеческими» профессиями. Как, например, измерить рыночную стоимость доверия, возникшего между учителем и учеником? Или чувство безопасности, которое дает подопечному добросовестный социальный работник? Эти блага имеют колоссальную общественную ценность, но нулевую — в балансе частной фирмы, стремящейся к минимизации издержек.

⁷⁰² Там же.

Закон о квотировании призван нормативно закрепить перечень социально значимых профессий, в которых человеческий фактор является конститутивным элементом деятельности (например, воспитатель дошкольного учреждения, социальный работник, учитель начальных классов, психотерапевт, паллиативная медицинская сестра). Закон юридически обяжет хозяйствующие субъекты соответствующих отраслей сохранять минимально допустимую долю «человеческого капитала» — например, 70-80% рабочих мест, не подлежащих замещению системами искусственного интеллекта или робототехническими комплексами. Это обеспечит производство критически важных нематериальных общественных благ: социального доверия, психологического благополучия, культурной преемственности.

В качестве компенсационного механизма за создание этих благ, которые не получают адекватной рыночной оценки, таким субъектам могут предоставляться целевые налоговые льготы. Данная модель является экономически более обоснованной и прозрачной, чем скрытое перераспределение средств на ликвидацию негативных последствий тотальной автоматизации, таких как рост психических расстройств, социальная маргинализация и дезинтеграция общественных связей.

На наш взгляд, такое «вмешательство» государства в рынок труда полностью соответствует критериям правомерности, необходимости и соразмерности. Цель сохранения нередуцируемого человеческого начала в профессиях, основанных на коммуникации, заботе и творчестве, обладает безусловным приоритетом в ценностной системе демократического общества. Нормативное квотирование, предписывающее обязательную долю человеческого участия в этих сферах, представляет собой наиболее мягкую (наименее ограничительную) форму государственного регулирования для достижения данной цели. Оно не отрицает технологический прогресс, а внедряет правовые и этические «скоростные ограничители», которые предотвращают полную алгоритмизацию, способную привести к утрате сущностного содержания этих видов деятельности. Таким

образом, квотирование формирует правовую рамку, обеспечивающую гуманитарный суверенитет ключевых социальных практик⁷⁰³.

В заключение параграфа можно сделать общий вывод о том, что технократизация – объективный и, вероятно, необратимый мировой процесс, игнорировать или пытаться остановить который не только невозможно, но и нерационально. В то же время технократизация есть результат политического и правового выбора, поскольку посредством целенаправленного, смелого и научно обоснованного правового проектирования можно не просто ограничить ее негативные проявления, но и коренным образом трансформировать, направив колоссальный потенциал технологий на службу человеку. В таком обществе технологический прогресс и человеческое благополучие не противоречат, а взаимно усиливают друг друга, технократия перестает быть самоцелью и становится инструментом гуманизма, а право — надежным гарантом того, что этот инструмент всегда остается под контролем человека и служит его высшим интересам.

Технологии несут в себе огромный потенциал для повышения эффективности управления, качества жизни и экономического развития. Однако для Российской Федерации, конституционный статус которой определяется как правовое и социальное государство, стратегической задачей первостепенной важности является не механическое заимствование технологических инноваций, а их системная гармонизация с действующим нормативно-ценностным каркасом. Право собственности, будучи фундаментальной правовой категорией и гарантией личностной автономии, должно сохранять свой аксиологический приоритет и не может быть редуцировано до уровня инструментального ресурса в процессе достижения технократических показателей эффективности.

Предложенные в настоящем параграфе оригинальные научные положения образуют системный и сбалансированный подход к выработке необходимых опережающих защитных механизмов, основанных на едином философско-

⁷⁰³ Там же.

правовом фундаменте — примате человеческого достоинства. Они позволяют не отвергать технологический прогресс, а поставить его на службу человеку, обеспечив синтез эффективности и справедливости. Имплементация указанных принципов в российскую конституционно-правовую систему может быть реализована посредством нескольких взаимодополняющих механизмов: внесения точечных поправок в текст Основного закона, эволюционного развития правовых позиций Конституционным Судом РФ, а также принятия профильного системообразующего законодательного акта, устанавливающего комплексное регулирование данной области.

Такой подход позволит Российской Федерации не отказываться от инструментальных преимуществ технологического прогресса, но подчинить их реализации более высокой цели – построению развитого правового государства. В этой модели технологии становятся средством для укрепления правовых гарантий, а не самостоятельной ценностью, подменяющей собой право. При этом право должно сохранять роль ключевого нормативного предохранителя, предотвращающего ситуацию, в которой критерии технологической эффективности получают приоритет над фундаментальными человеческими ценностями и принципом справедливости.

Таким образом, разработка и внедрение предложенных конституционно-правовых механизмов представляет собой насущную задачу для обеспечения актуальности и действенности российской Конституции в условиях вызовов XXI века, гарантируя, что её дух и буква будут защищены от эрозии под влиянием технологического детерминизма.

ГЛАВА 4. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

4.1. Конституционные обязанности человека и гражданина в сфере экономики как система

Невзирая на то, что исследованием обязанностей человека и общества лучшие умы человечества занимаются в течение тысячелетий, количество проблем не уменьшается. Как обоснованно указывает Б.С. Эбзеев, генезис обязанностей индивида, аналогично происхождению естественно-правовой доктрины, уходит корнями в первоначальные формы социальной организации человечества. Обязанности представляют собой имманентное, атрибутивное свойство личности, получившее теоретическое обоснование уже в социально-политических учениях древности и нормативных установлениях ранних исторических эпох.

Последователь Сократа (469–399 гг. до н.э.) Платон (428/427–348/347 гг. до н.э.), в свою очередь бывший наставником Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), более двух тысячелетий назад формулировал идею о реализации человека исключительно в качестве элемента социума, который он концептуализировал в форме античного полиса. Из этой социоцентричной концепции вытекали представления не только о правах личности (которые, впрочем, совмещались с оправданием рабства как природного явления), но и о её обязанностях перед полисом как целостным политическим организмом. Таким образом, учение Платона заложило один из фундаментальных принципов, интегрирующих личность в нормативно-ценностный каркас общества через корреляцию прав и обязанностей⁷⁰⁴.

⁷⁰⁴ Эбзеев Б.С. *Философия российского конституционализма: Очерки*. М.: Проспект, 2023. С. 353. Подробнее см.: Он же. Конституционный правопорядок и основные обязанности: историческое развитие, юридическая природа и особенности конституционного нормирования. Ч. I // *Государство и право*. 2018. № 3. С. 5–35.

Определение понятия и места обязанностей в правовом статусе человека является достаточно сложной проблемой по многим причинам. Пожалуй, самая первая и наиболее сложная причина – система публичной власти в конкретном государстве, которое посредством конституции и системы законодательства не только по-разному закрепляет правовой статус личности, но и место в нем его обязанностей. Например, во многих государствах длительный период времени не принято было закреплять обязанности. В других государствах законодательство исходило из равенства прав и обязанностей, т.е. каждому праву корреспондировала соответствующая обязанность. В третьих государствах прав и свобод было во много раз больше, чем обязанностей, и т.д.

Историко-правовой анализ демонстрирует эволюцию нормативного закрепления обязанностей индивида. Как отмечает Ю.В. Барзилова, во Франции конца XVIII столетия были приняты два концептуально различных акта. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. провозгласила императив, согласно которому понимание свободы заключается в избегании совершения деяний, которые причиняют вред другому. При это все остальное разрешено. Изначально существовала инициатива объединения данной Декларации с отдельной Декларацией обязанностей в единый документ, однако она не была реализована. Лишь в 1795 году Конвент принял самостоятельный акт, посвящённый обязанностям⁷⁰⁵.

Современное международное право имплицитно содержит концепцию корреляции прав и обязанностей личности. Эта доктрина получила нормативное выражение в ст. 29 ВДПЧ, которая устанавливает, что обладание правами неотделимо от исполнения обязанностей перед обществом, поскольку именно социальная среда создаёт условия для свободного развития индивида. Норма также указывает, что реализация прав и свобод индивидом сопряжена с необходимостью уважения прав и свобод других лиц и может быть ограничена в

⁷⁰⁵ Барзилова Ю.В. К вопросу об истории развития института юридических обязанностей // Изв. Саратов. ун-та. 2007. Т. 7. Сер. Экономика. Управление. Право. Вып. 2. С. 59.

целях удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

В данной части мы разделяем позицию Б.С. Эбзеева, согласно которой понимание места и роли обязанностей человека и гражданина не является статичным; оно исторически трансформировалось под влиянием социальных факторов, определялось типом государства и балансом интересов различных классов и общественных групп, что находило своё теоретическое отражение в философских и юридических доктринах соответствующей эпохи⁷⁰⁶.

Поэтому, определившись с этим вопросом, можно переходить к более детальному и конкретному определению места конституционных обязанностей человека и гражданина в сфере экономики.

Помимо упомянутых выше наиболее выдающихся античных мыслителей, средневековых философов, религиозных и государственных деятелей, на современном этапе над определением понятия обязанностей работали и работают такие известные отечественные ученые-юристы, как Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, Л.Д. Воеводин, В.А. Масленников, Н.И. Матузов, Б.М. Семенко, Б.С. Эбзеев и др.

В рамках поиска универсального правового понятия обязанности одним из основных доктринальных подходов является её трактовка через призму юридического долженствования. Согласно данному подходу, юридическая обязанность представляет собой предписанную нормами права необходимость определённого поведения обязанного субъекта, которая выражается либо в совершении активных действий, либо в воздержании от таковых. Эта необходимость не является моральным пожеланием или рекомендацией, а выступает в качестве властного веления правопорядка, обеспеченного возможностью государственного принуждения⁷⁰⁷.

⁷⁰⁶ Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство. М., 2005. С. 219.

⁷⁰⁷ См.: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 226; Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 11 и сл.; Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 60; Ткаченко Ю.Г. Социалистические правоотношения. М., 1961. С. 5; Она же. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980.

В доктринальной интерпретации Н.И. Матузова юридическая обязанность определяется как нормативно установленный вид и мера общественно необходимого поведения, которое является государственно-целесообразным, рациональным, социально полезным и объективно обусловленным. Её функциональное назначение состоит во внесении упорядоченности и стабильности в общественные отношения⁷⁰⁸.

В свою очередь, Б.С. Эбзеев обращает внимание на конституционно-правовое обоснование обязанностей. Согласно его позиции, Конституция исходит из предпосылки о невозможности нормального функционирования социума без определённого порядка, внутренней согласованности и функционального распределения ролей между субъектами. Из этого с необходимостью вытекает потребность в регулировании поведения индивидов для обеспечения их коллективной деятельности и подчинения установленному правопорядку. Такое подчинение обеспечивается, в случае необходимости, авторитетом публичной власти и механизмами государственного принуждения, что позволяет блокировать произвол и минимизировать противоречия между индивидуальными и общественными интересами⁷⁰⁹.

Данное определение является универсальным. Поскольку охватывает не только государственно-публичные отношения и интересы, но и необходимость соблюдения гармонии между индивидуальными интересами индивида и общими интересами, необходимость обеспечения солидарности между всеми указанными субъектами и их интересами, о которых мы писали раньше. Зачастую интересами противоречивыми.

Вместе с тем, являясь, по существу, универсальным, оно может быть применимо не ко всем ситуациям, а только к отношениям, которые сложились в демократическом государстве, к числу которых по Конституции РФ относится и Российская Федерация.

⁷⁰⁸ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 303.

⁷⁰⁹ Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 413.

Определившись с определением понятия обязанностей человека и гражданина, можно перейти к вопросу об определении места обязанностей человека и гражданина в системе прав и свобод, реализуемых в сфере экономики. Пожалуй, краеугольными обязанностями, действующими в указанной сфере, которые затрагивают основную массу людей в любом государстве, являются две: обязанность трудиться и обязанности собственника.

Проблема конституционного закрепления обязанностей человека и гражданина обнаруживает принципиально различный, часто диаметрально противоположный подход в основных законах демократических и антидемократических государств. Это различие носит не технический, а системообразующий и ценностный характер, отражая фундаментальные противоречия в понимании природы личности, её взаимоотношений с государством и самой цели правового регулирования.

В антидемократических конституциях обязанности нередко занимают приоритетное, а иногда и доминирующее место в системе правового статуса личности. Они конструируются как первичный и безусловный долг индивида перед государством, которому подчинено осуществление прав. Права в этой парадигме часто представлены как дарованная государством «привилегия», обусловленная исполнением обязанностей и корректируемая в интересах коллектива или правящей идеологии. Такой подход инструментализирует обязанность, превращая её в механизм контроля и подавления автономии личности.

Напротив, в конституциях современных демократических правовых государств акцент делается на гарантиях неотчуждаемых прав и свобод. Обязанности, как правило, формулируются минимально, конкретно и в строгой связи с обеспечением свободы и прав других лиц. Их роль видится не в ограничении автономии, а в создании необходимых рамок для сосуществования свободных индивидов в обществе. Здесь обязанность является не антитезой праву, а его логическим коррелятом и условием устойчивости всего правопорядка.

Таким образом, место и трактовка обязанностей в конституции служат надежным индикатором политического режима: их тотальный, идеологически нагруженный и приоритетный характер маркирует антидемократическую систему, в то время как их сбалансированное, конкретное и производное от идеи человеческого достоинства закрепление свойственно демократии.

Закрепление места обязанностей человека и гражданина в системе прав и свобод антидемократических государств. Законодательство указанной группы государств (КНР, КНДР, Куба) исходит из равенства прав и обязанностей, т.е. каждому праву корреспондировала соответствующая обязанность.

Конституции указанной группы государств, регулируя общественные отношения в сфере экономики, провозглашают монопольное доминирование и закрепляют приоритет государственной и общественной собственности. Статья 6 Конституции Китайской Народной Республики 1982 года (в действующей редакции) нормативно закрепляет, что фундаментом социалистической экономической системы государства является общественная социалистическая собственность на средства производства. Данная собственность структурируется в двух основных формах: общенародной (всенародной) собственности и коллективной собственности трудящихся масс. Установление социалистической общественной собственности направлено на преодоление системы эксплуатации человека человеком и реализует распределительный принцип: «от каждого — по способностям, каждому — по труду»⁷¹⁰.

Статья 7 Конституции КНР провозглашает, что «сектор экономики, основанной на государственной собственности, то есть социалистическая экономика, основанная на системе общенародной собственности, является руководящей силой в народном хозяйстве. Государство гарантирует укрепление и развитие сектора экономики, основанной на государственной собственности».

⁷¹⁰ URL://<https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318>

В то же время ст. 11 Конституции КНР ставит необщественный сектор экономики, который включает индивидуальные и частные хозяйства, ведущие дела в установленных законом пределах, на порядок ниже.

Согласно статье 13 китайской Конституции, государство гарантирует охрану права граждан на частную собственность и наследование в соответствии с законом. Одновременно предусматривается, что государство вправе, на основании закона, осуществить реквизицию или иное использование частной собственности граждан для удовлетворения общественных нужд, при условии выплаты соответствующей компенсации⁷¹¹.

В отличие от этого, конституционная модель Корейской Народно-Демократической Республики, установленная статьями 20 и 21 её Основного Закона, характеризуется более императивным и всеобъемлющим доминированием государственной собственности. Средства производства закрепляются за государством, а также общественными и кооперативными организациями, при этом государственная собственность определяется как общенародная, а право государства на неё не подлежит ограничению. В исключительной собственности государства находятся ключевые активы: все природные ресурсы, инфраструктура транспорта и связи (железные дороги, авиационный транспорт, средства связи), основные промышленные предприятия, порты, банки. Государство не только охраняет, но и целенаправленно расширяет государственную собственность, отводя ей решающую роль в развитии национальной экономики⁷¹².

В отличие от Конституции КНР, которая в ограниченных пределах признаёт частную собственность, правовая система КНДР, подобно бывшему СССР, оперирует концепцией личной собственности. Согласно статье 24 Конституции КНДР, личная собственность имеет строго целевое назначение – удовлетворение потребительских нужд граждан. Её источником является доля, полученная в результате социалистического распределения по труду, а также дополнительные государственные и общественные льготы. В её состав входят продукты личного

⁷¹¹ URL://<https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318>

⁷¹² URL:// <https://worldconstitutions.ru/?p=30>

подсобного хозяйства и доходы от разрешённой законом хозяйственной деятельности. Государство гарантирует охрану личной собственности и право её наследования⁷¹³.

Следующим ключевым социально-экономическим правом в данных правовых системах провозглашается право на труд. Статья 42 Конституции КНР устанавливает, что граждане обладают как правом, так и обязанностью трудиться, при этом труд характеризуется как почётная обязанность. Государство стимулирует социалистическое соревнование и поощряет добровольный безвозмездный труд⁷¹⁴.

Аналогичная норма, но с более выраженным императивным и идеологическим акцентом, закреплена в статье 83 Конституции КНДР, где труд определяется как священный долг и дело чести. На граждан возлагается обязанность сознательно и добросовестно участвовать в труде, строго соблюдая трудовую дисциплину. Данная формулировка подчёркивает не только экономическую, но и морально-политическую функцию труда в рамках социалистического строительства⁷¹⁵.

Таким образом, как мы уже отмечали, во всех советских и социалистических конституциях, как, например, в конституциях КНР, КНДР и др., каждому праву корреспондирует соответствующая обязанность. То есть прав в количественном отношении столько же, сколько и юридических обязанностей.

В частности, в Конституции (Основном законе) СССР 1977 г. в главе 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР» в отличие от действующего отечественного Основного Закона, включающей 47 статей (из которых только несколько статей посвящены обязанностям), насчитывается только 31 статья, но поскольку каждому праву в данной Советской Конституции корреспондирует соответствующая обязанность, то вместо шести статей (условно), закрепляющих обязанности человека и гражданина в современной

⁷¹³ Там же.

⁷¹⁴ URL://<https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318>

⁷¹⁵ URL:// <https://worldconstitutions.ru/?p=30>

России, в Советской Конституции было 31 статья, закреплявшая обязанности человека⁷¹⁶.

Данное обстоятельство не только свидетельствует о том, что в бывшем СССР и других социалистических республиках обязанностей на порядок больше, чем в современной России и в других демократических государствах. Главное же состоит в том, а есть ли у человека и гражданина социалистического государства права и свободы, если он не волен ими самостоятельно распоряжаться? Поскольку они не только непосредственно связаны с соответствующими обязанностями каждого человека, но и сама государственная административно-командная плановая система публичной власти дополнительно существенно дополняла и усиливала такую связанность.

Закрепление места обязанностей человека и гражданина в системе прав и свобод демократических государств. В конституциях демократических правовых государств наблюдается выраженная нормативная асимметрия в регламентации правового статуса личности: объём и детализация гарантий фундаментальных прав и свобод существенно превосходят перечень и содержание конституционных обязанностей. Этот количественный и качественный разрыв не является случайным или техническим упущением, а отражает сознательный философско-правовой выбор, основанный на приоритете идеи неотчуждаемого человеческого достоинства и автономии индивида.

Структурный анализ второй главы российской Конституции демонстрирует значительный нормативный дисбаланс между объёмом закреплённых прав и установленных обязанностей. Как отмечает Б.С. Эбзеев, обязанности непосредственно закреплены в шести статьях Основного закона: обязанность соблюдать закон (ч. 2 ст. 15), обязанности по взаимной заботе родителей и детей (ч. 2, 3 ст. 38), обязанность сохранять историческое и культурное наследие (ч. 3

⁷¹⁶ URL://<https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1977.htm>

ст. 44), обязанность платить налоги и сборы (ст. 57), обязанность беречь природу (ст. 58), а также обязанность по защите Отечества (ст. 59)⁷¹⁷.

Таким образом, при общем количестве 48 статей в указанной главе, статьи, содержащие корреспондирующие обязанности, составляют лишь незначительную их часть. Это создаёт формальное количественное соотношение, в котором правовые возможности личности многократно превышают круг её конституционных обязанностей. Фактический нормативный разрыв является ещё более существенным, учитывая, что каждая статья о правах зачастую гарантирует целый комплекс правомочий, в то время как обязанности сформулированы единично и лаконично. Данная диспропорция отражает преобладающую в современном российском конституционализме либерально-индивидуалистическую парадигму, акцентирующую расширение правового статуса личности при относительно минималистском подходе к закреплению её публичных обязанностей.

На самом деле, например, в ст. 15 Конституции РФ насчитывается четыре части, и только одна из них посвящена обязанностям. Из трех частей ст. 38 Конституции только одна – часть 3 – посвящена обязанностям, а часть 2 – равное право и обязанность родителей в контексте заботы о детях и их воспитания; из трех частей ст. 44 только одна часть посвящена обязанностям.

Представленные конституционные модели соответствуют концепции Российской Федерации как демократического социального правового государства, что позволяет согласиться с правовой позицией Б.С. Эбзеева. Он отмечает, что в юридической науке личность рассматривается как носитель не только прав, но и обязанностей, состоящий в правоотношениях с государством. Права и обязанности выступают формой её самоопределения, устанавливая границы автономии и социальной активности, одновременно поощряя деятельность, соответствующую общественным интересам и укрепляющую конституционный строй, который, в свою очередь, создаёт условия для развития личности⁷¹⁸.

⁷¹⁷ Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 412.

⁷¹⁸ Эбзеев Б.С. Конституции Российской Федерации — 20 лет: государство, демократия, личность сквозь призму практического конституционализма // Государство и право. 2013. № 12. С. 11.

Подобная структурная корреляция прав и обязанностей характерна не только для российской Конституции. Анализ зарубежных основных законов демонстрирует аналогичный подход. Так, в Части I («Права и обязанности граждан») Конституции Италии 1947 года, содержащей 41 статью, обязанности прямо закреплены лишь в четырёх из них. К ним относятся: выполнение законных предписаний (ст. 16), обязанность и право родителей содержать и воспитывать детей (ст. 30), обязанность участвовать в государственных расходах согласно своей платежеспособности (ст. 53), а также священный долг по защите Отечества (ст. 52)⁷¹⁹.

При этом ст. 2 Конституции Италии закрепляет диалектическую взаимосвязь: признание неотъемлемых прав личности корреспондирует с конституционной обязанностью соблюдать принципы солидарности в политической, экономической и социальной сферах⁷²⁰.

Аналогичным образом, в Разделе 1 Основного закона ФРГ 1949 года, посвящённом основным правам, обязанности упоминаются фрагментарно: в контексте сохранения верности Конституции при осуществлении свободы преподавания (ч. 3 ст. 5), в качестве естественного права и первоочерёдной обязанности родителей по воспитанию детей под наблюдением государства (ч. 2, 3 ст. 6), а также в виде обязанности нести военную или альтернативную гражданскую службу (ч. 1, 2 ст. 12а)⁷²¹.

Таким образом, конституционное регулирование в России, Италии и Германии демонстрирует общую тенденцию: при детальной регламентации широкого спектра прав личности, обязанности формулируются как исключения, носящие публично-значимый характер и направленные на обеспечение солидарности, обороны, фискальных интересов государства и защиты семьи.

Можно отметить еще одну особенность конституционного закрепления обязанностей в некоторых демократических государствах. Например, в Японии

⁷¹⁹ URL://<https://legalns.com/download/books/cons/italy.pdf>

⁷²⁰ Там же.

⁷²¹ URL://<http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/BRD.HTM>

Конституция 1946 г. наряду с правами и свободами также устанавливает и определенный минимум обязанностей. Подчас обязанности в данной Конституции сформулированы не прямо, как, например, обязанность трудиться (ч. 1 ст. 27), а косвенно. Например, обязанность платить налоги сформулирована так: «Население подлежит обложению налогами в соответствии с законом» (ст. 30)⁷²².

Сравнительный анализ способов нормативного закрепления прав и свобод в государствах с различными политическими режимами не должен приводить к ошибочному выводу о том, что в демократических правовых системах права существуют в отрыве от юридических обязанностей. Такой взгляд является методологически неверным по следующим причинам.

Во-первых, как демонстрируют приведенные примеры, в текстах многих конституций ряд субъективных прав сформулирован в неразрывной системной связи с корреспондирующими обязанностями, что отражает их взаимозависимый характер.

Во-вторых, о внутреннем единстве прав и обязанностей в демократических государствах свидетельствует сама структура правоотношений: праву или свободе одного субъекта, как правило, противостоит обязанность другого. Таким образом, закреплённые в Конституции Российской Федерации и других основных законах права, свободы и обязанности, выступая формой самореализации личности в рамках социального взаимодействия, образуют целостный нормативный комплекс.

В-третьих, единство государства и общества дополнительно институционализируется через конституционное возложение на государство фундаментальных обязанностей перед личностью, обществом и их институтами, что характерно для демократического конституционализма, включая Конституцию РФ.

Принцип государства как суверенного политического единства народа выступает первичной и системообразующей основой Конституции. Государство

⁷²² URL: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>

учреждается в качестве верховного гаранта конституционного строя и производного от него правопорядка, что предопределяет содержание всех последующих положений об организации, компетенции и ограничении публичной власти.

Так, российская Конституция, граждане, связанные взаимными правами и обязанностями, их объединения, а также легитимированное Основным Законом государство образуют системное нормативно-ценностное единство.

Следовательно, российский Основной Закон обращён не к абстрактной модели государства, а закрепляет и легитимирует конкретную государственную организацию – Российскую Федерацию. Её сущностные характеристики определены в части 1 статьи 1 Конституции как демократическое, федеративное, правовое государство с республиканской формой правления. Данная дефиниция дополняется указанием на социальный (статья 7) и светский (статья 14) характер государства. Игнорирование этих конституционных характеристик делает невозможным адекватное восприятие целостной конструкции российской государственности.

Мы присоединяемся к научной позиции, согласно которой закрепление в демократических конституциях различного объёма прав и обязанностей не отрицает их системного единства, но отвергает их тотальную слитность – признак недемократического, иерархически организованного социума⁷²³.

Развитием этого фундаментального конституционного принципа является предложенное Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и реализованное поправкой введение статьи 75.1. В соответствии с этой нормой, Российская Федерация обязана обеспечивать экономическое развитие и рост благосостояния, охранять достоинство работника, поддерживать справедливый баланс между правами и обязанностями гражданина, поощрять социальный диалог и способствовать всесторонней солидарности в обществе. Тем самым конституционная модернизация направлена на конкретизацию и усиление

⁷²³ См.: *Новая философская энциклопедия*: В 4 т. / Гл. ред. В.С. Степин. Т. 3. С. 139.

взаимосвязи правового статуса личности и публичных целей социального государства.

Хотя в отечественном законодательстве иногда упрощенно подходят к выполнению обязанностей человеком, перекладывая ответственность с органов государственной власти, которые обязаны осуществлять контроль за соблюдением индивидами соответствующих обязанностей, на них самих, тем самым создавая им дополнительные и не совсем законные обременения и ограничения их прав и свобод.

В частности, Федеральное законодательство (ФЗ «О порядке выезда и въезда»⁷²⁴, ФЗ «Об исполнительном производстве»⁷²⁵, КоАП РФ⁷²⁶) предусматривает возможность временного ограничения права на выезд из Российской Федерации как меру принуждения для должников, уклоняющихся от исполнения судебных решений по административным штрафам, алиментам, налогам и иным обязательствам при превышении установленной суммы задолженности. Данная мера, иницируемая судебным приставом-исполнителем или судом, представляет собой значимое обременение личного права.

Конституционный Суд РФ в определениях от 3 июля 2014 г. № 1561-О⁷²⁷ и № 1563-О⁷²⁸ подтвердил соответствие этих норм Конституции, указав, что ограничение выезда правомерно, если оно основано на судебном акте и применяется в рамках исполнительного производства по заявлению взыскателя.

При этом, относительно конституционности выбранного законодателем подхода, мы разделяем позицию Б.С. Эбзеева, который указывает на сохраняющиеся сомнения в его соразмерности. Конституция РФ исключает обусловленность фундаментальных прав человека, таких как право на свободу передвижения, от добросовестности исполнения им иных, не связанных по своей природе обязанностей. Критика направлена не на отрицание правомочия государства реагировать на неисполнение обязанностей, а на недопустимость

⁷²⁴ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/

⁷²⁵ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/

⁷²⁶ URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

⁷²⁷ URL://<https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03072014-n-1561-o-po/>

⁷²⁸ URL://<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=236928>

использования таких форм воздействия, которые сами по себе обладают признаками правонарушения, то есть несоразмерно нарушают охраняемые конституционные ценности⁷²⁹. Таким образом, даже при формальном соблюдении процедурных условий избранная мера может не соответствовать требованию конституционной соразмерности ограничения прав.

Проведенный анализ демонстрирует, что хотя современные демократические конституции детально определяют место обязанностей в системе прав и свобод, отечественная дореволюционная государственно-правовая мысль предлагала более глубокую и целостную их концептуализацию. Российская имперская наука и законодательство интегрировали юридические обязанности в более широкий контекст нравственных императивов, рассматривая многие права и свободы одновременно как нравственные обязанности личности.

Эта мировоззренческая традиция нашла своё отражение в конституционной реформе 2020 года. Включённая в Основной закон статья 67.1 акцентирует преемственность тысячелетней государственности, сохранение исторической памяти, духовно-нравственных идеалов и веры, а также всестороннее развитие личности, что указывает на возрождение синтеза правовых и этических начал⁷³⁰.

Классики российской политической мысли последовательно развивали эту идею. Государственный реформатор М.М. Сперанский определял свободу через систему нравственных обязанностей (к добру, праву, изящному и истине), полагая, что без этих ограничений свобода теряет человеческое измерение⁷³¹.

Известный дореволюционный государствовед правовед Б.Н. Чичерин предупреждал об опасностях безграничной свободы, подчёркивая, что свобода личности заключается в независимости от чужой воли, а народа — в упорядоченном согласовании воль⁷³².

⁷²⁹ Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма. С. 384.

⁷³⁰ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

⁷³¹ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. СПб., 1872. С. 32.

⁷³² Чичерин Б. О народном представительстве. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1899. С. 98–99.

Публицист М.Н. Катков утверждал, что подлинное право плодотворно лишь тогда, когда осознаётся как обязанность, иначе оно превращается в бессильную абстракцию⁷³³.

В.Д. Катков акцентировал, что основные законы обретают реальную силу не через юридическую формализацию, а через нравственную и религиозную санкцию в общественном сознании⁷³⁴.

Эти исторические позиции созвучны современной научной доктрине. Как отмечает Б.С. Эбзеев, обязанности являются имманентным, объективно необходимым свойством любой государственной организации, неотъемлемым элементом правопорядка и условием социальной солидарности. Таким образом, российская конституционно-правовая традиция, обогащённая поправками 2020 года, утверждает неразрывную связь прав и свобод с нравственной ответственностью, видя в этом основу устойчивого развития личности, общества и государства⁷³⁵.

В подобной ситуации необходимо не только настаивать на изменении норм, содержащих атеистические или формально-юридические положения, но и расширять реализацию тех статей Конституции РФ и российского законодательства, которые содержат нормы, закрепляющие нравственные начала. Например, положения ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 19, ст. 28, ч. 2 ст. 29, ч. 3 ст. 50, ст. 51, ч. 3 ст. 55 в российского Основного Закона, кроме того, положения гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» в отечественном Уголовном кодексе.

Действительно, правовая система Российской Федерации интегрирует нравственные начала в различные отрасли права, включая уголовное, гражданское и семейное законодательство, где нормы часто отражают морально-этические принципы.

⁷³³ Цит. по: Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония. С. 344.

⁷³⁴ Катков В.Д. Христианство и государственность. М., 2013. С. 26.

⁷³⁵ Эбзеев Б.С. Конституционный правопорядок и основные обязанности: историческое развитие, юридическая природа и особенности конституционного нормирования. Ч. I // Государство и право. 2018. № 3. С. 35.

Однако методологически необходимо разделять конституционные обязанности, исходя из их генезиса. Ряд обязанностей, таких как защита Отечества, забота о детях и родителях, а также уважение свободы других лиц, имеют надгосударственную, естественно-правовую природу и коренятся в универсальных человеческих качествах. В отличие от них, такие обязанности, как воинская повинность, уплата налогов или участие в отправлении правосудия, являются продуктом позитивного права и возникают исключительно в рамках конкретного государственно-правового статуса — гражданства. Таким образом, последние не вытекают непосредственно из естественной сущности человека, а формируются и развиваются как институциональные обязанности гражданина, производные от воли законодателя и потребностей государственной организации общества⁷³⁶.

Следует отметить, что после включения в 2020 г. в Конституцию РФ ст. 67.1 Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях по вопросам нравственности также стал уделять больше внимания. Достаточно сказать, что только в 2024 году он рассмотрел 11 дел, в которых рассматривались вопросы, связанные с различными аспектами нравственности в социальных отношениях⁷³⁷. Включая и соответствующие обязанности не только отдельного человека и гражданина, но и государства.

Конституционный Суд, опираясь на взаимосвязанные положения Конституции РФ, в Постановлении от 19 ноября 2024 г. N 53-П интерпретирует обязанность государства как создание эффективных правовых механизмов. Эти механизмы должны обеспечивать действенную охрану достоинства личности, достигая при этом справедливого баланса (справедливого равновесия) между двумя конституционно защищаемыми ценностями. С одной стороны, это право лица на защиту неприкосновенности частной жизни, чести и доброго имени. С другой стороны, это право иных заинтересованных лиц (находящихся в семейных

⁷³⁶ Эбзеев Б.С. Конституционный правопорядок и основные обязанности: историческое развитие, юридическая природа и особенности конституционного нормирования. Ч. I. С. 42.

⁷³⁷ <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>

или иных личных отношениях с первым) на защиту своих прав и свобод всеми не запрещенными законными способами, включая распространение информации о противоправных действиях⁷³⁸.

Данная правовая доктрина не является изолированной и корреспондирует с ранее выработанными в практике Конституционного Суда подходами к вопросам, затрагивающим сферу нравственных обязанностей и социальной справедливости, что отражено в ряде его постановлений и определений (постановления КС РФ: от 1 февраля 2021 г. № 3-П⁷³⁹ и от 18 июля 2022 г. № 33-П⁷⁴⁰; а также определения: от 30 марта 2023 г. № 531-О; от 31 октября 2023 г. № 2847-О⁷⁴¹ и другие).

Развивая данный подход в сфере труда, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 22.11.24 № 54-П исходит из обязанности социального государства обеспечивать баланс интересов. Это включает гарантию справедливых процедур найма и увольнения, с учётом необходимости особой правовой защиты работника – экономически зависимой стороны – при расторжении договора работодателем. Указанное правовое регулирование имеет своей целью достижение баланса конституционных прав работников и работодателей. Такой баланс представляет собой необходимое условие для гармонизации трудовых отношений и образует основу для справедливого согласования интересов сторон договора, что, в конечном счете, направлено на совершенствование не только правовых, но и нравственных параметров социальных взаимодействий⁷⁴².

В то же время в том же 2024 году в Постановлении от 27 ноября 2024 года Конституционный Суд сформулировал позицию, согласно которой бремя нравственной ответственности возлагается не исключительно на государство, но и на индивида. При этом Суд, апеллируя к части 3 статьи 55 Конституции РФ, легитимировал нравственность в качестве одного из конституционно признанных

⁷³⁸ <https://base.garant.ru/410753978/>

⁷³⁹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375635/

⁷⁴⁰ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_422489/

⁷⁴¹ <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=788176#zgLGuYU8Y3EwibZy>

⁷⁴² <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410877364/>

оснований для ограничения прав и свобод личности. В обосновании данной позиции Суд провел системное толкование ключевых конституционных положений (преамбулы, статей 1, 2, 7, 17, 18, 75.1), подчеркивая, что правовое социальное государство в Российской Федерации обеспечивает не только приоритет прав и свобод, но и сбалансированность прав и обязанностей, защиту достоинства, что предполагает наличие этико-правовых императивов для всех участников общественных отношений⁷⁴³.

Параллельно, в сфере экологического права, Конституционный Суд, используя метод комплексного правоприменения, дал расширительное толкование субъектному составу носителей конституционной обязанности по охране природы (статья 58 Конституции РФ). В Постановлении от 6 декабря 2024 года № 56-П Суд подтвердил всеобщий (универсальный) как на физических, так и на юридических лиц, и предполагающий их субсидиарную ответственность за негативные изменения состояния окружающей среды (постановления от 5 марта 2013 года № 5-П⁷⁴⁴, от 2 июня 2015 года № 12-П⁷⁴⁵ и др.). Более того, в данном правовом контексте Суд имплицитно «присоединил» к кругу ответственных субъектов и само государство. Это было осуществлено через интерпретацию его обязанности по созданию условий для рыночной экономики (статья 8, часть 1 Конституции РФ) и гарантированию права на свободное предпринимательство (статья 34, часть 1 Конституции РФ)⁷⁴⁶.

Таким образом, была выстроена правовая конструкция, в которой конституционные гарантии экономических свобод не снимают с публичной власти ответственности за обеспечение экологического баланса, что формирует модель многосубъектной конституционной обязанности.

Совокупный анализ данных правовых позиций позволяет сделать вывод о формировании в практике Конституционного Суда РФ целостного подхода, который характеризуется:

⁷⁴³ Там же.

⁷⁴⁴ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143058/

⁷⁴⁵ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180575/

⁷⁴⁶ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_492516/

- отказом от монопольной ответственности государства и распределением бремени нравственно-правовых обязательств между государством, индивидом и коллективными образованиями;
- признанием нравственных начал в качестве легитимного критерия для определения пределов осуществления прав;
- применением синтетического метода толкования, связывающего в единый нормативный узел различные группы конституционных норм (о правах, об обязанностях, об основах конституционного строя) для обоснования сложной, многоуровневой системы взаимной ответственности.

Вместе с тем, можно также сделать вывод о значительном повышении роли Конституционного Суда Российской Федерации в вопросах развития и совершенствования конституционно-правового регулирования обязанностей человека и гражданина, отдельных институтов гражданского общества и Российской Федерации как социального государства относительно их нравственных обязанностей в соответствующих сферах социального регулирования. Указанная роль, как показано в диссертационном исследовании, проявилась не только в его значительном вкладе в подготовку включения в Конституцию Российской Федерации поправки в 2020 году, толковании соответствующих положений новой редакции Основного Закона Российской Федерации, но и в рассмотрении спорных вопросов о соответствии текущего отечественного законодательства обновленной редакции Конституции России.

4.2. Вопросы совершенствования системы и структуры налогообложения в условиях конституционного реформирования российского законодательства

Конституционная природа обязанности уплаты налогов.
Конституционная обязанность по уплате налогов, закрепленная в ст. 57 отечественного Основного Закона, обладает статусом фундаментальной и

характеризуется универсальностью своего нормативного содержания. Ее системообразующая роль в конституционном строе подтверждается не только прямым предписанием указанной статьи, определяющим сущность и пределы данной обязанности, но и ее интеграцией в широкий комплекс иных положений Основного закона (п. «з» ст. 71, п. «и» ст. 72, п. 5 ст. 75, ч. 3 ст. 104, п. «б» ст. 106, п. 1 ст. 132), что подчеркивает ее межотраслевой и стержневой характер для государственного механизма⁷⁴⁷.

Несмотря на пристальное внимание научного сообщества к данной конституционной обязанности, выразившееся в многочисленных исследованиях в сферах теории права⁷⁴⁸, конституционного⁷⁴⁹, финансового и налогового права⁷⁵⁰, в доктрине отсутствует целостная концепция, всесторонне раскрывающая ее конституционно-правовую природу и универсальность содержания. Существующие научные подходы носят фрагментарный характер.

Так, один из распространенных в литературе акцентов связывает фискальную обязанность исключительно с обеспечением финансовой дееспособности государства для выполнения его базовых функций, включая гарантирование прав и свобод⁷⁵¹.

Однако данный подход имеет существенный дефицит: он не раскрывает позицию и роль налогоплательщика в системе социальных отношений, что противоречит принципу социального государства, а также оставляет без анализа конкретные правовые механизмы реализации соответствующих правообязанностей..

Иная группа исследователей абсолютизирует действие налогоплательщика, характеризуя уплату налога как ключевое действие по отношению к государству, при этом оставляя без правового осмысления встречные обязательства и действия

⁷⁴⁷ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399

⁷⁴⁸ Марченко М.Н. Источники права. 2-е изд. М.: Норма, 2014.

⁷⁴⁹ См.: Червонюк В.И., Бойцов П.В. Обязанность платить законно установленные налоги и сборы: конституционно-правовое значение и выбор современной парадигмы // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191). С. 235–238.

⁷⁵⁰ Баринов А.С. Институт налоговых обязательств в налоговом праве РФ: Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2017.

⁷⁵¹ Винокуров В.А. Теория и практика налогообложения и финансового права. Отдельные проблемы конституционной обязанности физических лиц по уплате налогов // URL://<https://cnfp.ru/ufiles/%D0%98%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB/2019/2019-03-theory.pdf>. С. 265. С. 264–270.

публичной власти, что исключает из анализа диалогическую и взаимобязательную природу налоговых правоотношений⁷⁵².

Распространена также точка зрения, трактующая налоги сугубо как материальную основу для формирования публичных финансов, позволяющую государству реализовывать свои функции, в том числе в социальной сфере⁷⁵³. При этом конституционная связь между фискальным наполнением бюджета и целями социальной политики, прямо вытекающая из провозглашения России социальным государством (ст. 7 Конституции РФ), часто остается невыраженной, что обедняет понимание социально-экономической детерминанты налоговой обязанности.

Часть ученых концентрируется на сравнительно-правовом аспекте, констатируя, что возведение обязанности по уплате налогов в конституционный ранг является общей мировой практикой, однако такой формальный вывод не углубляется в специфику ее наполнения в условиях конкретной конституционной модели, в частности, социально-правового государства⁷⁵⁴.

Наконец, отдельные авторы справедливо указывают на всепроникающее влияние налоговой системы на все сферы общественной жизни и ее значение для основ конституционного строя. Однако, акцентируя взаимосвязь с принципом правового государства (ст. 1 Конституции РФ), они зачастую игнорируют не менее, а в контексте перераспределительных и гарантирующих функций – даже более существенную связь с принципом социального государства. Данная связь имеет не только нормативно-логическое, но и историческое обоснование, учитывая, что в советский период, при отрицании модели правового государства, система социальных гарантий, обеспечиваемая в том числе через фискально-перераспределительные механизмы, получила значительное развитие⁷⁵⁵. Таким образом, комплексный доктринальный анализ обязанности по уплате налогов

⁷⁵² Смирнов Д.А. Правовая природа обязанности по уплате налога // *Налоги (газета)*. 2008. № 30.

⁷⁵³ Червонюк В.И., Бойцов П.В. Указ. соч. С. 235.

⁷⁵⁴ Кучеров И.И. Нормы конституций зарубежных стран, регулирующие налоговые отношения // *Журнал российского права*. 2003. № 4. С. 69.

⁷⁵⁵ Печенкина А.А. Конституционные основы обязанности по уплате НАЛОГА // *Законность и правопорядок в современном обществе*. 2014. № 17. С. 157. 157–161.

требует ее рассмотрения именно через призму конституционной модели социального государства.

В доктринальном дискурсе заслуживает поддержки позиция В.А. Винокурова, критикующего системное дистанцирование нормативных предписаний Налогового кодекса Российской Федерации от конституционного принципа социального государства. Автор также указывает на формирующуюся в правоприменительной практике пассивно-иждивенческую модель поведения налоговых органов в отношении фискального администрирования. В качестве ключевого аргумента приводится сравнительно-правовой анализ, выявляющий отсутствие в российском законодательстве императивной обязанности налогового органа уведомлять налогоплательщика о технических или формальных ошибках в представленных документах, в том числе при использовании электронных сервисов (в отличие, например, от правового регулирования в США). Данная нормативная лакуна приводит к нескольким деструктивным правовым и социальным последствиям⁷⁵⁶.

Во-первых, отсутствие проактивной обязанности информирования и корректировки со стороны уполномоченного государственного органа противоречит сущности социального государства, призванного обеспечивать условия для реализации конституционных обязанностей. Непрофессиональный налогоплательщик сталкивается с непропорциональным административным бременем, обусловленным сложностью специализированной терминологии и процедур, что де-факто создает неравенство в правовом положении сторон налогового правоотношения.

Во-вторых, данная правовая неопределенность создает предпосылки для злоупотребления правом со стороны налоговых органов, которые, пользуясь техническими ошибками добросовестного плательщика, могут инициировать процедуры необоснованного привлечения к ответственности. Подтверждением системного характера проблемы служит ведомственное регулирование: Перечень

⁷⁵⁶ Винокуров В.А. Указ. соч.

электронных документов для взаимодействия через «Личный кабинет налогоплательщика» (утвержденный Приказом ФНС России от 17.03.2017 № СА-7-6/220@)⁷⁵⁷ не включает форму уведомления об ошибках, что институционализирует выявленный правовой дефицит⁷⁵⁸.

Кумулятивный эффект описанных факторов носит стратегически негативный характер. Это подрывает публичный авторитет государства, поскольку его институты не обеспечивают условий для легитимного исполнения базовой конституционной обязанности. Возникает парадокс фискальной неэффективности: бюджетная система недополучает законные доходы из-за технических сбоев. В общественном сознании укрепляется восприятие налоговых органов как избыточного репрессивного аппарата, существующего за счет средств налогоплательщиков, но не выполняющего сервисных и поддерживающих функций, что напрямую противоречит конституционной модели социального государства⁷⁵⁹.

Более того, это не только никак не подтверждает реальность конституционного принципа социального государства в Российской Федерации, но и напрямую противоречит ему. Тем более, что «рядовая» норма Налогового кодекса РФ прямо противоречит конституционному принципу, что просто немыслимо. Получается, что депутаты Госдумы ФС РФ и профильный комитет Думы не в полной мере выполняют главную функцию принятия федеральных законов, соответствующих Конституции Российской Федерации и конституционным принципам. А налоговые органы в соответствии с подобным законодательством не столько раздражают население, сколько объективно способствуют подобному отношению к себе.

В контексте научного анализа нами поддерживается тезис О.А. Цирит о несовершенстве законодательной конструкции объективной стороны преступлений в сфере налогообложения (ст. 76.1 УК РФ), создающем широкие дискреционные

⁷⁵⁷ Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁵⁸ Винокуров В.А. Указ. соч.; Каюров Е.А. Конституционно-правовое регулирование государственных (муниципальных) финансов в России // Право. Журн. Высш. школы экономики. 2013. № 2. С. 54.

⁷⁵⁹ Винокуров В.А. Указ. соч.

полномочия для правоприменителя и приводящем к произвольности в вопросах освобождения или привлечения к уголовной ответственности⁷⁶⁰.

С точки зрения конституционно-правовой доктрины, природа и универсальность обязанности по уплате законно установленных налогов обусловлена ее системным положением в рамках Основного закона. Ее фундаментальный характер проистекает из:

1) Конституционной фиксации (ст. 57), означающей её верховенство в правовой системе, непосредственное применение и обязательность для всех участников правоотношений в налоговой сфере.

2) Персональной универсальности: обязанность распространяется на любого индивида, находящегося на российской территории на законных основаниях, вне зависимости от его гражданско-правового статуса (гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства). Каждый такой субъект выступает в двойной правовой роли – как обязанный фискальный субъект (налогоплательщик) и как бенефициар публичных финансов (потребитель бюджетных средств).

Таким образом, исполняя данную конституционную обязанность, индивид реализует комплексную социально-правовую функцию. Он не только обеспечивает формирование публичных финансов, но и, будучи их конечным потребителем и участником экономических, гражданских и государственных институтов, активно способствует общественной консолидации. Эта консолидация основана на принципах всеобщности, справедливости и солидарности поколений, а также направлена на поддержание эффективного функционирования общественного организма. Через механизм налогообложения обеспечивается баланс прав и обязанностей, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность, что нашло

⁷⁶⁰ Цирит О.А. К вопросу о конституционной обязанности по уплате налогов // Конституция и общественный прогресс. Вторые Прокопьевские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. М.С. Саликов, О.А. Заячковский. Калининград, 2019. С. 218–224.

свое нормативное воплощение в конституционных новеллах 2020 года (статьи 75 и 75.1 Конституции РФ)⁷⁶¹.

Следовательно, практическая реализация и эффективность конституционной модели солидарности между человеком, обществом и государством в значительной степени будут определяться дальнейшим развитием законодательства. Приоритетной целью является обеспечение того, чтобы в процессе приведения отраслевого законодательства (прежде всего, Налогового кодекса РФ) в соответствие с обновленной Конституцией были внедрены нормы, трансформирующие правовой статус налоговых органов. Цель такой трансформации – переход от модели наблюдателя и силового контролера к модели правового партнера налогоплательщика, что соответствует практике современных демократических государств и сущности социального правового государства.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ об обязанности каждого платить законно установленные налоги. Обязанность по уплате законно установленных налогов и сборов, будучи закреплённой непосредственно в статье 57 Конституции Российской Федерации, обладает фундаментальным (основополагающим) характером в системе публично-правовых обязанностей. Данное правовое установление, в силу высшей юридической силы и прямого действия Конституции, выступает в качестве императивной нормы-принципа. Ее системообразующая роль заключается в обеспечении финансовых основ функционирования публичной власти. Реализация данной обязанности формирует материальную базу (доходную часть бюджетов всех уровней), за счет которой государство приобретает реальную возможность исполнения своих конституционных функций, преимущественно в социально-экономической сфере, ориентированной на гарантирование условий, необходимых для достойного существования и свободной самореализации индивида.

⁷⁶¹ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399

Нормой, имеющей для нашего исследования особую значимость в контексте принципа социального государства, является конституционный запрет (ст. 57) ретроспективного действия законодательства, ухудшающего фискальный статус плательщика или вводящего новые налоги⁷⁶².

Данная норма-гарантия находится в системной взаимосвязи с принципом социального государства и выступает как одно из его конкретных правовых проявлений в фискальной сфере. Указанный императивный конституционный принцип стабильности налогового бремени, защищающий добросовестные ожидания субъектов, выступает объектом пристального научного анализа, направленного на совершенствование законодательства и унификацию правоприменительной практики⁷⁶³.

Общепризнанный в научной литературе подход к исследованию налоговых правоотношений исходит из того, что исполнение фискальной обязанности представляет собой ключевое юридически значимое действие налогоплательщика в его публично-правовом взаимодействии с государством⁷⁶⁴. Посредством данного акта формируется финансовая основа для реализации государственного суверенитета и выполнения всех конституционных функций, в первую очередь социально-экономических. Следовательно, налогообложение, обладая сквозным регулятивным эффектом, интегрируется в основы конституционного строя и систему гарантий прав, что детерминирует его как центральный институт, конституирующий современную государственность, общественное устройство и правовой статус личности⁷⁶⁵.

Рассматриваемая нами обязанность обладает характеристикой не просто основной, но и конституционно-учредительной, формирующей финансовый базис государства, универсальной конституционной обязанностью в рамках модели социального государства, связывающей индивида, общество и публичную власть

⁷⁶² URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

⁷⁶³ См., например: *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России. С. 409–434.

⁷⁶⁴ *Смирнов Д.А.* Правовая природа обязанностей по уплате налога // *Налоги*. 2008. № 30.

⁷⁶⁵ *Печенкина А.А.* Конституционные основы обязанности по уплате налогов // *Законность и правопорядок в современном обществе*. 2014. № 17. С. 157–161.

отношениями взаимной ответственности. Доктринальная и правоприменительная значимость данной сферы подтверждается исключительной активностью Конституционного Суда РФ в ее толковании и конкретизации: по прямым налоговым вопросам с января 2003 г. по декабрь 2021 г. принято 142 решения⁷⁶⁶, в то время как массив решений, затрагивающих эти вопросы опосредованно, составляет 1882 акта, что свидетельствует о глубокой интеграции фискальных отношений в общую ткань конституционно-правового регулирования⁷⁶⁷.

В своей правовой позиции, сформулированной в Постановлении от 17 декабря 1996 г. № 20-П, Конституционный Суд Российской Федерации определил фискальную обязанность в качестве конституционно-правового императива, производного от самой природы государства. Налог интерпретируется Судом как необходимый финансово-материальный базис существования публичной власти, вследствие чего предписание статьи 57 Конституции РФ носит безусловный и всеобщий характер, адресованный всем налогоплательщикам без изъятия. В данной обязанности Конституционный Суд усматривает материализованное выражение консолидированного публичного интереса всего социума⁷⁶⁸.

Таким образом, судебная позиция конституирует абсолютный характер требования государства о надлежащем исполнении фискальной обязанности. Эта безусловность обеспечивается всей силой государственно-властного механизма, что нашло отражение в последующем Постановлении КС РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П. В нем подчеркивается право государства на применение легитимных мер публичного принуждения, направленных на обеспечение исполнения данной обязанности, включая возможность привлечения нарушителей к установленной законом ответственности за ее неисполнение или ненадлежащее исполнение. Тем самым, гарантийно-обеспечительный компонент фискальной конституционной

⁷⁶⁶ URL://<https://www.ksrf.ru/Decision/>

⁷⁶⁷ Там же.

⁷⁶⁸ См.: *Постановление КС РФ от 17.12.1996 № 20-П* // URL:<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=20738>

обязанности реализуется через санкционированный государственный принудительный аппарат⁷⁶⁹.

В своей правоприменительной практике Конституционный Суд Российской Федерации, последовательно настаивая на безусловном характере конституционной фискальной обязанности, подчеркивает, что ее действие распространяется исключительно на законно установленные налоги и сборы. Императив законности выступает в данном контексте неременным условием легитимности самого публичного требования.

Детализируя эту позицию, КС РФ в Постановлении от 10 июля 2017 г. № 19-П подчеркивает, что федеральный законодатель, обладая широкой дискрецией при определении конкретных элементов налогообложения (субъектного состава, объекта, ставок, периода, базы и порядка исчисления), не обладает неограниченными полномочиями. Его деятельность по налоговому нормотворчеству жестко ограничена рамками Конституции РФ, в частности, нормами, гарантирующими права и свободы личности⁷⁷⁰.

Это конституционное требование имплементировано в пункте 3 статьи 3 Налогового кодекса РФ, который устанавливает, что налоги и сборы не могут иметь произвольный характер, а их установление недопустимо, если оно создает препятствия для реализации конституционных прав граждан⁷⁷¹.

Более того, в указанном решении Конституционный Суд РФ не только подтвердил принцип правовой определенности, но и закрепил принцип разрешения сомнений в пользу налогоплательщика как важнейшую гарантию его прав: любые неустранимые сомнения, противоречия и неясности в налоговом законодательстве подлежат трактовке в пользу налогоплательщика⁷⁷².

Таким образом, Суд установил, что требование формальной определенности, являющееся производным от конституционных принципов

⁷⁶⁹ См.: СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.

⁷⁷⁰ См.: Постановление КС РФ от 10 июля 2017 г. № 19-П // URL://<https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10072017-n-19-p/>

⁷⁷¹ URL://<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=503112&pieceId=a3>

⁷⁷² URL://<https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10072017-n-19-p/>

равенства и верховенства закона, должно соблюдаться на всех стадиях правового регулирования налоговых отношений – как на этапе установления фискальных платежей, так и в ходе регулирования контрольных и правоприменительных процедур в данной сфере. Это формирует систему сдержек и противовесов, где обязанности налогоплательщика корреспондируют гарантии защиты его прав от законодательного и административного произвола⁷⁷³.

Конституционный Суд Российской Федерации последовательно развивает и конкретизирует обозначенные правовые позиции в рамках целого ряда иных судебных решений, формируя тем самым устойчивую прецедентную линию. К числу таких актов, в частности, относятся Постановления от 22 апреля 2013 г. № 8-П, от 23 мая 2013 г. № 11-П, от 25 июня 2015 г. № 16-П, от 24 марта 2017 г. № 9-П и от 1 июля 2015 г. № 19-П.

При этом императив формальной определенности налогово-правовых норм, выступающий необходимой конкретизацией конституционных принципов равенства и верховенства закона, носит универсальный характер. Его действие распространяется в равной степени на все стадии и аспекты налоговых правоотношений – не только на процесс установления элементов юридического состава налога, но и на всю процедурно-процессуальную деятельность по его реализации и принудительному взысканию. Данное требование обязательно для правового регулирования в отношении всех категорий обязанных субъектов, в т.ч. физических и юридических лиц, что обеспечивает единство и предсказуемость правоприменительной деятельности в сфере налоговых правоотношений.

Исследование динамики правовых позиций КС РФ позволяет утверждать, что последовательная систематизация и конвергенция конституционных принципов равенства и верховенства закона в сфере налогообложения, равно распространяемых на физических и юридических лиц, сформировала солидную прецедентную базу. Эта доктринальная основа стала одним из ключевых правовых факторов, подготовивших и обусловивших конституционные новеллы 2020 года.

⁷⁷³ Там же.

Речь идет, в частности, о включении в Основной Закон положений, конкретизирующих модель социального государства: пункта 6 статьи 75, закрепляющего формирование системы пенсионного обеспечения на принципах всеобщности, справедливости и солидарности поколений⁷⁷⁴, и статьи 75.1, провозглашающей создание условий для экономической, политической и социальной солидарности, сбалансированности прав и обязанностей⁷⁷⁵.

Таким образом, Конституционный Суд РФ в своей практике вышел за рамки формального требования правовой определённости, заложив нормативно-доктринальный фундамент для конституционной консолидации индивида, гражданского общества и государства. Эта консолидация приобрела принципиально новое звучание в контексте современной интерпретации принципа социального государства.

На основе вступивших в силу конституционных поправок КС РФ определил в Постановлении от 12.11.20 г. № 46-П свою правовую позицию, непосредственно указывающую на фискально-экономические основы такой консолидации. Суд указал, что налоговые обязательства должны быть экономически обоснованными и недопустимо их произвольное установление. Дискреция законодателя не может приводить к несправедливым или дискриминационным различиям, нарушающим принципы правовой определённости, доверия к власти и справедливости налогообложения⁷⁷⁶.

Иными словами, формируется трехсторонняя модель заинтересованности: юридическое лицо (одновременно работодатель и налогоплательщик) и физическое лицо (производитель благ и налогоплательщик) должны быть материально заинтересованы в производительном труде и добросовестном исполнении фискальной обязанности. Государство, в свою очередь, должно быть заинтересовано в установлении такого конституционного правопорядка, который обеспечивает эту солидарность. Для этого, как подчеркнул Суд, недопустимо возлагать на

⁷⁷⁴ URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

⁷⁷⁵ Там же.

⁷⁷⁶ URL://<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=376631>

налогоплательщика повышенное фискальное бремя без объективных экономических оснований, равно как и произвольно лишать его возможности применения более благоприятного общего правила определения налоговой базы, что нарушало бы принципы равенства и справедливости⁷⁷⁷.

В заключение параграфа отметим, что сформулированные Конституционным Судом РФ правовые позиции, касающиеся конституционной обязанности по уплате налогов, образуют системную прецедентную доктрину. Эта доктрина включает в себя как теоретико-концептуальные основания, так и императивные правовые предписания, выполняющие двоякую функцию. С одной стороны, они направлены на обеспечение безусловной реализации данной публично-правовой обязанности. С другой — на гарантирование защиты прав и законных интересов самого налогоплательщика от законодательного и административного произвола, устанавливая баланс в правоотношении "индивид–государство".

Как демонстрирует исследование, совокупность этих позиций сформировала фундаментальную нормативно-доктринальную основу для эволюционного развития конституционного текста. Она позволила операционализировать и конкретизировать в Основном Законе качественные признаки социального государства, создав предпосылки для их последующей детализации в отраслевом законодательстве.

Наиболее значимым итогом является то, что указанные правовые позиции установили нормативные предпосылки для консолидации ключевых социальных субъектов: человека (как носителя прав и обязанностей), гражданского общества (как институциональной среды) и социального государства (как гаранта солидарности и справедливости). Тем самым, фискальная обязанность переосмысливается не только как инструмент формирования бюджета, но и как правовой механизм интеграции и обеспечения социальной солидарности в рамках конституционного строя.

⁷⁷⁷ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании в ходе комплексного анализа автором показана ведущая роль и место человека в социальном и экономическом строе России. Невзирая на то, что в течение многих столетий социальный и экономический строй как в России, так и в зарубежных государствах существенно изменялись, как и место в нём человека, но всегда человек, так или иначе, был не только действующей, но и центральной, созидающей фигурой. Главным производителем материальных и духовных ценностей и соединяющим своими действиями других людей, институты гражданского общества и государство с его многочисленными и разнообразными органами.

С особой очевидностью это место человека было зафиксировано на самом высоком нормативно-правовом уровне – в ст. 2 российской Конституции, провозглашающей высшей государственной и общественной ценностью человека, его права и свободы, а также устанавливающей в отношении государства обязывающий императив по их признанию, соблюдению и защите. В 2020 году данный принцип был наполнен нравственным содержанием посредством включения в Основной закон России ст. 67.1 и 75.1, установившие приверженность Российской Федерации объединению воедино всей тысячелетней истории Отечества, сохранению памяти предков, уникальных идеалов и веры в Бога посредством преемственности в развитии Российского государства, исторически сложившегося государственного единства, а также в современных условиях глобализации гарантировать охрану личного достоинства, признание ценности труда, поддержание справедливого соотношения прав и обязанностей, развитие социального диалога и всестороннюю общественную солидарность.

Указанные конституционные новеллы не только позволили соединить разные историко-правовые эпохи, особенности которых детально исследованы в диссертации, но и создать новый мощный потенциал организационно-правового механизма для дальнейшего развития Российской Федерации и солидаризации в ней разных поколений граждан Российской Федерации, различных слоев

общества, разных институтов гражданского общества и государства в единый гармоничный солидарный социум.

Исследована новая форма устройства общества – технократия, центральная идея которой заключается в том, что власть отдана в руки профессионалов, которая по-новому поставила вопрос: каковы критерии и принципы демократии в новых условиях? Россия, как показано в исследовании, уже сделала качественный рывок в сторону технократического общества. Тем более, что в истории нашего Отечества именно государство всегда было двигателем прогресса и развития, указанная уникальная его особенность позволяет наиболее эффективно по сравнению с другими государствами, внедрять высокотехнологические разработки, и, основываясь на применении цифровизации и использовании искусственного интеллекта, добиваться запланированных результатов. При этом экзистенциально важно соблюдать баланс индивидуальных и коллективных начал в солидаризирующемся социальном государстве, где центральное, интегральное место занимает человек.

Автором всесторонне исследованы основы конституционного строя России в целом, а также системные характеристики такой важнейшей его составляющей, как экономическая система конституционного строя, конституционно-правовая природа и социальное назначение видов собственности в России и зарубежных государствах, сравнительная эволюция права частной собственности в них, а также доктрина Конституционного Суда Российской Федерации о роли частной собственности в экономической основе конституционного строя России.

Значительное внимание в исследовании уделяется анализу социального государства как конституционно-правового феномена и основополагающего принципа конституционного строя. В этой связи исследуется внутренняя диалектика индивидуализма и коллективизма, воплощенная в его природе. Особое внимание уделяется регулятивной функции социально-экономических и культурных прав в достижении целей социального государства. Кроме того,

анализируется диалектика и взаимодополняемость принципов социального и правового государства в рамках российской конституционной парадигмы.

Автором подчеркнуто, что системные проблемы закрепления и конкретизации содержания конституционных принципов Российской государственности, правового статуса человека, его прав и обязанностей, особенно социально-экономических и социально-культурных в действующем законодательстве требуют разработки новых подходов к конституционно-правовому регулированию, конституционному правопониманию и совершенствования правоприменения.

Исследование концентрируется на анализе основополагающих принципов, образующих каркас взаимодействия в рамках социального правопорядка. Ключевыми объектами научного осмысления выступают:

1) Императив правовой определенности (нормативной определенности) и вытекающая из него необходимость поддержания доверия к закону как к стабильному регулятору общественных отношений.

2) Достижение и сохранение баланса (справедливого равновесия) интересов между личностью, обществом и государством.

3) Установление и функционирование системы взаимной (корреспондирующей) ответственности указанных субъектов.

4) Разработка и оптимизация правовых и институциональных механизмов, направленных на укрепление и развитие социальной солидарности как конституционной ценности.

В целях обеспечения наиболее оптимального и адекватного воплощения указанных выше мер, автором в содержании диссертации и в положениях, выносимых на защиту, сформулирован ряд конкретных предложений теоретического и практического плана.

В рамках исследования разработаны и обоснованы конкретизированные предложения *de lege ferenda* (с точки зрения желательного (необходимого) закона), направленные на совершенствование действующего правового поля. Эти

предложения охватывают различные уровни и формы правотворческой и правоприменительной деятельности и нацелены на оптимизацию механизмов конституционно-правового регулирования и соответствующей юридической практики.

Комплекс мер включает в себя:

- Модификацию норм высшей юридической силы – предложения по совершенствованию текста Конституции Российской Федерации.
- Реформирование текущего законодательства – разработку поправок в федеральные конституционные и федеральные законы.
- Новое нормативное регулирование – инициативы по принятию новых нормативных правовых актов, а также рекомендации по корректировке правоприменительной и судебной практики для эффективной имплементации предлагаемых изменений.

На основе системного подхода к исследованию диссертанту удалось комплексно рассмотреть динамику и взаимодействие двух наиболее важных, по нашему мнению, ключевых составных частей Конституции России – социального и правового государства, а также социально-экономических и социально-культурных прав и свобод человека в социально-экономической системе с тем, чтобы наиболее полно и всесторонне определить место человека в социально-экономической системе Российской Федерации.

Анализ некоторых аспектов исторического развития российской социально-экономической системы в сравнении с другими государствами, этапов их становления и формирования, а также современного ее состояния показывает уникальность данного элемента российской государственности. Об этом в первую очередь свидетельствуют конституционно-правовые основы их функционирования и принципы, закрепленные главой первой Основного закона страны.

Анализ организационно-правовой деятельности институтов публичной власти и гражданского общества позволил нам, во-первых, раскрыть механизмы, направления, отличительные особенности и характерные черты отечественной формы

взаимодействия человек – общество – государство на основе уникальной системы социальной солидарности, а во-вторых, сделать некоторые выводы, на основе которых сформулированы соответствующие предложения по совершенствованию отечественного законодательства и правоприменительной практики.

Полагаем, что настало время для проведения определенного рода корреляционной работы, направленной на совершенствование конституционно-правового механизма взаимодействия указанных институтов публичной власти с соответствующими институтами гражданского общества и с человеком на основе норм нравственности и религии, о чем прямо и конкретно речь идет в поправках, включенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также обновлённого законодательства

Их гармоничное взаимодействие должно способствовать эффективному функционированию государства, институтов гражданского общества при непосредственном активном участии человека в указанных институтах.

Основной целью указанного взаимодействия является обеспечение активности и правовой свободы личности.

Во-первых, именно общественные объединения трактуются как первичные институционализированные формы коллективной идентичности, выполняющие функции аккумуляции, трансляции и охраны норм морали и религиозных установлений. Их ключевым конститутивным признаком является добровольная самоорганизация граждан. Индивидуальное сознание и правосознание личности имеют своим аксиологическим фундаментом именно моральные и религиозные нормы, которые составляют внутренний нормативный кодекс и определяют мотивационно-ценностную структуру индивида. Вот почему, по нашему мнению, крайне важно расширение сферы влияния и взаимодействия в отношениях социально-экономической системы соответствующих общественных объединений.

В настоящее время сложившийся дисбаланс в отношениях между органами публичной власти на всех уровнях не корректируется нормами обновлённой

Конституции РФ и новым законодательством и не обеспечивает эффективной реализации конституционной модели социального партнёрства «человек – общество – государство», закреплённой в 2020 году.

В этой связи особое внимание в диссертации (параграф 3.4) уделено исследованию конституционно-правовых механизмов защиты права собственности в условиях формирующейся технократической модели государственности. Предложены ответы и сформулированы соответствующие предложения на возникающие вызовы; намечены стратегические императивы для Российского государства.

На сегодняшний день пока еще имеет место нарушение гармоничного функционирования всей социально-экономической системы и достойного места в ней человека, его возможностей в достаточной мере эффективно реализовать свои права и свободы в данной системе. Указанная дисгармония, как показано в работе, вызвана как объективными факторами, имеющими очевидный характер, так и субъективными.

Конституционные поправки 2020 года обладают потенциалом стать нормативным фундаментом для дальнейшего развития содержания принципов правового и социального государства, а также расширения круга социально-экономических и социально-культурных прав и свобод человека, усиления их социальной направленности, обозначив тем самым особый конституционно-правовой статус человека, который до сих пор является предметом научных дискуссий.

Основанные на обновленных конституционных нормах положения федерального и субъектного законодательства не только укрепили, но и существенно обновили заложенный в Конституции России арсенал компетенционных полномочий разных уровней публичной власти и институтов гражданского общества, который способен при условии дальнейшего совершенствования соответствующей правоприменительной практики обеспечить

достойное место в гармонично функционирующей социально-экономической системе современного Российского государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. *Конституция* Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ), с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. *Закон* РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/
3. *Федеральный конституционный закон* от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/
4. *Федеральный конституционный закон* от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ (с посл. изм. и доп.) «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.
5. *Федеральный конституционный закон* от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/
6. *Федеральный закон* от 20.03.2025 № 33-фз "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/
7. *Федеральный закон* от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ "О Государственном совете Российской Федерации" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/

8. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (от ред. 14 октября 2024) «О защите конкуренции» // [URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_61763/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_61763/)
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
10. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30. 11. 2024) // [URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/)
11. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024) // [URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/)
12. Федеральный закон от 07.03. 2018 № 41-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»» // СЗ РФ. 2018. № 11. Ст. 1576.
13. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024) «О страховых пенсиях» // [URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/)
14. *Федеральный* закон от 3 декабря 2012 г. № 227-ФЗ (в ред. от 28.12.2017) «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6950.
15. *Федеральный* закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 14 июля 2022) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (не действует) // [URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/)
16. *Федеральный* закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // [URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/)
17. *Федеральный* закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов

Российской Федерации» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/

18. *Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»* от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 29.10.2024, с изм. от 05.12.2024) // СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904 // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/

19. *Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»* от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4920 // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34443/

20. *Федеральный закон от 15 августа 1996 г. (ред. от 8 августа 2024 г.) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»* // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/

21. *Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 23.12.2024 г.) «Об исполнительном производстве»* // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/

22. *Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 31 июля 2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»* // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31, ст. 3448.

23. *Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)* от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 26.03.2022) // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/

24. *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях* от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 13.12.2024 г.) // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

25. *Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 8 августа 2024) «О свободе совести и о религиозных объединениях»* // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

26. *Федеральный закон* от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от от 13.12.2024) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

27. *Основы законодательства Российской Федерации о культуре*» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1), действующие в ред. от 8 августа 2024 г. // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/

28. *Указ* Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

29. *Постановление* Правительства РФ от 26.02.1997 № 222 (ред. от 27.07.1998) «О Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 гг.» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13604/

30. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // [URL://https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/](https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/)

31. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // [URL://https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/](https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/)

32. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) (с изм. и доп.) // https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/185477/

33. *Конституция* (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // URL://https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/

34. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

35. *Гражданский* кодекс РСФСР 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406; 1966. № 48. Ст. 1276.

36. Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (ред. от 26.07.2006) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.

37. *Трудовой* кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

38. Постановление Правительства РФ от 26.11.2021 № 2049 «Об утверждении Правил определения границ бедности в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, используемых в оценках показателя «Уровень бедности» в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, и о внесении изменений в Федеральный план статистических работ» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401369/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

39. Постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020 г. – № 44, ст. 7003.

40. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2009 г. № 959-ст «Об утверждении национального стандарта». Текст приказа официально опубликован не был.

41. Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 июня 2022 г. № 545-ст. «Об утверждении национального стандарта». Текст приказа официально опубликован не был.

42. *Устав* Всероссийской политической партии «Единая Россия», с изм. и доп., включенными на XX Съезде 17.12.2023 г. // URL://<https://er.ru/party/rule> (дата обращения: 12.01.2024).

43. *Устав* Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», утвержденный Учредительным Съездом 19 декабря 1991 г., с изм. и доп., внесенными в Устав XXX отчетно-выборным Съездом РСПП 17 декабря 2021 года // URL://<https://rspp.ru/about/docs/> (дата обращения: 12.01.2023).

44. *Устав* Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации, измененном и дополненном на VI Съезде Профсоюза 14 октября 2020 г. // URL://<https://xn----7sb3aeojv5b4b2a.xn--p1ai/wp-content/uploads/2022/10/ustav.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

45. *Генеральное* соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2021–2023 годы // URL://static.government.ru OABRVl0jLUIOtMgFw6TfnWX9SK2AwuAS.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

46. Генеральное соглашение между Общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2024 – 2026 годы // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476292/

47. *Конституция* Веймарской республики 1919 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия: Учеб. пособие. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010.

48. *Конституция* Италии 1947 г. // URL://<http://italia-ru.com/page/konstitutsiya-italyanskoi-respubliki> (дата обращения: 12.01.2024).

49. *Конституция* США 1787 г. // URL://<https://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/> (дата обращения: 12.01.2024).

50. *Основной закон ФРГ 1949 г.* // Избранные конституции зарубежных стран: Учеб. пособие / Отв. ред. Б.А. Страшун. М.: Юрайт: ИД Юрайт, 2011.
51. *Япония. Конституция 1946 г.* // URL://<http://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).
52. Всеобщая декларация прав человека, Принята Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
53. *Декларация прав человека и гражданина Франции от 26 августа 1789 г.* // URL://https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constitution/france/france-r.htm#sub_para_N_400
54. *Заключительный акт Сопения по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в г. Хельсинки, 1 августа 1975 г.* // URL://<https://docs.cntd.ru/document/1901862>
55. *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.* // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (дата обращения: 12.01.2024).
56. *Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах»*// Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. (дата обращения: 12.01.2024).
57. *Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122, подписанная в Страсбурге 15 октября 1985 г.* // URL://<https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540485/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/> (дата обращения: 12.01.2024).
58. *Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта* [рус., англ.] (Вместе с «Исполнительным регламентом...», «Резолюциями») (Заключена в г. Гааге 14.05.1954) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIX. М., 1960. С. 114–142.

59. *Конвенция* о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Заключена в г. Париже 14.11.1970) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М., 1990. С. 506–513.

60. *Всеобщая декларация прав человека*, принятая резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

61. *Декларации* социального прогресса и развития. Принята 11.12.1969 резолюцией 2542 (XXIV) на 1829-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».

62. *Кодекс профессиональной этики адвоката* (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021) // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (дата обращения: 12.01.2024).

Судебная практика

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2025 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 242¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации и пункта 10 части 2 статьи 252 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О.В.Левчука» // <https://rg.ru/documents/2025/03/07/ksrf9.html>

64. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2025 № 2-П «По делу о проверке конституционности подпункта 5 пункта 3 статьи 39, пункта 1 статьи 41, пунктов 1 и 2 статьи 248, пунктов 1 и 2 статьи 249, а также пункта 1 статьи 346¹⁵ Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496492/

65. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса

Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобами граждан Н.И.Гришиной, Н.З.Гулордавы и других» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497120/

66. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2024 № 59-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в связи с жалобой гражданина С.В.Калашникова» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494342/

67. Постановление «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 25, 26 и 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части 1 статьи 35 Закона Оренбургской области «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Оренбургской области» в связи с жалобами Оренбургского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации, а также граждан О.П.Ведяшкиной, Н.Н.Лепикоршевой и С.У.Шинтемировой» от 13 декабря 2024 года № 57-П // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411006758/>

68. Постановление от 22 ноября 2024 года № 54-п «По делу о проверке конституционности частей второй и третьей статьи 318 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Сергеева» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410877364/>

69. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2024 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Боголюбской» // <https://base.garant.ru/410753978/>

70. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2024 № 47-П «По делу о проверке конституционности статьи 349 и части второй статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 2, 4 и 10 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы в связи с жалобой

гражданки

О.И.Мицкевич»

//

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_488302/

71. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности пункта 10 части 1 статьи 16 и части 9 статьи 83 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с запросом Государственного Совета Республики Татарстан» от 26 сентября 2024 г. № 41-П // <https://base.garant.ru/410441851/>

72. Определение Конституционного Суда РФ от 13.02.2024 г. № 243-О «По запросу Советского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры о проверке конституционности части 6 статьи 71¹ Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и абзаца четвертого пункта 58 Положения о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» //

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408555173/>

73. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.2024 № 2-П/2024 «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина

П.О.Вильке»

//

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467399/

74. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.04.2023 № 22-П/2023 «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРЭЙТ» //

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446257/

75. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.05.2021 № 22-П/2021 «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой

общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385041/

76. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.09.2023 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности частей 7 и 8 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Собрания депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458120/

77. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2023 № 35-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 152 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго Постановления Правительства Российской Федерации «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С.А.Иванichenко» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450508/

78. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2023 № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В.Царегородской» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449849/

79. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3³ Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город

Кодинск Кежемского муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448265/

80. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 5-П "По делу о проверке конституционности статьи 1, пункта 1 статьи 2 и пункта 2 статьи 138 Налогового кодекса российской федерации в связи с жалобой гражданки Н.Н. Налевой" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_438912/

81. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.11.2022 « 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 37 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Трактородеталь Групп»» // [URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430747/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430747/)

82. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 октября 2022 года № 43-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 10 Правил установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон, в связи с жалобой гражданина В.Б. Колобаева» // [URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430931/#dst100036](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430931/#dst100036)

83. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 октября 2022 года № 43-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 10 Правил установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон, в связи с жалобой гражданина В.Б. Колобаева» // [url://http://doc.ksrf.ru/decision/ksrfddecision638607.pdf](http://doc.ksrf.ru/decision/ksrfddecision638607.pdf)

84. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 года № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта "в" части первой статьи

78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» //

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_422489/

85. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 01.03.2022 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона от 20 июля 2020 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобой гражданина А.В. Окулова» // URL://<https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-kon-stitutsionnogo-suda-rf-ot-01032022-n-9-p-po/>

86. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации: от 1 февраля 2021 года № 3-П "По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации и части третьей статьи 17 Федерального закона "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки Г." //

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_375635/

87. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 11.11.2021 № 48-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.В. Тихонова» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400313/

88. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 19.04.2021 № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, части 7 статьи 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», а также абзаца двадцать второго части 1 статьи 2, пункта 25 части 1 статьи 16 и пункта 3 части 2 статьи 45.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в

связи с жалобами граждан Г.С. Дадашова, И.Н. Касимова и других» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382396/

89. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2020 г. N 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369276/

90. *Постановление* от 12 ноября 2020 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 4 статьи 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Московская шерстопрядильная фабрика»» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367700/

91. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.М. Четыза» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357300/

92. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 2 июля 2020 г. № 32-П «по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356399/

93. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 29.04.2020 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 193 и пункта 4 статьи 195 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пункта 5 статьи 20 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Центр-Продукт»» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351705/

94. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2020 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 335 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Тюрина» // URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73802718/>

95. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347128/

96. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 16.12.2019 N 40-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой — четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г.П. Лукичева» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340383/

97. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 13 ноября 2019 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности абзаца четвертого пункта 9 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы в связи с жалобой гражданки В.С. Кормуш» // URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72894212/>

98. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 31.10.2019 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18, статей 20 и 21 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование», части 22 статьи 26 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный

фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и пункта 6.1 статьи 78 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336698/

99. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 8 октября 2019 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В. Чайковского» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335171/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

100. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 3 июля 2019 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 4 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и части 10 статьи 85 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации городского округа Верхняя Пышма» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328331/

101. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой — четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Жарова» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322340/

102. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 40 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобами граждан В.И. Леоновой и Н.Я. Тимофеева» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314138/

103. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» в связи с жалобой гражданки М.С. Колесниковой» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71808248/>

104. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 января 2018 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статей 181.4 и 181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Логинова» // [URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289107/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289107/)

105. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.С. Григорьевой, О.Л. Дейдей, Н.А. Капуриной и И.Я. Кураш» // [URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284617/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284617/)

106. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 10 июля 2017 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации и Перечня кодов видов товаров для детей в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, облагаемых налогом на добавленную стоимость по налоговой ставке 10 процентов при ввозе на территорию Российской Федерации, в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мишутка»» // [URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220081/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220081/)

107. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2017 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства

Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича”
// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71556888/>

108. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2016 года № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Нерюнгринский район» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197318/

109. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 7-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» // URL://<https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10032016-n/>

110. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 02.06.2015 № 12-П "По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений Постановления Правительства Российской Федерации "Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Заполярье" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180575/

111. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 1 июля 2015 г. № 18-П «По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182057/

112. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2015 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой негосударственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования

«Учебно-технический центр «Кольчуга»» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178217/

113. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2015 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Кряжева» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177826/

114. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 5-П по делу «О проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Богатырева» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177024/

115. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2014 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 — 6 статьи 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в связи с жалобой граждан В.Л. Герасименко и Л.Н. Герасименко» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162137/

116. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда" // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3622.

117. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2013 № 5-П "По делу о проверке конституционности статьи 16 федерального закона "об охране окружающей среды" и постановления правительства российской федерации "об утверждении порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия" в связи с жалобой

общества с ограниченной ответственностью "ТОПОЛЬ" //

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_143058/

118. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П "По делу о проверке конституционности положений пункта "в" части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона "О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" //

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191852/>

119. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтепродукт»» //

URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70158184/>

120. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 3 июля 2012 г. № 18-П "По делу о проверке конституционности статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Асадова" // СЗ РФ. 2012. № 28. ст. 3910.

121. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347128/

122. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127872/

123. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П "По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона "О полиции" в связи с жалобой гражданки И.В. Плешаковой" // СЗ РФ. 2011. № 43. ст. 6075

124. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.

125. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 12 мая 2011 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и пункта 1 статьи 164 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костенко» // URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101356/>

126. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110028/

127. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2010 года № 22-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 4 и частей 2, 3 и 4 статьи 9 Федерального закона «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого

и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой администрации города Благовещенска» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108767/

128. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2009 № 8-П "По делу о проверке конституционности положения подпункта "б" пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия" в связи с запросом Верховного Суда Республики Татарстан" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_87974/

129. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 27.11.2008 № 11-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» в связи с жалобами граждан А.Ф. Кутиной и А.Ф. Поварничиной» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82568/

130. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева» // СЗ РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3695.

131. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за

преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59950/

132. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 2). Ст. 3200.

133. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52349/

134. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // СЗ РФ. 2004. № 19 (ч. 2). Ст. 1923.

135. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 24 января 2002 года № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35210/

136. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 29 января 2004 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30

Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46351/

137. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское» // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656.

138. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3058.

139. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31809/

140. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова" // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

141. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 16 мая 2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // СЗ РФ. 2000. № 21. Ст. 2258.

142. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.

143. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y. & g. Reliable Services, Inc.» // URL://<https://lega-lacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14051999-n/>.

144. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 9 января 1998 г. № 1-П по делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 1998. № 3. Ст. 429.

145. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 20 мая 1997 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 4 и 6 статьи 242 и статьи 280 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Новгородского областного суда» // СЗ РФ. 1997. № 21. Ст. 2542.

146. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции»» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12790/

147. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 27 января 1993 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и постановлений пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 14. Ст. 508.

148. *Определение* Конституционного Суда РФ от 30 марта 2023 года № 531-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Ворониной Светланы Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70482972/>

149. *Определение* Конституционного Суда РФ от 31 октября 2023 года № 2847-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=788176#zgLGuYU8Y3EwibZy>

150. *Определение* Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2019 года № 3273-О «По жалобе граждан Касимова Ирика Наильевича, Мухаметзяновой Наири Фавасимовны и Хадеева Алексея Эдуардовича, а также товарищества собственников жилья «Мирный» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем двадцать вторым части 1 статьи 2, пунктом 25 части 1 статьи 16, пунктом 3 части 2 статьи 45.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», частью 7 статьи 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и пунктом 2 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL://<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05122019-n-3273-o/>

151. *Определение* Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2019 г. № 3274-О «По жалобе гражданина Субботина Константина Сергеевича, Жилищно-строительного кооператива № 70 и Ассоциации содействия жилищному самоуправлению «Пермский стандарт» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем двадцать вторым части 1 статьи 2, пунктом 19 части 1 статьи 14, пунктом 25 части 1 статьи 16, пунктом 10 части 1 статьи 16.2 и пунктом 3 части 2

статьи 45.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // URL://<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05122019-n-3274-o/>

152. *Определение* Конституционного Суда РФ от 5 апреля 2016 г. № 704-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шармай Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 107 Семейного кодекса Российской Федерации» // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197088/

153. *Определение* Конституционного Суда РФ от 02.07.2015 № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL://<https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072015-n-1539-o-po/>

154. *Определение* Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1561-О «По жалобе гражданина Черепанова Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 30 и частью 2 статьи 67 Федерального закона «Об исполнительном производстве» // URL://<https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03072014-n-1561-o-po/>

155. *Определение* Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1563-О «По жалобе гражданина Зимина Бориса Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 30 и частью 2 статьи 67 Федерального закона «Об исполнительном производстве»» // URL://<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=arb&n=403385#dmnrojtglnmehakv71>

156. *Определение* Конституционного Суда РФ от 22 января 2014 года № 12-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дубравина Николая Григорьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152

Гражданского кодекса Российской Федерации" //

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70482972/>

157. *Определение* Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 633-О-П «По жалобе гражданина Тимова Евгения Михайловича на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального закона «О радиационной безопасности населения» и Положения о лицензировании деятельности в области использования источников ионизирующего излучения» // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5642.

158. *Определение* Конституционного Суда РФ от 11 мая 2006 г. № 133-О «По жалобе гражданина Овчинникова Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 30.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2006. № 5.

159. *Определение* Конституционного Суда РФ от 12 мая 2006 г. № 167-О «По жалобе гражданина Кириллова Владимира Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 15 Таможенного кодекса Российской Федерации» // URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12048589/>.

160. *Определение* Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 440-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цицоры Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // Архив КС РФ. Опубликовано не было

161. *Определение* Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан // СЗ РФ. 2000. № 29. Ст. 3117.

162. *Заключение* Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»» // URL://<https://legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z/>

163. *Информация* о конституционно-правовых аспектах совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов), одобренной решением Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2016 г. // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201240/

164. *Библия*: Синодальный перевод // URL://<https://www.planeta.one/bible/v.htm>

165. *Коран*: Смысловой перевод / Пер.с араб. Э.Р. Кулиев. М.: УММА, 2022.

166. *Коран*: Смысловой пер. Б.Я. Шидфар. М. : УММА (ГУП ИПК Ульян. Дом печати), 2003.

167. *Устав* Всероссийской политической партии «Единая Россия» с изм. и доп., включенными на XX Съезде 19.06.2021 г. // URL://<https://er.ru/party/rule/>

168. *Устав* Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации, измененном и дополненном на VI Съезде Профсоюза 31 марта 2010 г. // URL://<https://xn----7sb3aeojv5b4b2a.xn--p1ai/wp-content/uploads/2022/10/ustav.pdf>.

Монографии и учебники

169. *Авакьян, С. А.* Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. – Т. 1.

170. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: Учеб. курс: В 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2014.

171. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: Учеб. курс: Учеб. пособие: В 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма – Инфра-М, 2010.
172. *Авакьян С.А.* Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015.
173. *Актуальные проблемы конституционного права России: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» (квалификация «магистр»)* / Под ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
174. *Актуальные проблемы экономического права: защита прав предпринимателей в условиях современных вызовов: сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Кафедра гражданского и корпоративного права; под редакцией Е. Н. Абрамовой.* – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2023.
175. *Александров Н.Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961.
176. *Алексеев С.С.* Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008.
177. *Арановский К.В.* Государственное право зарубежных стран: Учеб. пособие. М: ИД «Форум»: Инфра-М, 2000.
178. *Аристотель.* Политика. Кн. 2. 1265b9 — 1274 b9 // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4. М., 1983.
179. *Афанасьева О.В., Колесников Е.В., Комкова Г.Н., Малько А.В.* Конституционное право зарубежных стран / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А. В. Малько. М.: Норма, 2004.
180. *Бабаев В.К.* Теория современного советского права. Н. Новгород, 1991.
181. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник. 10-е изд., изм. и доп. М.: Норма – Инфра-М, 2013.
182. *Баглай М.В., Туманов В.А.* Малая энциклопедия конституционного права. М.: БЕК, 1998.

183. *Байматов П. Н.* Правовые основы механизма реализации конституционного права на социальное обеспечение в Российской Федерации: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 177 с.
184. *Барбер, Б.* Логика и пределы доверия / Б. Барбер ; пер. с англ. Л. В. Карповой, А. В. Карпова ; науч. ред. перевода М. М. Соколова. — Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2020. — 238 с.
185. *Баранов П.П.* Технократия: иллюзии и реальность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017.
186. *Безруков А.В.* Конституционное право России: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015.
187. *Берман Г.* Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999.
188. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: Инфра-М – Норма, 1998.
189. *Бёккенфёрде, Э.-В.* Государство, общество, свобода. Исследования по теории государства и права / Э.-В. Бёккенфёрде ; пер. с нем. А. Ю. Матюхина. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 448 с.
190. *Благож Й.* Формы правления и права человека в буржуазных государствах. М.: Юрид. лит., 1985.
191. *Бондарь Н.С.* Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении: Учеб. пособие. М., 2004.
192. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма – Инфра-М, 2021.
193. *Бондарь Н.С.* Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма – Инфра-М, 2017.
194. *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 224 с.
195. *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М., 1950.
196. *Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д.* Конституционное право России: Учебник. М.: Эксмо, 2010.

197. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Ист-Вью, 2019.
198. Вишневский А.А. Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция. М., 2006.
199. Вишневский К. О. и др. Цифровые технологии в российской экономике. – М.: НИУ ВШЭ, 2021.
200. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики: (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2002.
201. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики: (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2004.
202. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013.
203. Гоббс Т. Избр. произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1964.
204. "Государство, власть, управление и право", всероссийская научно-практическая конференция (12; 2021). Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции "Государство, власть, управление и право", 6 декабря 2021 г. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Государственный университет управления". – М.: ГУУ, 2022. - 425 с.
205. "Государство, власть, управление и право", всероссийская научно-практическая конференция (14; 2023; Москва). Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции "Государство, власть, управление и право", 6 октября 2023 г. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Государственный университет управления" ; редакционная коллегия: Ф. Г. Мышко [и др.]. - Москва : Издательский дом ГУУ, 2024. - 341 с.

206. *Гошуляк В.В.* Собственность в конституционном измерении. М., 2012.
207. *Гриценко Н.Н.* Основы социального государства. М., 2019.
208. *Грудцына Л.Ю.* Государство и гражданское общество / Под ред. С. М. Петрова. М., 2010.
209. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 1996.
210. *Дайси А. В.* Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. 2-е изд. СПб.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1907.
211. *Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: Сб. ст. / Отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм.* М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013.
212. *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1908.
213. *Дюги Л.* Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. М., 1919.
214. *Дюги Л.* Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909.
215. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Наука, 1991.
216. *Еллинек Г.* Право меньшинства. М., 1906.
217. *Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В.* Конституционное право: Учебник. М.: Юристъ, 2000.
218. *Захаров А.Л., Захарова К.С., Ревина С.Н.* Принципы права. Самара: Офорт, 2010.
219. *Зорькин В. Д.* Конституционно-правовое развитие России: монография. – М.: Норма, 2019. – 448 с.
220. *Зорькин В. Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 592 с.
221. *Зорькин В. Д.* Цивилизация права и развитие России. М., 2015.
222. *Зорькин В.Д.* Современный мир, право и Конституция. М., 2010.

223. *Иваненко В.А., Иваненко В.С.* Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционно-правовые аспекты. СПб., 2003.

224. *Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И.* Конституционное право России: Энцикл. словарь. М., 2002.

225. *Иванов И.В.* Правопреемство Россией Союза ССР: конституционно-правовые основы и принцип функционирования публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 3.

226. Инфо-стратегия 2023. Общество. Государство. Образование : Общество. Государство. Образование : XIV Международная научно-практическая конференция, 27-30 июня 2023 г. : сборник материалов / Министерство образования и науки Самарской области, Департамент информационных технологий и связи Самарской области [и др.]. – Самара : Слово, 2023. – 301 с.

227. *Исаев И.А.* История государства и права России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004.

228. *Исаев И.А.* Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М., 2009.

229. *Исаев М.А.* История государства и права зарубежных стран: В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1: Введение в историю права. Древний мир: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023.

230. *Кабанова Ю.С.* Конституционное право человека и гражданина на доступ к культурным ценностям и его защита в Российской Федерации: монография. – Барнаул : Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2021. - 114 с.

231. *Керимов Г.М.* Шариат. Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб., 2009.

232. *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.

233. Клишас А.А. Правовое государство / Фонд современной истории. – М.: Междунар. отношения, 2019. - 279 с.

234. *Клишас А.А.* Социальное государство: Монография. М.: Междунар. отношения, 2017.
235. *Клишас А.А.* Современная концепция социального государства: монография. – М.: Норма, 2022. – 288 с.
236. *Козлова Е.И., Кутафин О. Е.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник. 3-е изд. М., 2003.
237. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России. М., 2008.
238. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015.
239. *Колотова Н.В.* Социально-экономические права: доктринальные особенности и механизмы защиты: монография. – М.: ИГП РАН, 2019.
240. *Коммонс, Дж. Р.* Институциональная экономика / Дж. Р. Коммонс ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. – Москва : Экономика, 2007.
241. *Коновалов А. В.* Принципы права : монография – М.: Норма, 2023.
242. Концепция информационного кодекса Российской Федерации / И. Л. Бачило и др. – М.: Канон-плюс, 2014.
243. *Конституционная концепция социального государства:* Кол. монография / Под ред. Ю.И. Скуратова. М.: РГСУ, 2018.
244. Конституционализм, его принципы и их роль в развитии и защите прав человека: мат–лы VII Молодежных образоват. чтений, Уфа, 26 апреля 2023 г. / Уфимский университет науки и технологий, Институт права, / ответственный редактор Латыпова Н. С. – Уфа : Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023.
245. *Конституционное (государственное право) зарубежных стран:* В 4 т. 3-е изд., обновл. и дораб. Т. 1–2: Часть общая: Учебник / Отв. ред. проф. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 2000.
246. *Конституционное (государственное) право зарубежных стран:* Учебник для бакалавриата / Отв. ред. В. В. Невинский. М.: Норма – Инфра-М, 2022. – 432 с.

247. *Конституционное право государств Европы: Учеб. пособие для студентов юрид. вузов и фак.* / Отв. ред. Д.А. Ковачев. М.: Волтерс Клувер, 2005.
248. *Конституционное право зарубежных стран* / Отв. ред. В.В. Чиркин. М., 1997.
249. *Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов* / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д.ю.н., проф. Ю.И. Лейбо и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004.
250. *Конституционное (государственное) право заруб. стр. Классич. учебник* / Под науч. ред. Б.С. Эбзеева, Л.Т. Чихладзе; под общ. ред. А.М. Осавелюка, М.В.Саудаханова. 3-е издан. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025.
251. *Основы конституционного (государственного) права заруб. стр. Особ. часть.* Под научн. ред. Б.С.Эбзеева, Л.Т. Чих-ладзе. Под общ. ред. А.М. Осавелюка, Т.Э.Каллагова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025.
252. *Конституционное право России: учебн.* / отв. ред. д.ю.н., проф. И.Г. Дудко. – М.: Издат. центр Ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025.
253. *Конституционное право России: Учебник для студентов вузов* / Под науч. ред. В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. 10-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
254. *Конституционное право России: Учебник для студентов вузов* / Под науч. ред. В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. 9-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.
255. *Конституционное право России: Учебник для студентов вузов* / Под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
256. *Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 окт. 2019 г.* / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Г.А. Василевич (отв. ред.) и др. Мн.: БГУ, 2019.

257. *Конституционный судебный процесс*. – 3-е изд. перераб. и доп. / отв. ред. М.А. Митюков, В.В. Комарова. – М.: Норма: Инфра-М, 2024.
258. *Конституционный судебный процесс. Учебник* / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева; Н.А. Колоколова, под общ. ред. Л.Т. Чихладзе. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024.
259. *Конституция Российской Федерации: Энцикл. словарь* / В.А. Туманов, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия: Юристъ, 1997.
260. *Кравец, И. А.* Конституционализм и российская государственность в начале XXI века : учебное пособие / И. А. Кравец. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2010.
261. *Кутафин О.Е.* Предмет конституционного права. М.: Юристъ, 2001.
262. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 3–154.
263. *Локк, Дж.* Два трактата о правлении / Дж. Локк ; пер. с англ. Б. П. Вышеславцева. – Москва : Соцэкгиз, 1960.
264. *Люшер Ф.* Конституционная защита прав и свобод личности. М., 1993.
265. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма – Инфра-М, 2011.
266. *Марченко М.Н.* Источники права. 2-е изд. М.: Норма, 2014.
267. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.
268. Международная защита экономических, социальных и культурных прав человека/ International protection of economic, social and cultural rights : International protection of economic, social and cultural rights : учебное пособие / А. Х. Абашидзе, Е. С. Алисиевич, А. А. Амирова [и др] ; под редакцией профессора А. Х. Абашидзе. – М.: Российский университет дружбы народов, 2020. - 558 с.
269. *Мишин А.А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник для вузов. 17-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2013.

270. *Мохова Т.С.* Взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления по обеспечению социальных и культурных прав и свобод человека: монография – 12.00.02. – М.: Закон и право: ЮНИТИ, 2021. – 159 с.

271. *Муниципальное право России: учебн. для студ. вузов, обуч-хся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева; под общ. ред. А.М.Осавелюка, Н.М. Чепурновой, Л.Т. Чихладзе.* 12-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024.

272. *Нерсисянц В.С.* Философия права. – М.: Норма, 2007.

273. *Никулин В.В., Пчелинцев А.В.* Конституционное право России: Учеб. пособие. Тамбов, 2019.

274. *Общая теория государства и права: Академ. курс: В 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 2: Право / Отв. ред. М.Н. Марченко.* М.: Норма – Инфра-М, 2013.

275. *Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева.* М., 2002.

276. *Осавелюк А.М.* Конституционное право зарубежных стран: **учебн.** – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023.

277. *Осавелюк А.М.* Конституционное право зарубежных стран. СПб.: Лань, 2019.

278. *Осавелюк А.М.* Конституционное право зарубежных стран: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 2-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

279. *Осавелюк Е.А.* Конституционно-правовые основы статусных полномочий высших органов государственной власти: Монография / Отв. ред. Б.С. Эбзеев. М.: Проспект, 2021.

280. *Основы конституционного (государственного) права заруб. стр. Общ. часть.* Под научн. ред. Б.С.Эбзеева, Г.А.Гаджиева. Под общ. ред. Л.Т. Чихладзе, Т.Э.Каллагова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025.

281. Основы правового государства. – Екатеринбург: Уральский федеральн. ун-т, 2022.

282. *Паюшин М.К.* Конституционно-правовые основы реализации обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы в РФ. М., 2011.

283. *Плотникова И.Н.* Экономическая свобода личности в России: конституционно-правовое измерение. Саратов, 2022.

284. Правовое государство в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 18 мая 2021 г.) / Министерство науки и высшего образования РФ, Башкирский государственный университет ; редакционная коллегия: Н. В. Ямалетдинова (отв. ред.) [и др.]. – Уфа: БашГУ, 2021. - 397 с.

285. *Права человека и правовое социальное государство в России* / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма – Инфра-М, 2011.

286. *Права человека: учебник* / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: Норма: Инфра-М, 2022. – 512 с.

287. *Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты* / Н.И. Матузов и др.; Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2010.

288. *Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов* / Под общ. ред. акад. РАН В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2002.

289. *Протоиерей Владислав Цыпин.* Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009.

290. Реализация конституционного принципа экономической, политической и социальной солидарности: вопросы теории и практики : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 10-11 ноября 2023 г.

/ Московский гуманитарный университет [и др.] ; ответственный редакторы: Т. А. Сошникова, Е. Е. Пирогова. - Москва : Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2023. - 271 с.

291. Реализация принципов социального государства: конституционный аспект : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием "Реализация принципов социального государства: конституционный аспект" (8 февраля 2021 г.) : сборник статей / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российский государственный университет правосудия", Северо-Кавказский филиал, Кафедра государственно-правовых дисциплин ; ответственный редактор Матюшева Т. Н. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2022. – 252 с.

292. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права // Правовая мысль. Антология.

293. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов: Пер. с англ. / Предисл. В.С. Афанасьева. М.: Эксмо, 2007.

294. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997.

295. *Соловьев В.С.* Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации: Алгоритм, 2012.

296. Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве: материалы Международной научно-практической конференции / Информ. центр ООН в Москве, Московский гуманит. ун-т ; под общ. ред. Т. А. Сошниковой. – М: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. - 231 с.

297. *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право: вопросы теории и практики / АН СССР, Ин-т государства и права. М.: Наука, 1986.

298. Тенденции развития правового механизма реализации социально-экономических прав человека (к 60-летию принятия Европ. социальной хартии): материалы Международной научно-практической конференции [29-30 октября 2021 г.] / Московский гуманитарный университет [и др.] ; под общей редакцией доктора юридических наук, профессора, академика Центральной Европейской

Академии наук, литературы и искусства (Париж – Сорбонна), почетного работника высшего профессионального образования Т. А. Сошниковой. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2021. – 305 с.

299. *Теория государства и права: Курс лекций* / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

300. *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980.

301. *Ткаченко Ю.Г.* Социалистические правоотношения. М., 1961.

302. *Трубин В.В.* Стратегия реформирования системы социальной защиты населения в Российской Федерации. М., 2000.

303. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. М.: Альпина Паблишер, 2003.

304. *Умнова И.А., Алешкова И.А.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016.

305. *Умнова-Конюхова И.А.* Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики: Монография. М.: РГУП, 2019.

306. *Ферраджоли, Л.* Справедливость и демократия в эпоху глобализации / Л. Ферраджоли ; пер. с итал. А. А. Яковлева. – М. : Статут, 2018. – 526 с.

307. *Фукуяма Ф.* Сильное государство. М.: АСТ, 2006.

308. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М., 2005.

309. *Хессе, К.* Основы конституционного права ФРГ / К. Хессе ; пер. с нем. – М. : Издательство «Юридическая литература», 1981. – 370 с.

310. *Цицерон.* О государстве. Кн. I, XXV // Цицерон. Диалоги. М., 1994.

311. *Чеботарева Н.А.* Организация социально-культурных солидарностей подростков в условиях фестиваля // Культурные инициативы: материалы 52 Всероссийской научной конференции молодых исследователей (Челябинск, 16 апреля 2020 г.). – Челябинск : ЧГИК, 2020. С. 331–332.

312. *Черниченко С.В.* Права человека, императивные нормы и базовые принципы международного права = Human rights, peremptory norms and basic principles of international law: Human rights, peremptory norms and basic principles of international law: записки юриста-международника. – М.: РАН ИГП, 2021. - 423 с.

313. *Челнокова Г.Б.* Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: М.: Проспект, 2009 .

314. Человек в экономико-правовом и политическом пространстве : сборник научных статей по материалам XXIII региональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Академии труда и социальных отношений / Алтайский институт труда и права (филиал) Академии труда и социальных отношений ; редакционная коллегия: Малаханов А. Н. [и др.]. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос ун-та, 2019. – 229 с.

315. *Чернявский А.Г., Грудцына Л.Ю., Пашенцев Д.А.* Государство. Гражданское общество. Право: Монография / Под ред. А.Г. Чернявского; Финансовый ун-т при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2017.

316. *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран: Учебник. М., 1997.

317. *Чичерин Б.* О народном представительстве. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1899.

318. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. Ч. 1. М., 1882.

319. *Шарков Ф.И.* Основы социального государства: Учебник. М., 2012.

320. *Шахрай С.М., Клишас А.А.* Конституционное право Российской Федерации. 3-е изд., доп. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011.

321. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1912.

322. *Эбзеев Б.С.* Введение в Конституцию России. М. : Норма, 2013.

323. *Эбзеев, Б. С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. – Москва : Проспект, 2013.

324. *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. 2-е изд. М., 2017.
325. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: Учебник. М.: Проспект, 2019.
326. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: Учебник. 2-е изд. – М.: Проспект, 2022.
327. *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. 2-е изд. – М.: Проспект, 2021.
328. *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014.
329. *Эбзеев Б.С.* Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2011.
330. *Эбзеев Б. С.* Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности: монография. – М.: Норма, 2022. – 384 с.
331. *Эбзеев Б.С.* Философия российского конституционализма: Очерки. М.: Проспект, 2023.
332. *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд. М.: Проспект, 2013.
333. *Юшкина Т. В., Гончаренко В. Д.* Социальное государство и права человека: монография. – Краснодар: Новация, 2020. – 192 с.
334. *Яковлев, В. Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений : монография / В. Ф. Яковлев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2006.
335. The Artificial Intelligence Act, Regulation (EU) 2024/... of the European Parliament and of the Council of ... // Official Journal of the European Union. 2024. – P. 1-89.
336. *Blumer H.* Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley: University of California Press, 1969.

337. *Bostrom, N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. – Oxford: Oxford University Press, 2019.
338. *Buchanan J.* The political economy of the welfare state. – Stockholm, 1988. – 31 p.
339. *Commons Select Committees.* Catalists for Progress? Harlow, 1984.
340. *Congressional Quarterly's Guide to the Congress of the United States.* Wash., 1973.
341. Dialectic of enlightenment / Max Horkheimer a. Theodor W. Adorno ; Transl. by John Cumming. - 2. print. - New York : Seabury press, cop. 1972.
342. Dworkin, R. Justice for Hedgehogs. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011.
343. *Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. - Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1990. – 248 p.
344. *Forsthoff E.* Rechtsstaat im Wandel. Stuttgart, 1964.
345. *Franks C.E.S.* The Parliament of Canada. Toronto, etc., 1987.
346. *Habermas, J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. – Boston: Beacon Press, 1987.
347. *Kant, I.* Groundwork of the Metaphysics of Morals. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
348. *Kennedy H.* Just Law. L.: Cox & Wyman, 2004.
349. *Lessig L.* Code and Other Laws of Cyberspace. New York : Basic Books, 2006.
350. *Locke, J.* An Essay Concerning Human Understanding / J. Locke. — London : Penguin Classics, 1997.
351. *Meyerson, D.* Swift trust and temporary groups / D. Meyerson, K. E. Weick, R. M. Kramer // Trust in organizations: Frontiers of theory and research / ed. by R. M. Kramer, T. R. Tyler. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 1996. – P. 166–195.
352. *O'Neil, C.* Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. – New York: Crown Publishing Group, 2016.

353. *Parsons T.* Values, Motives and Systems of Action // Parsons T., Shils E. (eds.) Toward a General Theory of Action. Cambridge: Harvard University Press, 1954.
354. *Pasquale, F.* The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015.
355. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1–88.
356. *Romeo J. F.* Data as Property: Emerging Legal Issue // Risk Management. 2018. Vol. 65, № 2. P. 24–25.
357. *Schutz A.* The Problem of Social Reality. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1962.
358. *Sen, A.* Development as Freedom. – New York: Anchor Books, 2000.
359. *Simmel, G.* *Soziologie.* Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1908.
360. *Slaughter A.-M., Kennedy D.* The Next Big Idea: A New Lexicon for the Digital Economy // Financial Times. 2018. October 10.
361. *Stein L.* Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften Deutschlands. Stuttgart, 1876.
362. *Zebner S.* The Costs of Rights: Why Liberty Depends on Taxes. – New York: W.W. Norton & Company, 2022.
363. *Zoledowski C.* Dilemmas of a «Solidarity State» // Dilemmas of Polish Transformation. Warsaw: Elipsa, 2010.
364. *Zuboff, S.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019.

Научные статьи

365. *Абрамов А., Радыгин А., Чернова М., Энтов Р.* Государственная собственность и характеристики эффективности // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 6–26.

366. *Авакьян С.А.* Проблемы активизации личности в социальном государстве // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; Редкол.: Г.А. Василевич (отв. ред.) и др. Мн.: БГУ, 2019. С. 23–24.

367. *Авакьян С.А.* Общественный фактор в законотворчестве: некоторые проблемы и предложения // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3. С. 8–12.

368. *Авакьян С.А.* Общество как объект конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2. С. 4–7.

369. *Авакьян С.А.* Размышления конституционалиста: Избр. ст. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 406–414.

370. *Андреева Г.Н.* Социально ориентированная рыночная модель экономической конституции: постановка проблемы // URL://https://pravo.hse.ru/data/2012/05/21/1253500065/Andreeva_GN_2011.pdf

371. *Аристов Е.В.* Научные интерпретации содержания понятий «социальное государство» и «социальность государства» и их признаков // Вестн. Пермск. Ун-та. Юрид. науки. 2017. Вып. 38. С. 417–429.

372. *Архипов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55).

373. *Астафичев П.А.* Свобода экономической деятельности и право на достойный жизненный уровень в конституционном праве России // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / Отв. ред. и сост. А.А. Ливеровский; Науч. ред. Г.А. Гаджиев; Рук. проекта и сост. П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2019. С. 63–74.

374. *Барзилова Ю.В.* К вопросу об истории развития института юридических обязанностей // Изв. Саратов. ун-та. 2007. Т. 7. Сер. Экономика. Управление. Право. Вып. 2. С. 58–61.

375. *Белановский С.А.* и др. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. СПб., 2016. С. 38–50.

376. *Бондарь Н.С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2021. № 6. 2020. С. 20–34.

377. *Бородач М.В.* Конституционный принцип признания и защиты равным образом всех форм собственности как базисная ценность конституционной экономики // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / Отв. ред. и сост. А.А. Ливеровский; Науч. ред. Г.А. Гаджиев; Рук. проекта и сост. П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2019. С. 155–183.

378. *Бухонова Л.Р.* Некоторые аспекты реализации социальной функции частной собственности в зарубежных странах // Современное общество и право. 2015. № 4 (21). С. 12–17.

379. *Бухонова Л.Р.* Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62).

380. *Васильева Т.А.* Социальное партнерство — конституциональный принцип гражданского общества // Неправительственные некоммерческие организации и общественное просветительское движение России. История. Опыт. Перспективы. М.: Знание, 2008. С. 93–104.

381. *Велиева Д.С.* Взаимодействие органов публичной власти и институтов гражданского общества в решении социальных задач: проблемный аспект // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Т.В. Заметиной. Саратов, 2022. Вып. 21. С. 35–43.

382. *Винокуров В.А.* Теория и практика налогообложения и финансового права. Отдельные проблемы конституционной обязанности физических лиц по уплате налогов // URL://<https://cnfp.ru/ufiles/%D0%98%D0%B7%D0%B4%D0%>

[B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB/2019/2019-03-theory.pdf](#) С. 265, 264–270.

383. *Вентер Ф.* Верховенство права как глобальная мера конституционализма // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: Сб. ст. / Отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 76–94.

384. *Габов А. В.* Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4.

385. *Гаджиев Г.А.* Российская судебная доктрина верховенства права: двадцать лет спустя // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: Сб. ст. / Отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 213–237.

386. *Гаджиев Г.А.* Рыночная экономика в решениях Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 19–22.

387. *Глазунов С.Р.* Фабричное законодательство и механизмы его реализации. 1882–1914 гг. // Экономическая история. 2018. Т. 14. № 2. С. 141–154.

388. *Гребенников Ю.В.* Алгоритмическая власть: новые вызовы для конституционного права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 3. С. 71.

389. *Данилин И. В.* Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? // Вестник МГИМО Университета. 2020. – Т. 13, № 1.

390. *Демидов А.В.* Разделение властей как основной принцип правового государства // Междунар. науч. журн. «Инновационная наука». 2016. № 1. С. 122–124.

391. *Демидов А.В.* Гражданское общество как признак правового государства // Междунар. науч. журн. «Инновационная наука». 2016. № 2. С. 177–179.

392. *Добрынин Н.М.* Новеллы Конституции России: настоящее и будущее. Работа над ошибками... или на результат? // Государство и право. 2021. № 6. С. 128–139.

393. *Дорская А.А.* Функции институтов гражданского общества в период проведения правовых реформ (на примере России) // Институты гражданского общества: Колл. монография по итогам круглого стола № 10 в Моск. ин-те гос. управления и права / Под ред. А.Г. Чернявского. М.: Русайнс, 2017. С. 33–39.

394. *Заметина Т.В.* Конституционно-правовая политика в сфере обеспечения социально-экономического развития России // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Т.В. Заметиной. Саратов, 2022. Вып. 21. С. 31–33.

395. *Зорькин:* отмена смертной казни в России необратима // URL://<http://www.pravo.ru/review/face/view/23436/>

396. *Зорькин В.Д.* *Providentia* или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2021. № 6.

397. *Ивакина Д.С.* Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журн. рос. права. 2020. № 4. С. 28–41.

398. *Камалова Г. Г.* Теоретико-правовые аспекты эволюции прав человека в условиях цифровизации и внедрения технологии искусственного интеллекта // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2021. Т. 31. № 4.

399. *Карнаухова А.Э.* О «конституционной социальности» права частной собственности // Образование и право. 2017. № 6. С. 74–75.

400. *Каюров Е.А.* Конституционно-правовое регулирование государственных (муниципальных) финансов в России // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2013. № 2.

401. *Краснов М.А.* Конституция как "каркас" государственности: вызовы современности // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 45 – 53.

402. *Липчанская М. А.* Конституционно-правовые и нравственные основы использования искусственного интеллекта в реализации социальных прав и

свобод человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134).

403. *Машевская О. В.* Цифровые технологии как основа цифровой трансформации современного общества // Вестник Полесского гос. ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2020. – № 1.

404. *Плотникова И.Н.* Сущностные и содержательные признаки экономической свободы личности как ценности российского конституционализма // Конституционное развитие России: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Т.В. Заметиной. Саратов, 2022. Вып. 21. С. 148–150.

405. *Колесников Е.В., Плотникова И.Н., Старшова У.А.* Становление социального государства в Российской Федерации: проблема развития социальных и экономических прав человека и гражданина // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2018. № 4. С. 91–113.

406. *Косаренко Н.Н.* Социальное государство: политические, правовые и социально-экономические факторы: монография. – М.: Юстиция, 2016. - 230 с.

407. *Кроткова Н.В.* Теоретико-правовая наука на современном этапе. Круглый стол «Обсуждение книги «Общая теория государства и права. Академический курс: В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. // Государство и право. 2014. № 4. С. 5–30.

408. *Кучеров И.И.* Нормы конституций зарубежных стран, регулирующие налоговые отношения // Журн. рос. права. 2003. № 4. С. 69.

409. *Лебедев В.А.* Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. 2017. № 1 (122). С. 130–139.

410. *Лисицин-Светланов А.Г.* Цифровая трансформация и гражданское право: вызовы и перспективы // Государство и право. 2021. № 9. С. 32.

411. *Лукьянова Е.* Право собственности и Конституция // Ведомости. 2016. 7 июня.

412. *Мазаев В.Д.* Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2017. № 3. С. 19–33.

413. *Нарутто С.В.* Основы конституционного строя РФ и ее субъектов в решениях Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8 (33). С. 947–957.

414. *Нарутто С.В.* Роль Конституционного Суда РФ в защите экономического порядка и прав собственника // Ежегодник конституционной экономики. 2018 / Отв. ред. С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова; Сост. П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2018. С. 288–306.

415. *Наумов В.Б.* Право и искусственный интеллект: корреляция и коллизии // Государство и право. 2020. № 4.

416. *Невинский В.В.* Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов // Рос. юрид. журн. 2004. № 1. С. 1–14.

417. *Невинский В.В.* Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex Russica. 2018. № 11 (144). С. 106–121.

418. *Невинский В.В., Канакова А.Е.* Свобода труда и право на труд в конституциях зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 2(2). С. 97–103.

419. *Несмиянова И. О.* Информационные технологии: этапы развития, понятие и классификация // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 1.

420. *Никоноров А.А., Брайцева Е.А.* Конституционно-правовое регулирование института частной собственности России и в зарубежных странах // Вестн. экон. безопасности. 2017. № 1. С. 42–46.

421. *Осавелюк А.М.* Конституционные основы экономической системы России // Междунар. журн. конституционного и государственного права. 2019. № 3. С. 5–8.

422. *Осавелюк А.М.* Конституционно-правовое регулирование права частной собственности (духовно-нравственный аспект) // Конституция и экономика: мат. кругл. стола 1 окт. 2012 г. / Под ред. И.А. Алебастровой. М.: МГЮА, 2013. С. 87–98.

423. *Осавелюк А.М.* Конституция России и международные стандарты в области прав человека // Интернационализация конституционного права: современные тенденции: Монография / Под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М.: ИГП РАН, 2017. С. 90–96.

424. *Осавелюк А.М.* О некоторых проблемах канона в церковном праве // Государство и право. 2015. № 4. С. 28–34.

425. *Осавелюк А.М.* Правовое государство как конституционная основа // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 47–55.

426. *Осавелюк А.М.* Принцип защиты прав меньшинства как признак правового государства // Европейское измерение 2013: Сб. науч. тр./ Под общ. ред. С.Н. Бабурина и З.А. Станкевича. М.: Книжный мир: Европейский институт JUSTO, 2013.

427. *Осавелюк А.М.* Проблема защиты прав человека современным международным правом // Закон и право. 2010. № 5. С. 5–6.

428. *Осавелюк А.М.* Проблема принципов правового государства по Конституции 1993 г. // Конституционализм и правовая система России. Итоги и перспективы: V Междунар. науч.-практ. конф. «Кутафинские чтения». Секция Конституционное и муниципальное право. М.: Проспект, 2014. С. 28–35.

429. *Осавелюк А.М.* Роль Конституционного Суда в определении места международных договоров правовой системе в Российской Федерации // Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. «Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее (Кутафинские чтения). Секция конституц. и муницип. права / Под ред. В.В. Комаровой, Г.Д. Садовниковой, С.С. Заикина. М.: Изд. центр Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С. 51–59.

430. *Осавелюк Е.А.* Проблема соотношения принципов территориальной целостности и права народов и наций на самоопределение // Россия: вопросы

эффективного развития: Науч. тр. ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. Вып. 2010. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2010.

431. *Осавелюк А.М., Громов К.Э.* Полномочия государственных органов по реализации социальной политики в России // Вестн. Моск. гос. ун-та МВД России. 2014. № 11. С. 213–216.

432. *Осавелюк А.М., Тутхьян Г.А.* О роли правовых основ в деятельности социального государства в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 34–37.

433. *Осейчук В.И.* О необходимости нового этапа конституционной реформы в России // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 5.

434. *Пашенцев Д.А.* Влияние частного права на развитие институтов гражданского общества // Правовая инициатива. 2014. № 3.

435. *Печёнкина А.А.* Конституционные основы обязанности по уплате налога // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 157–161.

436. *Примаков Е.М.* Реформы и зуд приватизаторства // URL://http://www.ng.ru/scenario/2012-12-25/13_primakov.html

437. *Саудаханов М.В.* Позиции Конституционного Суда РФ о роли частной собственности в экономической основе конституционного строя России // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 44–47.

438. *Саудаханов М.В.* Право собственности как способ реализации экономической основы конституционного строя России // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 2. С. 64–66.

439. *Саудаханов М.В.* Социально-экономические права и свободы человека и гражданина и социальное государство // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2021. № 2. С. 56–59.

440. *Саудаханов, М. В.* Трансформация конституционных гарантий права собственности в условиях технократизации государственного управления: вызовы для Российской Федерации / М. В. Саудаханов // Закон и право. – 2025. – № 10. – С. 117-121.

441. *Северюхин Д.Я.* Почетные звания, знаки отличия и награды за благотворительность в старом Петербурге // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/pochetnye-zvaniya-znaki-otlichiya-i-nagrady-za-blagotvoritelnost-v-starom-peterburge>

442. *Селюков М.В.* Социальное государство и налоги: монография. – Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2024. – 115 с.

443. *Слабунов Л.А.* Конституционное регулирование основ экономической системы Российской Федерации // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2007. № 12 (90). С. 22–26.

444. *Смирнов Д.А.* Правовая природа обязанности по уплате налога // Налоги (газета). 2008. № 30.

445. *Смирнов Е. Н.* Глобальные цифровые платформы как фактор трансформации мировых рынков // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 1.

446. *Советов Б. Я., Цехановский В. В.* Информационные технологии. – 7-е изд. – М.: Юрайт, 2021.

447. *Сорокин А.Ю.* Династия Романовых и благотворительность // URL://<https://legitimist.ru/sight/history/2013/dinastiya-romanovyix-i-blagotvorite.html>

448. Социальное государство и социальная справедливость: материалы международной научной конференции / Московский гуманитарный ун-т, Информ. центр ООН, Бюро МОТ в Москве ; под общ. ред. Т. А. Сошниковой. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2014. - 252 с.

449. *Фомин А.А.* Социальное государство, достойная жизнь и преодоление бедности: взаимообусловленность в условиях конституционализации экономики России // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / Отв. ред. и сост. А.А. Ливеровский; Научн. ред. Г.А. Гаджиев; Рук. проекта и сост. П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2019. С. 477–481.

450. *Хитров А.А.* Константин Карлович Грот — организатор благотворительности и призрения в России во второй половине XIX века //

URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/konstantin-karlovich-grot-organizator-blagotvoritelnosti-i-prizreniya-v-rossii-vo-vtoroy-pолоvine-xix-veka>

451. *Хитров А.А.* Награды за благотворительную деятельность в Императорской России (на примере благотворительных ведомств под покровительством дома Романовых) // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/nagrady-za-blagotvoritelnuyu-deyatelnost-v-imperatorskoy-rossii-na-prime-re-blagotvoritelnyh-vedomstv-pod-pokrovitelstvom-doma>

452. *Хлебникова А. А.* Информационные технологии. – М.: КНОРУС, 2022.

453. *Храмцов А.Ф.* Бюрократия и социальное государство. – М.: ИС РАН, 2010. – 242 с.

454. *Худолей Д.М.* Конституционализация права на труд в зарубежных государствах // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. Вып. 1 (7). 2010.

455. *Цирит О.А.* К вопросу о конституционной обязанности по уплате налогов // Конституция и общественный прогресс. Вторые Прокопьевские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. М.С. Саликов, О.А. Заячковский. Калининград, 2019. С. 218–224.

456. *Чеботарев Г.Н.* Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // Рос. юрид. журн. 2020. № 6. С. 9–17.

457. *Червонюк В.И., Бойцов П.В.* Обязанность платить законно установленные налоги и сборы: конституционно-правовое значение и выбор современной парадигмы // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191). С. 235–238.

458. *Чиркин В.Е.* Право частной собственности: конституционная эволюция // Журн. рос. права. 2015. № 4. С. 25–36.

459. *Шарандин Ю.А., Кравченко Д.В.* Верховенство права, правовое государство и другие международные правовые доктрины: Лингвистические аспекты // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: Сб. ст. / Отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 303–311.

460. *Шестак В. А.* Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2.

461. *Ширяева С.В.* Основные тенденции развития частной благотворительности в Российской империи XIX — начала XX в. // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-chastnoy-blagotvoritelnosti-v-rossiyskoy-imperii-xix-nachala-xx-vv>

462. *Штифанова Е.В.* Проблема социальной солидарности и понимание свободы в российском контексте // Рос. юрид. журн. 2013. № 5. С. 101–104.

463. *Шульженко Ю.Л.* Суверенитет в трудах отечественных ученых-государствоведов // Государство и право. 2024. № 10. С. 70–85.

464. *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.И. Путина и новые смыслы Основного закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.

465. *Эбзеев Б.С.* Государство в социокультурной системе России: непрерывность, суверенитет, базовые смыслы // Государство и право. 2025. № 5. С. 95–113.

466. *Эбзеев Б.С.* Диалектика индивидуального и коллективного в организации социума и ее отражение в Конституции (методология, практика, некоторые проблемы) // Государство и право. 2004. № 2. С. 5–12.

467. *Эбзеев Б.С.* Конституции Российской Федерации — 20 лет: государство, демократия, личность сквозь призму практического конституционализма // Государство и право. 2013. № 12. С. 5–17.

468. *Эбзеев Б.С.* Конституционный правовой порядок и основные обязанности: историческое развитие, юридическая природа и особенности конституционного нормирования. Ч. I // Государство и право. 2018. № 3. С. 35–42.

469. *Эбзеев Б.С.* Конституционный правовой порядок и основные обязанности: историческое развитие, юридическая природа и особенности конституционного нормирования. Ч. II // Государство и право. 2018. № 4. С. 40–45.

470. *Эбзеев Б.С.* Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019. № 7. С. 58–72.

471. *Эбзеев Б.С.* Равноправие и самоопределение народов в конституционном правопорядке России // Государство и право. 2021. № 10. С. 62–76.

472. *Эбзеев Б.С.* Современный конституционализм как синтетическое единство естественного и позитивного права // Государство и право. 2015. № 12. С. 5–22.

473. *Эбзеев Б.С.* Социальная солидарность как позитивное основание отечественной государственности и правовой системы России: Сб. науч. тр. Саратов, 2011. С. 197–214.

474. *Якобсон Г.Дж.* Неконституционная конституция? Сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 4 (57). С. 145–161.

Авторефераты диссертаций и диссертации

475. *Алебастрова И.А.* Принцип социальной солидарности в конституционном праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2017 // URL:// <https://www.hse.ru/sci/diss/199631147>.

476. *Андреева Е.Н.* Социальная функция демократического государства (конституционно-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.

477. *Баринов А.С.* Институт налоговых обязательств в налоговом праве Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017.

478. *Бухонова Л.Р.* Конституционно-правовое регулирование частной собственности в современном мире. Тенденции и перспективы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.

479. *Василянская А.И.* Конституционное право на частную собственность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.

480. *Гвоздева О.М.* Конституционные основы обеспечения реализации социально-экономических прав граждан на уровне субъекта Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008.

481. *Грачев В.С.* Институты гражданского общества и их роль в обеспечении конституционно-правовых отношений в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.

482. *Григорьева В.А.* Конституционно-правовое положение государства в российской экономической системе: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.

483. *Грудцына Л.Ю.* Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009.

484. *Добрынин Е.Ю.* Конституционно-правовая характеристика Российской Федерации как социального государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.

485. *Дорошенко Е.Н.* Конституционно-правовое регулирование экономических отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

486. *Зверев М.К.* Особенности социальной солидарности в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Иркутск, 2009.

487. *Ильичёва О.И.* Конституционное право частной собственности гражданина на землю: проблемы теории и судебной защиты: дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.02. – Москва, 2007. - 227 с.

488. *Кабанова Ю.С.* Конституционное право человека и гражданина на доступ к культурным ценностям и его защита в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Омск, 2018. 26 с.

489. *Калашиников С. В.* Конституционные основы формирования гражданского общества в России: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001.

490. *Качур К.В.* Конституционно-правовые гарантии права частной собственности в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017.

491. *Клименко Ю.Г.* Свобода как правовая категория: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2006.
492. *Козлов Л.В.* Роль правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в обосновании конституционных принципов института собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
493. *Ляхова А.И.* Принципы процессуального права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2011.
494. *Мазаев В.Д.* Конституционные основы публичной собственности в Российской Федерации: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. – М., 2004.
495. *Морозова А.Н.* Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
496. *Ольнев Д.А.* Конституционное регулирование права частной собственности на землю: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. – Челябинск, 2012. - 195 с.
497. *Путило Н.В.* Основы правового регулирования социальных прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.
498. *Саурин А.А.* Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
499. *Старшова У.А.* Конституционные основы социального государства в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
500. *Тушиков Н.В.* Собственность в системе конституционного строя современной России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2017.
501. *Хлуднева Ю.Н.* Конституционное закрепление права частной собственности в России и странах Европейского Союза: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.

502. *Чукаева Г.Х.* Развитие института права частной собственности и особенности его реализации в российском праве (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006.

503. *Царикаева Ж.М.* Конституционно-правовой режим права собственности в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

504. *Ширшов Д.В.* Конституционно-правовые основы защиты права частной собственности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.02. – М. ИГП РАН, 2004. - 195 с.

Анализ постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации по вопросам частной собственности с 1 января 2021 по 20 ноября 2025 гг.

Дата принятия	Название решения	Номер решения	ПП	ЧП	ПрП
13.11.2025	по делу о проверке конституционности статьи 11 Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью Страховая компания «Сбербанк страхование жизни»	37-П/2025	+		
16.10.2025	по делу о проверке конституционности статей 20 и 21 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Атлант»	34-П/2025	++		
02.10.2025	по делу о проверке конституционности части 1 ¹ статьи 12 ¹ Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», абзаца третьего части 1 статьи 2-1 Закона Республики Крым «Об	32-П/2025	+++		

	особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» и подпункта 1 пункта 1 постановления Государственного Совета Республики Крым «О внесении изменений в Постановление Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» в связи с жалобой гражданки Кокойло Инны Владимировны				
25.09.2025	по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 32 и пункта 3 статьи 42 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой граждан Боблова Александра Павловича, Бобловой Елены Геннадьевны и других	31-П/2025	+		
08.07.2025	по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1033 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «ТАРКЕТТ РУС»	28-П/2025		+	
30.05.2025	по делу о проверке конституционности пункта «д» части первой статьи 104 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.А.Андряновой	25-П/2025	+		
28.05.2025	по делу о проверке конституционности абзаца четвертого пункта 1 Постановления Совета Министров РСФСР «О создании Прибайкальского национального парка в Иркутской области» в связи с запросом Правительства Иркутской области	23-П/2025	+		

26.05.2025	по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В.Панкратовой	22-П/2025		+	
23.05.2025	по делу о проверке конституционности части 2 статьи 1, статей 86 и 87 и части 1 статьи 89 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также частей первой и второй статьи 1 и абзацев второго и четвертого статьи 2 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» в связи с жалобой граждан И.В.Федониной и Ю.В.Федониной	21-П/2025	++		
24.04.2025	по делу о проверке конституционности подпункта 9 пункта 2 статьи 3, пункта 4 статьи 5, подпункта 2 пункта 1 и пункта 5 статьи 13 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» в связи с жалобой гражданки В.П.Балябиной	17-П/2025	+		
27.03.2025	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1161 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г.Грязнухина	14-П/2025		+	
24.03.2025	по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 34 и пункта 45 Правил осуществления контроля состава и свойств сточных вод в связи с жалобой акционерного общества «Объединенная двигателестроительная корпорация»		+		

11.03.2025	по делу о проверке конституционности статьи 322 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.Я.Сахаровой	11-П/2025		+	
25.02.2025	по делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 242 ¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации и пункта 10 части 2 статьи 252 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О.В.Левчука	9-П/2025	+		+
28.01.2025	по делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобами граждан Н.И.Гришиной, Н.З.Гулордавы и других	3-П/2025	+	+	
21.01.2025	по делу о проверке конституционности подпункта 5 пункта 3 статьи 39, пункта 1 статьи 41, пунктов 1 и 2 статьи 248, пунктов 1 и 2 статьи 249, а также пункта 1 статьи 346 ¹⁵ Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации	2-П/2025	+		
26.12.2024	по делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в связи с жалобой гражданина С.В.Калашникова	59-П/2024	+		
06.12.2024	по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 76 Земельного кодекса Российской Федерации и пунктов 1 и 3	56-П/2024	++		

	статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Карьер Приморский»				
27.11.2024	по делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.	55-П/2024		+	
06.11.2024	по делу о проверке конституционности части 3 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан А.В.Баевой и И.В.Филькова	50-П/2024	+		
31.10.2024	по делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда	49-П/2024		+	
04.07.2024	по делу о проверке конституционности части 1 статьи 15 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой администрации города Ростова-на-Дону	35-П/2024		+	

02.07.2024	по делу о проверке конституционности статей 426, 428 и 438 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А.Гилевской	34-П/2024		+	
25.06.2024	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1276 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Фест Хэнд»	33-П/2024		+	
20.06.2024	по делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации	31-П/2024			+
17.06.2024	по делу о проверке конституционности части 2 ¹ статьи 65 и пункта 6 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина В.В.Щеголева	30-П/2024	++		
11.06.2024	по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 39 ²⁰ Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А.Ермака	29-П/2024	+		

04.06.2024	по делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213 ²⁵ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой акционерного общества «Юридическое бюро «Факториус»	28-П/2024		+	+
27.05.2024	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1152 и пункта 2 статьи 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В.Простякова	25-П/2024		+	
25.04.2024	по делу о проверке конституционности части 6 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Я.В.Штраус	21-П/2024		+	
23.04.2024	по делу о проверке конституционности части 3 статьи 19, частей 1 и 2 статьи 57, части 1 статьи 59, части 1 статьи 60 и части 1 статьи 63 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А.Александровой	20-П/2024		+	
18.04.2024	по делу о проверке конституционности части 10 статьи 162 и части 3 статьи 200 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью Управляющая компания «Мир»	19-П/2024		+	

16.04.2024	по делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Ю.Колосова	18-П/2024			+
04.07.2024	по делу о проверке конституционности части 1 статьи 15 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой администрации города Ростова-на-Дону	35-П/2024	+		
02.07.2024	по делу о проверке конституционности статей 426, 428 и 438 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А.Гилевской	34-П/2024		+	
25.06.2024	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1276 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Фест Хэнд»	33-П/2024		+	
20.06.2024	по делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации	31-П/2024			+

17.06.2024	по делу о проверке конституционности части 2 ¹ статьи 65 и пункта 6 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина В.В.Щеголева	30-П/2024	++		
11.06.2024	по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 39 ²⁰ Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А.Ермака	29-П/2024	+		
04.06.2024	по делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213 ²⁵ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой акционерного общества «Юридическое бюро «Факториус»	28-П/2024	+		+
27.05.2024	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1152 и пункта 2 статьи 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В.Простякова	25-П/2024		+	
25.04.2024	по делу о проверке конституционности части 6 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Я.В.Штраус	21-П/2024		+	

23.04.2024	по делу о проверке конституционности части 3 статьи 19, частей 1 и 2 статьи 57, части 1 статьи 59, части 1 статьи 60 и части 1 статьи 63 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А.Александровой	20-П/2024		+	
18.04.2024	по делу о проверке конституционности части 10 статьи 162 и части 3 статьи 200 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью Управляющая компания «Мир»	19-П/2024		+	
16.04.2024	по делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Ю.Колосова	18-П/2024			+
09.04.2024	по делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами публичного акционерного общества «Сбербанк России» и общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Агроторг»	16-П/2024	+		
26.03.2024	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Э.Стаценко	12-П/2024		+	
12.03.2024	по делу о проверке конституционности частей 4 и 5 статьи 9, части 6 статьи 16, частей 1 и 4 статьи 18, частей 1, 2 и 11 статьи 20 Федерального закона «Об уполномоченном по правам	10-П/2024	+		

	потребителей финансовых услуг» в связи с жалобой гражданки Ю.Д.Бронниковой				
05.03.2024	по делу о проверке конституционности части 2 статьи 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Газпромнефть – Смазочные материалы» и общества с ограниченной ответственностью «ВИРЕМ РУС»	9-П/2024	+		
26.02.2024	по делу о проверке конституционности положения пункта 6 статьи 367 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Стройпрогресс»	8-П/2024		+	
14.02.2024	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 221 и подпункта 1 пункта 1 статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации, части 5 статьи 200 и части 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ю.М.Бужина и Л.В.Салимжановой	6-П/2024	+		+
07.02.2024	по делу о проверке конституционности части 16 статьи 4 Федерального закона «О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя», части 2 статьи 117, части 8 статьи 291 ⁶ и части 1 статьи 322	5-П/2024	+		+

	Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Крыммолоко»				
25.12.2023	по делу о проверке конституционности статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 3 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В.Филатова	60-П/2023			+
15.12.2023	по делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 16 ¹ Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с жалобой гражданина М.А.Сизова	58-П/2023	+		
14.12.2023	по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам	57-П/2023		+	
13.11.2023	по делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 222 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вичугского городского суда Ивановской области	52-П/2023	+		
08.11.2023	по делу о проверке конституционности пункта 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с	51-П/2023	++		

	жалобой гражданки Я.Ю.Бычковой				
30.10.2023	по делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61 ¹¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданки Л.В.Ваулиной	50-П/2023	+		
12.10.2023	по делу о проверке конституционности части 1 статьи 65 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и части второй статьи 379 ⁵ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А.Елисеева	47-П/2023	++		+
03.10.2023	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т.В.Солодовниковой	46-П/2023	+	+	
22.09.2023	по делу о проверке конституционности частей 7 и 8 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Собрании депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области	45-П/2023	+		
21.07.2023	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А.Попковой	44-П/2023		+	

20.07.2023	по делу о проверке конституционности абзаца второй части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр «Судебная экспертиза»	43-П/2023			+
14.07.2023	по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 статьи 105 ¹⁷ Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой публичного акционерного общества «Вымпел-Коммуникации»	41-П/2023	+		
12.07.2023	по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 2, подпункта 2 пункта 1 статьи 8, пункта 2 статьи 307 и пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г.Михайлика	39-П/2023		+	
27.06.2023	по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 152 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго Постановления Правительства Российской Федерации «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С.А.Иваниченко	35-П/2023	+	+	
15.06.2023	по делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В.Царегородской	32-П/2023	+		

30.05.2023	по делу о проверке конституционности положений статьи 3 ³ Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Кодинск Кежемского муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области	27-П/2023	+++ +	+	
08.11.2022	по делу о проверке конституционности абзаца первого части 1 статьи 48 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Ю.А.Плахтеевой, А.Ю.Савушкиной и А.Ю.Яковлевой		+		
18.10.2022	по делу о проверке конституционности пункта 37 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Трактородеталь Групп»	44-П/2022	+		

13.10.2022	по делу о проверке конституционности абзаца двенадцатого пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с жалобой гражданина А.А.Степаняна по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 10 Правил установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон, в связи с жалобой гражданина В.Б.Колобаева	43-П/2022	+		
21.07.2022	по делу о проверке конституционности частей 14 и 17 статьи 16 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», подпунктов 3 и 3 ¹ пункта 1 статьи 201 ¹ , пункта 5 статьи 201 ¹⁰ , абзаца второго пункта 2 статьи 201 ¹⁵ , подпункта 1 пункта 8 статьи 201 ¹⁵⁻¹ , пункта 11 статьи 201 ¹⁵⁻² Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой гражданки А.Н.Шалимовой	34-П/2022		++	
12.07.2022	по делу о проверке конституционности части 5 ¹ статьи 170 Жилищного кодекса Российской Федерации и статьи 7 ¹ Закона Смоленской области «О регулировании отдельных вопросов в сфере обеспечения своевременного проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории Смоленской области» в связи с жалобой гражданина М.А.Стрельцова	30-П/2022	+		
05.07.2022	по делу о проверке конституционности части 3 ¹ статьи 147 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой	28-П/2022	+		

	гражданки Г.А.Руденко				
04.07.2022	по делу о проверке конституционности части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», пункта 5 статьи 4 Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» и пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.И.Коровицкой	27-П/2022	+	++	
23.06.2022	по делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» и абзаца второго пункта 1 статьи 47 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В.Соловьева	26-П/2022	+		+
02.06.2022	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450 ¹ и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В.Пыкиной	23-П/2022		+	
07.04.2022	по делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина П.М.Понеделкова	14-П/2022	++		

31.03.2022	по делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 2 статьи 256 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Санкт-Петербурга и жалобой государственного унитарного предприятия «Топливно-энергетический комплекс Санкт-Петербурга»	13-П/2022	+		
01.03.2022	по делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона от 20 июля 2020 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобой гражданина А.В.Окулова	9-П/2022	+		
17.02.2022	по делу о проверке конституционности статей 148 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Медэксперт»	7-П/2022	+		
01.02.2022	по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Т Плюс»	4-П/2022	+		
20.01.2022	по делу о проверке конституционности статьи 74 и пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А.Пешкова	3-П/2022	+		
11.01.2022	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.П.Кузьмина и Г.Т.Умарсаидова	1-П/2022		+	
28.12.2021	по делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С.Малковой	55-П/2021	+		

02.12.2021	по делу о проверке конституционности положений статьи 21 ¹ и пункта 7 статьи 22 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой гражданина В.И.Тринько	51-П/2021	+		
11.11.2021	по делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.В.Тихонова	48-П/2021	+		+
28.10.2021	по делу о проверке конституционности части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Студия анимационного кино «Мельница»	46-П/2021			+
26.10.2021	по делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф.Шиловского	45-П/2021		+	
29.09.2021	по делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 17 Федерального закона «О гидрометеорологической службе», пунктов 3, 4 и 5 Положения об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды в связи с жалобой общества с	42-П/2021	++		

	ограниченной ответственностью «Валмакс»				
21.07.2021	по делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15 ² Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Востокфлот»	39-П/2021	+		
14.07.2021	по делу о проверке конституционности абзаца пятого пункта 6 статьи 213 ²⁵ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина П.Л.Чепкасова	36-П/2021	+		
13.07.2021	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В.Мокеева	35-П/2021		+	
09.07.2021	по делу о проверке конституционности части 1 статьи 15.25 и пункта 2 части 1 статьи 25.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 6 части 1 статьи 1, частей 4 и 5 статьи 12 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», а также части 2 статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» в связи с жалобой гражданина Н.В.Кузнецова	34-П/2021	+++		
08.07.2021	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 242 и пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной	33-П/2021		+	

	ответственностью «Комплекс»				
17.06.2021	по делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389 ² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А.Филиппова	29-П/2021			+
03.06.2021	по делу о проверке конституционности части третьей статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.К.Сергеевой	26-П/2021	+		
31.05.2021	по делу о проверке конституционности частей 1 и 1 ¹ статьи 157 Жилищного кодекса Российской Федерации, абзаца третьего пункта 40, абзацев первого и четвертого пункта 54 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобой гражданки Т.П.Задубровской	24-П/2021	++		
24.05.2021	по делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В.Величенко	21-П/2021	+		
21.05.2021	по делу о проверке конституционности пункта 3 ¹ статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В.Карпук	20-П/2021	+		
27.04.2021	по делу о проверке конституционности абзаца третьего пункта 42 ¹ , пунктов 44 и 45 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в	16-П/2021	++		

	многоквартирных домах и жилых домов, а также формулы 3 приложения № 2 к данным Правилам в связи с жалобой гражданки В.Н.Шестериковой				
19.04.2021	по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, части 7 статьи 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», а также абзаца двадцать второго части 1 статьи 2, пункта 25 части 1 статьи 16 и пункта 3 части 2 статьи 45 ¹ Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г.С.Дадашова, И.Н.Касимова и других	14-П/2021	++	+	
26.03.2021	по делу о проверке конституционности подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А.Носаева	8-П/2021		+	
ВСЕГО: 147		ИТОГО:	88	43	16

Источник: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.11.2025).

Список сокращений:

ПП – законодательство отраслей публичного права.

ЧП – законодательство отраслей частного права.

ПрП – законодательство отраслей процессуального права.

Анализ постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации по вопросам социально-культурных прав человека и гражданина с 1 января 2022 по 20 ноября 2025 гг.

Дата принятия	Название решения	Номер решения	ПП	ЧП	ПрП
18.11.2025	по делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 242 ² Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Магаданской области	39-П/2025	+		
13.11.2025	по делу о проверке конституционности статьи 11 Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью Страховая компания «Сбербанк страхование жизни»	37-П/2025	+		
30.10.2025	по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Лустача Олега Игоревича	36-П/2025		+	
23.10.2025	по делу о проверке конституционности статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей	35-П/2025	+		

	подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданина Эйвазова Александра Хикметовича				
16.10.2025	по делу о проверке конституционности статей 20 и 21 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Атлант»	34-П/2025	+		
09.10.2025	по делу о проверке конституционности части 3 ² статьи 8 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Маркова Бориса Викторовича	33-П/2025	+		
18.07.2025	по делу о проверке конституционности положений пункта 3 ¹ , подпункта 3 пункта 4 статьи 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», части 4 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», части 1 статьи 109 ¹ Жилищного кодекса Российской Федерации, а также положений статей 327 ¹ и	30-П/2025	++	+	+

	379 ⁶ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р.С.Темиржановой				
17.07.2025	по делу о проверке конституционности части 5 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда	29-П/2025	+		
08.07.2025	по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1033 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «ТАРКЕТТ РУС»	28-П/2025		+	
03.07.2025	по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 18 Правил выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10 и 13 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, гражданам, пребывавшим в добровольческих формированиях, пенсионное обеспечение которых осуществляется Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации, и членам их семей в связи с жалобой гражданки А.М.Андреевой	27-П/2025	+		

29.05.2025	по делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г.Байгускаровой и М.Г.Мухаметчина	24-П/2025		+	
28.05.2025	по делу о проверке конституционности абзаца четвертого пункта 1 Постановления Совета Министров РСФСР «О создании Прибайкальского национального парка в Иркутской области» в связи с запросом Правительства Иркутской области	23-П/2025	+		
26.05.2025	по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В.Панкратовой	22-П/2025		+	
23.05.2025	по делу о проверке конституционности части 2 статьи 1, статей 86 и 87 и части 1 статьи 89 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также частей первой и второй статьи 1 и абзацев второго и четвертого статьи 2 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» в связи с жалобой граждан И.В.Федониной и Ю.В.Федониной	21-П/2025	+	+	
29.04.2025	по делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 4 Федерального закона «О гражданстве	18-П/2025	+		+

	Российской Федерации», части 2 статьи 64 и части 1 статьи 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой А.С.Карпунина				
	по делу о проверке конституционности подпункта 9 пункта 2 статьи 3, пункта 4 статьи 5, подпункта 2 пункта 1 и пункта 5 статьи 13 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» в связи с жалобой гражданки В.П.Балябиной		+		
10.04.2025	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333 ¹⁹ и пункта 1 статьи 333 ²¹ Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 45 и 47 статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы	16-П/2025	++		
31.03.2025	по делу о проверке конституционности части четырнадцатой статьи 17 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования» и статьи 15	15-П/2025	+	+	

	Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.А.Кислицына				
27.03.2025	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1161 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г.Грязнухина	14-П/2025		+	
24.03.2025	по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 34 и пункта 45 Правил осуществления контроля состава и свойств сточных вод в связи с жалобой акционерного общества «Объединенная двигателестроительная корпорация»	13-П/2025	+		
18.03.2025	по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 23 Федерального закона «О некоммерческих организациях», пункта 5 статьи 27 Федерального закона «О политических партиях», подпункта «л» пункта 1 статьи 5 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», подпункта «б» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и подпункта «б» пункта 9 статьи 36 Избирательного кодекса Псковской области в связи с жалобой Псковского регионального отделения	12-П/2025	++++		

	политической партии «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО»				
11.03.2025	по делу о проверке конституционности статьи 322 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.Я.Сахаровой	11-П/2025		+	
05.03.2025	по делу о проверке конституционности абзаца пятого части первой статьи 21, абзаца седьмого части второй статьи 22, части четвертой статьи 60 ² , части третьей статьи 93, статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133 ¹ , а также частей первой и второй статьи 135 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В.Неверова	10-П/2025	+		
25.02.2025	по делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 242 ¹ Бюджетного кодекса Российской Федерации и пункта 10 части 2 статьи 252 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О.В.Левчука	9-П/2025	+		+
12.02.2025	по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и подпункта «д» пункта 10 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной	7-П/2025	++		

	службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, в связи с жалобами граждан Ю.Б.Митрофановой и И.П.Рыбакова				
11.02.2025	по делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю.Щаниковой	6-П/2025	+		
04.02.2025	по делу о проверке конституционности положений частей 13 и 16 статьи 3 и части 2 статьи 5 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданина С.П.Бондаря	5-П/2025	+		
31.01.2025	по делу о проверке конституционности статьи 1085 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В.Ромаданова	4-П/2025		+	
28.01.2025	по делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи	3-П/2025	+	+	

	с жалобами граждан Н.И.Гришиной, Н.З.Гулордавы и других				
06.12.2024	по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 76 Земельного кодекса Российской Федерации и пунктов 1 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Карьер Приморский»	56-П/2024	++		
27.11.2024	по делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.	55-П/2024		+	
22.11.2024	по делу о проверке конституционности частей второй и третьей статьи 318 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В.Сергеева	54-П/2024	+		
14.11.2024	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 308 ³ Гражданского кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 419 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.С.Шапки	52-П/2024	+	+	+
06.11.2024	по делу о проверке конституционности части 3 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об	50-П/2024	+		

	административных правонарушениях в связи с жалобами граждан А.В.Баевой и И.В.Филькова				
31.10.2024	по делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда	49-П/2024		+	
17.10.2024	по делу о проверке конституционности статьи 349 и части второй статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 2, 4 и 10 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы в связи с жалобой гражданки О.И.Мицкевич*	47-П/2024	++		
23.09.2024	по делу о проверке конституционности статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133 ¹ Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.Н.Харюшевой	40-П/2024	+		
25.06.2024	по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1276 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Фест Хэнд»	33-П/2024		+	

27.04.2024	по делу о проверке конституционности частей первой – четвертой статьи 74 и пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.Х.Абдуллоева	22-П/2024	+		
11.04.2024	по делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В.Сергеева	17-П/2024			+
13.02.2024	по запросу Советского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры о проверке конституционности части 6 статьи 71 ¹ Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и абзаца четвертого пункта 58 Положения о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования	243-О/2024	++		
31.01.2024	по делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А.Балуковой и Ю.М.Чернигиной	4-П/2024	+		
06.12.2023	по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Н.А.Варнаковой, Л.Г.Жуковой, О.А.Котивец и	56-П/2023	+		

	Т.С.Кубряк				
22.09.2023	по делу о проверке конституционности частей 7 и 8 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Собрания депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области	45-П/2023	+		
27.06.2023	по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 152 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго Постановления Правительства Российской Федерации «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время» в связи с жалобой гражданина С.А.Иваниченко	35-П/2023	++		
15.06.2023	по делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В.Царегородской	32-П/2023	+		
30.05.2023	по делу о проверке конституционности положений статьи 3 ³ Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об	27-П/2023	++++++		

	охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Козьмодемьянский муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области				
02.10.2022	по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта	39-П/2022	+		
02.10.2022	по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта	38-П/2022	+		

02.10.2022	по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта	37-П/2022	+		
02.10.2022	по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта	36-П/2022	+		
15.07.2022	по делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А.Подакова	32-П/2022	+		
31.05.2022	по делу о проверке конституционности части 3 статьи 2 Закона Новосибирской области «О мерах социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг работников образования, проживающих и работающих в сельской местности, поселках городского типа на территории Новосибирской области» в связи с жалобой гражданки Т.В.Мельниковой	22-П/2022	+		

19.04.2022	по делу о проверке конституционности части первой ¹ статьи 110 и статьи 389 ² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н.И.Мургиной	16-П/2022	+		+
07.04.2022	по делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина П.М.Понеделкова	14-П/2022	++		
17.02.2022	по делу о проверке конституционности статей 14 ⁸ и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи	7-П/2022	+		

	с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Медэксперт»				
23.11.2021	по делу о проверке конституционности части 3 статьи 40 и пункта 6 части 1 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также пункта 2 статьи 27 Закона Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» в связи с жалобой граждан А.А.Афиногенова, В.А.Вольского и других	50-П/2021	++		
11.11.2021	по делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.В.Тихонова	48-П/2021	+	+	+
06.10.2021	по делу о проверке конституционности части пятой статьи 157 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.А.Мининой	43-П/2021	+		
05.07.2021	по делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и части 1 статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о	32-П/2021	+++		

	сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.Ф.Данилова				
27.05.2021	по делу о проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи 47 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.Г.Ефремова	23-П/2021	+		
17.05.2021	по делу о проверке конституционности части 1 ¹ статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А.Никифоровой**	19-П/2021	++		
ИТОГО: 94			71	16	7

Источник: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.11.2025).

***Примечание:** после 17.10.2024г. по 20.11.2025 г. (дата обращения к официальному сайту) Конституционный Суд РФ постановлений по вопросам социально-культурных прав и свобод человека не выносил.

****Примечание:** первое постановление, вынесенное Конституционным Судом РФ в 2021 г. по вопросам социально-культурных прав и свобод человека и гражданина.

Список сокращений:

ПП – законодательство отраслей публичного права.

ЧП – законодательство отраслей частного права.

ПрП – законодательство отраслей процессуального права.